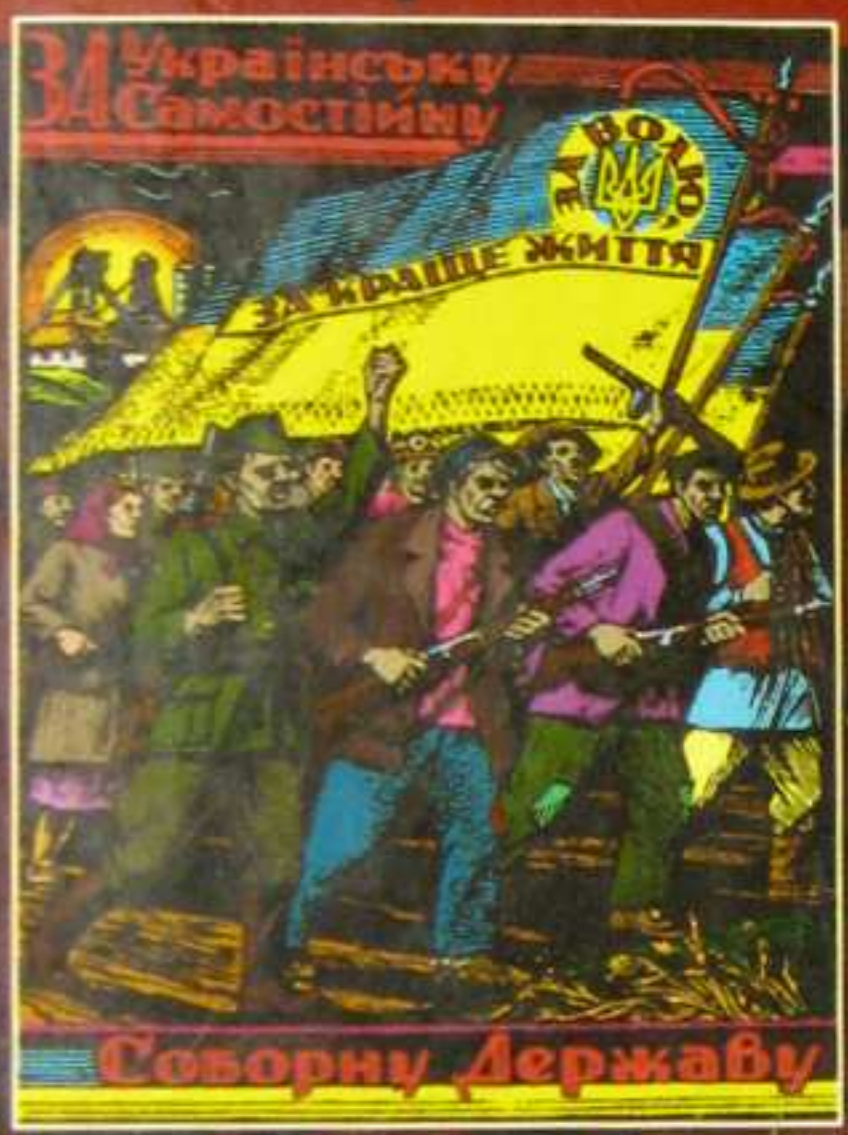
СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ



А. Гогун

МЕЖДУ ГИТЛЕРОМ И СТАЛИНЫМ

УКРАИНСКИЕ ПОВСТАНЦЫ

ОЛМА
МЕДИАГРУПП

А. ГОГУН

МЕЖДУ ГИТЛЕРОМ И СТАЛИНЫМ. УКРАИНСКИЕ ПОВСТАНЦЫ

Санкт-Петербург
Издательский Дом «Нева»
2004

ББК 63.3
Г 58

Гогун А.
Г58 Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы. — СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. — 416 с.
ISBN 5-7654-3809-1

В книге на основе архивных документов, интервью с участниками событий и мемуаров рассказывается о малоизвестных страницах истории Советского Союза и Второй мировой войны: деятельности Организации украинских националистов, Украинской революции в Закарпатье в 1939 г., создании и борьбе Украинской повстанческой армии (УПА).

Опровергаются мифы о создании УПА нацистами, освещается антинацистская борьба украинских повстанцев, на основании документов и свидетельств рассмотрен украинско-польский межэтнический конфликт 1942–1944 гг.

Рассказывается об операциях советских спецслужб по уничтожению или захвату руководителей ОУН и УПА: Евгения Коновальца, Степана Бандеры, Романа Шухевича, Василия Кука, Льва Ребета и Дмитрия Клячковского. Описаны методы действий повстанцев против поляков, нацистов и коммунистов, методы советских репрессивно-карательных органов в борьбе против ОУН-УПА, террор красных партизан в годы советско-германской войны и деятельность «оборотней в косоворотках» — спецгрупп НКВД — МГБ.

Книга написана живым языком и предназначена как для специалистов, так и для всех читателей, интересующихся историей.

ББК 63.3

ISBN 5-7654-3809-1

© А. Гогун, 2004
© Издательский Дом «Нева», 2004

Автор выражает искреннюю благодарность украинским и русским историкам, архивистам, правозащитникам и ветеранам ОУН-УПА, без помощи и содействия которых эта книга не появилась бы на свет:

Александрову Кириллу
Волку Александру
Дерейко Ивану
Кафтану Алексею
Кентию Анатолию
Куку Василию
Овсиенко Василию
Островскому Валерию
Пленкову Олегу
Полтораку Сергею
Рожкову Борису
Скачко Валентине
Стахову Евгению
Тинченко Ярославу
Федущак Инне
Шевченко Марьяне

Отдельную благодарность за гостеприимство хочется выразить киевлянам Марии Суязовой и Михаилу Федорину.

Автор выражает признательность сотрудникам библиотеки имени Ольжича, работникам Центрального государственного архива общественных объединений Украины и Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины в городе Киеве, а также сотрудникам библиотеки правозащитного общества «Мемориал» в Петербурге.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы в России идет процесс открытия самых малоизвестных страниц истории Советского Союза. Появляются книги по истории Гражданской войны, сопротивления коммунизму в межвоенные годы, работы по истории сотрудничества граждан Страны Советов с нацистами. Однако, такая важная тема, как национально-освободительные движения народов СССР после Второй мировой войны, остается совсем неизученной. Поэтому у большинства читающей публики о литовских, латышских, эстонских и украинских повстанцах сохраняются стереотипы, сложившиеся еще в советскую эпоху: «предатели», «наймиты фашистов», «головорезы», «бандиты», «холуи империалистических разведок».

Именно эти идеологические штампы по сей день не позволяют многим жителям России понять, почему в 1991 году Советский Союз — «нерушимая семья народов» — вдруг взял да и развалился как карточный домик. Одни обвиняют в этом ЦРУ, другие — «глупого Горбачева», третьи — «предателя Ельцина», четвертые — мифических заговорщиков. Но очевидно, что главная причина распада Союза — национализм или патриотизм (кому как нравится) населения союзных республик. Еще во времена товарищей Ленина и Сталина люди на «национальных окраинах» задумывались о том, как хорошо жить без настойчивой опеки «старшего брата». Некоторые из них не только задумывались, но и брали в руки оружие.

Собственно, об этом и книга — о том, как люди с оружием в руках боролись за свою национальную свободу и независимость.

* * *

Чем же может быть интересна история ОУН и УПА? Благодаря советской пропаганде и анекдотам у многих сложилось, в общем, предвзятое и несерьезное отношение к этому движению.

Однако деятельность украинских националистов была весьма серьезной.

Террористом ОУН в 1934 г. был убит министр внутренних дел Польши Бронислав Перацкий, повстанцы УПА убили главу ополчения штурмовых отрядов, обергруппенфюрера СА, личного друга Гитлера Виктора Лютце (1943 г.), командующего 1-м Украинским фронтом, генерала армии Николая Ватутина (1944 г.), заместителя министра обороны Польской Народной Республики, генерала брони Кароля Сверчевского (1947 г.).

Как видим, движение имело международный масштаб.

Получило оно и международное признание. УВО-ОУН сотрудничала с разведками Веймарской Германии и Третьего Рейха, Литвы, США и Англии.

В 1943 и 1944 гг. оуновцы тайно вели переговоры с официальными представителями диктаторов Венгрии и Румынии — то есть произошел выход Повстанческой армии на «дипломатический» уровень.

Не меньшее «признание» получили украинские националисты и у советского руководства: решение о проведении операций по ликвидации руководителей ОУН Евгения Коновальца, Льва Ребета и Степана Бандеры лично принимали Иосиф Сталин и Никита Хрущев. Сводки и донесения о борьбе с оуновцами, начиная с 1940 г., регулярно ложились на стол к кремлевскому горцу. А то, что было интересно ему, не может не быть интересно и историку.

К слову, в подавлении национально-освободительного движения «отметился» и Леонид Брежнев: после войны он возглавлял Политуправление Прикарпатского военного округа, войска которого активнейшим образом участвовали в борьбе с УПА.

На разных этапах своей деятельности оуновцы и повстанцы воевали с немцами, венграми, Советским Союзом, румынами, поляками и чехословаками.

В годы немецкой оккупации Украины УПА вышла победителем в партизанской войне с польской Армией Крайовой. Да и планы руководства советским партизанским движением украинские повстанцы срывали неоднократно.

После войны вооруженное Сопротивление советскому режиму, кроме Украины, имело место в Литве, Латвии и Эстонии — там воевали «лесные братья». В принципе, действия этих партизанских армий были в какой-то степени схожи. Поэтому, изучив историю одного из движений, можно примерно представить, что происходило на других «национальных окраинах» СССР. Следует также учесть, что сквозь УПА прошло людей больше, чем через вместе взятые литовскую, латышскую и эстонскую партизанские армии.

Только советскими властями были репрессированы полмиллиона западных украинцев. Из-за деятельности УПА из Люблинского и Краковского воеводств Польши было выслано не менее шестисот тысяч автохтонного населения.

Как видим, последствия и размах украинского националистического движения были гигантскими.

А начиналось все в 1920 г. в Праге — с группки национально сознательных украинских офицеров...

ОРГАНИЗАЦИЯ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМУЮ УКРАИНУ

Украина и УВО-ОУН между двумя мировыми войнами

> Коммунистов, косо смотрящих на разведку, на работу ЧК, боящихся запачкаться, надо бросать головой в колодец.
>
> *Иосиф Сталин, ноябрь – декабрь 1952 г.*[1]

Истоки украинского национального Сопротивления коммунизму 1940–1950-х гг. восходят к периоду Гражданской войны.

Тогда на территории распадавшихся Российской и Австро-Венгерской империй возникли сразу два украинских государства — Украинская Народная Республика (УНР) и Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР).

ЗУНР возникла в экс-австро-венгерской Галиции, которую поляки, тоже начавшие строить свое государство, считали исконно польской землей. (Впрочем, и другие земли Украины поляки были не против включить в свою семью народов.) В свою очередь, УНР возникла на землях бывшей Российской империи, которые «исконно русскими» считали белогвардейцы. Что касается большевиков, то они, как известно, считали исконно коммунистическими все земли планеты Земля, с Украиной включительно.

В Украине действовал также Нестор Махно, который считал территорию Украины, да и не только ее, исконно народной территорией, на которой нет места никакому государству, будь то Российская империя, УНР или ЗУНР.

Понятно, что перед таким количеством врагов украинские националисты свою независимость отстоять не смогли. В 1920 г. Украина была поделена между четырьмя государствами.

СССР оставил за собой самую большую часть: левобережье Днепра и часть правобережья.

Польша получила вторую по величине территорию: Галицию и Волынь — то, что принято называть Западной Украиной. Иногда Западной Украиной называют все украинские земли, расположенные западнее Днепра (то есть на правобережье этой великой реки). Однако, поскольку советское правобережье Украины по менталитету жителей к началу Второй мировой войны не сильно отличалось от левобережья, в этой книге Западной Украиной будут называться области, входившие в межвоенное время в состав Польши и Румынии.

Румынии достались Северная Буковина и причерноморское побережье между Дунаем и Днестром: два относительно небольших участка земли, прилегающие к современной Молдавии с севера и юга соответственно.

Чехословакия присоединила Закарпатье, которое получило официальное название Прикарпатская Русь.

По подсчетам национально настроенных украинских исследователей, компактно проживающее в Восточной Европе украинское меньшинство включало в себя четыре группы, общую численность которых к концу 1930-х гг. показывают следующие данные[2]:

Регион	Площадь, тыс. км²	Население, млн чел.	Из них украинцев	Процент украинцев в регионе, млн чел.
Советская Украина	451,8	32,5	26	80 %
Польская Украина	132,2	10,2	6,5	64 %
Румынская Украина	17,7	1,4	0,88	63 %
Закарпатье	14,9	0,76	0,56	73 %
Всего	616,6	44,86	33,94	76 %

Описывая межвоенную политическую ситуацию в несоветской Украине, исследователи, в том числе и автор этих строк, обычно уделяют особое внимание деятельности украинских террористических организаций. Поэтому у читателя, не введенного в контекст событий, складывается стереотипное восприятие всего западно-украинского населения: «западынцы-оуновцы». Этот стереотип

неверен, так как, кроме радикальных националистических групп и движений, на территории Западной Украины и в эмиграции в 1920–1930-х гг. существовали и другие украинские партии:[3] Украинское национально-демократическое объединение (УНДО), Украинская национальная католическая партия (УНКП), Украинская партия социалистов-революционеров (УПСР), Украинская социал-демократическая рабочая партия (УСДРП), Коммунистическая партия Западной Украины (КПЗУ).

Таким образом, был представлен полный спектр политических течений: либералы, католики-консерваторы, социалисты-народники, социал-демократы, а также леворадикалы — коммунисты.

Эти партии в 1920–1930-х гг. имели десятки представителей в верхней и нижней палатах польского парламента — сейма. Все перечисленные движения отвергали идеологию и осуждали практику радикальных националистов — УВО и ОУН и критиковали их за претензии на безусловное лидерство.

Что касается представителей КПЗУ, то по вопросу об их реальном политическом весе существуют разные мнения. Так, по мнению молодого российского историка А. Маркова, влияние коммунистов, «...довольно высокое в 20-е гг., постепенно падало, причем не из-за террора со стороны ОУН и польского правительства, а из-за известий о голоде в Украине в 1933 г., репрессий конца 30-х гг., в том числе среди членов запрещенных Коминтерном компартий Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии»[4]. Как представляется, это не совсем так: до 1938 г. КПЗУ была хоть и запрещенной, но относительно влиятельной партией. Состояла она преимущественно из евреев и поляков, но шла в нее и радикально настроенная, преимущественно сельская украинская молодежь.

Отношения западно-украинских коммунистов с ОУН были более чем напряженными: доходило до взаимных избиений, поножовщины и применения огнестрельного оружия. Поскольку и УВО-ОУН, и КПЗУ были тоталитарными партиями, нередки были случаи переходов националистов к коммунистам и наоборот. Украинская, прежде всего галицкая молодежь внимательно следила

за тем, какая из партий проводит антипольскую политику более активно, и, соответственно, присоединялась к бо́льшим радикалам.

Кроме перечисленных партий польской Украины, на протяжении 1920–1930-х гг. в разных европейских странах — Чехословакии, Германии, Франции, Англии — действовало никем не признанное правительство Украинской Народной Республики (УНР) в изгнании. Это были несколько человек, имеющих скорее моральное, чем непосредственное политическое влияние на украинцев Волыни и Галиции и европейскую общественность.

После Гражданской войны главой правительства УНР числился Симон Петлюра, но в 1926 г. его убил агент ОГПУ Шварцбарт. Для суда и общественности он мотивировал свой поступок местью за брата, погибшего во время еврейских погромов. Шварцбарта суд оправдал, несмотря на то, что в действительности Симон Петлюра на самом деле активно боролся против погромов (вплоть до расстрелов ответственных за бесчинства подчиненных), дружил с сионистами и даже привлекал их к руководству УНР[5].

После смерти Петлюры главой правительства УНР в изгнании стал проживающий в Варшаве доктор Андрей Левицкий.

Украинские монархисты группировались вокруг бывшего гетмана Павла Скоропадского, проживавшего также в польской столице. Однако это были люди преимущественно пожилые, малоактивные, и в массах не популярные. Да и сам Скоропадский особым уважением народа не пользовался — как в годы Гражданской войны, когда он короткое время на австро-венгерских штыках посидел на «украинском престоле», так и в 1920–1930-е гг. Впрочем, как «старый друг», Скоропадский привлекал определенное внимание политических элит как Веймарской, так и гитлеровской Германии.

Украинские радикальные националисты-революционеры, о которых речь в этой главе и пойдет, в 1930-х гг. были самой активной политической силой. Кроме активности, у них было еще одно преимущество: они обладали мощной разветвленной централизованной законспирированной организацией. Впоследствии, в условиях

Второй мировой войны и господства двух тоталитарных режимов, именно это сыграло решающую роль в росте влияния радикальных экстремистских сил, для вызревания которых в Западной Украине в 1920–1940-х гг. были все условия.

В Румынии положение украинцев было даже хуже, чем в Польше.

«Национальные меньшинства в Румынии были лишены каких-либо политических прав. Власти нарушали свои обязательства, взятые по Парижскому договору об охране прав национальных меньшинств, подписанному странами Антанты и Румынией в декабре 1919 г. ...

Классовые и национальные противоречия в Бессарабии привели в 1924 г. к знаменитому Татарбунарскому восстанию украинских и молдавских крестьян»[6].

Восстание это, как водится, подавили, и жизнь крестьян после него лучше не стала.

В первой половине 1920-х гг. вся политическая деятельность украинцев в Румынии была запрещена, закрылись все украинские школы, а термин «украинец» официально вообще не использовался. Такой национальности в Румынии как бы и не было.

Некоторое послабление наступило в 1928–1938 гг., однако в связи с последующей фашизацией Румынии все легальные действующие украинские партии опять запретили. Поэтому здесь также возросло влияние хорошо организованных и законспирированных радикальных националов, бывших, впрочем, не столь активными, по сравнению со своими товарищами в Польше[7]. «Вялость» румынских оуновцев объяснялась тем, что украинцев, проживающих в Буковине и Бессарабии, было довольно мало. Да и румынско-украинские отношения в прошлом никогда не достигали такого накала, как польско-украинские.

Но хуже всего жилось украинцам Советского Союза.

Здесь установился тоталитарный и откровенно террористический режим, опирающийся на мощную тайную полицию с разветвленной системой слежки и доносов. Поэтому на территории Советской Украины невозможно было создать сколько-нибудь серьезную организацию национального Сопротивления, да и вообще вся поли-

тическая деятельность украинцев была запрещена и строго каралась.

В 1920-е гг. в УССР шла волна «украинизации», то есть распространения украинского языка на государственном уровне. Однако в 1930-х гг. большинство представителей старой украинской интеллигенции было репрессировано, а украинизация сменилась русификацией, продолжавшейся вплоть до конца 1980-х гг.

Стихийные крестьянские восстания в Украине периода коллективизации и волнения в Красной армии большевики подавили как раз из-за стихийности этих восстаний.

Кстати, в период второй крестьянской войны, полыхавшей в СССР в 1929–1932 гг., Украина была в авангарде Сопротивления. Вот как об этом пишет итальянский ученый Андреас Граниози: «Сильнее всего волнения затронули Украину, где в 4098 выступлениях участвовало свыше миллиона крестьян, что составляло соответственно 29,7 % и 38,7 % от общего числа (по СССР. — *А. Г.*). ...Там нередко бунтовали те же села, которые в 1920 г. на 50 % "вырезала" конница Буденного... В Украине, как и в других национальных регионах, в оплотах Сопротивления слышались националистические лозунги»[8].

За такие «проступки» Сталин решил жестоко покарать крестьян, в том числе украинских, и привести их к абсолютному послушанию. Окончательно народное Сопротивление было задушено чудовищным по своим масштабам голодомором 1931–1933 гг.

Этот голодомор Верховный совет Украины в 2003 г. официально признал актом геноцида.

Несмотря на то, что в Польше режим также не отличался мягкостью по отношению к радикальным национально-освободительным движениям белорусов и украинцев[9], все же возможности для их политической деятельности на территории Западной Украины были несравнимо лучше, чем в СССР.

Между двумя мировыми войнами Польша была демократическим либо диктаторским государством, но уж, во всяком случае, не тоталитарным. Да и национальное самосознание украинцев Волыни и особенно Галиции всегда было традиционно выше, чем у их восточных соплеменников.

Еще большие возможности, чем в Польше, представлялись для политической деятельности украинских националов в странах Центральной и Западной Европы.

От многочисленной и влиятельной украинской диаспоры США и Канады представители радикальных националистов получали финансовую помощь. Эта помощь усилилась в 1930-х гг., сделав националистов относительно независимыми от поддержки со стороны других стран.

В 1920 г. в Праге была основана террористическая Украинская войсковая организация (УВО). Ее основу составили бывшие офицеры армии УНР и Украинской галицкой армии (УГА). В 1922 г. в УВО состояло около двух тысяч человек. Это не так много, но все члены УВО были профессионалами, имевшими за плечами опыт боевых действий, а также все они были ярыми сторонниками независимости Украины, за которую проливали кровь в годы Гражданской войны. Руководил организацией полковник армии УНР Евгений Коновалец. В Западной Украине отделение УВО возглавлял полковник Андрей Мельник.

УВО вела пропаганду идеи независимой Украины, но основной упор делала на террористическую деятельность, которая считалась к тому же лучшим средством пропаганды.

Предпринимались попытки поднять восстание на территории советской Украины, туда осуществлялись рейды и вылазки.

Самой известной террористической акцией украинских националистов стало покушение 25 сентября 1921 г. на первого президента Польши Юзефа Пилсудского.

Покушение на национального героя Польши было не случайным, поскольку для украинцев Пилсудский был не героем, а обманщиком и предателем. В свое время Пилсудский договорился с Петлюрой о совместной борьбе с большевиками. За это Симон Петлюра обещал не претендовать на Галицию и часть Волыни. Но поляки обманули украинцев и заключили с Советами мирный договор, по которому Волынь и Галиция отходили Польше, а Восточная Украина — коммунистам. Понятно, что такой шаг вызвал негодование украинских националов, решившихся на теракт, который, впрочем, оказался неудачным.

После этого покушения польские власти начали активную борьбу с УВО[10]. В результате организацию покинула часть ее членов, а руководящий орган УВО переместился в Германию. Выбор «страны обитания» был не случаен.

Ища союзников в своей антипольской и антисоветской деятельности, УВО еще в 1921–1922 гг. установила связи с немецкой военной разведкой. Соглашение о сотрудничестве было взаимовыгодным. Представители УВО шпионили против Польши, которую ненавидели, да еще и в обмен на информацию о своем враге получали деньги и возможность свободно действовать в Германии.

5 сентября 1924 г. боевики УВО предприняли неудачное покушение на президента Польши Войцеховского, что вызвало новые меры со стороны властей. Пропагандистская и организационная работа на Западной Украине продолжалась, несмотря на активные репрессии. Гнев украинского населения вызывала политика «ополячивания» (полонизации) национальных меньшинств, религиозный и социальный гнет со стороны польского государства. Например, под давлением властей на Волыни закрывались православные, а в Галиции — греко-католические церкви. Украинцу или белорусу, для того чтобы сделать карьеру, приходилось забывать о своей национальности и полностью «полонизироваться». У представителей национальных меньшинств Польши не было возможности получать высшее образование на родном языке, да и украинские учреждения среднего образования в 1920-х гг. власти пытались «полонизировать». Кроме того, высокие налоги, от которых страдали все национальности Второй Речи Посполитой, не давали вздохнуть мелкому и среднему предпринимательству.

В 1928 г. поляки получили доказательства связи УВО и немецких спецслужб, возмутились и выразили официальный дипломатический протест, из-за чего немецкое финансирование УВО прекратилось.

УВО не была единственной организацией, борющейся за независимость Украины радикальными методами. Но среди всех структур такого рода она была самой активной и мощной.

В январе — феврале 1929 г. на съезде националистических организаций, получившем название Первый конгресс

украинских националистов, УВО, вобравшую в себя менее значимые радикальные движения, переименовали в Организацию украинских националистов — ОУН. Старое название временно сохранили, и новая партия стала называться ОУН-УВО. В 1930 г. вторую часть аббревиатуры упразднили, причем сделали это отнюдь не случайно.

Изначально Коновалец планировал существование двух параллельных, но тесно связанных между собой организаций — ОУН и УВО. ОУН должна была выполнять политическую функцию, возможно, даже действовать легально. УВО же планировалось не грузить политическими проблемами, сосредоточив ее деятельность только на терроре, разведке и подготовке кадров для будущей массовой вооруженной борьбы за независимую Украину. В свое время так построили работу российские эсеры: депутаты от партии социалистов-революционеров заседали в Думе, а члены боевой организации эсеров (БО СР) устраивали террористические акты против представителей царской власти. Однако жизнь нарушила планы Коновальца. Молодежь из Галиции, хлынувшая в ОУН, хотела действовать радикально, не ограничиваясь пропагандой и законодательной работой в Сейме. Поэтому под давлением низов вся ОУН стала нелегальной террористической структурой, занимавшейся, понятное дело, не только и не столько террором.

Программа ОУН включала в себя целый ряд положений, касающихся плана действий националистов и их идеала — будущего устройства независимого украинского государства[11]. Вот основные пункты этой программы, которую советский агитпроп называл «бредовыми планами украинских буржуазных националистов»:

- экономическое сотрудничество государства, частного сектора и кооперации;
- посредничество государства в деле решения конфликтов между работодателями и работниками, свобода профессиональных объединений, забастовок и локаутов;
- национализация и раздел между крестьянами помещичьих земель, национализация железных дорог и крупной промышленности, особенно оборонных отраслей;

– государственное содействие проведению индустриализации на основе привлечения частного капитала;
– протекционизм во внешнеторговой политике;
– национализация лесов;
– поддержка государством среднего крестьянского хозяйства и кооперативного движения;
– введение восьмичасового рабочего дня;
– социальное обеспечение нуждающихся граждан, включая выплату пенсии по достижении 60-летнего возраста;
– обязательное бесплатное среднее образование;
– свобода вероисповедания для представителей всех религий;
– отделение Церкви от государства, сотрудничество государства с различными конфессиями;
– создание регулярной армии и флота на основании всеобщей воинской повинности;
– развитие местного самоуправления.

На период революции власть должна была быть сосредоточена в руках диктатора, позже ее следовало передать выборному законодательному органу. Выборы парламента должны были осуществляться не на основе стандартной 4-хвостки: «всеобщее, прямое, равное, тайное голосование». По мысли оуновцев, будущий законодательный орган призван был состоять из представителей различных профессиональных и социальных объединений. Это представительство должно было также учитывать региональные отличия Украины.

Налицо — не либеральная, а корпоративистская модель государства, особенно если учесть очень большую роль государства в той независимой Украине, которую мечтали увидеть националисты.

Московский историк Михаил Семиряга, приведя основные пункты этой программы и, вероятно, испытывая к ней симпатию, вопрошает: «Что же в ней буржуазного?»

Буржуазного, конечно, в этой программе мало. Во-первых, потому что крупной украинской буржуазии тогда вообще не было, да и предпринимателей украинских в Западной Украине было не так много — эту социальную

роль в основном играли евреи и поляки. Во-вторых, потому что ОУН была не «буржуазной» (в переводе с коммунистического языка — не «демократической»), а тоталитарной партией.

Хотя многие исследователи ОУН из числа самих оуновцев это настойчиво отрицают.

В интервью автору этих строк последний главнокомандующий УПА Василий Кук так отвечал на вопрос о тоталитаризме ОУН:

«ОУН занимал правый фланг [украинских политических партий] только с точки зрения ведения вооруженной борьбы. Все партии в основном были легальными, а УВО-ОУН — подпольной. И поэтому они занимали крайний фланг. Но говорить про фашизм или другой тоталитаризм — неверно. У нас не могла быть фашистская партия, так как фашистская партия — завоевательская, а у нас и государства-то не было, где уж тут говорить о завоеваниях чужих территорий. Когда говорят про какое-то устройство государства, тогда можно говорить о тоталитаризме. Были разные авторы, и они писали про будущее устройство страны. Но никто из этих авторов не реализовал своих идей, а фантазировать может каждый.

УВО-ОУН — военная организация, и как таковая имела соответствующую структуру, порядок и дисциплину. Ее нельзя назвать тоталитарной организацией и по методам и целям борьбы. Во время Второй мировой войны, когда речь зашла о будущем устройстве государства, национально-освободительное украинское движение выдвинуло лозунг: «Свобода народам, свобода человеку». Каждый народ имеет право на свое независимое государство, и в каждой стране должна быть обеспечена свобода человека — все демократические права. И когда в 1941 г. была попытка восстановить Украинское государство, в правительстве, которое организовала ОУН, были представители других партий. Правительство было коалиционное, в нем были представители не фашистских, а демократических партий.

Тоталитаризма в украинских националистах не было ни грамма»[12].

Здесь стоит отметить следующее.

То, что находящиеся на крайне правом фланге партии обычно являются сторонниками вооруженной борьбы в мирное время и приверженцами террористических методов решения проблем, как раз и позволяет говорить об этих партиях как тоталитарных, практикующих насилие гораздо охотнее, чем демократы или консерваторы.

Что же касается завоевательских позиций, то и здесь не все так однозначно. Оуновцы хотели видеть независимую Украину, включающую в себя все этнические украинские земли, которые, по их мнению, охватывали территории от реки Сан на западе до Северного Кавказа — на востоке (в Ставропольском и Краснодарском краях живет много почти обрусевших украинцев, которых туда переселили еще в XVIII веке). Кроме этого, в Украину обязательно должны были входить некоторые граничащие с УССР территории РСФСР и Белорусской ССР.

Кроме того, в отношении границ в программе делалась существенная оговорка: «В своей внешнеполитической деятельности Украинское Государство будет стремиться к достижению границ, наиболее удобных для обороны, границ, которые будут охватывать все украинские этнические земли и будут обеспечивать ей надлежащую хозяйственную самодостаточность». Эта формулировка показывает, что оуновцы были не против отхватить еще кусочек неукраинской земли, исходя из неких стратегических или экономических соображений.

Впрочем, тогда почти все государственные деятели Европы думали подобным «геополитическим» образом.

Кстати, в 1941 г. ОУН («бандеровцы») претендовала и на территории, лежащие между восточными границами современной Украины, Волгой и Каспийским морем[13].

Какие еще «граммы тоталитаризма» были в украинских националистах?

Характерной чертой ОУН был вождизм — абсолютная покорность партийного актива действиям лидера. Решения вождя подлежали не обсуждению, а беспрекословному исполнению. Характерно, что раскол в 1940 г. произошел не по программным вопросам, а по вопросу о лидерстве: кто будет главой организации — Бандера или Мельник?

Радикальный национализм также часто присущ правым тоталитарным партиям, а до 1943 г. одним из основных лозунгов ОУН был: «Украина для украинцев!»

Николай Сциборский, один из идеологов ОУН и позже ОУН(б), в конце 1930-х — начале 1940-х написал и опубликовал книгу «Нациократия» — название работы говорит само за себя.

В 1939 г. один из активистов ОУН Евгений Стахов в Заберсдорфе (Австрия) прослушал курс лекций по идеологии ОУН и оставил свое свидетельство об этом курсе:

«Должен сказать, что программа лекций, которые нам читал Габрусевич, фактически была стопроцентным заимствованием тоталитарной фашистской идеологии. Я вспоминаю учение о нации: что нация должна иметь свой язык, свою территорию, свою историю и культуру, а наиважнейший пункт — европеизм. Только европейские страны могли быть нациями. Мы спрашивали: "А как Япония?" — "Япония не есть нация, так как они не европейцы". Расовый подход.

Также шла речь о принципе вождизма и об отношении к демократическому политическому устройству. Тогда уже Провод (нечто вроде ЦК ОУН. — *А.Г.*) возглавлял Андрей Мельник, и был он не главой Провода, а вождем. У Сеника был титул канцлера, Барановский — президент. Я припоминаю разные дискуссии на лекциях Габрусевича. Очень остро говорилось против Грушевского, против Драгоманова, слово "демократия" употреблялось только с эпитетом "загнившая". Пропагандировалась однопартийная система...»[14]

Понятно, какая партия должна была быть в будущей независимой Украине единственной «ведущей, направляющей и организующей силой общества».

Национальному вопросу уделялось большое внимание. Идеологами национализма ОУН были беспартийный Дмитрий Донцов, выходец из Восточной Украины, а также оуновцы Вячеслав Липинский и Николай Сциборский. Стержнем партийной программы была правая идеология, носившая красивое название «интегральный национализм». Нация признавалась высшей ценностью, высшей формой организации людей. Служение нации

считалось самой главной обязанностью и задачей националиста. В то же время стоит отметить, что если до 1940 г. в партийных документах подчеркивались права прежде всего украинского народа, то во время советско-германской войны в идеологии ОУН произошли подвижки в сторону, скажем так, «практического интернационализма» и демократии[15]. Но в 1941 г. ОУН (б) действовала, безусловно, тоталитарными методами, о чем речь пойдет ниже.

Террор оуновцев в 1930-е гг. шел вразрез с насущными потребностями и желаниями едва ли не большинства западно-украинского населения, стремившегося к спокойной мирной жизни.

Лидеры ОУН стремились преодолеть такое положение вещей путем еще большей эскалации насилия. Как писалось в одном из националистических изданий в 1930 г.: «Средствами индивидуального террора и периодических массовых выступлений мы увлечем широкие слои населения идеей освобождения и привлечем их в ряды революционеров... Только постоянным повторением акций мы сможем поддерживать и воспитывать постоянный дух протеста против оккупационной власти, укреплять ненависть к врагу и стремление к окончательному возмездию. Нельзя позволить людям привыкнуть к оковам, почувствовать себя удобно во вражеском государстве»[16].

Большинству людей в жизни как раз и нужно почувствовать себя удобно, хоть во вражеском государстве, хоть в дружеской державе. Оуновцы не хотели этого сами, да и другим не хотели дать спокойно жить, усиливая и провоцируя террор польской власти против украинцев.

Кстати, подобные идеи содержались в едва ли не официально принятой ОУН теории постоянной революции.

«Зрелище революционных масс, которые на всех участках жизни создают активное и пассивное сопротивление чужому господству, и которые идут, несмотря на жертвы, к победам, всегда бо́льшим, придавала всей деятельности молодцеватой ОУН чары великого, героического подвига, который окончательно и бесповоротно приведет к полному успеху, к победе, к триумфу.

Бесспорно, будут жертвы и из кадров ОУН, будут арестованы и уничтожены руководители революции, — так

проповедовали сторонники указанной теории. Но на их месте вырастут все новые и новые вожди революции и поведут народ указанным путем к борьбе и победе. Репрессии врага будут усиливаться, но они еще больше скрепят революционный настрой и вызовут еще более острые революционные выступления и т. д., и ничто не будет в силе остановить успех ОУН и украинской национальной революции на западно-украинских землях.

Это было зрелище почти автоматической, хотя и купленной кровью победы, и оно давало большую динамику организационным кадрам»[17].

Эти динамичные кадры организованы были очень хорошо.

В ОУН существовала специальная структура для детей — аналог пионерской организации — Дорост (Дораст), куда могли входить украинские дети обоего пола в возрасте 8–15 лет. Следующей ступенью было Юнацтво (Юношество), его членами могли быть парни и девушки от 15 лет до 21 года. Это был некий аналог комсомола. С 21 года украинец мог быть полноправным членом ОУН.

Каждый желающий вступить в ОУН подавал в одно из отделений партии письменное заявление, при этом за будущего националиста должны были поручиться два члена Организации. Новый член на протяжении полугода считался кандидатом: «Обязанностью членов является соответствовать предписаниям Устава, Провода, постановлениям и приказам всех управляющих органов ОУН, ширить идеологию украинского национализма, притягивать в Организацию новых членов и своевременно платить членские взносы»[18].

ОУН на территории Украины делилась на 10 краев, а на чужбине — на 10 теренов (территорий).

Край делился на 5 округов, а терен, соответственно политическим границам, на государства. Каждый округ и государство делились на отделы, которые состояли из членов ОУН, проживающих в одной области, в одной местности. К отделам были приписаны кружки Дороста и Юнацтва. Во главе отдела находилась управа в составе двух членов и председателя, которого избирали общим съездом отдела. Членов управы выбирал и выдвигал председатель, а утверждал тот же самый съезд.

Во главе округа (в Украине) или государства (на чужбине) стоял секретарь, которого назначал проводник (руководитель) края или терена. Во главе края или терена стоял проводник, которого назначал Провод украинских националистов. Проводы были разного уровня, но один Провод был центральный, писать название которого принято с большой буквы.

Законодательным органом ОУН являлся, как и почти во всех других партиях, Съезд или Сбор украинских националистов. В нем принимали участие все секретари округов или государств, все проводники краев или теренов, все члены Провода, все члены Суда, главный контролер и все члены ОУН, выполнявшие те или иные самостоятельные задачи.

Исполнительным органом ОУН был Провод ОУН (нечто вроде ЦК).

Он состоял из председателя, которого выбирал Сбор, и восьми членов, которых Сбор утверждал по предложению председателя.

Любой член Провода, который стоял во главе референтуры, назывался, соответственно, референтом. Этот референт примерно соответствовал секретарю ЦК по какому-либо вопросу в КПСС. Например, с 1940 г. боевым референтом революционного Провода ОУН был Роман Шухевич, который ведал вопросами террористической и военной деятельности бандеровцев.

Была в ОУН и финансовая инспекция, возглавляемая главным контролером, которого выбирал Сбор украинских националистов.

Глава Провода, проводники краев, теренов и округов, секретари и председатели отделов имели право накладывать наказания на членов ОУН.

Был и внутрипартийный суд ОУН, состоявший из главного Судьи, которого выбирал тоже Сбор украинских националистов, и двух членов, которых назначал Провод.

«Руководитель националистической законности», то есть главный Судья ОУН, устанавливал нормы дисциплинарной ответственности руководителей Организации и ее рядовых членов.

Как видим, структура достаточно разветвленная, приспособленная к деятельности в различных обстоятельствах. Учтем также, что она была подпольная и скреплялась коллективной ответственностью, вызванной постоянной опасностью, которая в той или иной степени грозила всем членам организации.

Социальный состав украинских националистов был весьма разнообразен: интеллигенция, студенчество, служащие и военные, крестьяне, рабочие, встречались представители духовенства. Хотя численность ОУН была относительно невелика — около 20 тыс. человек в 1930-х гг., сочувствующих ее деятельности было в несколько раз больше, так как непосредственное членство в ОУН было сопряжено с трудностями и риском. Впоследствии, во время войны, именно из сочувствующих была рекрутирована значительная часть участников украинского Сопротивления.

Для подавляющего большинства членов ОУН программа организации была чем-то далеким и даже непонятным. Перед ними стояла цель, бывшая одновременно и мечтой: Украинское самостоятельное объединенное государство. Ради этой цели оуновцы готовы были умирать и тем более убивать.

Независимая Украина была стратегической целью. Основной же тактической задачей ОУН считала легальную и нелегальную национально-просветительскую, издательскую, пропагандистскую и организационную деятельность среди украинского населения, а также кампании саботажа и террор.

Террор должен был развивать культ жертвенности среди членов ОУН, держать в постоянном напряжении украинцев и польские власти, способствовать пропаганде идей украинского национализма.

Теракты были направлены в первую очередь против представителей польских силовых структур, — так, было совершено покушение на комиссара польской полиции во Львове Емельяна Чеховского, отличавшегося жестокостью при подавлении украинского национального движения, — но были и другие объекты применения националистической активности.

В 1930 г. оуновцы провели серию поджогов хозяйств польских землевладельцев в Галиции в знак протеста про-

тив политического и экономического угнетения украинского крестьянства.

21 октября 1933 г. в знак протеста против голодомора в УССР во Львове был убит сотрудник советского консульства Алексей Майлов.

Всего за 10 лет было совершено около 60 терактов[19].

Самой громкой акцией было убийство министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого в июне 1934 г.

Убийца Перацкого Григорий Мацейко после выстрела забежал в подъезд, скинул плащ, вышел через другой вход и смешался с толпой. Польская полиция сначала даже думала, что Перацкого убили представители польских спецслужб, собиравшиеся свалить все на оуновцев. Однако сами националисты сделали заявление, что это убийство — их ответ на жестокие «замирения» (пацификации) западно-украинских земель. Эти «замирения» выражались в массовых арестах украинских националов, подозреваемых в антигосударственной деятельности, избиении полицейскими попавшихся под руку украинцев, разгроме и закрытии украинских библиотек.

Эффект от убийства Перацкого был колоссальным. О притеснении западных украинцев писали все ведущие европейские издания, многие даже сочувствовали террористам-оуновцам. Но и меры властей против ОУН были жесткими и эффективными. В тюрьме оказались многие организаторы убийства, в том числе Степан Бандера, возглавлявший ОУН в Польше, и Николай Лебедь.

К тому моменту к власти в Германии уже пришел Гитлер и его режим вновь наладил с оуновцами сотрудничество, стремясь использовать их в антипольских и антисоветских целях. А оуновцы, в свою очередь, стремились использовать нацистов, причем в тех же самых целях. Но не всегда это сотрудничество было удачным для оуновцев.

После теракта один из его организаторов Николай Лебедь убежал в Германию, надеясь найти там укрытие. Но нацисты, опасаясь преждевременного международного скандала, выдали Лебедя полякам.

Потрясенная убийством министра внутренних дел в соседнем государстве, чешская полиция сдала часть оуновской организации полиции польской.

Стоит добавить, что к тому времени ОУН буквально кишела польскими шпионами и провокаторами, выдававшими польским властям активных националистов одного за другим.

Поэтому из всех межвоенных лет 1934 г. был для ОУН годом самых больших потерь.

Бандера вел себя на суде откровенно вызывающе. На вопрос о гражданстве он ответил: «Украинское». Польский суд сначала приговорил его к высшей мере наказания, но потом заменил приговор на пожизненное заключение. Помимо Бандеры и Лебедя, в тюрьме оказались также десятки других активистов ОУН.

Выдача нацистами Лебедя привела к разрыву между ОУН и Третьим Рейхом, длившемуся с 1934 по 1938 гг.

Но убийство ненавистного украинцам Перацкого подняло популярность ОУН в среде радикально настроенных украинцев, в том числе представителей диаспоры. Поэтому в 1934–1938 гг., да и далее, финансирование ОУН осуществлялось преимущественно за счет американских и канадских украинцев, что позволило националистам достичь определенной независимости от европейских государств и режимов.

В ответ на убийство министра внутренних дел поляки создали концлагерь рядом с местечком Береза Картузька на Волыни. В нем содержались те украинцы, чья вина в преступлениях доказана не была, но которые находились под подозрением в антигосударственной деятельности. Прежде всего, это были оуновцы, но также и представители других радикальных течений — например, коммунисты. Береза Картузька не была лагерем смерти, вроде Освенцима или системы ГУЛАГ. Во-первых, этот концлагерь был сравнительно небольшим: за 1934–1939 гг. через него прошло всего около шестисот человек. Во-вторых, режим в нем был не столь ужасающим, как в коммунистических или нацистских лагерях. Это был концлагерь унижения: заключенные испытывали на себе побои, издевательства. Людей клали на землю и по ним ходили, лагерников мучили тяжелым сизифовым трудом — заставляли сначала выкапывать яму, а потом закапывать, нести камни в одно место, а потом обратно.

Такими действиями польская полиция хотела «утихомирить» радикалов, однако вызывала лишь еще большую ненависть, причем ненависть ослепляющую.

В 1930-х гг. оуновцы вели террор не только против польского и советского режимов, но и против тех, кого лидеры ОУН могли посчитать врагами украинского народа. В частности, боевиками ОУН был убит украинский писатель Сидор Твердохлеб, бывший известным сторонником автономии Западной Украины в составе Польши. В 1934 г. был убит известный украинский педагог и просветитель, директор Академической гимназии во Львове Иван Бабий, являвшийся противником ОУН. Оуновцами был убит также польский писатель Тадеуш Голувко, активный сторонник украинско-польского компромисса.

Применялась и тактика запугивания.

Все это в очередной раз раскрывает тоталитарный характер ОУН, ведь борьба шла не только против непосредственного врага — польского режима, но и против тех, кто просто был не с оуновцами, — против тех, кто хотел компромисса. Националисты действовали по принципу: «Кто не с нами, тот против нас».

Известен и целый ряд экспроприаций, то есть грабежей, осуществленных боевиками ОУН.

Такая разносторонняя активность к середине 1930-х гг. вызывала недовольство украинских общественных и политических деятелей.

«Еще более обескураживающим обстоятельством стала растущая критика ОУН со стороны самих же украинцев. Родители негодовали по поводу того, что организация вовлекает их детей, неопытных подростков, в опасную деятельность, нередко заканчивающуюся трагически. Общественные, культурные, молодежные организации были выведены из терпения постоянными попытками ОУН оседлать их. Легальные политические партии обвиняли интегральных националистов в том, что своей деятельностью они дают повод правительству ограничивать легальную активность украинцев. Наконец, митрополит (Украинской Греко-католической Церкви. — *А. Г.*) Андрей Шептицкий резко осудил "аморальность" ОУН. Эти обвинения и ответные упреки были отражением растущей напряженности в отношениях поколений — отцов, легально развивающих "органический сектор", и детей, борющихся в революционном подполье»[29].

Как уже говорилось, в 1934–1938 гг. ОУН рассорилась с Германией, поэтому активность националистов все больше ограничивалась. Однако, в 1938 г. международная обстановка стала накаляться и отношения между абвером и ОУН вновь улучшились.

Кроме того, ОУН получала поддержку от Литвы, которая пребывала в затяжной и острой конфронтации с Польшей из-за территории с городом Вильно (Вильнюс), вошедшей в состав Речи Посполитой после советско-польской войны. В Литве украинские националисты действовали вполне свободно, получали литовские паспорта, с которыми разъезжали по всей Европе, в Литве же активисты ОУН часто печатали литературу или отсиживались после терактов.

Однако, идя на союз с теми или иными силами, представители ОУН оставляли за собой свободу действий, что наиболее ярко в довоенный период прослеживается на примере событий кризиса 1938–1939 гг. в Закарпатье.

Закарпатье — регион, значительно отличающийся по экономическим, культурным и политическим особенностям как от Западной, так и от Восточной Украины. В период между Первой и Второй мировыми войнами Карпатская Украина входила в состав Чехословакии.

Вхождение Закарпатья в Чехословакию было добровольным и прошло по довольно оригинальной схеме: в результате соглашения, подписанного в ноябре 1918 г. в Скрэнтоне (штат Пенсильвания, США) лидерами Чехии и эмигрантами из Закарпатья. Потом был проведен плебисцит, по которому большая часть проголосовавших высказалась за присоединение к новосозданному государству западных славян.

Позже местным жителям не пришлось разочароваться в своем выборе. Украинцам здесь жилось гораздо лучше, чем их собратьям в Польше, Румынии или тем более Советском Союзе.

В 1920–1930-х гг. Чехословакия твердо держалась демократии, хотя и была полностью окружена диктатурами или вообще фашистскими режимами.

Национальный вопрос был решен либерально, без попыток ассимилировать местных жителей. В этот довольно бедный регион на протяжении всего межвоенного времени Прага вкладывала больше средств, чем собирала в Закарпатье налогов.

Показательно, что в 1943–1950 гг. население этой территории не поддерживало Украинскую повстанческую армию.

ОУН и украинские националы имели в этом регионе незначительное влияние — объяснялось это наличием широких прорусских и даже просоветских настроений. Кроме того, многие закарпатские украинцы, — или, как их еще называют, русины, карпатороссы, — себя украинцами не считают, имея для этого веские основания. Русинский язык сильно отличается от любых диалектов украинского. Даже сейчас, после полувека украинизации и русификации, когда жители Ужгородской области общаются между собой, их речь не понимают ни галичане, ни русифицированные «схидняки».

Украинцы Закарпатья жили тихо и спокойно, о независимости не помышляли, а помышляли о национальной автономии. Но решение этого вопроса Прага затягивала.

В конце 1938 г. ситуация в Чехословакии дестабилизировалась, что было следствием отторжения от нее ряда территорий по Мюнхенскому договору. Видя ослабление центральной власти, лидеры всех трех закарпатских течений — украинофилы, русофилы и «русинофилы», подчеркивающие самобытность Закарпатья, — объединились и потребовали автономии. 11 октября 1938 г. Закарпатье получило долгожданное самоуправление.

Первую местную администрацию возглавляли русофилы, но потом их сменил назначенный Прагой отец др. Августин Волошин — украинофил, но не оуновец.

О событиях в Закарпатье в интервью автору этих строк рассказал бывший активист ОУН Евгений Стахов, пришедший туда на рубеже 1938/39 гг. из Галиции помогать аборигенам устраивать украинскую революцию (см. приложение 1)[21].

В марте 1939 г. в Закарпатье прошли выборы, на которых украинофилы получили большинство в местном парламенте и, пользуясь дестабилизацией ситуации в

Чехословакии, 14 марта провозгласили независимость этого региона. Вооруженные силы Закарпатья представляли собой добровольческую военизированную организацию Карпатская Сечь (КС), насчитывавшую около 2–3 тысяч бойцов и примерно столько же резервистов. В КС ведущую роль играли оуновцы, пришедшие в Закарпатье из других регионов Украины или эмиграции[22].

Независимая Карпатская Украина просуществовала один день, поскольку 15 марта, несмотря на отчаянное сопротивление Карпатской Сечи, была захвачена превосходящими силами венгерской армии, поскольку Карпатская Украина перешла Венгрии по Венскому арбитражу.

Таким образом, учитывая, что Будапешт находился в то время фактически в союзе с Берлином, события в Закарпатье позволяют констатировать выступление ОУН против союзника нацистской Германии[23]. Данный локальный вооруженный конфликт приобретает еще большее значение, если учесть, что Чехословакия не оказала в 1938–1939 гг. вооруженного сопротивления агрессору.

После начала венгерской оккупации Закарпатья часть оуновцев бежала в Польшу или в другие страны Европы.

Новопришедшие венгерские власти сразу же начали репрессии против прорусских и проукраинских партий. Спасаясь от террора, представители этих политических течений в период с сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г. непредусмотрительно бежали в советскую Галицию. Там их арестовывали, заключали в тюрьмы и лагеря, депортировали в Сибирь или даже расстреливали.

Потом, во время советско-германской войны, советская власть освободила выживших карпатороссов из тюрем и лагерей и включила их в чехословацкую просоветскую армию Людвига Свободы.

Ко времени кризиса в Закарпатье ОУН не была монолитом. В 1938 г. в Роттердаме агент НКВД Волюх (Павел Судоплатов) убил лидера и создателя УВО-ОУН Евгения Коновальца. Судоплатов, родом с восточной Украины и наполовину украинец, стал членом ОУН, сумел втереться в доверие к руководству украинских националистов и непосредственно к Коновальцу. Поэтому и убийство он совершил достаточно дерзко, о чем после развала СССР рассказал в мемуарах.

«В конце концов взрывное устройство в виде коробки конфет было изготовлено, причем часовой механизм не надо было приводить в действие особым переключателем. Взрыв должен был произойти ровно через полчаса после изменения положения коробки из вертикального в горизонтальное. Мне надлежало держать коробку в первом положении в большом внутреннем кармане своего пиджака. Предполагалось, что я передам этот "подарок" Коновальцу и покину помещение до того, как мина сработает.

23 мая 1938 г. после прошедшего дождя погода была теплой и солнечной. Время без десяти двенадцать. Прогуливаясь по переулку возле ресторана "Атланта", я увидел сидящего за столиком у окна Коновальца, ожидавшего моего прихода. На сей раз он был один. Я вошел в ресторан, подсел к нему, и после непродолжительного разговора мы условились снова встретиться в центре Роттердама в 17.00. Я вручил ему подарок, коробку шоколадных конфет, и сказал, что мне сейчас надо возвращаться на судно. Уходя, я положил коробку на столик рядом с ним. Мы пожали друг другу руки, и я вышел, сдерживая свое инстинктивное желание тут же броситься бежать.

Помню, как, выйдя из ресторана, свернул направо на боковую улочку, по обе стороны которой располагались многочисленные магазины. В первом же из них, торговавшем мужской одеждой, я купил шляпу и светлый плащ. Выходя из магазина, я услышал звук, напоминавший хлопок лопнувшей шины. Люди вокруг меня побежали в сторону ресторана. Я поспешил на вокзал, сел на первый же поезд, отправлявшийся в Париж, где утром в метро меня должен был встретить человек, лично мне знакомый. Чтобы меня не запомнила поездная бригада, я сошел на остановке в часе езды от Роттердама. Там, возле бельгийской границы, я заказал обед в местном ресторане, но был не в состоянии притронуться к еде из-за страшной головной боли. Границу я пересек на такси — пограничники не обратили на мой чешский паспорт ни малейшего внимания. На том же такси я доехал до Брюсселя, где обнаружил, что ближайший поезд на Париж только что ушел. Следующий, к счастью, отходил довольно скоро, и к вечеру я был уже в Париже. Все прошло без сучка и задоринки... Я решил, что мне не следует останавливаться в отеле, чтобы не проходить регистрацию: голландские штемпели в моем паспорте, поставленные при пересечении границы, могли заинтересовать полицию. Служба контрразведки, вероятно, станет проверять всех, кто въехал во Францию из Голландии. (...)

Из Парижа я по подложным польским документам отправился машиной и поездом в Барселону. Местные газеты сообщали о странном происшествии в Роттердаме, где украинский националистический лидер Коновалец, путешествовавший по фальшивому паспорту, погиб при взрыве на улице. В газетных сообщениях выдвигались три версии: либо его убили большевики, либо соперничающая группировка украинцев, либо, наконец, его убрали поляки — в отместку за гибель генерала Перацкого»[24].

Коновалец был общепризнанным лидером, убийство которого стало для ОУН действительно невосполнимой утратой. Впоследствии мельниковцы настаивали на том, что Коновалец считал своим преемником Андрея Мельника. Но, скорее всего, Коновалец вообще не видел среди своих подчиненных человека, способного встать во главе Организации. Это было важнейшей причиной того, что Организация вскоре раскололась на два непримиримых течения.

Раскол Организации. ОУН накануне советско-германской войны

Размышляя о причале, по волнам плывет
«Аврора»,
чтобы выпалить в начале непрерывного
террора.

Иосиф Бродский.
«Представление.» 1986 г.

После убийства Коновальца украинскими националистами короткое время совместно руководили Ярослав Барановский, Емельян Сеник-Грибовский и Николай

Сиборский. 27 августа 1939 г., перед самым началом Второй мировой войны, на Втором великом сборе ОУН в Риме главой организации был избран полковник Андрей Мельник.

Его кандидатура удовлетворила не всех, поскольку молодые авторитетные оуновцы-радикалы (Степан Бандера, Николай Лебедь и др.), которые могли бы составить Мельнику реальную конкуренцию, в тот момент находились в заключении.

Тем временем началась Вторая мировая война, нацистская Германия захватила западную часть Польши, и из тюрем и лагерей вышли упомянутые активисты ОУН, в том числе Степан Бандера. Последний, как уже было сказано, отбывал там пожизненное заключение за организацию покушения на министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого.

Выйдя на свободу 13 сентября 1939 г. Бандера начал собирать вокруг себя группу недовольных руководством Мельника. Фанатичный лидер выдвинул перед своими сторонниками задачу — создать организованное вооруженное подполье, готовое сражаться с любой силой, стоящей на пути к независимому украинскому государству.

Ситуация в ОУН все больше обострялась. В 1940 г. группа Бандеры обвинила руководство ОУН (группу Мельника) в бездеятельности, пассивности и потворстве бывшим польским агентам. Андрей Мельник, в свою очередь, обвинил бандеровцев в неподчинении руководству и расколе партии. С этого момента началась вражда между ОУН(м) и ОУН(б) — мельниковцами и бандеровцами, которая позднее, в период советско-германской войны, иногда выливалась даже в вооруженные стычки и убийства.

Этот раскол не преодолен до сих пор. С 1940 г. существуют две похожие друг на друга, но разные партийные структуры ОУН — два Центральных провода (или просто Провода), разные краевые и районные структуры. В какой-то мере раскол ОУН 1940 г. напоминает раскол РСДРП на две партии — РСДРП(б) и РСДРП(м). Причем аналогии видятся не только в наличии одинаковых маленьких букв в скобках.

Идеология бандеровцев и мельниковцев была практически одинаковой, их отличала лишь тактика.

Например, разным было отношение к германскому нацизму: мельниковцы согласны были идти на более глубокий компромисс с Берлином. Бандеровцы, также активно сотрудничавшие с немцами, предлагали ориентироваться в своей деятельности и на другие страны, переправив при необходимости Провод ОУН в нейтральное государство, например, в Швейцарию.

Расходились националисты, понятно, в вопросах лидерства — ОУН(м) возглавлял более спокойный, опытный и образованный Андрей Мельник, ОУН(б) — молодой, динамичный и решительный Степан Бандера, отчего ОУН(б) старалась действовать по возможности более активно и радикально. Например, члены ОУН(б) предлагали развернуть более активную работу на территории советской Украины и во время советско-финской войны выдвинули идею создания украинских военных частей, воюющих вместе с финнами против СССР[25]. Кстати, во время советско-германской войны эту идею в Финляндии безуспешно пытались реализовать уже мельниковцы.

«Кратко оценивая программные расхождения обоих флангов ОУН, один из харьковских националистов обозначил их так: по-мельниковски, это значит "сначала даст Бог, а потом возьмем сами", а по-бандеровски — "сначала возьмем сами, а потом даст Бог"»[26].

Бандеровцам не хватало руководящего состава, а мельниковцы испытывали недостаток в активистах нижнего звена. То есть мельниковцев в какой-то степени можно назвать эмигрантской интеллигентской организацией, в то время как партактив бандеровцев составляли представители более низких социальных слоев, проживавших непосредственно в Западной Украине.

Примерно две трети оуновцев вошло в ОУН(б), треть — в ОУН(м).

5 апреля 1940 г. Бандера побывал у Мельника в его резиденции в Италии, но личная встреча ничего не дала, и раскол углубился.

В апреле 1941 г. бандеровцы созвали в Кракове альтернативный мельниковскому Второй сбор ОУН, где решения мельниковцев были аннулированы, а Проводником ОУН был провозглашен Степан Бандера. Андрей

Мельник и его сторонники не признали решения бандеровцев. Решения этого съезда, официально называвшегося Второй чрезвычайный великий конгресс ОУН(б), — бескомпромиссная борьба против СССР, создание независимой Украины с границами, доходившими до Волги и Северного Кавказа и т. д. — были переведены на немецкий язык и отправлены руководству гитлеровской Германии[27].

Второй сбор бандеровцев уделил особое внимание рассмотрению различных аспектов национального вопроса, касавшегося определения целей и форм взаимодействия украинцев с представителями других национальностей, проживающих как на территории гипотетической независимой Украины, так и в сопредельных государствах.

Проблема украинско-польских отношений в постановлениях Второго сбора решалась в плоскости борьбы против «оккупационных» поползновений со стороны поляков: «ОУН борется с акцией тех польских группировок, которые хотят восстановить польскую оккупацию украинских земель. Ликвидация противоукраинских акций со стороны поляков является предварительным условием нормализации отношений между украинской и польской нациями»[28]. Актуальность столь резкой формулировки подтвердилась в ходе дальнейшего развития событий. В 1942–1943 гг. большинство польских политических сил стремилось вернуть Западную Украину в состав Польши, что и послужило одной из причин украинско-польского конфликта.

Отношение Второго сбора к евреям не получило самостоятельного звучания, но было вписано в контекст общего украинского противостояния «московскому империализму»: «Евреи в СССР являются преданнейшей опорой господствующего большевицкого режима и авангардом московского империализма в Украине. Противоеврейский настрой украинских масс использует московско-большевицкое правительство, чтобы отвлечь их внимание от действительного виновника бед, и чтобы в час взрыва направить их на погромы евреев. Организация Украинских Националистов борется с евреями как с опорой московско-большевицкого режима, одновременно осведомляя народные массы, что Москва — это главный враг»[29].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что радикалы из ОУН(б) считали своими основными врагами польских и московских «империалистов» (в одной из песен оуновцев 1930-х гг. были и такие строки: «уничтожим кроваво Москву и Варшаву»). Евреи в этой связи рассматривались лишь как «вторичное зло».

Бандеровцы резко противопоставили себя остальным партиям: «ОУН борется со всеми оппортунистическими партиями и эмигрантскими группами, в частности с мелкобуржуазной (sic! — *А. Г.*) группой попутчиков национализма А. Мельника, гетманцами, УНР, эсерами, эндеками, ундистами (т. е. членами УНДО. — *А. Г.*), ФНЕ (Фронт национального единения. — *А. Г.*), радикалами, клерикалами (т. е. Украинской католической национальной партией. — *А. Г.*) и всеми другими, которые разбивают единый фронт борьбы украинского народа и ставят украинское дело в зависимость от исключительно внешних, т. н. удачных условий»[30].

Одной из задач ОУН(б) было: «Бороться с украинскими нереволюционными, оппортунистическими, масонскими организациями, группами и течениями, раскрывать их вредную работу и демаскировать их всюду, где они появятся...

Демаскировать все те группы и течения, которые, хоть и выступают против сегодняшнего большевицкого режима, но в действительности являются замаскированными московскими империалистами и как таковые являются врагами освобождения Украины и порабощенных Москвой народов»[31].

В общем, с точки зрения бандеровцев, кругом были одни враги, масоны и замаскированные агенты большевиков, и одни лишь члены ОУН(б) могли считаться патриотами Украины. Впору еще раз вспомнить процитированное выше замечание ветерана ОУН о том, что «тоталитаризма в украинских националистах не было ни грамма»...

Все партийные расколы и планирование будущей деятельности происходили на фоне масштабных международных событий. В сентябре 1939 г. Польшу поделили

Гитлер и Сталин, при этом большая часть Западной Украины отошла последнему[32].

К УССР добавилось 6 областей: Ровенская, Волынская, Львовская, Тернопольская, Станиславская, Дрогобычская.

В конце июня — начале июля 1940 г. Красная армия заняла также Бессарабию и Северную Буковину, и к УССР добавилось еще две области: Черновицкая (Северная Буковина) и Измаильская (черноморское побережье между Днестром и Дунаем).

В последней области ОУН практически не действовала.

На всех территориях бывшей польской и румынской Украины, помимо прочих мероприятий советской власти, силами НКВД осуществлялся массовый террор[33].

В украинских областях бывшей Польши красный террор был направлен прежде всего против польского меньшинства, поскольку поляки до 17 сентября 1939 г. были здесь представителями государствообразующей нации. Но репрессии проводились также среди украинцев и евреев. Особенно пострадали ряды активистов политических партий, в том числе ОУН, УНДО и даже КПЗУ[34]. «Западно-украинская проблема» считалась советским партийным руководством весьма серьезной: информация о борьбе с украинскими националистами докладывалась Сталину, Берии и Вышинскому.

Борьба НКВД УССР против оуновцев и других националов была масштабной. В 1940 г. в Украине было арестовано 44 тыс. человек, и уже к началу 1941 г. все тюрьмы УССР были переполнены[35].

Приход большевиков оказался для украинцев абсолютно непредвиденным. Это обстоятельство усугубило характер разгрома местных политических партий. «В Западной Украине большевицкая власть уничтожала в первую очередь активных общественно-политических деятелей, чтобы таким образом обезглавить народную массу и лишить украинское общество элементов организованной национальной жизни»[36].

«Когда Советы пришли, — рассказывал спустя много лет в советском лагере бывший полицай и боец УПА Владимир Казановский диссиденту Михаилу Хейфецу, — они в нашем Бучаче забрали 150 человек. Всех, у кого образование было»[37].

Вот как описывает действия ОУН в Западной Украине упоминавшийся выше киллер Павел Судоплатов, чья жена была отправлена в командировку на свежезахваченные земли:

«...Во Львове атмосфера была разительно не похожа на положение дел в советской части Украины.

Во Львове процветал западный капиталистический образ жизни: оптовая и розничная торговля находилась в руках частников, которых вскоре предстояло ликвидировать в ходе советизации. Огромным влиянием пользовалась украинская униатская церковь, местное население оказывало поддержку организации украинских националистов, возглавлявшейся людьми Бандеры. По нашим данным, ОУН действовала весьма активно и располагала значительными силами. Кроме того, она обладала богатым опытом подпольной деятельности... Служба контрразведки украинских националистов сумела довольно быстро выследить некоторые явочные квартиры НКВД во Львове. Метод их слежки был крайне прост; они начинали ее возле здания горотдела НКВД и сопровождали каждого, кто выходил оттуда в штатском и... в сапогах, что выдавало в нем военного: украинские чекисты, скрывая под пальто форму, забывали такой "пустяк", как обувь. Они, видимо, не учли, что на Западной Украине сапоги носили одни военные. Впрочем, откуда им было об этом знать, когда в советской части Украины сапоги носили все, поскольку другой обуви просто нельзя было достать»[38].

Действительно, обстановка во Львове разительно отличалась от положения дел в Советской Украине. Поляки, белорусы, евреи и украинцы с территорий, «воссоединившихся» в 1939 г. с СССР, в своих воспоминаниях все как один свидетельствуют о шоке, испытанном от бескультурья, нищеты, забитости и одновременной жестокости пришельцев из другого мира — сталинского СССР. Со своей стороны, те, кто был послан на «освоение» новых земель, помимо всего прочего, позднее вспоминали об охватывавшем их то и дело чувстве стыда за низкий, по сравнению с местным, уровень собственной бытовой культуры.

На протяжении 1939–1941 гг. в Западной Украине консервативные, демократические и социалистические украинские партии, не имевшие опыта подпольной работы, подверглись практически полному разгрому. В результате влияние ОУН, сумевшей, несмотря на потери, сохранить себя, резко выросло.

Польское вооруженное сопротивление, возникшее в ответ на политику, проводившуюся коммунистами, в основном было подавлено к середине 1940 г. Польские организации не имели опыта подпольной работы, их раздирали внутренние политические противоречия, да и большинство населения бывшей восточной Польши относилось к полякам недоброжелательно.

В итоге на протяжении 1939–1941 гг. ОУН продолжала успешно набирать силу[39]. Боевки, небольшие военно-террористические группы ОУН, участвовали в стычках с НКВД и даже РККА, а иногда проводили и теракты против представителей советской власти на местах[40].

Сводка НКВД об антисоветских выступлениях на всем пространстве Советского Союза в мае 1941 г. сообщала: «Наибольшую активность продолжают проявлять антисоветские организации украинских националистов на территории западных областей УССР... До настоящего времени большинство террористических актов остается нераскрытым»[41].

Отряды бандеровцев проникали по приказу Провода ОУН(б) с территории захваченной немцами Польши на территорию советской Украины для налаживания подпольной сети и подготовки восстания на случай войны. Но большая часть украинских националов все же стремилась выбраться из советского рая на территорию «Генерал-губернаторства»[42]. С сентября 1939 г. по июнь 1941 г. в захваченную немцами Польшу перебралось около двадцати тысяч активистов украинских партий. Нацистский режим считал украинских антикоммунистов временными союзниками в грядущей борьбе с СССР, и уж во всяком случае, не врагами.

Германское руководство не вмешивалось в конфликт между ОУН(б) и ОУН(м), что осложняло действия обеих ветвей украинских националов, однако в целом было готово к сотрудничеству с ними в грядущем столкновении

с большевизмом. В конце 1940 — начале 1941 гг. руководство обеих ветвей ОУН было уверено в скором германо-советском конфликте и приняло решение играть в ходе войны роль третьей силы в Украине, выступая в качестве союзников Германии.

По инициативе ОУН(б) при вермахте были созданы два учебных отдела для подготовки офицерского и сержантского корпуса возможной в будущем украинской армии. Весной 1941 г. в этих отделах создаются два украинских батальона — «Нахтигаль» («Соловей») и «Роланд», общей численностью около семисот человек.

22 июня 1941 г. началась советско-германская война, которая стала важнейшим рубежом в истории ОУН.

Вооруженные формирования ОУН в сотрудничестве с нацистской Германией

> Никогда нельзя позволить, чтобы кто-нибудь, кроме немца, носил оружие! Это особенно важно; даже если сперва представляется простейшим, чтобы получить вооруженную помощь каких-то чужих покоренных народов. Это неправильно! Однажды, это неминуемо и безусловно, они ударят по нам. Лишь немец может носить оружие, а не славянин, не чех, не казак или украинец!
>
> *Адольф Гитлер, 16 июля 1941 г.*

Книга об УПА будет неполной, если не коснуться такого вопроса, как украинский военно-политический и военно-полицейский коллаборационизм, то есть активное сотрудничество украинцев с нацистской Германией в период Второй мировой войны.

Советская историография ставила знак равенства между оуновцами, с одной стороны, и служившими непосредственно нацистам украинскими полицаями, солдатами фронтовых частей, бойцами украинской дивизии СС «Галичина», — с другой.

Конечно, дело обстояло далеко не так.

Обе стороны — ОУН и Третий Рейх — преследовали свои собственные цели, а периоды враждебности сменялись периодами компромисса и сотрудничества перед лицом общего врага: Польши и СССР.

Да и коллаборационизм был разного свойства. Диссидент Зорян Попадюк рассказывал об этом спустя много лет на примере украинской вспомогательной полиции: «У нас полицаи разные были... Немецких подстилок достаточно набралось... Но были люди в полиции, которые поступили туда по заданию ОУН. Требовалось оружие. Они прошли в полицию, забрали массу оружия и потом этим же оружием так поджарили тех же немцев и советы»[43].

Российский историк Михаил Семиряга в своей книге «Коллаборационизм» предложил следующую классификацию форм украинского коллаборационизма:

– политическое сотрудничество украинских националистических лидеров на территории Польши еще до агрессии Германии против Советского Союза;
– военные формирования, созданные ОУН при покровительстве немцев;
– украинская или украинско-немецкая вспомогательная полиция под немецким управлением и имевшая широкие полномочия по поддержанию местной безопасности; украинская казарменная полиция, принимавшая участие в еврейских погромах, в транспортировке евреев в лагеря и в их охране;
– тысячи украинцев добровольно выезжали на работу в Германию, особенно в 1942 г. (...);
– типичная форма коллаборационизма в сфере производства состояла в обработке крестьянами земли, полученной от немцев, в качестве рабочих, инженеров и служащих на производстве, в качестве прислуги в домах руководителей оккупационных властей[44].

Предложенная классификация ныне, к сожалению, покойного ведущего отечественного специалиста по коллаборационизму вообще никак не соотносится с действительной историей сотрудничества украинцев с врагом.

Во-первых, ОУН сотрудничала с нацистами до 1941 г. не только на территории Польши.

Во-вторых, как до, так и после 1941 г. большинство украинских политиков, пошедших на сотрудничество с гитлеризмом, никакого отношения к ОУН не имели.

В-третьих, военные формирования, созданные обеими фракциями ОУН при покровительстве немцев, насчитывали в общей сложности не более двух с половиной тысяч человек.

В-четвертых, «казарменная полиция» занималась в большей степени борьбой против партизан, а в еврейском геноциде самое активное участие принимала «полиция порядка» — полицейские индивидуальной службы, являвшиеся чем-то вроде «участковых милиционеров» в СССР.

В-пятых, в данной классификации вообще не учитываются отдельные виды полиции, а также служащие в вермахте и СС или сопутствующих организациях.

Абсолютно не упоминается в этой классификации работа украинцев в административных оккупационных структурах.

Что касается двух последних пунктов, выделенных Семирягой, то их можно свести к одному: экономическому коллаборационизму. К тому же экономический коллаборационизм принимал разнообразные формы, и обозначенными Семирягой не ограничивался.

Впрочем, поскольку настоящая работа посвящена истории не коллаборационизма, а Повстанческой армии, сделаем акцент на анализе роли ОУН в сотрудничестве украинцев с Третьим Рейхом.

Началось это сотрудничество с Веймарской Германией еще во времена УВО, а потом продолжилось при ОУН в 1930-е гг. — уже с Германией гитлеровской.

В этой связи имеет смысл напомнить об одной малоизвестной, а российскому читателю вообще не известной странице истории ОУН — истории Вооруженных отделов националистов.

Как уже говорилось, в марте 1939 г. в Закарпатье была провозглашена независимая Карпатская Украина, просуществовавшая один день. Основу ее вооруженных сил составила Карпатская Сечь, находившаяся под контро-

лем оуновцев. После того, как Закарпатье было занято венгерской армией, значительная часть бойцов Сечи оказалась в венгерском плену, откуда их вызволили немецкие дипломаты. Вышедшие из венгерских лагерей оуновцы, а также их товарищи, проживавшие в Европе на легальном положении, в начале июля 1939 г. вошли в создающийся Украинский легион (УЛ).

Идею создания Украинского легиона вынашивали отдельные офицеры вермахта и абвера. В случае войны с Польшей, указ о подготовке нападения на которую Гитлер подписал 11 апреля 1939 г., украинцев предполагалось использовать в пропагандистских целях для воздействия на польских солдат украинской национальности.

Не исключали немцы и возможность восстания западных украинцев против поляков — как с целью организации «удачного» повода для начала агрессии, так и для ослабления Польши уже в ходе начавшейся войны. Почва для возможного антипольского восстания была очень хорошо подготовлена: офицеры Красной армии во второй половине сентября 1939 г. доносили в Москву о том, что западные украинцы нередко грозили вырезать всех поляков Волыни и Галиции.

Однако, в силу того что, согласно пакту Молотова — Риббентропа, бóльшая часть Западной Украины отошла к СССР, УЛ в войне почти не участвовал, а сам факт его существования тщательно скрывался.

Военное обучение бойцы УЛ прошли в горных лагерях на территории Австрии. В итоге из них было сформировано 2 батальона (куреня) примерно по 300 человек в каждом, в качестве названия они получили аббревиатуру «ВВН».

Расшифровывалось ВВН двояко: по-немецки («Bergbauernhilfe» — «Помощь крестьянам-горцам» (ПКГ)) и по-украински («Військові відділи націоналістів» — «Военные отделы националистов» (ВОН)). То есть полный перевод этой аббревиатуры на русский язык будет выглядеть так: ПКГ-ВОН.

Немецкая аббревиатура использовалась оуновцами «для внешнего употребления», то есть маскировки под горностроительный батальон, а украинская — «для внутреннего» и, в случае необходимости, для населения Западной Украины. Бойцы ПКГ-ВОН носили чешскую военную форму.

С началом германо-польской войны оба батальона были разделены на более мелкие группы и подчинены разным немецким частям. Как и приказывало политическое руководство Германии, участия во фронтовых операциях ПКГ-ВОН не принимали. За все время существования ПКГ-ВОН его действия в первой половине сентября 1939 г. ограничились несколькими нападениями на небольшие польские гарнизоны, обозы и отряды с последующим их разоружением. Поскольку Польша и так распалась в ходе нацистско-советской агрессии, то в ходе этих небольших операций ПКГ-ВОН обе стороны обошлись без жертв[45].

Во второй половине сентября СССР захватил восточную часть Польши, а немцы, видя нецелесообразность дальнейшего существования УЛ, в октябре – ноябре 1939 г. его распустили. Часть солдат ВВН поступила на службу в вермахт в личном порядке, большинство — в украинскую полицию на территории Генерал-губернаторства.

Второе военное формирование ОУН, на сей раз уже исключительно из бандеровцев (Организация, напомним, разделилась в 1940 г.) было создано при поддержке нацистов весной 1941 г. и получило название Легион или Дружины украинских националистов (ЛУН или ДУН)[46].

На переломе 1940/41 гг. многим в Европе, в том числе и лидерам ОУН, становилась очевидной близость советско-германской войны, и оба течения националистов стремились использовать начавшийся конфликт в целях создания украинского самостоятельного объединенного государства.

Более многочисленная и активная бандеровская фракция решила в ходе грядущей схватки двух тоталитарных государств выступить в Украине в качестве третьей силы, находящейся в союзе со второй силой — нацистской Германией.

Представитель ОУН(б) Рихард (Ричард, Рико) Ярый, за два года до этого сыгравший решающую роль в создании ПКГ-ВОН, в январе 1941 г. вошел в контакт с Верховным командованием вермахта (Oberkommando der Wehrmacht — OKW — ОКВ) с предложением о военном

сотрудничестве. Конкретно переговоры велись с главнокомандующим сухопутных войск генералом Браухичем и главой абвера (контрразведки вермахта) адмиралом Канарисом. В феврале договоренность была достигнута на следующих условиях:

- ОУН предоставляет в распоряжение вермахта 700 человек;
- ДУН подчиняются ОУН в политических вопросах;
- солдаты формирования принимают присягу на верность Украине и ОУН;
- в случае войны с СССР батальон используется только на Восточном фронте;
- после создания независимой Украины ДУН станут ядром при создании украинской армии.

Батальон (курень) «Роланд» был создан в апреле — мае 1941 г. в районе Вены, насчитывал 350 человек, как правило, ранее уже имевших опыт службы в австрийской или польской армиях. Некоторые его бойцы до войны прошли офицерские или унтер-офицерские курсы. Поэтому обучение солдат и офицеров батальона длилось всего 6 недель, и основной упор шел на подготовку к разведывательно-диверсионной деятельности. С украинской стороны «Роландом» командовал майор Евгений Побигущий.

Второй батальон назывался «Нахтигаль».

Уже упоминавшийся деятель НКВД Павел Судоплатов в своих мемуарах сообщает, что «во время войны Шухевич имел чин гауптштурмбанфюрера и был одним из командиров карательного батальона «Nachtigal». Командовали батальоном в основном немцы, а состоял он из бандеровцев. После массового расстрела в июле 1941 г. во Львове евреев и многих представителей польской интеллигенции бандеровцы провозгласили создание правительства независимой Украины во главе с Стецко... Позднее, в 1945 г., часть батальона «Nachtigal» влилась в элитное карательное подразделение вооруженных сил фашистской Германии — дивизию «Галичина»[47].

В этой краткой цитате из мемуаров Судоплатова, — в которой нет вообще ни слова правды, — содержатся нелепые фактологические ошибки, вызванные, вероятно, не столько лживостью автора, сколько просто его неве-

дением. Настоящая история «Нахтигаля» выглядит следующим образом.

Батальон «Нахтигаль», что в переводе с немецкого означает «Соловей», получил столь романтическое название из-за своего хора, пением которого были буквально зачарованы офицеры вермахта. Призывников будущего «Нахтигаля» собрали в Кракове, начиная с конца февраля 1941 г. Потом их развезли по местам для прохождения обучения — в Германию или в украинские городки и села недалеко от советско-польской границы. Позже все вместе были отправлены в немецкий город Нойгаммер (Силезия). Большинство бойцов «Нахтигаля», как и «Роланда», прошло военную службу и/или подготовку задолго до 1941 г., преимущественно в рядах Войска Польского. ДУН создавались в обстановке строгой секретности не только от спецслужб СССР, но и от представителей СД и гестапо, которые выступали против привлечения «недочеловеков» в ряды Вооруженных сил рейха.

Примечательно, что украинским командиром «Нахтигаля» был Роман Шухевич, за два года до этого в Закарпатье принимавший участие в боях против союзника Германии — Венгрии. Позже он убежит от немцев и возглавит УПА, которая к тому моменту будет активно проводить антинацистские акции.

Вот что сообщают два автора (киевлянин и москвич) Николай Горелов и Юрий Борисенок о Дружинах украинских националистов: «Поначалу украинским националистам позволили сформировать две диверсионные части абвера — легионы "Нахтигаль" и "Роланд". В "Нахтигаль", который насчитывал более 700 человек... вступили в основном бандеровцы. "Роланд"... комплектовался из националистов всех направлений»[48].

Данная информация не вполне соответствует действительности.

Хотя ДУН с натяжкой и можно назвать диверсионными частями абвера, они ни разу не использовались в тылу РККА, а ОКВ возлагало на них, скорее, охранные функции. 700 человек — численность не «Нахтигаля», а обеих ДУН, вместе взятых. В «Нахтигаль» бандеровцы шли в порядке тайной партийной мобилизации. «Роланд»

комплектовался вполне добровольно, но через краевое правление ОУН(б) в Вене, поэтому оба легиона были бандеровскими, и их возникновение стало неприятной неожиданностью для мельниковцев.

Бандеровцы могли выставить значительно больше бойцов-коллаборационистов, но Провод ОУН(б) отбирал в ДУН только профессионалов, обладавших необходимой квалификацией.

«Роланд» в первой половине июня передислоцировался из Вены в городок Компулунг (Южная Буковина, Румыния), вообще не принимал участия в боях с Красной армией и на протяжении июня-июля даже не переходил румынско-советскую границу. Только в начале августа батальон вступил на территорию УССР, где не выполнил ни одного боевого задания, а 14 августа по политическим причинам был направлен обратно в Румынию. Там 26 августа 1941 г. его разоружили. Уже 16 сентября гестапо арестовало Рихарда Ярого и двух капитанов из «Роланда», обвинило их в антигосударственной деятельности и отправило в концлагерь Заксенхаузен.

«Нахтигаль» перед 22 июня дислоцировался в польско-украинском городке Радшин около Перемышля. 24 июня батальон участвовал в прорыве советской обороны, опиравшейся на приграничный укрепрайон. Потом «Нахтигаль» маршем, не вступая в бои, пошел на Львов и 29 июня рано утром вошел в город, где сразу же взял под охрану ряд объектов, в том числе и радиостанцию, благодаря чему представители ОУН(б) 30 июня 1941 г. смогли провозгласить по радио Акт о независимости Украины.

Следует отметить, что широко распространенная в советской публицистике версия об участии бойцов «Нахтигаля» в убийствах польской и еврейской интеллигенции во Львове в начале июля 1941 г. является выдумкой советской пропаганды[49]. На Нюрнбергском процессе было установлено, что нацистский террор проводили немецкие эсэсовцы, вошедшие в город чуть позже «Нахтигаля». В 1946 г. советская сторона вообще не поднимала вопрос о действиях ДУН во Львове. По вопросу о массовых убийствах во Львове в июне — июле 1941 г. после войны проходили слушания в Конгрессе США, также подтвердившие непричастность оуновцев к этой террористической акции, да и снявшие с ОУН обвинения в участии в Холокосте. Сама версия об антисемитских и антипольских акциях «Нахтигаля» была запущена советской стороной в 1959 г. Связано это было с тем, что пост министра по делам переселенных немцев в правительстве ФРГ занял Теодор Оберлендер, бывший немецкий командир «Соловья». Оберлендер до, во время и после войны был ярым антикоммунистом и не скрывал своих взглядов. К тому же пост, который он занимал, был весьма специфическим: бывший боевой офицер курировал вопросы, связанные с жизнью немцев, изгнанных из Восточной Европы в 1944–1948 гг. В эти годы была осуществлена самая большая депортация за всю историю человечества — из мест своего постоянного проживания было выслано не менее 15 млн человек, из которых погибло около 2,3 млн. Депортация совершалась с нарушением всех возможных правовых норм. Поэтому изгнанные немцы в ФРГ и Австрии в послевоенные годы были довольно активной силой, стремившейся к тому, чтобы новые коммунистические хозяева Восточной Европы компенсировали переселенцам стоимость потерянного имущества или, на худой конец, хотя бы извинились за бесчинства сталинской эпохи. Понятно, что руководство советского блока кандидатура Оберлендера в правительстве ФРГ совсем не устраивала. Поэтому через коммунистическую прессу в ГДР, Польше, СССР и ФРГ и была запущена лживая версия о терроре «Нахтигаля» во Львове в июле 1941 г. Оберлендера отправили в отставку «от греха подальше», несмотря на то, что бывший командир «Нахтигаля» подал в суд на клеветников и выиграл процесс, отстояв свою честь и честь своих подчиненных.

Вероятно, из-за отсутствия обмена новейшими историческими исследованиями фраза о «диком терроре вояк "Нахтигаля"»[50] вошла и в последнюю работу Михаила Семиряги. В ней же мы найдем странную информацию о том, что ДУН являлись добровольческими частями СС[51], хотя абвер, как известно, в структуру СС не входил.

Но, по-видимому, «Нахтигаль» все же участвовал в терроре, который был направлен против еврейского населения. Сразу же по появлении Легиона во Львове оуновцы на два дня стали реальной властью[52]. Органи-

зованная бандеровцами милиция[53] избила, совместно с немцами, несколько сотен евреев и заставила их выкопать из земли тела убитых чекистами за день или два до этого заключенных. В этой акции принимало самое активное участие и мирное население, коллективный рассудок которого помутился от коммунистического варварства. Однако в последовавших позже убийствах польского и еврейского населения Львова бойцы «Нахтигаля» не участвовали.

Киевский исследователь Иван Патриляк опубликовал свидетельство, проливающее свет на еще одну более чем неприглядную страницу в краткой истории «Нахтигаля». То, что этот документ — дневник неизвестного члена ОУН — не публиковался вплоть до конца 1990-х, позволяет предположить, что в данном случае мы не имеем дело с подделкой, сфабрикованной в КГБ. Автор дневника служил в «Нахтигале» в разведывательной роте, расстрелявшей «из мести» мирное еврейское население в Винницкой области. Дело в том, что нацистская пропаганда, находящая отклик в сознании мирного украинского населения, обвиняла евреев в массовых убийствах заключенных в Виннице.

Вот это свидетельство:

«Во время нашего перехода мы воочию видели жертвы еврейско-большевистского террора, этот вид так скрепил ненависть нашу к евреям, что в двух селах мы постреляли всех встречных евреев. Вспоминаю один эпизод. Во время нашего перехода перед одним из сел видим много блуждающих людей. На вопрос отвечают, что евреи угрожают им, и они боятся спать в хатах. Вследствие этого, мы постреляли всех встретившихся там евреев»[54].

Если приведенный документ аутентичен, то необходимо сделать вывод о том, что оуновцев и западно-украинское население в 1940-е гг. — так же, как и значительную часть населения Европы в первой половине XX века, — захлестнула волна антисемитского безумия. Однако это не снимает с историка обязанности оперировать лишь достоверными фактами и лишь на их основании выносить оценки. В этом случае придется признать, что антиеврейский террор в деятельности «Нахтигаля» — в отличие от деятельности германских нацистов — носил эпизодический, а не планомерный характер.

7 июля «Нахтигаль» вышел из Львова и 14 июля вошел в Проскуров, позже принял участие в боях около Браилова и Винницы. Члены батальона создавали украинскую администрацию на местах и вели активную националистическую пропаганду. В середине августа часть была отправлена обратно в Нойгаммер (Силезия), разоружена и распущена, а часть бойцов-оуновцев арестована. Интересно, что в 1990-е гг. львовские скины создали хор с аналогичным названием — «Нахтигаль», который существует до сих пор. Автор этих строк сам трелей «коричневых соловьев» не слышал, но свидетели говорят, что поют юные украинские неонацисты вполне прилично.

В работе Михаила Семиряги мы можем прочесть: «В начале 1942 г. бандеровский легион "Нахтигаль" под командованием сотника Р. Шухевича, который дислоцировался на Волыни, начал подпольную антигерманскую деятельность. Создаваемые в разных районах Западной Украины отряды УПА сражались тогда только против немцев»[55].

На самом деле легион «Нахтигаль» в августе 1941 г. был распущен, созданный частично на его основе 201-й батальон охранной полиции исправно служил немцам бóльшую часть 1942 г., причем не на Волыни, а в Белоруссии. УПА же в 1942 г. существовала в виде одного небольшого отряда Тараса Бульбы (Боровца) УПА — Полесская Сечь (УПА-ПС)[56]. С немцами он особо не воевал, дислоцировался не «в разных районах Западной Украины», а только в Полесье[57]. Бандеровской УПА в 1942 г. вообще не было, о чем будет подробнее рассказано в следующем разделе. Было только одно формирование, которое с натяжкой можно назвать «бандеровским», но к УПА оно не имело тогда никакого отношения — это был 201-й батальон охранной полиции.

После того как немцы решили ликвидировать «Нахтигаль» и «Роланд», их украинский состав был переправлен во Франкфурт-на-Одере, где каждому бойцу предложили подписать индивидуальный контракт на службу в немецкой армии. Большинство оуновцев согласилось, те же 15 человек, кто отказался это сделать, были в скором

времени отправлены в трудовые лагеря. Из украинцев, подписавших контракт, была сформирована новая часть — охранный батальон 201-й охранной дивизии полиции генерал-майора Й. Якоби. Командовал формированием не «сотник Р. Шухевич» (в батальоне он командовал первой сотней), а майор Евгений Побигущий, немецким шефом был инспекционный офицер капитан Моха[58].

Несмотря на то что большинство членов 201-го батальона были бандеровцами, к политике ОУН(б) эта охранная часть отношения не имела. На момент создания батальона радикальное крыло националистов находилось в подполье, а сам Бандера сотоварищи — в Заксенхаузене. Поскольку «Нахтигаль» и «Роланд» были ценными боевыми частями, то гитлеровцы решили использовать их состав для ведения войны, а не перестрелять его или сгноить в концлагерях.

До 19 марта 1942 г. батальон проходил обучение во Франкфурте-на-Одере, а потом тайно был переброшен в Белоруссию (район Могилева, Витебска и Лепеля), где принимал участие в охране путей сообщения от советских партизан. Во время прохождения службы батальон не потерял ни одного объекта охраны и был признан лучшей полицейской частью в тылу группы армий «Центр». Потери батальона в боях с партизанами составили 49 бойцов убитыми и 40 ранеными. По некоторым данным, в боях против этой части советские партизаны потеряли около 2500 человек убитыми[59].

Впрочем, какими бы бандеровцы ни были лихими и профессиональными боевиками, а убить 2,5 тысячи партизан формирование из 650 человек за 8 месяцев службы вряд ли могло. К тому же получается, что на одного убитого националиста приходится 50 убитых партизан: данные явно неправдоподобные.

Разница в потерях партизан и бойцов 201-го батальона наводит на мысль либо о преувеличении исследователями боевых качеств части, либо о приписках в отчетах бойцов, либо о том, что не все убитые «партизаны» на самом деле были партизанами. В частности, в 1942 г. нацисты в Белоруссии уже широко практиковали сожжение «партизанских деревень» и расстрелы заложников.

Но, скорее всего, здесь имеют место «приписки» историка. Исследователь Иван Патриляк, из диссертации которого взяты эти цифровые данные, в свою очередь, ссылается на работу «Роман Шухевич» эмигрантского украинского историка Петра Мирчука. Этот автор был неоднократно уличен своими коллегами в предвзятости, преувеличениях и необъективности.

Если бы 201-й батальон действовал не небольшими группками, разбросанными на сотни километров друг от друга, а как одна часть, и активно использовался бы в антипартизанских операциях, а не охранял железные дороги и склады, то тогда, вероятнее всего, его бойцы и могли бы отметиться в массовых убийствах «партизан». Впрочем, достоверных документальных данных о деятельности 201-го батальона очень мало, исследователи оперируют в основном воспоминаниями его бойцов, поэтому все эти выкладки относятся к разряду предположений.

1 декабря 1942 г. все украинцы 201-го батальона, протестуя против политики немцев в Украине, отказались продлевать контракт. Поэтому в январе 1943 г. солдаты и офицеры части под конвоем были переведены во Львов. Там командный состав заключили в тюрьму, а рядовых отпустили по домам. Немцы предлагали им далее служить в местной полиции. По дороге бывший командир «Нахтигаля» Роман Шухевич убежал на конспиративную квартиру ОУН и стал помогать своим бывшим товарищам бежать из тюрьмы. Часть командиров 201-го батальона немцы «временно» освободили, и они ушли в подполье. Позже и оставшиеся в заключении бойцы 201-го батальона, вступив в украинскую дивизию СС «Галичина», убежали, чтобы вступить в ряды УПА.

Бывшие офицеры ДУН и 201-го батальона составили ядро командного состава Повстанческой армии.

Но, подчеркнем, все бандеровцы служили в 201-м батальоне не как бандеровцы, а в качестве простых украинцев, под давлением обстоятельств заключивших с немцами индивидуальный контракт на службу.

Кстати, упомянутая Судоплатовым элитная карательная дивизия СС «Галичина» на самом деле не была ни элитной, ни карательной: официально ее вина в воен-

ных преступлениях и преступлениях против человечности — несмотря на многочисленные попытки советской стороны — не доказана.

Ее создание в 1943 г. поддержали едва ли не все украинские антикоммунисты.

Исключением из них была все та же ОУН(б), развернувшая против дивизии яростную агитацию. К тому времени на Волыни бандеровцы уже создали УПА и активно звали молодежь в лес, а не на немецкую сторону советско-германского фронта.

Исследователи Горелов и Борисенок утверждают, что мельниковцы «выступили с инициативой создания дивизии СС "Галичина" и принимали самое активное участие в ее формировании»[60].

Но это не так. Мельниковцы всегда выступали за то, чтобы создать единые украинские вооруженные силы, а не какие-то соединения регионального значения. Идея организации «Галичины» принадлежала не им, а немецкому губернатору Галиции Отто Вехтеру[61]. Мельниковцы не принимали активного участия в формировании «Галичины» еще и потому, что у них просто не было соответствующих возможностей: к тому времени гестапо и СД тысячами арестовывали и расстреливали представителей ОУН(м). Впрочем, саму идею создания нацистами украинской дивизии они все же поддерживали, руководствуясь принципом: «С паршивой овцы хоть шерсти клок».

В конце 1941 г. ОУН(б) вынуждена была перейти на антинацистские позиции.

Еще 12 сентября 1941 г. в газете «Свободное слово», выходящей в городе Дрогобыче, констатировалось: «Украинский народ, который действует соответственно инструкциям Провода ОУН, оказывает немецкой армии всестороннюю поддержку: помогает ей громить большевистские военные части, ловить энкаведешников и шпионов, устраивать порядок, но не хочет и не может ограничиться только пассивным наблюдением дел, которые на долгие годы решают: "быть или не быть". Любой ценой хочет принять активное участие в крестовом походе на большевиков, быть кузнецом собственной судьбы»[62].

А уже через три дня начались массовые расстрелы членов ОУН(б) и ни о каком сотрудничестве более речи не шло.

В связи со всем вышесказанным встает вопрос: как могли фанатичные приверженцы идеи независимой Украины изначально пойти на столь тесное сотрудничество с нацистами, не считавшими славян за людей и рассматривавшими Восточную Европу как колонию «Великой Германии»?

На это было несколько причин.

В нацистском руководстве не было единства мнений относительно будущего Украины. В частности, идеолог НСДАП и будущий министр по делам Восточных территорий Альфред Розенберг предлагал создать украинское государство под немецким протекторатом. Уже упоминавшиеся историки Горелов и Борисенок отмечают: «Игнорируя суровую действительность, украинские националисты свято верили в возможность осуществления планов Розенберга... Похоже, что накануне войны подобную литературу (о расовой теории и колониальных планах Гитлера. — *А. Г.*) не читали и само собой напрашивающихся выводов сделать не смогли»[63].

Бандеровцы и мельниковцы, сами отличавшиеся весьма суровым нравом, столь же суровую действительность, конечно же, не игнорировали. Националисты высшего звена, разумеется, читали соответствующую литературу: об этом есть авторитетные свидетельства и документальные данные — работы самих оуновцев со ссылками на соответствующую литературу (как, впрочем, отлично знали бандеровцы и «классиков марксизма-ленинизма»). Но на коллаборационизм они, тем не менее, шли — по причинам, которые, на наш взгляд, наиболее точно и кратко раскрыл уже упоминавшийся Иван Патриляк.

«...в "Вестнике" Украинской Информационной Службы, который выходил в Берлине, 27 октября 1941 года в статье "Немецкий национал-социализм и европейские народы", отмечалось: "Эта доктрина (расовая. — *И. П.*) на самом деле выделяет и признает превосходство так называемой "германской расы", но тесные, близкие взаимоотношения на всех участках жизни, например, с итальянским народом доказывают, что эта доктрина про "превос-

ходство" германской расы является только игрой слов внутри национал-социализма и не имеет никакого общего значения. В национал-социалистической расовой доктрине выдвигается на первое место значение т. н. "арийской расы", а к ней принадлежат все народы Европы"».

Другую интересную мысль относительно расовой политики гитлеризма находим в воспоминаниях одного из участников украинских батальонов Мирослава Кальбы, который, в частности, пишет: «Правда, было написано в программной работе Гитлера "Майн кампф" про невыгодное отношение к Украине, но никто не соглашался верить в это, потому что поход против Москвы без договора с подневольными народами после опыта Карла Шведского и Наполеона выглядел бы глупостью, тем более что у немцев у самих была хорошая наука из первой мировой войны. А к тому же старые немецкие генералы сами были твердо убеждены и верили, что пока договор находится в действии (пакт Молотова — Риббентропа. — *И. П.*), про дело Украины не может быть и речи, но когда начнется война, тогда этот вопрос будет решен позитивно. Поэтому они действовали в этом направлении, надеясь, что таким способом сделают своему фюреру приятную неожиданность».[64]

То есть, как видим, украинские круги лишь немного расходились в понимании расового вопроса. Если одни видели в нем лишь игру слов, то другие, подходя прагматично, считали, что Гитлер может говорить и писать что угодно, но жизнь заставит его отказаться от своих взглядов. Кроме того, похожей точки зрения придерживался и немецкий генералитет, который рано пошел на сотрудничество с украинцами.

Упомянем здесь еще одну причину, по которой оуновцы, да и вообще все украинские политики, могли надеяться на вменяемое поведение гитлеровцев на землях бывшей советской Украины.

В 1939 г. Польша была поделена между Сталиным и Гитлером. В исторической среде широко распространено мнение, что раздел состоялся по линии этнической границы: земли, на которых поляки составляли большинство, отошли рейху, а украинские и белорусские территории — Советскому Союзу. Но это не так. В состав

СССР вошла и Белостокская область, населенная преимущественно поляками. А в Генерал-губернаторство были включены некоторые украинские земли, расположенные западнее так называемой «линии Керзона» — то, что в украинской историографии принято называть «украинским Закерзоньем» (география этих земель более подробно будет описана в следующем разделе).

В Генерал-губернаторстве немцы относились к украинцам значительно лучше, чем к полякам или евреям. Оккупанты открывали украинские школы, средние учебные заведения; украинцев охотнее, чем поляков, призывали в полицию, здесь выходили украинские газеты. Никакой принудительной отправки на работы в Германию, террора или тем более геноцида украинское население Закерзонья на себе в 1939–1941 гг. не чувствовало. Жесткое поведение нацистов в пределах рейхскомиссариата Украина в 1941–1943 гг. оказалось для представителей всех украинских партий более чем неприятной неожиданностью.

Так или иначе, в связи с событиями июля-сентября 1941 г. — разгоном немцами бандеровского правительства во Львове и последующим террором против националистов — пути ОУН(б) с немцами разошлись. До 1944 г. никакого сотрудничества между обеими сторонами не было, а в последние полтора года войны оно носило эпизодический характер и на ход войны не влияло.

Практически все политические силы антикоммунистического «организованного украинства» в годы Второй мировой войны были настроены на сотрудничество с Германией во имя освобождения родины от большевизма и предоставления Украине независимости. Но реального и достаточно тесного сотрудничества (военные части двойного подчинения) удалось достичь только оуновцам, точнее, их бандеровскому крылу — в случае с ДУН. После августа 1941-го, когда основная часть политически активных украинцев заняла выжидательную позицию, — частично оправдавшуюся только к весне 1945 г., когда немцы наконец позволили создать украинское правительство и Украинскую национальную армию, — ОУН(б) начала антинацистскую деятельность.

Все это говорит не о парадоксальности мышления бандеровцев, а об их активной, точнее даже сверхактив-

ной гражданско-политической позиции и возможности договариваться с кем угодно и сражаться против кого угодно ради достижения заветной цели — создания независимой Украины. Даже после войны командование ОУН-УПА приказывало своим бойцам, в случае войны СССР с западными демократиями и оккупации войсками последних территории УССР, сдать освободителям только меньшую часть оружия... чтобы в случае необходимости оставшиеся автоматы и винтовки выкопать и (в который раз!) начать партизанскую войну с новыми возможными противниками украинской государственности.

К упомянутым Семирягой «формированиям националистов, созданным при покровительстве немцев», относятся и некоторые мельниковские отряды. Правда, возникли они не в 1941 г., а в 1943-м и 1944-м.

Коллаборационистским формированием ОУН(м) стал созданный летом 1943 г. Украинский легион самообороны (УЛС), состоявший из 3-х сотен. УЛС действовал на Волыни в районе Кременечины. Бандеровцы, которые к тому времени создали многочисленную УПА, разоружали мельниковцев и включали их в свои ряды. Поэтому под давлением Повстанческой армии УЛС «демобилизовался», то есть перешел на нелегальное положение, а в начале 1944 г. на его основе был создан 31-й коллаборационистский батальон СД, хотя неофициально использовалось и старое название — УЛС. Формирование насчитывало 500–600 бойцов. Летом 1944 г. одна чета (рота) УЛС перешла на сторону УПА, большинство же членов УЛС воевало в качестве коллаборационистов до конца войны.

Вторым мельниковским формированием была Буковинская самооборонная армия (БУСА), созданная, как видно из названия, на Буковине (Черновицкая область УССР).

Крымский историк Сергей Ткаченко сообщает, что вооруженное сопротивление на Буковине «до 1943 г. носило название Буковинская самооборонная армия (БУСА), а потом стало частью УПА-Запад. Командиром БУСА был Луговой»[65].

В другом месте работы этого исследователя можно прочитать: «Отдельным эпизодом движения сопротивления можно назвать борьбу против советских и румынских коммунистов так называемой Буковинской украинской самообороннной армии (БУСА). Она была организована весной — летом 1944 г., насчитывала три хорошо вооруженных отдела и провела больше сотни боев»[66].

Если про время образования одной структуры в одной книге в разных местах приводятся разные данные, то возникают сомнения, писал ли эту книгу один человек или же ему помогали разные добровольные помощники.

В действительности БУСА не была структурой вооруженного сопротивления и к УПА имела косвенное отношение.

Это было коллаборационистское формирование из трех сотен, созданное при участии мельниковцев. До 1944 г. национального партизанского движения на Буковине не было. Эта территория была занята румынами, рассматривавшими ее как свою, и поэтому выступавшими скорее не оккупантами, а просто старыми хозяевами Буковины (правда, хозяевами не очень жалуемыми местным украинским населением). По мере наступления Красной армии Черновицкая область постепенно перешла под контроль военной администрации вермахта. В апреле 1944 г. сюда, в село Стрелецкий Угол Кицманского района Черновицкой области из Галиции прибыл мельниковец Василий Шумка («Луговой»). ОУН(м) здесь еще с 1940–1941 гг. была значительно сильнее бандеровской фракции. Луговой возглавил местную группу самообороны. Отдельные группы самообороны — самообороны не от немцев, а от красных партизан — начали действовать и в других районах Буковины. Позже сюда прибыли и десятки других мельниковцев и бандеровцев. Последние развернули здесь в селе Мигова лагерь подготовки кадров, хотя командование Группы армий «Южная Украина» стремилось не допустить повстанческой деятельности и поэтому на основе групп самообороны создало и вооружило мельниковскую Буковинскую самооборонную армию (БУСА), численностью до 600 человек. БУСА со временем вступила в борьбу с Красной армией, а позже частично влилась в УПА-Запад, частично ушла с немцами и в начале 1945 г. влилась в колла-

борационистскую УНА — Украинскую национальную армию". УНА возникла на основе разных коллаборационистских формирований, частей и соединений, воевавших в составе Вооруженных сил рейха в 1941–1945 гг. Бандеровцы выступали против ее создания, а мельниковцы — за, и даже входили в Украинский национальный комитет (УНК) — орган политического руководства УНА. Однако сформирована УНА была не только мельниковцами, но и различными силами украинских националов под покровительством немцев.

Таким образом, полный перечень частей, созданных украинскими националистами (обеими ветвями ОУН) при покровительстве немцев, выглядит следующим образом: военные отделы националистов в 1939 г., бандеровские батальоны «Нахтигаль» и «Роланд» в 1941 г., мельниковские Волынский (позже Украинский) легион самообороны (1943–1945 гг.) и Буковинская самооборонная армия в 1944 г.

Все это в сумме составляет 2,5, максимум 3 тысячи человек.

Число же украинских военных и полицейских коллаборационистов составило за всю войну, по моим подсчетам, которые здесь нет необходимости приводить, не менее четырехсот тысяч человек. Поэтому количество военных коллаборационистов-националистов составило менее 1% от всех украинцев, получивших оружие из рук немцев.

В народную память наиболее глубоко врезались вовсе не фанатичные антикоммунисты из дивизии СС «Галичина», и не спасавшиеся от голодной смерти, неминуемой в лагерях военнопленных, «хиви» (добровольные помощники) вермахта, а обычные шкурники — «полицаи индивидуальной службы». Таковых только в городах и деревнях рейхскомиссариата Украина насчитывалось как минимум сто пятьдесят тысяч человек, а служили они и в Галиции, и в Закерзонье (то есть в другом административно-территориальном образовании «Тысячелетнего Рейха» — Генерал-губернаторстве).

Чтобы окончательно провести черту между повстанцами и коллаборационистами, приведем описание ленинградским диссидентом Михаилом Хейфецем двух психологических типов, с которыми ему пришлось столкнуться в советском лагере:

«Знаю, что это лирическое отступление покажется посторонним людям пристрастным, да и я сам, наверно, не побывай в зоне, не наблюдай все собственными глазами, решил бы, что автор излишне «социологизирует» свои наблюдения — выводит психологию даже не из социального происхождения, как марксисты, а из формулировок обвинительного заключения. Но, Боже мой, какая психологическая пропасть разделяла украинцев, крестьян, бывших соседей и, может быть, приятелей — пропасть, отделявшая бывших бандеровцев от бывших работников гитлеровской администрации. Экс-каратели и экс-старосты иногда были вовсе не плохими от природы людьми, и добрыми иногда — но они все, почти без исключения, казались мне морально сломленными, причем не зоной или войной, а еще раньше, почти изначально. Они казались нормальными советскими людьми, то есть слугами власти, любой власти — что гитлеровской, что советской, что польской, что, если появится, своей украинской. Часто это были просто человекообразные автоматы, роботы, запрограммированные на исполнение любого приказания — недаром среди самых кровавых гитлеровских убийц можно было обнаружить людей, которые после войны — до ареста — числились советскими активистами и орденоносцами. Не буду притворяться, я иногда жалел их — хотя отлично понимал, сколько людей от них пострадало, скольких они убили (и среди них — моих земляков) — убили людей, мизинца которых не стоили. Честное слово, иногда казалось, что вины у них не больше, чем у овчарок, которые лаяли на заключенных концлагерей, — не больше они понимали, чем эти овчарки, и что, если посадить овчарку на 25 лет в тюрьму, какой в этом смысл?

Бандеровцы выглядели совсем по-иному. И они убивали, и, наверняка, невинных тоже (война — дело жуткое и жестокое), и моих земляков — это я понимал. Но видно было, что, поднимая на человека оружие, они знали — зачем это делают, и осознавали греховность своего деяния. Убивали во имя родины, но понимали при этом, что все-таки поднимают руку на Сосуд Божий, на

человека, и совершают грех, и должны платить за грех. Вот два параллельных микро-рассказа, чтобы читатель понял, какую психологическую разницу я уловил в этих двух типах украинцев.

Старик Колодка, бракер в нашем цеху, малограмотный или вовсе неграмотный, отбывавший 18-й год из 25-ти, жаловался на скамейке возле штаба: «Прищли немцы, дали винтовку. Сказали — стреляй. Ну, я взял, а куда денешься...»

Роман Семенюк — бандеровский разведчик из Сокаля, отбывавший те же 25 лет: «Я так казав маты: я пидняв зброю на людыну, мене за це можуть вбыты и це будет справедливо. Я знаю, на що иду — я христианин, маты».

Совсем по-другому бандеровцы и бывшие полицаи относились к вопросам чести. Утомлю читателей еще одним эпизодом — скорее, забавным, но по-своему очень характерным для лагерных нравов.

Однажды, когда в качестве авторитета в каком-то споре Василь Овсиенко упомянул Кончаковского, Ушаков (младомарксист из Ленинграда) вдруг высказался: «Кончакивский? Такой толстый старик? В кочегарке работает? На 19-м? Он же стукач. Мне Юскевич рассказывал, его разоблачили». Стоило понаблюдать тогда истерику Овсиенко, я едва увел его за руки с места спора, опасаясь драки. Но вот всех нас перевели на 19-й, встречаю и знакомлюсь с Кончакивским: «Мне много хорошего о вас рассказывали Попадюк и Овсиенко». — «Но ведь вам рассказывали обо мне не только хорошее», — возражает Кончакивский с улыбкой и... устраивает в тот же вечер нечто вроде суда над Ушаковым, куда меня пригласили в качестве свидетеля. «Какие у вас были основания называть пана Кончакивского стукачом?» Почти сразу выяснилось, что «вышла помилка», по выражению одного из судей, Романа Семенюка: Ушаков спутал Кончакивского с другим украинцем, полицаем Антоновичем: тот тоже работал в кочегарке, был таким же плотным и круглолицым... И как только выяснилось, что честь бандеровца безупречна, что Ушаков, знавший обоих издали, просто спутал фамилии, все разошлись успокоенные. Будто вопрос о репутации Антоновича вообще не мог никого из украинцев заинтересовать! Он же полицай...

Может, и стучит, ну и что? Об этом даже говорить неинтересно»[68].

Вот и с точки зрения автора этих строк Сопротивление представляет куда больший интерес, чем коллаборационизм. Поэтому следующая глава посвящена тому, как бандеровцы из союзников рейха превратились в антинацистскую силу.

От коллаборационизма к сопротивлению: бандеровцы в годы советско-германской войны

> 20.VI [1943] разбиты немцы в Бережцах. Один немец перешел на сторону отряда. Он заявил, что партия и правительство ведут Германию к погибели, и поэтому он считает их своими врагами. Хочет бороться против них. Сказал, что в стране партия и гестапо так же, как украинцев, трактует его семью и сирых немецких граждан. Он собственноручно кидал гранаты в окно полицейского поста[69].
>
> *Из отчета о деятельности отряда «Ворона» Группы УПА «Богун» за период с 11.06 по 10.07.1943 г.*

22 июня 1941 г. Германия напала на Советский Союз.

«Хоть, может, в подсознании некоторых украинских политиков и были отдельные сомнения относительно истинных целей нацистской политики на Востоке, однако все антикоммунистические силы украинства встретили войну с радостью и искренне стремились помочь Германии в разгроме СССР как оплота мирового коммунизма, принять активное участие в установлении «нового порядка» в Европе и во всем мире»[70].

Бандеровцы не были исключением. Военная референтура ОУН(б) подготовила восстания на территории Западной Украины. Кроме поднятия восстаний и устройства диверсий, предполагалось вести разведывательную деятельность — в пользу абвера, с которым были согласованы все действия.

В мае 1941 г. появились специальные военные инструкции ОУН относительно деятельности повстанцев в тылу врага, отрывки из которых приводятся ниже.

«Война между Москвой и другими государствами — это для нас только хорошая ситуация для вооруженного взрыва против Москвы и восстановления Украинского государства собственными силами украинского народа. (...)

4. Вооруженную борьбу ОУН организует в двух формах:

а) революционно-повстанческая акция во вражеском тылу тогда, когда Красная армия и большевистская система будет потрясена военными событиями;

б) участие в военных действиях против Москвы украинского войска, которое будет состоять из повстанческих и партизанских частей, из украинских частей Красной армии, которые выступают против Москвы, и из военных частей, сформированных в эмиграции и на освобожденных от врага украинских землях.

Борьба должна быть твердой, упорной, безоглядной и беспощадной. Героической, альказарской. Борьба не на жизнь, а на смерть, без возврата. (...)

25. Марширующие немецкие войска принимаем как войска союзника. Стараемся перед их приходом сами упорядочить жизнь как следует. Им заявляем, что уже создалась украинская власть, ее взяла ОУН под руководством Степана Бандеры, все дела украинской жизни упорядочивает ОУН и местная власть, готовая войти в хорошие взаимоотношения с союзными войсками для общей борьбы с Москвой и для сотрудничества...

В случае если немцы отнесутся негативно к созданию украинской власти ОУН, не признают ее и назначат своих людей, заявлять на местах, что назначенные ОУН не могут передать власти, так как лишь Провод ОУН может их освободить от обязанностей.

Перед физической силой уступить, но в правовом смысле власти не передавать...»[71]

В этих инструкциях были и элементы агрессивного расизма.

«...Украинцев-бойцов и командиров, если мы их включили в ряды своего войска, трактовать как своих (объединение), оказывать им всяческую помощь и охранять их от плена. Командиров приднепрянцев (то есть уроженцев центральных областей Украины, оставленных на западно-украинских землях) втягивать в работу.

...При разоружении какого-то отряда провести сейчас же распределение по национальностям. Украинцев принимать к себе, хорошо настроенных к нам порабощенных Москвой народов по их желанию — тоже. Лучше из них (порабощенных народов) создавать отдельные отряды. Оказывать им (нашим и приятелям) всякую помощь и опеку (как в полит[ической] инст[рукции]). С остатками разоруженного войска делать так: московских (то есть русских. — *А. Г.*) мужчин после разоружения отдать в плен немцам, не на виду ликвидировать. Другие народности отпускать до дома. Политруков и тех, про кого известно, что они коммунисты и русские — ликвидировать. То же самое (кое в чем острее) с частями НКВД»[72].

Отчасти эти инструкции были реализованы, но полностью оуновцам не дали «развернуться» пришедшие немцы.

В пропаганде, нацеленной на красноармейцев и тыловые районы предполагалось использовать, среди прочих, следующие лозунги: «С началом войны бейте большевиков, которые вами командуют! Уничтожайте штабы, стреляйте русских, евреев, энкаведешников, политруков и всех, кто хочет войны и нашей смерти! Это наибольшие враги народа! Не соглашайтесь ни минуты далее оборонять кремлевских собак, ибо гнев народа обрушится на вас! (...)

...Менять большевистские лозунги на кличи революционно-освободительные, изменяя или приставляя соответствующие слова, как, н[а]пр[имер]:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь для борьбы с московско-еврейской коммуной!

Или: Вставайте, гонимые и голодные, против красной Москвы! Час расплаты настал! Смерть Сталину!»[73]

Бандеровский Провод рекомендовал членам Организации «...Бороться среди украинцев с чувством милосердия (т. е. против чувства милосердия. — *А. Г.*) к недобиткам чужих банд, которые не сложили оружия (т. е. окруженцев и партизан. — *А. Г.*). Борьба с ними безоглядная. Заранее распространять кличи:

Ни куска хлеба русским! Пусть подыхают приблудные! Пусть подыхает ненасытная кацапня! Мы помним годы голодной смерти! Не будьте милосердными! Для нас милосердия не было! Не помогайте московско-еврейским заедам! Не забывайте, что над вами глумились палачи! Собакам собачья смерть! С большевиками по-большевистски!»[74]

Вообще, как видим, бандеровцы испытывали явную слабость к копированию большевистских лозунгов и методов ведения политической борьбы.

«После начала германо-российской войны 22 июня 1941 г. ОУН немедленно активизировала свои военные формирования, чтобы собственными силами повести борьбу за Украинское самостоятельное объединенное государство. Краевой провод на западно-украинских землях под российской оккупацией, в который тогда входили такие выдающиеся революционеры, как Иван Климов, Дмитрий Маевский, Тарас Онишкевич, Роман Кравчук, А. Застой и прочие, мобилизовал около 10 000 готовых к бою вооруженных бойцов-националистов»[75].

И не просто мобилизовал, а пустил мобилизованных в дело.

В интервью с автором этих строк последний главком УПА Василий Кук говорил: «Никаких восстаний не было, так как в них не было никакой необходимости, да и возможности — немцы очень быстро наступали. Отряды националистов были созданы в Тернопольщине, и эта группа в самом начале войны захотела освободить тюрьму..., поскольку большевики при отступлении убивали заключенных, или, в лучшем случае, вывозили в лагеря в Сибирь. Отряд был маленький, может быть, человек сто, попытка была неудачная, группу окружили и человек двадцать из нее погибло.

Рассказы о том, что оуновцы палили в спину — это выдумали коммунисты, чтобы объяснить свои поражения в Западной Украине в июне — июле 1941 г.»[76]

Однако борьба украинских националистов с частями Красной армии и НКВД в начале войны — несомненный исторический факт.

Вот как об этом говорит советский историк: «Так, например, в донесениях (красных командиров. — *А. Г.*) сообщается о массовом дезертирстве из наших частей призывников из западных областей Украины и Белоруссии. Сообщается не только об их бегстве, но и о том, что они, организуясь в банды, нападают на тылы, штабы и подразделения Красной армии.

В городе Львове членами украинской националистической организации поднята паника — организовано нападение на тюрьму, откуда выпущены политические заключенные. Этими же оуновцами повреждена связь между частями 6-й армии и управлением фронта...

Со стороны ряда работников местных партийных и советских организаций, а также милиции и НКВД вместо помощи частям в борьбе с диверсантами и националистическими группами отмечаются факты панического бегства с оставлением до эвакуации районов, сел и предприятий на произвол судьбы...»[77]

Села, районы и предприятия оставлялись, разумеется, не на произвол судьбы, а переходили в управление к оуновцам.

Вот как описывает действия ОУН Михаил Паджев, встретивший начало войны в должности начальника погранзаставы в Прикарпатье: «С началом военных действий связь штаба отряда и штабов комендатур с заставами стала неустойчивой. Бандиты из организации украинских националистов перерезали провода, повреждали телефонные узлы. Это мешало своевременно передавать необходимые распоряжения, уточнять обстановку на отдельных участках»[78].

Вильнюсский еврей Илья Йонес, в июне 1941 г. находившийся во Львове, свидетельствует: «Мы делали безуспешные попытки покинуть город с отступающими русскими войсками. Из засад в пригородах и деревнях восточнее Львова стреляли по бегущим войскам, было много жертв. Стрелявшими были националистические украинские банды, которые быстро организовались, достали оружие из тайников и затрудняли отход русским солдатам, а также бегущим с ними евреям»[79].

Необходимо отметить, что нацистский вариант антисемитизма не принимался обеими фракциями ОУН, поэтому ни бандеровцы, ни мельниковцы не принимали участия в осуществлении Холокоста — Мельник и Бан-

дера подобного приказа не отдавали. Случаи убийств еврейского населения националистическими боевиками (не путать с коллаборационистами) и, позднее, бойцами УПА были обусловлены логикой войны, межэтнических конфликтов, нацистского господства, относительно распространенной в Галиции и на Волыни юдофобией, а также элементами антисемитизма в идеологии ОУН, использованными отдельными «полевыми командирами» для реализации собственных антисемитских замыслов[80].

Заканчивая разговор о повстанческой деятельности ОУН в первые недели войны, приведем цитату из диссертации уже упоминавшегося нами Ивана Патриляка, которого в симпатиях к выдумкам коммунистов заподозрить сложно: «Красная армия и части войск НКВД потеряли в ходе перестрелок около 2100 солдат и офицеров убитыми, а 900 ранеными, потери же националистов лишь на территории Волыни достигли 500 человек убитыми...В ходе антисоветского вооруженного выступления украинским националистам удалось поднять восстание на территории 26 районов современных Львовской, Ивано-Франковской, Тернопольской, Волынской и Ровенской областей. Партизаны сумели установить свой контроль над 11 районными центрами и захватить значительные трофеи (в донесениях в Государственное правление во Львове сообщалось о 15 тыс. винтовок, 7 тыс. пулеметов и 6 тыс. ручных гранат)»[81].

После занятия немцами Львова 30 июня 1941 г. группа Бандеры провозгласила образование независимого Украинского государства. Манифест о провозглашении был зачитан по львовскому радио[82].

В правительстве провозглашенного Украинского государства были представители разных партий: национал-демократы, эсеры, беспартийные, бандеровцы.

Однако, несмотря на такой кажущийся плюрализм, в целом в 1941–1943 гг. бандеровцы не особенно стремились к общественному согласию.

Мельниковцы резко негативно отнеслись к провозглашению независимости, так как это, по их мнению, компрометировало саму идею независимого украинского государства: в первую очередь, в глазах самих мельниковцев, ну и, разумеется, немцев.

Хоть независимость Украины была провозглашена и без спроса оккупантов, ОУН(б) на тот момент четко придерживалась курса на коллаборационизм, что показывает содержание Акта провозглашения независимой Украины:

«1. Волей украинского народа Организация Украинских Националистов под руководством Степана Бандеры провозглашает восстановление Украинского Государства, за которое сложили свои головы целые поколения лучших сынов Украины.

Организация Украинских Националистов, которая под руководством ее Творца и Вождя Евгения Коновальца вела в течение последних десятилетий кровавого московско-большевистского порабощения упорную борьбу за свободу, взывает ко всему украинскому народу не складывать оружия до тех пор, пока на всех украинских землях не будет создано Украинское Суверенное Государство.

Суверенная Украинская Власть обеспечит украинскому народу лад и порядок, всестороннее развитие всех его сил и удовлетворение всех его потребностей.

2. На западных землях Украины создается Украинская Власть, подчиненная Украинскому Национальному Правительству, которое создастся в столице Украины — Киеве по воле украинского народа.

3. Восстановленное Украинское Государство будет тесно взаимодействовать с Национал-Социалистической Великой Германией, которая под руководством вождя Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и мире и помогает украинскому народу освободиться из-под московской оккупации.

Украинская Национальная Революционная Армия, которая создастся на украинской земле, будет бороться в дальнейшем с союзной немецкой армией против московской оккупации за Суверенное Объединенное Украинское Государство и новый порядок во всем мире.

Да здравствует украинское суверенное объединенное государство!

Да здравствует Организация Украинских Националистов, да здравствует Руководитель Организации Украинских Националистов Степан Бандера!

Слава Украине! Героям Слава!»[83]

Главой правительства Украины был назначен бандеровец Ярослав Стецко.

Также ОУН(б) сразу же после начала советско-германской войны попыталась создать Украинскую национальную революционную армию, для чего среди населения была развернута масштабная пропагандистская кампания. Батальоны «Нахтигаль» и «Роланд», а также походные группы ОУН(б) должны были послужить своеобразным зародышем будущего войска. Под контролем бандеровцев в Западной Украине создается Украинская народная милиция (не путать с созданной более позже украинской коллаборационистской вспомогательной полицией) общей численностью четыре тысячи человек. Народная милиция просуществовала до осени 1941 г., когда из-за враждебной деятельности немцев ее дальнейшее существование стало невозможным, и она была распущена, а ее члены — частично арестованы или истреблены.

Новопровозглашенное правительство объявило, что «Новое Украинское государство, базируясь на полном суверенитете собственной власти, встает добровольно в рамки нового порядка Европы, который создает вождь Германской армии и немецкого народа — Адольф Гитлер»[84].

Премьер Ярослав Стецко 3 июля послал Муссолини письмо, уведомляющее о восстановлении Украинского государства: «Воля украинского народа, которая нашла свое выражение в Организации Украинских Националистов под проводом Степана Бандеры, восстановила на территории, освобожденной от московско-еврейской оккупации, Украинское государство.

Украинское правительство высылает Вам от имени украинского народа искреннейшее приветствие, а также выражение действительной радости за победоносный поход Вашей героической армии.

Желая Вашему мужественному народу быстрой и полной победы, мы твердо уверены, что в новом справедливом фашистском порядке, который должен сменить Версальскую систему, Украина займет надлежащее ей место упорядочивающего государственнообразующего фактора»[85].

Аналогичные письма были посланы Франсиско Франко в Испанию и главе «независимого государства Хорватия» Анте Павеличу. Да и фюрера оуновцы, понятное дело, не забыли:

«Исполненные действительной благодарности и испытывая удивление перед Вашей героической армией, которая на полях битвы, в борьбе с наибольшим врагом Европы, московским большевизмом, снова добыла новую славу, мы пересылаем Вам, великий фюрер, от имени украинского народа и его правительства, созданного в освобожденном Львове, сердечнейшие пожелания увенчать борьбу окончательной победой.

Победа немецкого оружия даст Вам возможность расширить запланированное Вами строительство новой Европы также на ее восточную часть. Таким образом, Вы делаете возможным также активное участие украинского народа в воплощении этого великого плана как одного из полноправных, вольных членов европейской семьи народов, в своем суверенном Украинском государстве»[86].

Налицо — стремление участвовать в создании такого же государства, какие были созданы нацистами в Хорватии или Словакии («визитная карточка "Новой Европы"»). Что ж, самое время еще раз вспомнить заявление ветерана ОУН о том, что «тоталитаризма в украинских националистах не было ни грамма»...

Несмотря на отсутствие антинацистских намерений и действий со стороны ОУН, а также ее постоянные «союзнические» декларации, германские власти сочли провозглашение украинской независимости недопустимым. Украинцы нужны были нацистам не как союзники, пусть и на правах несовершеннолетнего и неполноценного «младшего брата», а как послушные рабы.

Руководители рейха не считали необходимым создавать «независимую» Украину по причине того, что не все украинцы этой самой независимости особенно желали. Если для широких слоев хорватов и словаков собственное государство действительно было мечтой, то о помыслах украинцев советской Украины так сказать было нельзя. Кроме того, население СССР казалось нацистам совершенно деградировавшим за годы коммунистического правления, и Гитлер полагал, что жесточайший оккупацион-

ный режим позволит лучше управлять русскими, украинцами и белорусами, чем игры в независимость. Да и боялось руководство рейха создавать крупные, пусть и марионеточные, государственные образования.

Украинские националы полагали, что Гитлер «образумится» и для победы над СССР позволит создать независимую Украину. Иные надеялись, что нацистская оккупационная политика — временная мера, и долгожданная независимость будет получена после победы над большевизмом. Или, как в случае с бандеровцами, на немцев не надеялись, а действовали вопреки их воле.

В июле Бандера с несколькими сторонниками был арестован, отправлен в Берлин под домашний арест, а позже в концлагерь Заксенхаузен. С сентября 1941 г. до весны 1943 г. деятельность ОУН(б) временно возглавил Николай Лебедь — первый глава Службы Безопасности ОУН (СБ ОУН).

Несмотря на первые аресты и явное недоброжелательство оккупантов, оуновцы — как бандеровцы, так и мельниковцы — продолжали надеяться на их благосклонность и пропагандировали «освободительную миссию» немцев.

Отрезвление наступило 15 сентября 1941 г., когда СД и гестапо начали масштабный террор против ОУН(б) — аресты и расстрелы.

В одном из бандеровских изданий в декабре 1941 г. сообщалось: «В последнее время гестапо, при помощи мельниковцев, начало массовые аресты людей за принадлежность к ОУН. В частности, много арестовано тех членов ОУН и видных украинских граждан, которые по приказу своего проводника Степана Бандеры создавали украинскую власть и позанимали руководящие посты в украинских правлениях...

Всех арестованных около 1500 человек.

Причины арестов: желание ликвидировать ОУН под проводом Степана Бандеры как единственную и сильную украинскую организацию, которая твердо стоит за самостоятельное Украинское государство. Свидетельствует об этом то, что вместе с арестами ликвидированы все украинские правления, а вместо них основаны немецкие, в которых решающий голос принадлежит немецким комиссарам»[87].

Какие-то мельниковцы и могли помогать немецким спецслужбам уничтожать бандеровцев, но только «в индивидуальном порядке». Понятно, что обе ветви ОУН стремились в 1941 г. опорочить друг друга в глазах и украинцев, и немцев. Общего приказа Мельника о том, чтобы «сдавать» бандеровцев СД и гестапо не было. Да и не очень-то требовалась подчиненным Гиммлера помощь националистически настроенных украинских интеллигентов.

25 ноября 1941 г. органы СС и СД в рейхскомиссариате Украина получили тайный приказ: «Неопровержимо доказано, что движение Бандеры готовит восстание в рейхскомиссариате, цель которого — создание независимой Украины. Все активисты движения Бандеры должны быть немедленно арестованы и после основательного допроса тайно уничтожены как грабители»[88].

Из-за немецкого террора бандеровцы ушли на нелегальное положение, фактически начав Сопротивление одновременно нацистскому и коммунистическому режимам. Во второй половине сентября 1941 г. на окраине Львова тайно состоялась Первая конференция ОУН(б). Вот как описывает решения этой конференции тогдашний и. о. Проводника ОУН(б) Николай Лебедь:

«а) прибрать в свои руки низовую [оккупационную] администрацию и продолжить работу, начатую украинским Правительством;

б) перекинуть по возможности больше руководящих кадров за Збруч (т. е. на восток Украины. — *А. Г.*) на все земли Украины, чтобы продолжать работу, которую начало украинское Правительство на западных землях; раздел колхозов и совхозов, прятанье имущества от грабежей и безопасность украинского населения перед лицом ожидаемого голода, увеличение числа типографий, выпуск печати, широкая пропаганда идей и лозунгов освободительной борьбы, антисоветская и антинемецкая пропаганда, [зачитывать] акты провозглашения восстановления украинского государства в городах и селах и манифестации народа (последний акт провозглашения состоялся в городе Василькове — 30 км от Киева);

в) борьба с голодом. Немцы забирали остатки спасенного хлеба, и зима и весна 41—42 гг. принесли голод

также на западные земли, в частности в подгорные [прикарпатские] территории. В маленьких подкарпатских селах бывало ежедневно по 14 похорон людей, умиравших голодной смертью;

г) просветительско-разъяснительная акция против массовых вывозов на работы в Германию, а в дальнейшем организация пассивного сопротивления (бегство во время т. н. охот);

д) акция против чрезмерного взимания контингентов и пропаганда умелого прятанья имущества;

е) пропагандистско-разъяснительная подготовка к активной борьбе с немецким оккупантом, раскрытие немецких планов порабощения и колонизации Украины. Одновременно такая же акция против новых стараний большевизации украинских территорий, которые проводили засланные Москвой в Украину агенты и партизанские диверсионные группы;

ё) сбор и складирование оружия;

ж) военная подготовка новых ведущих кадров для освободительной борьбы уже почти на всех украинских землях из членов, переживших большевистскую оккупацию и охвата ими каждый раз все дальше и дальше расположенных территорий;

з) распространить наши программные и политические постановления и методику и тактику борьбы с охватом всей украинской территории и всего народа, с его политическим национальным и социальным достояниями, чтобы народ, который был до сих пор разделенный оккупационными границами, привести к программному единению политики и тактики, мысли и действий»[89].

Как мы видим, во-первых, был взят курс на проникновение партийных активистов во все оккупационные структуры (военные, культурные, политические, административные) с целью влияния на их деятельность, сбора разведданных, оружия. Во-вторых, основная тяжесть работы была переведена в подполье для ведения антинемецкой пропагандистской работы и подготовки организации для будущего открытия военных действий — против Германии и/или Советского Союза.

С этого же момента Краевой войсковой штаб ОУН(б) под руководством Ивана Климова («Легенды»), в свое время руководивший антисоветским восстанием в западных областях Украины, начал организацию полулегальных — под видом школ полиции — или подпольных офицерских и унтер-офицерских школ.

«Военные школы или курсы часто организовывались под видом профессиональных курсов сельскохозяйственных рабочих, спортивных клубов и т. п.»[90]. В конце 1941 г. и в 1942 г. через 37 школ и лагерей прошло около четырех тысяч украинцев. Были развернуты подпольные курсы радистов и санитаров[91]. Эта деятельность позволила создать запас кадров и в 1943–1944 гг. развернуть на его основе Украинскую повстанческую армию.

Между тем, политика нацистов по отношению к украинским националистам принимала все более жесткие формы. С осени 1941 г. по середину 1944 г. нацистские власти арестовали и расстреляли тысячи членов ОУН обеих фракций (немцы начали репрессии против ОУН(м) в январе 1942 г.). К этому времени уже было отправлено в тюрьмы и лагеря 300 и уничтожено 15 членов руководящего звена ОУН(б).

Начало бандеровской конфронтации с Германией не помешало бандеровцам и мельниковцам развернуть деятельность «походных групп» украинских националистов[92], шедших вслед за вермахтом и пытавшихся организовать какую-то власть и деятельность на местах. Порой члены походных групп ограничивались пропагандой идей ОУН. Общая численность бандеровских походных групп составляла две-три тысячи человек. К концу 1941 г. деятельность походных групп была приостановлена, а позже свернута из-за деятельности СД и гестапо[93].

Интересны впечатления оуновцев, выросших за пределами СССР и вступивших на землю советской Украины.

Приведем отрывок из донесения неизвестного бандеровца, описывающего свой поход на восток в июне — декабре 1941 г.: «Вид у восточных украинских земель серый, говоря по восточно-украински, колхозный. Большое количество новых и не исправленных снаружи домов и каменных строений, заводов, казарм, станций, зданий, колхозов, совхозов, МТС, к тому же замаскированных на время войны серым цветом, одетые в стандартные кар-

тузы, фуфайки или обычные костюмы и непритязательные ботинки мужчины, женщины, обычно в плохо сшитых платьях, безвкусно смоделированных чулках и носках, туфлях и галошах, и к тому же широкие степные дороги и "грейдеры" радуют и изменяют этот серый цвет и серые мысли. Особенно эта серая краска доминирует осенью, когда поля хлебов сменяет стерня или вспаханное поле, а ясную погоду закрывает туман, так часто в осеннем пейзаже Украины...

Что касается названия Украины, все украинцы восточных украинских земель называют себя украинцами, речь не идет о православных, малороссах, хохлах, слово "хохол" до войны очень редко употреблялось, и было наказуемо. У чувства украинскости характер больше культурно-национального отличия, нежели национально-политического, это влияние 23-летней деятельности органов безопасности, пропаганды большевиков»[94].

Читая все это, вспоминаешь середину 1980-х, когда подобный вид и настроение были не только в Украине, а почти по всей территории Советского Союза.

Кстати, донесение немецкого дипломата Гелленталя в Берлин из Житомира сообщает, что в бывших советских областях Украины: «...Интенсивная советская работа за 24 года ликвидировала всех способных к управлению украинцев. Население почти повсюду создает впечатление отупевшего. В настоящей войне они тоже, безусловно, не усматривают крестового похода против большевистской системы, а видят прежде всего уничтожение, смерть и утерю остатков своего убогого имущества. На селе, обычно, настроения почти полностью быстро улучшаются благодаря надежде с помощью немцев снова получить в собственность землю»[95].

Как известно, немцы обманули ожидания крестьян и колхозов не распустили.

А вот описание окружающей действительности руководителем Восточной походной группы ОУН из Житомира: «Большая часть населения обнищавшая, у них нет еды, недостаток хлеба. Люди оборванные, босые, хаты оборванные, почернели, заборы поломаны, церкви разобраны или переделаны в склады. Печальный — опущенный вид украинских сел. Нельзя сказать словами

Шевченко: "как картинка село". Нет! Что-то совсем противоположное. Колхозы — это то же, что запущенные, недосмотренные еврейские фольварки, которые можно встретить и в Галиции. Общее впечатление — это одна большая руина. Люди заморены голодом, все недорослое, болезненное, трудно найти человека, у которого было бы нормальное выражение лица. Разве что партиец — так такого по виду признаешь сразу, так как тем пиявкам хорошо жилось. В каждом селе и редко найдешь семью, чтобы там не было кого из семьи замученным, сосланным или умершим с голоду. Всюду наболели души, прибиты горем. Начнешь говорить и все с болью плачут, плачут женщины, плачут старики и плачут мужчины... Все на собраниях хотят говорить про свое горе, про свою боль. А она была вправду большая, что ее никому не передать словами. Террор был такой большой, что до сих пор люди от него не отошли»[96].

Учтем, что эти слова принадлежат не благополучному американцу или англичанину: потрясен уроженец Западной Украины — бедного региона бедной по западным стандартам Польши.

Невысокий уровень национализма и часто «просоветский настрой» жителей советской Украины не позволил оуновцам достичь популярности на большей части территории украинских земель. Праворадикальные идеи бандеровцев воспринимались советскими украинцами враждебно или вообще не воспринимались.

Вот что об этом писала в донесении в Центральный Провод проводник ОУН Каменец-Подольской области. Учтем, что это — самый запад Советской Украины, где национализм и антирусские настрои все же существовали, в отличие, скажем, от Донбасса: «Хуже и то, что местные украинцы сильнее ненавидят поляков, чем русских. Можно сказать, что даже считают русских чем-то высшим и преклоняют головы перед "великим народом — русскими, которые дали миру такого человека, как Пушкин". Можно встретить почти в каждом доме портрет Пушкина, как я уже сообщала, территория тут пропитана интернациональным духом»[97].

Осенью 1941 г. краевой проводник ОУН издал для своего партактива директиву, где, среди прочего, значилось:

«...В каждой церкви, местности, в которой в борьбе с агрессорами погибли украинские боевики, поместить табличку с их фамилиями и именами, датами рождения и смерти. Под надписью: "Добудешь Украинское государство, или сгинешь в борьбе за него".

...На всех могилах героев поместить таблички с надписью о борьбе за Украинское государство героев и т. п.

...Снять все таблички, на которых написано о жертвах террора и т. п. ...и заменить новыми: "Героям за Украинское государство".

...В каждой украинской хате должны быть портреты: Т. Шевченко, Н. Михновского, С. Петлюры, Е. Коновальца, С. Бандеры, Украинский флаг и герб. Кроме того, на стене написанный декалог, на столе украшенный вышивками "Кобзарь" Т. Шевченко»[98].

Получалось, что актуальными лозунгами для оуновцев могли бы стать: «Заменим портрет Пушкина портретом Бандеры!» и «Список героев — в каждой деревне!»

Читатель может судить самостоятельно, сколько во всем этом было «граммов тоталитаризма»...

А вот продолжение описания ситуации в Каменец-Подольской области: «Молодежь тут политически подготовленная, но воспитана в коммунистическом материалистическом духе, и тяжело ее сразу перевоспитать. Все же есть единицы, которые на самом деле хотят работать для дела. Насквозь пропитаны материалистическим мировоззрением, не только в философском, но и в жизненном значении, это чувствуется на каждом шагу. Довольно сильно отличается друг от друга молодежь села и городская молодежь. В общем, дает себя знать сильный антагонизм между городом и селом. На селе здоровее и сознательнее элемент.

Женщины в этой области представляются очень плохо. Обычно женщины тут в большинстве ни о чем другом не думают, кроме как о гулянье и хорошей одежде. Следует сказать, что морали тут, собственно, нет никакой»[99].

Оба крыла ОУН на оккупированной территории смогли установить широкие контакты с низовой украинской коллаборационистской администрацией, причем иногда последняя, формально подчинявшаяся немцам, проводила линию ОУН по тем или иным вопросам. Кстати, практику внедрения «агентов влияния» или разведчиков в оккупационные структуры широко использовали во время советско-германской войны и коммунисты.

В тот же период члены ОУН обеих фракций начали интенсивный сбор оружия, фактически означавший начало подготовки к повстанческой партизанской борьбе[100].

Но готовились к войне порознь — отношения между различными группами националистов были напряженными.

Например, в конце августа 1941 г. в Житомире террорист-бандеровец убил двух членов Провода ОУН(м) — Емельяна Сенника и Николая Сциборского. Правая украинская общественность была возмущена этим событием, а сам Андрей Мельник заявил, что бандеровцы выполняли приказ Москвы.

Действительно, бандеровские методы в чем-то напоминали большевистские. До того как немцы начали расстреливать членов ОУН(б), бандеровцы сами готовы были расстреливать своих конкурентов.

Например, на Станиславщине «они не только вмешивались в дела созданных до их появления органов местного самоуправления, но и приступили к сведению счетов со своими политическими противниками. Для этого, как вспоминает общественный деятель В. Яшан, создавались тайные суды: "Эти суды, — пишет он, — проходили очень тайно, но глухие вести о них стали шириться во второй половине августа. Приговоры выдавали без прослушивания и без ведома обвиняемых, заочно, за проступки, которые в их понимании подлежали наказанию. В том числе они засудили 450 человек на смертную казнь — очевидно, никого из них не прослушали, никому из них не вручили приговоров". По словам указанного автора, некоторые из осужденных были спасены немцами, так как шеф станиславского гестапо Крюгер сам "арестовывал членов организации и тех судил"»[101].

В общем, можно сказать, что отчасти немецкий террор заставил бандеровскую фракцию отказаться от радикализма, который поначалу был очень велик.

Как отмечал 18 августа 1941 г. начальник полиции безопасности и СД в Берлине в своем донесении о разви-

тии ситуации в украине, «Украинская милиция (которую организовали члены ОУН(б). — *А. Г.*) не перестает осквернять, издеваться, убивать. Украинские бургомистры и коменданты милиции привлечены (немцами, то есть СД и гестапо. — *А. Г.*) к ответственности за враждебные немцам высказывания, неисполнение немецких приказаний, разрывание немецких паспортов. Поляки приравнены (созданной бандеровцами милицией. — *А. Г.*) к евреям и от них добиваются ношения повязок на рукавах. Во многих городах украинская милиция создала такие подразделения, как "Украинская служба безопасности", "Украинское гестапо" и т. п. Местные и полевые коменданты (немецкие. — *А. Г.*) частично разоружают милицию... Из Львова доставляются плакаты, содержание которых гласит, что под проводом ОУН должна возникнуть "Свободная и независимая Украина" с девизом "Украина — украинцам"»[102].

Нацисты показали оуновцам, как глубоко те ошибаются, и что на самом деле Украина — для немцев.

На протяжении 1942 г. бандеровцы под влиянием населения оккупированных областей советской Украины, вдоволь «наевшегося» «красным» и «коричневым» тоталитаризмом, осуществили поворот к демократии. В том числе и этот поворот привел к тому, что ОУН начала войну против нацистов.

У мельниковцев же поначалу отношения с немцами складывались несколько по-иному, чем у их радикальных коллег.

Представители ОУН(м) смогли до декабря 1941 г. находиться в состоянии «не войны» с Германией. Во-первых, их было меньше, они не имели столь эффективной организационной сети и конспирации, как бандеровцы, были менее активны, но все же попытались наладить пропагандистскую деятельность. При этом представителям оккупационной администрации, а также Адольфу Гитлеру постоянно посылались письма с выражением лояльности, благодарности, признательности и готовности к сотрудничеству.

Мельниковцы также пытались вести некое подобие государственного строительства. Летом 1941 г. ОУН(м) создала во Львове Украинский национальный совет

(УНС, первоначально «Совет сеньоров»), на Буковине — Буковинско-бессарабский совет, а 5 октября 1941 г. в Киеве — Украинский национальный совет (УНС)[103], весной 1944 г. — Всеукраинский национальный совет во Львове. Все эти структуры не были признаны никем и не имели никакой политической власти. Однако, гитлеровский режим не мог долгое время терпеть относительно независимых союзников, поэтому к концу 1941 — началу 1942 гг. отношения между ОУН(м) и Берлином вылились в террор со стороны СД и гестапо, правда, менее интенсивный, чем террор против ОУН(б).

Уже к концу октября 1941 г. УНС в Киеве ушел в подполье, а вскоре после этого самораспустился. Большинство его членов в начале 1942 г. было расстреляно в печально известном Бабьем Яру.

3 марта 1942 г. был распущен Украинский национальный совет во Львове, аналогичная судьба постигла и Буковинско-бессарабский совет.

Весной 1944 г. на основе остатков этих трех Советов во Львове был создан Всеукраинский национальный совет (ВУНС). В него входили представители различных политических кругов (бандеровцев не было), но преобладающее влияние принадлежало ОУН(м). Основной целью ВУНС значилась борьба за Украинское самостоятельное объединенное государство. Фактически это было что-то вроде мельниковского аналога-противовеса возникшему чуть позже бандеровскому Украинскому главному освободительному совету (УГОС)[104]. Мельниковцы знали о грядущем создании УГОС задолго до его первого заседания, и решили упредить конкурентов. Однако ВУНС не сыграл никакой роли в истории Украины, поскольку не был признан ни одной страной мира, в том числе и Германией, а собственных вооруженных сил, наподобие УПА, мельниковцы тоже не создали.

К концу 1943 г. ОУН(м) все более переходила к осторожной антинемецкой пропаганде, при этом твердо придерживаясь курса на коллаборационизм. Из-за излишне смелых, с точки зрения гитлеровцев, высказываний подчиненных Проводника, 28 февраля 1944 г. Андрей Мельник, живший в Берлине легально, был арестован СД и отправлен в «элитный» концлагерь Заксенхаузен. В нем,

среди прочих, содержались высокопоставленные узники со всей Европы. В Заксенхаузене ко времени «прибытия» Мельника уже находились лидеры ОУН(б) Степан Бандера и Ярослав Стецко, а также украинский партизанский командир, национал-демократ Тарас Бульба-Боровец. Интересно, что соратники-соперники Бандера и Мельник оказались в соседних бараках и, надышав на стекла окон своих камер, вели своеобразную переписку. В частности, Мельник сообщил Бандере, кто из ближайших соратников бескомпромиссного националиста-революционера остался живым.

К слову, когда в 2000 г. посольство Украины в Берлине решило возложить венок в память о погибших и сидевших националистах у мемориала концлагеря Заксенхаузен, это вызвало оторопь немецкой стороны, не знавшей, как реагировать на такой знак официального почтения радикальным националистам.

В начале 1944 г. нацистскими спецслужбами были арестованы почти все не репрессированные и не арестованные ранее представители Провода ОУН(м), а также тысячи мельниковцев в Украине и эмиграции.

По данным самих мельниковцев, в 1941–1944 гг. ОУН(м) потеряла убитыми 4756 членов, в том числе 197 членов высшего руководящего звена, и среди них — 5 членов Провода ОУН(м). Через концлагеря прошло 132 члена руководящего звена ОУН(м), в том числе 7 членов Провода. 95 % жертв ОУН(м) понесла в рейхскомиссариате Украина, руководимом гауляйтером Эрихом Кохом[105].

Если общая цифра потерь мельниковцев может быть подвергнута сомнению, то потери среди руководящего состава представляются достоверными, поскольку партийное руководство известно поименно, отчего вероятность искажения данных невелика.

Потери бандеровского крыла ОУН, вероятнее, были еще бо́льшими, поскольку острие гестаповского террора было направлено против активистов ОУН(б).

Спецслужбы Германии не ставили своей целью поголовное истребление всех членов ОУН и полное уничтожение организации. Скорее, немецкое руководство хотело остановить объективно антинацистскую деятельность оуновцев и использовать Организацию при подходящем случае для своих целей. Высшее руководство ОУН не казнили, а отправили в заключение, бандеровцев из батальонов «Нахтигаль» и «Роланд» не сгноили в концлагерях, а использовали для борьбы с партизанами в Белоруссии, то же самое было и с мельниковцами, служившими в коллаборационистских частях. Но попытки достичь даже такой цели, как ограничение деятельности ОУН, привели к гибели тысяч украинских националистов.

Несмотря на террор, интенсивная деятельность ОУН в подполье продолжалась. Выходили газеты, журналы, листовки, в 1942–1943 гг. были созданы вооруженные отряды — боевки оуновцев, послужившие зачатком для будущей Украинской повстанческой армии.

ОУН(м) терпимее относился к сотрудничеству с другими политическими силами. Известна совместная работа боевиков и военных специалистов ОУН(м) с партизанским отрядом «Украинская повстанческая армия — Полесская сечь» (УПА-ПС) Тараса Бульбы-Боровца, находившегося в связи с правительством Украинской народной республики в изгнании. В июле 1943 г. УПА-ПС была переименована в Украинскую народную революционную армию (УНРА), во главе которой стоял Совет из шести человек.

Символично, что бандеровцы весной 1943 г. «экспроприировали» у Бульбы популярное название УПА, назвав так свою партийную армию. Боровец взял реванш — в 1941 г. бандеровцы попытались создать свою УНРА, и атаман это название в 1943 г. «экспроприировал» в свою очередь взамен украденного у него «раскрученного лейбла» УПА.

На базе УНРА Боровец создал Украинскую национальную демократическую партию (УНДП — не путать с УНДО). В конце 1943 — начале 1944 гг. деятельность УНРА-УНДП прекратилась из-за ареста немцами Боровца, прихода советской власти и давления со стороны бандеровской ОУН-УПА.

Весной 1943 г. был ликвидирован пост руководящего Проводника ОУН, который до того момента занимал Николай Лебедь, и был утвержден принцип принятия коллегиальных решений. Вместо единоличного Проводника

было избрано Бюро Провода ОУН из трех человек, что являлось одним из симптомов движения партии в сторону демократизации. Не Проводником, а Главой Бюро Провода ОУН(б) на украинских землях стал Роман Шухевич («Тур»), заместителем — Дмитрий Маевский («Трас»), третьим членом БП ОУН — Ростислав Волошин («Павленко»).

21–25 августа 1943 г. на оккупированной немцами территории Украины прошел Третий чрезвычайный великий сбор ОУН(б). Проходил он при полной независимости от гитлеровцев, поскольку к тому времени созданная бандеровцами Украинская повстанческая армия уже освободила от нацистского контроля значительные территории Волыни. Постановления сбора декларировали борьбу против практики коммунизма и национал-социализма, их программ и концепций. В отличие от предыдущих лет, когда бандеровцы выдвигали русофобские и антисемитские лозунги, в решениях Третьего конгресса подчеркивались права национальных меньшинств Украины. Стратегическими целями провозглашались свобода печати, мысли, слова, вероисповедания: «Свобода — народам, свобода — человеку!»

Для демонстрации готовности сотрудничать с различными силами и в пропагандистских целях ОУН(б) на контролируемой УПА территории 21–22 ноября 1943 г. провела Первую конференцию угнетенных (или порабощенных) народов Восточной Европы и Азии. В работе собрания приняли участие 39 делегатов — представители 13 национальных меньшинств СССР. Конференция приняла свободолюбивые декларации, растиражированные пропагандистской машиной ОУН-УПА. Благодаря этому шагу увеличилась эффективность пропагандистского воздействия на солдат коллаборационистских «восточных батальонов». Но делегатов на эту конференцию народы не делегировали, из всех угнетенных народов только украинский был представлен политическими деятелями, мало-мальски известными в узких кругах. Делегаты же, скажем, от грузин или узбеков вообще никому известны не были — ни на их родине, ни тем более в Украине. Поэтому решения этого конгресса никогда не были никем признаны.

11–15 июня 1944 г. под контролем ОУН(б) в карпатских лесах прошел учредительный съезд Украинского главного освободительного совета (УГОС; украинская аббревиатура — УГВР). В него входили не только бандеровцы, но и представители других партий, беспартийной украинской общественности. Хотя мельниковцы, монархисты и сторонники правительства УНР в изгнании его не признали. УГОС позиционировал себя как официальное представительство оккупированной вражескими войсками Украины: нечто среднее между правительством и предпарламентом. Однако никаким государством и эта структура признана не была.

В постановлениях УГОС выражалось стремление к созданию суверенного украинского государства с элементами социализма и полным перечнем демократических свобод, ликвидация СССР и создание на его территории ряда независимых демократических государств. Основным лозунгом УГОС стал уже озвученный Третьим съездом ОУН(б) клич «Свобода — народам, свобода — человеку!» Главными врагами опять же признавались коммунистический и национал-социалистический империализм[106]. УГОС являлся как бы официальной политической надстройкой УПА, хотя реально политическое руководство и представительство украинских повстанцев было в руках ОУН(б).

После занятия региона советскими войсками часть УГОС ушла за границу, образовав Заграничное представительство УГОС (ЗП УГОС). Первым президентом УГОС был Кирилл Осьмак.

Что же касается мельниковцев, и так действовавших менее активно, чем фанатики-радикалы из ОУН(б), то приход Красной армии сделал их работу в Украине невозможной. При приближении советских войск большая часть руководства ОУН(м), из находившихся в Украине и не арестованных к тому времени СД и гестапо активистов, направилась в эмиграцию. Андрея Мельника выпустили из Заксенхаузена в октябре 1944 г., и полковник, снова возглавив мельниковский Провод украинских националистов (разумеется, в эмиграции), активно продолжил курс на коллаборационизм. Соратники Мельника, оставшиеся на родине, продолжали борьбу с ком-

мунизмом — либо самостоятельно, либо в рамках бандеровских организаций и УПА. К осени 1944 г. последние мельниковские боевые отряды, насчитывавшие тогда десятки человек и влачившие в подполье жалкое существование, окончательно влились в УПА.

Вторая мировая война приближалась к концу. Лидеры ОУН, недооценивая внутреннюю мощь тоталитаризма, надеялись на распад сталинской империи и ряд революций по образцу событий 1917—1920 гг. в Восточной Европе. «Рабочим вариантом» развития событий в планах националистов была война между СССР и западными демократиями.

За жестокие просчеты пришлось платить десятками тысяч человеческих жизней.

На украинских землях ОУН(б) возглавлял с мая 1943 г. Роман Шухевич, с момента его гибели в 1950 г. и до 1954 г. — Василий Кук («Коваль»).

Заканчивая раздел об истории ОУН(б) в период Второй мировой войны, отметим: эта партия сделала для развития украинского повстанческого движения значительно больше, чем мельниковцы и Тарас Бульба-Боровец, вместе взятые.

Мельниковские повстанческие отряды насчитывали в общей сложности не более тысячи человек. Так же можно оценить численность и повстанцев-бульбовцев. Последние действовали только на небольшой территории украинского Полесья, а мельниковцы — и на Волыни, и в Галиции, но контролируемые ими кусочки территории были точками на карте Западной Украины, где бушевала организованная бандеровцами национально-освободительная борьба. Мельниковцы, да и бульбовцы, почти не действовали против немцев. И документы советской власти в 1944 г. почти не фиксировали акций ОУН(м) и бульбовцев. Бандеровская же УПА, сквозь ряды которой прошло около ста тысяч человек, отметилась и на антинемецком, и, весьма масштабно, антисоветском фронте.

Именно бандеровцы не побоялись в одиночку бросить вызов двум сильнейшим тоталитарным империям своего времени.

ОУН после войны в эмиграции. Убийство Бандеры и Ребета

История ОУН(б) не окончилась разгромом УПА, поскольку в Западной Европе, Северной и Южной Америке, Австралии существует многочисленная украинская эмиграция. Эти эмигранты родом преимущественно из Галиции, где украинский национализм очень силен, поэтому нередко эмигранты деньгами помогали оуновцам или вступали в их ряды.

Выпущенный в октябре 1944 г. на свободу Степан Бандера снова стал руководить Организацией, хотя непосредственно в деятельность ОУН(б) в Западной Украине не вмешивался. По политическим причинам перебраться в Западную Украину он отказался. Да и проку, наверное, от него там было бы уже немного. УПА руководил на тот момент деятельный, активный, авторитетный и авторитарный лидер Роман Шухевич, у которого за плечами был опыт проведения терактов, нахождения в заключении, участия в боевых действиях, преимущественно на командных должностях, и подпольной работы. А Бандера был политическим лидером, знаменем национальной революции (любопытно, что его фамилия в итальянском, испанском и португальском языках означает «знамя»). Поэтому с точки зрения ведения политической борьбы целесообразнее было бы, чтобы это знамя гордо реяло в свободном мире, а не вяло трепыхалось в полесских лесах или было захвачено врагом — коммунистами.

Для того чтобы как-то оформить существование двух организаций — одной в Украине, другой в эмиграции — Бандера возглавил созданные в 1946 г. Заграничные части ОУН (ЗЧ ОУН). Несмотря на столь скромное название — «Заграничные части» — Бандера вернул себе фактическое руководство ОУН(б).

«Когда в Украину дошла весть, что немцы выпустили из концлагеря Степана Бандеру, Ярослава Стецко и других националистов, то Роман Шухевич как председатель Бюро Провода ОУН созвал в Украине в феврале 1945 г. конференцию ОУН... На этой конференции он предложил, а конференция постановила осуществить изменения в Бюро Провода, а именно: председателем был выбран

Степана Бандера, вторым членом — Ярослав Стецко, третьим — он, генерал Роман Шухевич. Таким образом, Степан Бандера, благодаря Роману Шухевичу, стал политическим руководителем Украинской повстанческой армии»[107].

Добавим, что Бандера стал лишь номинальным политическим руководителем: все возможное руководство осуществлял именно Шухевич.

Сразу же после 1946 г. в ЗЧ ОУН начался конфликт по программному и организационному вопросам. Бандера критически оценил решения Третьего чрезвычайного сбора ОУН, проходившего в свое время в его отсутствие, как неоправданный мировоззренческий и политический поворот влево, едва ли не к большевизму.

В свою очередь, члены ОУН(б), непосредственно занимавшиеся борьбой с коммунистами, поляками и нацистами в то время, как Бандера сотоварищи «отсиживался» в концлагере, обвинили лидеров в непринятии программных изменений, санкционированных общим съездом. «Либерализованные» оуновцы открыто заявили, что их лидер сохранил довоенный мировоззренческий и идеологический догматизм, отбрасывает попытки демократизации и рассматривает УПА как инструмент ЗЧ ОУН[108]. Ведь формально УПА руководил Украинский главный освободительный совет — УГОС, имевший заграничное представительство (ЗП УГОС). Спор принял открытую форму на конференции ЗЧ ОУН в немецком городке Миттенвальде в августе 1948 г. Бандера и его сторонники сумели добиться большинства и исключили из ОУН глав оппозиции и часть ее сторонников: Ивана Гриньоха, Николая Лебедя, Льва Ребета, Евгения Стахова и многих других.

На рубеже 1953–1954 гг. в ЗЧ ОУН произошел новый конфликт на почве программных и организационных расхождений. В феврале 1954 г. раскол закрепился организационно. Бандера, сумевший и в этот раз получить большинство в ОУН(б), продолжал возглавлять ЗЧ ОУН, но часть его сторонников откочевала к «ренегатам» Ребету и Матле, которые создали новую партию. Сначала она носила то же название, что и бандеровская ОУН — ЗЧ ОУН, а в конце 1956 г. получила наименование «ОУН за границей» — ОУНз.

Первым главой ОУНз был Лев Ребет, а после его убийства агентом КГБ Богданом Сташинским в 1957 г. — Р. Ильницкий.

Главой ЗЧ ОУН был Степан Бандера, а после его убийства в 1959 г. тем же Богданом Сташинским — С. Ленкавский, с 1968 г. — Ярослав Стецко, избранный на прошедшем в том же году Четвертом великом сборе ОУН(б) главой организации.

Символично, что Бандера стал и первой, и последней жертвой репрессий в своей семье.

Сначала — в 1934–1939 гг., он сидел в польской тюрьме за организацию теракта. В 1939 г. вышел из тюрьмы, расколол ОУН и в 1941 г. снова сел — на сей раз в нацистское заточение. Созданная им Организация, пока ее руководитель сидел, создала УПА. В 1944-м Бандера вышел из лагеря, снова расколол на сей раз уже свою, родную бандеровскую организацию, и в 1959 г. был убит коммунистическим агентом. С 1934 г. до самой своей смерти Степан Бандера ни разу не побывал в Украине.

Отец Степана Бандеры — священник Андрей Бандера был арестован 23 мая 1941 г. и 8 июля того же года приговорен к расстрелу военным трибуналом Киевского особого военного округа. Два брата лидера ОУН(б) — Александр и Василий погибли в 1942 г. в концлагере Освенцим (предположительно от рук польских заключенных), еще один брат — Богдан без вести пропал в восточных районах Украины, куда был направлен в одной из походных групп ОУН. Возможно, его убили как раз вследствие тайного приказа для СД об уничтожении бандеровцев без суда. Сестер Степана Бандеры — Марту и Оксану коммунисты сослали в Красноярский край, но ссылку они пережили. Кстати, внук Степана Бандеры — тоже Степан Бандера, после 1991 г. приехал из эмиграции в Украину и сейчас живет и работает в Киеве.

Решения об убийстве Ребета и Бандеры принимал лично Никита Хрущев, что в очередной раз показывает важность борьбы ОУН: судьбой ее лидеров вновь, как и в 1930-е гг., был озабочен руководитель советской империи.

Попытки уничтожения Бандеры предпринимались еще в конце 40-х гг., но каждый раз срывались из-за того, что Проводник, прошедший школу антипольского под-

полья, тюрьмы и концлагеря, был крайне осторожен, лично вооружен и усиленно охранялся своими соратниками. Он жил в Мюнхене, под чужой фамилией — Попель. Его точное местопребывание МГБ установило уже в 1950 г., и в 1951-м начало готовить операцию по убийству Бандеры.

Со временем выбор пал на уроженца Львовской области, украинца Богдана Сташинского, отметившегося в ряде агентурных операций в ходе ликвидации оуновского подполья непосредственно в Западной Украине.

Впоследствии Сташинский некоторое время находился в Москве, затем проживал в ГДР, совершенствуя немецкий язык и выполняя разовые задания в качестве курьера и связника на территории ФРГ.

Первой «заграничной» жертвой этого киллера стал Лев Ребет. Жертва эта была выбрана не случайно. Несмотря на то что Бандера был более известен, Ребет возглавлял ОУНз, то есть организацию, в которую ушли бандеровцы, непосредственно занимавшиеся организацией антифашистской борьбы в Украине в 1942–1943 гг.

Лидер бандеровцев-антифашистов был убит в начале октября 1957 г. из специального пистолета, стрелявшего ампулой с синильной кислотой. При выстреле ампула разбивалась, и в лицо человеку попадали пары кислоты, что приводило к мгновенному сужению коронарных сосудов сердца — параличу сердца. Через некоторое время сосуды приходили в первоначальное состояние и судмедэкспертиза не могла установить следов насильственной смерти.

За час до выстрела и сразу после него убийца принимал противоядие.

Потом Сташинский попытался убить аналогичным оружием Бандеру. Первая попытка — летом 1959 г. — сорвалась, но вторая оказалась более удачной. К тому времени охрана уже не сопровождала Проводника. В октябре 1959 г. агент выследил Бандеру и подстерег его в подъезде, дверь которого он открыл специально изготовленным ключом. На сей раз смертельное приспособление состояло из двух трубок, и синхронным выстрелом Бандера был убит. Сташинскому удалось уйти незамеченным.

В газетах ходило две версии. Первая — самоубийство, так как на губах Бандеры судмедэксперты обнаружили мельчайшие осколки тонкого стекла, а в желудке следы синильной кислоты. Получалось, что Бандера мог принять яд. Вторая версия — насильственная смерть, наступившая мгновенно после того, как кто-то смог запихнуть в рот жертвы ампулу с ядом.

За такие заслуги перед отечеством Сташинский был награжден орденом Боевого Красного Знамени, который ему вручал Председатель КГБ — «железный Шурик» — Александр Шелепин. Да и кроме него несколько чекистов получили различные награды, поощрения и повышения в должности.

И все было бы для КГБ замечательно, если бы Сташинский не влюбился в антисоветски настроенную немку Ингу Поль и не женился на ней. Эта женщина «распропагандировала» своего мужа.

12 августа 1961 г. супруги Сташинские скрытно выехали в Западный Берлин, где в полицейском участке заявили о бегстве из ГДР по политическим мотивам. Немецкая полиция сразу же передала супругов американцам.

Поразительно, но через несколько часов после их поступка власти ГДР возвели берлинскую стену[109].

Своего бывшего агента чекисты попытались ликвидировать, но сделать ничего не смогли — Сташинский остался жив, предстал перед германским судом и отсидел положенный срок. А западная общественность в очередной раз получила некое отрезвление от «оттепели».

Через много лет после описываемых событий убийство Бандеры и Ребета было использовано против самого Александра Шелепина, носившего партийную кличку «железный Шурик» и бывшего на тот момент в составе брежневского Политбюро. Сам «всенародно любимый товарищ Брежнев» держал его там для острастки остальных партийцев, как бы говоря им: «Смотрите, если меня убрать, придет Шелепин, и вы вспомните сталинские времена». Когда же Брежнев заболел, придворная камарилья быстро прогнала «железного Шурика». Последний незадолго до этого ездил в Англию, где против него украинские эмигранты, и не только они, устроили демонстрацию, зная, что убийство Бандеры осуществлялось под

его руководством. Эти митинги, вопреки обычной практике, не объявили «выходками фашиствующих элементов», а были поставлены в вину Шелепину, как бы подпортившему внешнеполитический имидж Советского Союза. После этого Шелепина из Политбюро изгнали. Хотя, если вдуматься, он являлся лишь исполнителем, а «заказчиком» убийства был Хрущев.

Кстати, отчасти озабоченность Хрущева и КГБ была вызвана сотрудничеством ОУН(б) с английской и американской разведками, осуществлявшимся с конца 1940-х гг. Однако это сотрудничество не принесло ожидаемых успехов, не приобрело больших масштабов и существенного влияния на деятельность ОУН(б) не оказало.

Вот как описывает это сотрудничество политический противник Бандеры, бывший бандеровец, националист-демократ Евгений Стахов:

«В целях налаживания связи ЗЧ ОУН и УПА в 1951 г. начали готовиться к посылке людей в Украину. Первым добровольцем стал Василий Охримович (выдающийся деятель ОУН-УПА, по возвращению в Украину включился в работу подполья, в 1954 г. был схвачен МГБ, осужден военным трибуналом Киевского военного округа и казнен. — *А. Г.*). Вместе с ним пошел Громенко — бывший командир сотни УПА, которая в 1947 г. боевым порядком прорвалась аж через Чехословакию в Германию. Их скинули с парашютами с американского самолета в Украину, где они добрались до штаба УПА, который там действовал.

Бандера, целью которого было связаться со штабом УПА, чтобы договориться относительно руководства, программы и сгладить продолжающийся [внутрипартийный] спор, который проходил между ним и демократическим крылом, также послал своего эмиссара в Украину — Мирона Матвеика с группой. Они спрыгнули с английского самолета, и миссия Матвеика сразу попала в руки КГБ, поскольку английский разведчик Филби, который одновременно работал и на Советский Союз, дал координаты места высадки. Их перевербовали и долгое время обманывали Бандеру, посылая фальшивые радиограммы...

Еще Бандера организовал переход своих курьеров через Польшу, шефом подполья назначив Зенона, который

работал в польской службе безопасности, которая, в свою очередь, тесно контактировала с КГБ — так что вся связь через Польшу в Украину была под контролем КГБ. И тот Зенон выдал на верную смерть около сотни человек. Об этом подробно рассказала украинская газета в Варшаве «Наше слово», опубликовав снимки людей, которых поляки повесили или расстреляли. Таким образом Бандера помог большевикам ликвидировать ОУН и УПА в Украине.

Охримович же дошел до тогдашнего руководителя Василия Кука (псевдоним Лемиш, позже — полковник Коваль). Вместе с ним был всю зиму 1951–1952 гг., и где-то в конце 1952-го (на самом деле в 1954-м. — *А. Г.*) при невыясненных обстоятельствах большевики его схватили. Разные ходили слухи. Говорили, что причиной этого был Кук. Но сложно сказать, наверное. Никто до того еще не докопался (по воспоминаниям чекиста Санникова, Кук на сотрудничество с КГБ не пошел и никого не выдал. — *А. Г.*)...

После гибели Бандеры (1959 г.) новый руководитель ОУН Стецко также высылал людей в Украину, и их также всех хватали — и Довбуша из Бельгии, и Климчука из Лондона, и Зеленую из Парижа. И все это были провокации КГБ, который создал ОУН в Станиславове — нынешнем Ивано-Франковске, и Нуська Курило ехала оттуда через Перемышль на встречу с Ириной Зеленой, и вся эта дорога была под контролем большевиков. Это было совсем недавно, в 1988 г.

У Довбуша был адрес Ивана Светличного, других. И тем воспользовался КГБ. В 1971 г. в Украине прошли массовые аресты, вызванные, в частности, и арестами курьеров, которых высылал Стецко, его жена пани Ярослава, Василий Олеськив из Англии, Илья Дмитров.

Если посмотреть на все эти дела, выходит: такая засылка людей из эмиграции приводила к большим жертвам, а в Киеве пользовались этим, чтобы бить по украинским интеллигентам, диссидентам, которые отсидели по 10–15 лет в тюрьмах и сибирских лагерях»[110].

Кстати, одним из лозунгов советской пропаганды было то, что бандеровцы после войны существенно поддерживались иностранными разведками. Такой специа-

лист по борьбе с «бандитизмом», как бывший боец Внутренних войск НКВД — МВД Николай Перекрест, ныне полковник милиции в отставке, в интервью «Известиям» упомянул: «После войны снабжали из Мюнхена деньгами — мы не раз находили в схронах пачки долларов»[111].

Автору этих строк ни разу не приходилось сталкиваться с чекистскими отчетами, в которых бы упоминалась вынутая из схронов свободно конвертируемая валюта. Вероятно, Перекрест считает либо сотрудников ЦРУ, либо читателей умственно неполноценными людьми. Зачем могли потребоваться подпольщикам в послевоенной Западной Украине доллары США?

Денежная помощь американцами и англичанами действительно оказывалась, но, понятно, не в долларах, а в рублях, да и то в незначительных масштабах. К 1951 г. подполье было в целом разгромлено.

А вот свидетельство человека рангом повыше — майора МГБ Георгия Санникова: «Вплоть до 1954 г. над территорией Украины летали самолеты США и Англии, сбрасывая груз и эмиссаров-парашютистов, снабжая подполье боеприпасами, продуктами, документами, деньгами... При этом подготовленные к выброске парашютисты были экипированы в форму Вооруженных сил США»[112].

Интересно, зачем одевать украинцев в американскую военную форму? Чтобы спровоцировать международный скандал? Или чтобы милиционеры и чекисты легче отличали повстанцев от местных жителей?

Так или иначе, особого успеха эти десанты и посылки эмиссаров не приносили, потому что к тому времени подполье было почти парализовано деятельностью советских спецслужб.

После смерти Ярослава Стецко должность руководителя бандеровцев заняла вдова Ярослава Стецко — Ярослава Стецко. В 1990-е гг. она являлась лидером, скажем так, парламентского крыла ОУН(б) — Конгресса украинских националистов (КУН). В 1990-е гг. она как старейший по возрасту депутат Верховного совета, то есть парламента Украины, открывала его заседания. Кроме КУН отдельной организацией существует бандеровская ОУН

во главе с Андреем Гайдамахой. После смерти Ярославы Стецко (весна 2003 г.) КУН возглавил депутат Верховного совета Украины Алексей Ивченко.

Современные бандеровцы представляют собой малоавлиятельную, умеренно-националистическую партию, входящую в избирательные или парламентские блоки как с радикальными украинскими либералами, так и с фашистскими организациями — например, со скандально известной УНА-УНСО[113]. Интернет-сайт, на момент размещения цитируемой здесь статьи принадлежавший Фонду эффективной политики кремлевского политолога Глеба Павловского, характеризует КУН как «радикальную националистическую партию, представляющую наиболее респектабельную и умеренную часть украинских радикалов. Представляет правый спектр украинской политики... Позиция партии — антипрезидентская (то есть оппозиционная режиму Леонида Кучмы. — *А. Г.*), но не экстремистская... Региональные отделения партии созданы во всех 27 регионах Украины, имеется 157 официально зарегистрированных местных отделений. ...Численность партии составляет более 10 тыс. человек (меньше, чем в 1940 или 1943 гг. — *А. Г.*)... Националистическая концепция общественного устройства опирается на триединство нации, родины и людей как идеал гармоничного общественного развития. КУН выступает за построение национального унитарного правового государства; за восстановление системы народовластия на основе политического плюрализма; за обеспечение всеми возможными способами гражданских прав; за обеспечение национальным меньшинствам права свободного развития их национально-культурной самобытности при условии их лояльного отношения к украинскому государству. Во внешней политике партия выступает за политический нейтралитет, равноправие Украины по отношению ко всем государствам, сохранение безъядерного статуса Украины»[114].

ОУН(м), которая популярностью не пользовалась, активностью не отличалась и поэтому особого внимания КГБ не привлекала, руководил Андрей Мельник — вплоть до своей мирной смерти в Германии в 1964 г., после чего его сменил Олег Штуль (Жданович).

В настоящий момент мельниковцы носят такое же, как и бандеровцы, название: ОУН — без «м» или каких-то других букв в скобках. Политикой они не занимаются, уделяя основное внимание общественной деятельности, пропаганде и изданию литературы. В частности, в Киеве, в том же здании, где расположен Институт истории Национальной академии наук Украины, они содержат библиотеку имени Ольжича, посвященную истории ОУН и УПА. В ней есть книги на украинском, польском, немецком и английском языках. Нет только книг на русском.

ОУНз на настоящий момент перестала существовать, поскольку большинство ее членов умерло естественной смертью, а новой организации в Украине создать не удалось.

Самой влиятельной, многочисленной и активной националистической украинской организацией на протяжении всего послевоенного времени оставалась ЗЧ ОУН, то есть ОУН(б), сейчас носящая название ОУН-КУН.

Все течения ОУН занимались привлечением внимания демократической общественности и западных стран к проблеме Украины, издавали бюллетени, газеты, книги на разных языках.

Бандеровцы стали основателями Антибольшевистского блока народов (АБН), позже вошедшего в «правый интернационал» — Всемирную антикоммунистическую лигу (ВАКЛ). Сейчас ВАКЛ существует под названием Всемирная лига за свободу и демократию, и российское отделение этого детища бандеровцев, четников и тайваньских спецслужб возглавляет первый мэр Москвы социал-демократ Гавриил Попов. Кстати, глава ОУН Ярослав Стецко, как представитель ВАКЛ, встречался с Рональдом Рейганом в годы президентства последнего. Вряд ли тогда глава США знал о письмах Стецко к Гитлеру и Муссолини, в которых глава украинского правительства летом 1941 г. приветствовал и благодарил лидеров фашистского блока, а также выражал стремление поучаствовать в строительстве «справедливого нового порядка».

Члены ОУН участвовали в радиопередачах украинской студии радио «Свобода», организовывали демонстрации и акции протеста за рубежом. Самая известная

волна демонстраций украинцев прошла по странам Запада в 1982–1983 гг. в связи с 50-летием голодомора 1932–1933 гг.

Тремя течениями ОУН, конечно же, не исчерпывалось все многообразие политических, культурных и общественных движений украинской диаспоры. Со времен Хрущева и в УССР возникали различные диссидентские организации и партии. Нередко бывшие бойцы УПА и члены ОУН принимали активное участие в создаваемых заново диссидентских движениях и Сопротивлении. Борьба ОУН и УПА служила также идеологической опорой различных украинских национальных движений как в годы коммунистического правления, так и в начале 1990-х.

Но это была уже другая история — а история вооруженного Сопротивления закончилась в начале 1950-х гг.

ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОДЫ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ УКРАИНЫ

Украинская повстанческая армия Тараса Бульбы-Боровца

Коллаборационизм в обыденном сознании ассоциируется обычно с таким одиозным понятием, как «предательство», и представляется антиподом патриотизма. Чаще всего бывает именно так, но не всегда и не везде[115].

Академик Михаил Семиряга, 2000 г.

Эта глава посвящена созданию и существованию УПА, но не той, которая была создана бандеровцами и о которой в основном рассказывает эта книга, — а другой УПА. Под таким названием, — как уже кратко сообщалось чуть выше, — существовало две разные армии, точнее — два разных партизанских движения.

Само название «УПА» возникло благодаря деятельности националиста-демократа Тараса Боровца. Его фамилия происходит от слова «боров» — то есть свинья мужского пола, предназначенная, в отличие от оставленного в целости хряка, для откормки на сало. Боровец решил взять себе псевдоним поизящнее и назвался именем одного из героев классика русской литературы Николая Гоголя «Тарас Бульба» («бульба» переводится как «картошка»).

Боровец в ОУН не входил, хотя и был националистом по политическим убеждениям.

Родился он еще в Российской империи, в 1908 г. в селе Быстричи на Волыни (сейчас Березневский район Ровенской области) в семье крестьянина-бедняка. Уже в Польше вырос и получил профессию каменотеса. По подозрению в антипольской деятельности Боровец угодил в уже упоминавшийся концлагерь Береза Картузська, но вышел оттуда не с разгромом Польши, а еще до начала Второй мировой войны, после чего открыл вместе с отцом собственную каменоломню. Пришедшие коммунисты каменоломню отняли, и Боровец ушел на территорию Украины, контролируемую немцами, то есть в Генерал-губернаторство. В своей деятельности Боровец ориентировался на правительство УНР в изгнании, которое тогда возглавлял проживавший в Варшаве Константин Левицкий.

В поисках союзников Боровец в 1939–1941 гг. установил связи с немецкой военной разведкой — абвером — и до начала советско-германской войны вернулся в СССР.

Повстанцы Боровца в первые дни войны в Ровенской области вели бои с отступающими деморализованными частями Красной армии и войсками НКВД[116], то есть делали в это время то же самое, что и оуновцы.

Когда линия фронта переместилась на Восток, а до Полесья еще не дошло влияние немецкой оккупационной администрации, группа Боровца была оформлена в качестве части коллаборационистской вспомогательной полиции под названием Полесская сечь (ПС). С целью обеспечения своего тыла немецкое командование пошло на создание в Сарнах Окружной команды украинской милиции и ее подстаршинской (унтер-офицерской) школы. В нескольких селах и городках были созданы гарнизоны, на начало августа 1941 г. их общая численность составляла почти 3000 человек[117]. Одним из подразделений этой «армии» и была Полесская сечь Боровца. Сам Боровец скромно упоминает о 10 000 бойцов, подчиненных только ему, что, несомненно, является художественным преувеличением.

Основной задачей ПС была борьба против остатков Красной армии, находившихся в так называемой «Полесской котловине». Это болотистая и лесистая территория, идеально подходящая для партизанской борьбы, расположенная к северо-западу от Киева и северу от Ровно на границе Белоруссии и Украины. ПС вместе с другими украинскими и белорусскими коллаборационистами в течение трех месяцев частично уничтожили, а частично вытеснили красных партизан из Полесской котловины на территорию Брянской области.

Со стороны новой власти вскоре последовали ультимативные требования о полном подчинении ПС нем-

цам, ее передислокации в Черниговскую область, поэтому 16 сентября 1941 г. Полесская сечь приказом № 21 самого Боровца была распущена.

Часть бойцов, а также ее командир перешли на нелегальное положение.

Весной — летом 1942 г. на Волыни проходит «призыв» в ПС (которая тогда уже получила название УПА) части ранее демобилизованных коллаборационистов, однако активной антинемецкой деятельности УПА-ПС не вела, ограничиваясь отдельными операциями против оккупационной администрации и широкой пропагандистской кампанией. В основном «бульбовцы» занимались обеспечением своего отряда за счет украинских крестьян и того добра, которое немцы отнимали у крестьян в качестве т. н. контингентов. Бульбовцы отнимали эти контингенты у немцев и либо забирали себе, либо отдавали крестьянам обратно.

В июне 1942 г. Боровец послал письмо гауляйтеру Украины Эриху Коху с требованием прекратить грабеж страны и террор против населения.

В ноябре — декабре с представителями оккупационной администрации прошли безуспешные переговоры. Боровец предлагал выпустить всех украинских политзаключенных (включая Бандеру) и радикально изменить «украинскую политику» Третьего Рейха. Это был довольно красивый шаг, поскольку бандеровцы в 1941 г. противопоставили себя остальным украинским партиям. То есть Бульба заступился за своих политических оппонентов — может быть, потому, что знал: его заступничество на немцев особенно не повлияет.

В ответ на выполнение своих требований он обещал мобилизовать 40 000 солдат и полицейских для борьбы против партизан и Красной армии, а также возглавить эти части[118]. Немцы на такие требования не пошли и от предложенных услуг отказались.

С советскими партизанами, так же как и с немцами, у УПА-ПС были периоды стычек, боев и/или нейтралитета.

Кстати, для этой партизанской формации был характерен такой далеко не оригинальный, но другими партизанами не столь широко применявшийся способ ведения политической борьбы, как избиения «оппонентов».

Бульба, не желая провоцировать масштабное кровопускание, издал приказ: с большими группами красных партизан в боевые действия не вступать, а мелкие — разоружать, избивать и отпускать восвояси. Приказ неукоснительно исполнялся, отчего партизаны на бульбовцев жаловались в центр.

В феврале 1943 г. период «вооруженного нейтралитета» с коммунистами навсегда закончился новым этапом столкновений.

Советские партизаны, воевавшие в тех краях, оценивали численность «бульбовцев» на лето 1943 г. вплоть до 10 000 человек[119].

Николай Лебедь, руководивший ОУН(б) до мая 1943 г., в написанной им после войны книге «УПА» оценивал численность отрядов Боровца в 150—300 человек[120].

Вероятно, что эта цифра куда более близка к реальному положению дел, чем цифра, названная красными партизанами.

Соединение в 10 000 бойцов — целая дивизия или даже партизанский корпус — требует большого количества офицерских кадров, которые после расформирования УПА-ПС неизменно пополнили бы офицерский состав УПА и/или были бы впоследствии арестованы советскими репрессивными органами. Однако сведения о чем-либо подобном отсутствуют.

Существование столь крупного соединения неизбежно привело бы к захвату НКВД целого пласта трофейных документов, которые бы сохранились в центральных украинских архивах, как, в частности, масса документов ОУН-УПА. Однако внушительных архивных следов УПА-ПС также нет.

УПА, подконтрольная ОУН(б), сама насчитывала в середине 1943 г. около десяти тысяч человек. У УПА-ПС (УНРА) к тому моменту был двухлетний опыт нахождения в подполье и какой-никакой боевой деятельности. Непонятно, как в таком случае — если бы бульбовцев было действительно столько же, сколько бандеровцев, — последние не смогли бы разоружить и/или разогнать бульбовцев, что в действительности и произошло.

Донесения советских партизан о десяти тысячах бульбовцев следует рассматривать в контексте пословицы:

«У страха глаза велики». А повествование самого Боровца о масштабной военно-террористической деятельности против немцев является следствием естественного желания атамана вписать свое имя в историю Украины буквами покрупнее.

Следует отметить, что Боровец в 1941–1942 гг., в отличие от бандеровцев, сумел наладить тесное сотрудничество как с ОУН(м), весной 1943 г. развернувшей свои военные отряды в районе Тернополя и к северо-западу от Ровно, так и с монархистами, а также представителями демократических партий, находившихся в глубоком подполье. Представителем ОУН(м) при штабе УПА-ПС был Олег Жданович. В некоторой степени это характеризует разницу в стиле действий бандеровцев, как представителей тоталитарной партии, и украинских национал-демократов, готовых сотрудничать с людьми, исповедующими несколько иные, чем у них, политические взгляды.

Попытки представителей ОУН(б) договориться с Боровцом ни к чему ни привели, так как последний отвергал тактику и стратегию бандеровцев, осуждал их вождизм и тоталитаризм, претензии на выражение воли всего украинского народа. Вероятно, сыграли роль и личные амбиции — Боровец не согласился на предложенную ему скромную роль одного из командиров будущей УПА.

Переговоры ничего не принесли, за исключением одного — появления «раскрученного» названия созданной ОУН(б) военной структуры. По согласию Боровца, вооруженные отряды ОУН(б) и самого Боровца должны были объединиться под общим названием — Украинская повстанческая армия (УПА). Это название завоевало к тому времени некую популярность у населения Волыни. В феврале — марте 1943 г. бандеровцы использовали для своих вооруженных отрядов название Украинская освободительная армия (УОА) *(Українська визвольна армія — УВА)*. По всем остальным пунктам договоренность достигнута не была, но бандеровцы сочли возможным исполнить только один, выгодный им пункт договора и взять для формируемого ими повстанческого движения название УПА. Эту аббревиатуру, иногда также расшифровываемую как *«Українська повстанча армія»*, они начинают использовать с апреля 1943 г.

Чтобы избежать путаницы, 20 июля 1943 г. Тарас Боровец переименовал УПА-ПС в Украинскую народную революционную армию — УНРА, которая, по его словам «пошла по линии самозащиты, планомерного уменьшения своих рядов и переходу в глубокое подполье перед новой московско-коммунистической оккупацией Украины»[121].

В воспоминаниях Боровца присутствует неточность — складывать оружие и уходить в глубокое подполье руководство УПА-УНРА, то есть сам Боровец, не собиралось — атаман очень надеялся на помощь немцев.

Хотя, несмотря на желание Боровца биться с большевизмом и далее, эта «армия» почти не вела активной борьбы. Во-первых, Боровец не хотел воевать со своими коллегами из лагеря украинских националов — бандеровцами. (Тем более что их численное и организационное превосходство было к лету 1943 г. очевидным.) И, в общем, он избрал по отношению к ним оборонительную стратегию. Уже в августе 1943 г. часть отрядов УНРА была насильно разоружена, а бойцы из ее рядов частично перешли в УПА. Во-вторых, сам Боровец своевременно поддержку немцев не получил, а получил нечто совсем противоположное.

В ноябре 1943 г., после вступления РККА в Житомир, Боровец решил провести переговоры с немцами. Он хотел получить оружие для своих повстанческих отрядов, которые в скором времени должны были оказаться в тылу у коммунистов. «Переговоры» закончились 1 декабря 1943 г. заключением проводившего их Боровца в концлагерь Заксенхаузен, где уже находились Бандера и Стецко. Командование УНРА возглавил атаман Щербатюк (псевдоним «Зубатый»), но, по сути, с арестом Боровца УНРА прекратила свое существование.

Несмотря на это, советские пропагандистские органы на протяжении всего 1944 г. обращались к участникам не только УПА, но и несуществующей УНРА.

Сам же Тарас Боровец, оказавшись в нацистском плену, не отказался от замыслов о дальнейшей борьбе с коммунистами. В конце 1944 г. его вместе с другими украинскими националистами выпустили из лагеря. На радостях он согласился возглавить Парашютную бригаду, или Группу «Б» (Fallschirmjagd-Brigade — Gruppe «B»).

Часть была сформирована в конце марта — начале апреля 1945 г., насчитывала более 400 человек и входила в состав Украинской национальной армии (УНА). Кстати, УНА на тот момент подчинялась Украинскому национальному комитету (УНК), в который вошли мельниковцы, монархисты-гетманцы и представители правительства УНР в изгнании. УНК признали немцы, и, таким образом, это стало чем-то вроде эмигрантского украинского правительства — аналог Комитета освобождения народов России (КОНР) генерала Власова. Только последнего белая русская эмиграция не поддержала, не исключено, что по объективным причинам — не было времени и возможности, а главу УНК генерала Павла Шандрука признали все украинские антикоммунисты, за исключением бандеровцев.

Цель бригады Боровца состояла в проведении повстанческо-диверсионной деятельности на территории Западной Украины для дезорганизации советского тыла. Десантирование должно было пройти во второй половине апреля 1945 г., и не осуществилось оно только из-за недостатка горючего у Люфтваффе и скорого поражения Третьего Рейха.

История Боровца в чем-то характерна для украинских националов. В 1941 г. — сотрудничество с нацистами, с 1941 по 1943 гг. — Сопротивление, с конца 1944 г., когда немцы вынуждены были несколько изменить «восточную политику», — вновь сотрудничество.

Уже упоминавшиеся мельниковцы также создали летом 1943 г. свои повстанческие отряды. К середине 1943 г. численность всех мельниковских партизан составила около 1 тыс. человек, часть из которых позже «переквалифицировалась» в коллаборационистов и с действующими войсками ушла в Германию. Отряды ОУН(м) самостоятельно почти не вели антинацистской вооруженной деятельности. С их стороны имели место столкновения с советскими партизанами, бандеровцами и участие в антипольских акциях. Бандеровцы относились к своим бывшим соратникам по партии так же, как и к бульбовцам — разоружали и включали их в свои ряды.

Заканчивая описание действий мельниковцев и бульбовцев на партизанском фронте, приведем мнение украинского исследователя Озимчука, касающееся взаимоотношения всех трех, включая бандеровское, течений: «...ОУН СД (то есть бандеровцы. — *А. Г.*), ОУН А. Мельника и "Полесская Сечь" Т. Боровца не смогли создать единого антифашистского фронта и объединиться в общеукраинское движение сопротивления... Главным препятствием к объединению усилий, скорее всего, был "вождизм" лидеров партии. Все они пропагандировали независимость Украины, но каждый из лидеров во главе будущего государства видел только себя. И потому, имея одинаковые цели, ОУН СД, ОУН А. Мельника и "Полесская Сечь" Боровца своим соперничеством лишь ослабляли потенциал украинского освободительного противостояния немецкой оккупации»[122].

«Единый антифашистский националистический фронт» разрывали не только противоречия в тактике, амбиции и вождизм, но и общая направленность ОУН(м) и Бульбы на коллаборационизм.

ОУН(б) поставила задачу ликвидировать «атаманщину» и «разброд» в движении Сопротивления и либо подчинить националистических партизан, либо их уничтожить. Основная часть повстанцев-мельниковцев была разоружена и подчинена к концу 1943 г. Как раз к приходу Красной армии ОУН(б)-УПА смогла переподчинить себе и/или ликвидировать основную часть «конкурентов» из украинских националов. Остатки мельниковских отрядов перешли в УПА осенью 1944 г.

В конце войны под влиянием поражений на фронте военное руководство рейха также несколько изменило отношение к повстанческой деятельности вообще, и УПА в частности. С начала 1944 г. в немецких военных школах организовывались курсы, которые должны были в течение двух-трех месяцев подготовить специальные разведывательно-диверсионные группы из украинских коллаборационистов и немцев. Их должны были выбрасывать с парашютом за линию фронта на территорию Западной Украины, где диверсантам рекомендовалось наладить связь и сотрудничество с УПА и/или организовать самостоятельные повстанческие отряды. Точно так же планировали использовать парашютную бригаду Тараса Бульбы-Боровца. Общая численность этих групп со-

ставила несколько сот человек, но в должной степени их не удалось использовать. Планы абвера стали известны советским органам безопасности. Практика применения украинских диверсантов-повстанцев ввиду оперативных действий советской стороны на протяжении лета — осени 1944 г. в целом себя не оправдала. Да и повстанцы далеко не всегда принимали свалившихся с неба помощников с раскрытыми объятиями. В их отношении командование УПА издало специальное указание, «которым приказало задерживать эти группы, сформированные "из людей обманутых или принудительно мобилизованных из совсем положительных украинских патриотов" и после проверки органами СБ ОУН "переводить в УПА или боевки, как обычных стрелков с правом аванса"». «Если на той или иной территории, — указано далее, — будут появляться чужие национальные парашютные подразделения (власовцы, немцы), то последних, по возможности, обезоружить и уничтожить»[123].

ОУН-УПА к тому времени уже имели опыт борьбы с разведывательно-диверсионными группами противника — советскими парашютистами в 1942—1944 гг.

Можно только строить предположения о том, что сделали бы представители УПА и Службы безопасности (СБ ОУН) с руководителем Парашютной бригады Группы «Б» Тарасом Боровцом. Националисты-революционеры к тому времени додумались заочно осудить атамана. По словам самого Бульбы, в 1943 г. бандеровцы по приказу руководства убили его жену, Анну Боровец — мотивацией послужило то, что она, якобы, была полькой (на самом деле была чешкой).

Боровца так и не выбросили с самолета в руки сотрудников СБ ОУН или НКВД и КГБ. Недостаток топлива у ВВС Третьего Рейха спас жизнь человеку, оставившему после войны интересные и яркие мемуары под названием «Армия без государства».

После войны Боровец жил в США, и в 1981 г. в возрасте 73-х лет умер в Нью-Йорке естественной смертью.

Начало повстанческой деятельности: борьба с нацистами и их союзниками

В Украине появилось движение Сопротивления, Украинская Освободительная Армия (УПА), которая направила свое оружие против напиравшей Красной армии, точно так же как и против немецкой гражданской администрации на селе. Против немецкой армии она не сражалась[124].

Отто Бройтигам,
сотрудник Министерства по делам
Восточных территорий в 1941—1945 гг.

Решение о создании партизанской армии на Волыни, то есть в Ровенской и Волынской областях УССР, было принято на Третьей конференции ОУН(б) в 20-х числах февраля 1943 г.

Почему именно тогда и именно там?

Вооруженное подполье ОУН существовало в Западной Украине еще до начала советско-германской войны. После 22 июня 1941 г. оно развернуло там повстанческую деятельность. В принципе, уже к осени 1941 г. ОУН(б) обладала необходимым кадровым резервом для начала партизанской войны.

Появилась и причина для начала Сопротивления: 15 сентября 1941 г. нацисты начали массовые репрессии против ОУН(б). Однако до создания УПА дело дошло только через полтора года.

И выжидание оуновцев было неслучайным.

Все они были свидетелями того, как в Украине летом — осенью 1941 г. были в пух и прах разгромлены силы двух советских фронтов — Юго-Западного и Южного. В войсках Юго-Западного фронта, сосредоточенных в так называемом «Львовском балконе» танков было больше, чем во всем вермахте. Жители Украины на всю жизнь запомнили картины уничтожения тысяч и тысяч советских самолетов, танков, орудий, панического бегства с

фронта солдат Красной армии, «котлы» с десятками и сотнями тысяч пленных, хаос и дезорганизацию в советском тылу.

А после этого они наблюдали колонны вермахта, уверенно марширующие на Восток.

До конца 1942 г. руководство ОУН склонялось к мысли, что в советско-германской войне выиграет Третий Рейх, руководствуясь, вероятно, следующей мыслью: «Пусть империалисты двух стран обескровят себя в войне друг против друга, а мы тем временем будем налаживать подполье и копить силы для проведения успешного послевоенного диалога с победившей стороной».

Как ни парадоксально, на первый взгляд, решение ярых антисоветчиков о разворачивании антинацистской борьбы — объективно выгодной Советскому Союзу — было в значительной степени спровоцировано победой Красной армии под Сталинградом. Вряд ли разрабатывавшие эту операцию задумывались о таком аспекте, как «всемирно-историческое значение Сталинградской битвы». К началу 1943 г. стало понятно, что победа нацистов проблематична, и что даже если «Тысячелетний Рейх» одолеет своих врагов, то в любом случае выйдет из войны очень ослабленным. Вот тут-то и можно будет предъявить немцам претензии на создание независимой Украины, используя партизанскую армию в качестве весомого аргумента.

Кроме того, в начале немецкой оккупации большой частью украинского населения новый режим еще не воспринимался как абсолютное зло. Украинские крестьяне тоже выжидали: выиграют ли немцы, изменят ли они после победы или даже в ходе войны оккупационный режим?

К концу 1942 г. стало ясно — нацисты, не отличающиеся от большевиков масштабом террора и грабежа, свой «новый порядок» скорректируют вряд ли. Массовый вывоз трудоспособного населения в Германию — т. н. «остарбайтеров» — к концу 1942 г. вызвал поистине всенародную ненависть к оккупантам. Крестьяне, понимавшие, что наступающий 1943 г. принесет с собой изъятие последней свиньи в пользу «доблестной немецкой армии», а также новый этап «охоты на рабов», были психологически подготовлены к восстанию.

К тому же не где-нибудь на Волге или на Дону, а здесь, рядом, появился еще один враг. На протяжении всего 1942 г. территория Волыни и Галиции становится местом действий националистического польского Сопротивления — Армии Крайовой (АК) и Батальонов хлопских (БХ), а также других подобных организаций. Военно-политическое руководство АК считало Западную Украину «исконно польскими землями» и стремилось создать там относительно сильные структуры для того, чтобы встретить Красную армию как полагается.

По мысли поляков, эта встреча не предусматривала производство пулеметных очередей по комиссарам или подрыв следующих на фронт советских воинских эшелонов.

Руководители АК хотели встретить РККА не как освободителя, а как союзника и партнера, и тем самым способствовать включению Западной Украины, Западной Белоруссии и области города Вильно в состав послевоенной Польши. Польское восстание предполагалось поднимать в немецком тылу непосредственно за линией фронта по мере приближения «красного парового катка».

Со своей стороны, украинцы, ненавидевшие поляков из-за притеснений времен 1920–1930-х гг., вовсе не желали, чтобы на их земле вооруженные польские националисты реализовывали какие-то свои замыслы, а после войны снова забрали бы себе этот регион.

УПА должна была послужить противовесом АК и БХ — не допустить их господства в лесных массивах Волыни и горах Карпат.

Кроме того, на рубеже 1942/43 гг. западно-украинские земли стали перед лицом коммунистического нашествия — не Красной армии, а красных партизан. Центральный штаб партизанского движения принял решение о передислокации крупных отрядов из России и Белоруссии на территорию Западной Украины.

И если бы решение о создании УПА было принято не в феврале 1943-го, а, скажем, полгода спустя, то вряд ли ОУН смогла бы его толком реализовать. Красные партизаны к тому моменту были бы полными хозяевами

волынских лесов и в свободное от борьбы с немцами время беспрепятственно расстреливали бы в украинских селах бандеровский партактив.

Как видим, решение о создании УПА было принято оуновцами не рано, но и не поздно — 17–21 февраля 1943 г.

Но почему на Волыни и в украинском Полесье, а не в Галиции?

Ведь Карпаты и Предкарпатье покрыты лесом и хорошо подходят для партизанской войны. Кроме того, крестьяне Галиции, испытывая аграрный голод еще с XIX века, были беднее, а значит, и потенциально «революционнее» волынян. Кроме того, Галиция почти полтора века входила в состав Австро-Венгрии, и украинский национализм там до сих пор сильнее, чем в соседней Волыни. В 1930-х гг. основные кадры ОУН рекрутировала как раз в Галиции.

Причина была одна-единственная.

В 1941 г. Галиция была включена в состав Генерал-губернаторства, то есть присоединена непосредственно к рейху на правах, если так можно выразиться, культурно-хозяйственной автономии.

В работе историка Михаила Семиряги можно прочесть: «Что касается ситуации в центральных и восточных районах Украины, то в 1942–1943 гг. оккупанты вели гибкую политику заигрывания с местным населением»[125].

На самом деле ситуация с региональными различиями оккупационного режима была диаметрально противоположной. Центральные области и Волынь входили в рейхскомиссариат Украина (РКУ), возглавляемый гауляйтером Эрихом Кохом, которого в окружении Гитлера ласково называли «вторым Сталиным», и который своей политикой напомнил украинцам времена коллективизации и репрессий 1937 г.

* * *

В Галиции же нацисты стремились наладить спокойную жизнь. В Генерал-губернаторстве активно действовал Украинский центральный комитет (УЦК) во главе с доктором Владимиром Кубийовичем. Функционировали

старые и открывались новые украинские школы, различные училища, высшие учебные заведения, выходили десятки газет. 5 марта 1942 г. УЦК выдвинул и начал активно воплощать в жизнь лозунг: «В каждое село — детский сад!» Советского партизанского движения в Галиции не было до июля 1943 г. Об этом пришедший с рейдом комиссар отряда Сидора Ковпака Семен Руднев 8 июля сделал запись в своем дневнике: «Население смотрит на наше появление со страхом, т. к. за два года они не видели и не слышали о советских партизанах. А это верно, начиная с Славутских лесов на юг, в Галиции советских партизан не было и нет. Характерное явление, что до границы Варшавского губернаторства, т. е. в Западной Украине (имеется в виду северо-западная часть РКУ. — *А. Г.*) каждое село националистическое и очень много банд националистов находилось по местам. Но когда перешли границу Польши (восточной Галиции, то есть Генерал-губернаторства. — *А. Г.*), то здесь есть признаки националистов, вероятно они в зачатке и находятся в подполье»[126].

А на Волыни они вышли из подполья в марте 1943 г., потому что там от них этого шага, можно сказать, ждали местные крестьяне, обозленные подручными Коха.

Распространено мнение, что первым повстанческим главкомом был Дмитрий Клячковский. Но это не так: первым главнокомандующим повстанческих отрядов ОУН(б)-УОА-УПА назначается Василий Ивахов *(Василь Івахів)*, действовавший под псевдонимом «Сом»[127]. Родом он был из крестьян Галиции и к моменту назначения ему было 32 года. В свое время он закончил офицерскую школу Войска Польского, после чего за антипольскую деятельность угодил в тюрьму. В Кракове в 1939–1941 гг. прошел военные курсы ОУН, летом 1941 г. возглавлял унтер-офицерскую школу ОУН в селе Поморяны Львовской области. Когда немцы начали массовые аресты бандеровцев, то в гестаповскую тюрьму попал и Ивахов, откуда вышел в 1942 г. По освобождении стал военным референтом ОУН на северо-западных украинских землях, то есть на Волыни. В качестве такового и возглавил Краевой военный штаб УПА, но вскоре — 13 мая 1943 г. погиб около села Черниж Маневичского района Волын-

ской области во время боя с немецким полицейским отрядом.

Первые три месяца своего существования УПА действовала на Волыни, то есть в Ровенской и Волынской областях УССР, а также прилегавших к Украине южных землях нынешней Белоруссии.

Вскоре УПА распространила свою деятельность и на соседние области, входившие до 1939 г. в УССР — Житомирскую и Каменец-Подольскую, — а позже на Киевскую и Винницкую области.

В Галиции украинские националистические партизаны появились в июне — июле 1943 г. — через полгода после создания УПА.

Это было связано со знаменитым Карпатским рейдом партизанского соединения Сидора Ковпака. Об этом рейде Михаил Семиряга писал: «Весь 1943 г. шла борьба УПА против "двух врагов" — немецких оккупантов и немногочисленных украинских партизанских отрядов, которые пришли на Западную Украину рейдами с Советской Украины. Крупным успехом для УПА завершился ее бой с партизанами дивизии С. А. Ковпака, в ходе которого дивизия фактически перестала существовать»[128].

Это не совсем так. Красные партизаны проникали в Западную Украину не столько из Советской Украины, сколько из России и Белоруссии. Во время рейда 1943 г. часть Ковпака, насчитывавшая почти 2000 человек, дивизией не являлась. Крупных боев с ковпаковцами повстанцы не вели, резонно опасаясь больших потерь. Отряд Ковпака в ходе рейда был сохранен, и после этой поистине блестящей операции преобразован в дивизию, которая под командованием Петра Вершигоры направилась в новый рейд — на Вислу. Во время этого рейда в январе 1944 г. ковпаковцы как нож сквозь масло прошли сквозь националистические районы на Волыни, разбили курень имени Богуна, уничтожили знаменитую офицерскую школу УПА «Лесные черти» и ушли дальше — в Польшу.

Во время же Карпатского рейда 1943 г. даже немцы и коллаборационисты не смогли эффективно бороться против опытных, спаянных двухлетней борьбой, хорошо вооруженных красных партизан. Только к началу августа

1943 г. (бой под Делятиным — 03.08.1943) антипартизанские меры нацистов дали результат: ковпаковцы бросили артиллерию, большую часть обоза и разделились на шесть небольших отрядов, двинувшихся назад.

Ковпаковскую угрозу использовала сеть ОУН(б) в Галиции, создав полуофициальную организацию Украинская национальная самооборона (УНС). Бандеровцы перед немцами использовали следующую аргументацию: раз оккупанты не могут защитить от красных украинское население, значит это должно сделать само население.

Крымский историк Сергей Ткаченко пишет, что «...УНС образовалась в середине 1943 г., в августе она разбила отряды С. Ковпака под Делятиным»[129].

Почему-то очень хочется историкам разбить ковпаковцев руками бандеровцев!

Непонятно, откуда уважаемый исследователь взял подобную информацию. Отряд Ковпака под Делятиным провел бой не с УНС, а с немцами, о чем свидетельствуют документы отряда.

Более того, УНС, по словам одного из ее организаторов Ивана Бутковского («Гуцула»), не имела сил и опыта для того, чтобы «проводить фронтальные бои» с ковпаковцами.

Первоначально УНС, насчитывавшая в августе 1943 г., вероятно, около двух тысяч бойцов, действительно изматывала в стычках отступавших небольшими группами уставших и деморализованных советских партизан. Но потом начались и антинемецкие акции. В августе повстанцы освободили первую группу молодежи, отправляемую на принудительные работы в Германию. Уже 30 сентября подразделение СС напало на учебный лагерь самообороны, размещенный между селами Суходол и Липовца Долинского повета (уезда) Станиславской области. Но отряды УНС устроили засаду на противника, возвращавшегося узкоколейной железной дорогой. С потерями немцы отступили. Акции против УНС продолжались на протяжении осени — зимы 1944 г.

В начале 1944 г. УНС влилась в УПА, получив название УПА-Запад и руководителя — Василия Сидора.

Что же касается Северной Буковины, то есть Черновицкой области УССР, в 1918–1940 и в 1941–1944 гг. вхо-

дившей в состав Румынии, то там Сопротивление развернулось летом 1944 г. — в аккурат к приходу Красной армии. Позже территория Буковины стала частью входящего в состав УПА-Запад военного округа «Говерла» (Тактический участок № 20 «Буковина»).

* * *

Здесь имеет смысл перейти к описанию действий УПА против оккупантов, которые начались весной — летом 1943 г. на Волыни.

В апреле — мае 1943 г. существование УПА под эгидой ОУН(б) стало фактом, далее шел ее рост и разворачивание организации.

После гибели Василия Ивахова УПА возглавил Дмитрий Клячковский *(Дмитро Клячківський)*, действовавший под псевдонимом Клим Савур. О судьбе этого человека будет рассказано отдельно.

Необходимо отметить, что в 1943 г. ОУН(б) не ставила перед УПА задачу всенародного восстания против нацистов. Во-первых, для этого не было сил, во-вторых, главным врагом националисты по-прежнему считали Советский Союз, к тому времени перенявший стратегическую инициативу в советско-германской войне. Поэтому решено было копить силы для будущих боев с Советами, при этом по возможности расширяя территорию, подконтрольную УПА.

Поэтому активную борьбу против немецкой оккупационной администрации — но не против вермахта — УПА, подконтрольная ОУН(б), начинает с самого момента своего создания.

Первой акцией повстанцев было нападение первой сотни УПА, фактически крупной боевки, то есть небольшой военно-террористической группы ОУН, на райцентр Владимирец, находящийся на северо-западе Ровенской области. 7 февраля 1943 г. бандеровцы разгромили пункт немецкой жандармерии, захватили оружие и амуницию. 20 февраля сотня «Коробки» (Перегийняка) напала на лагерь советских партизан около села Замороченное, разогнала их и захватила трофеи. С этого момента акции УПА идут по нарастающей.

Основными задачами антинацистских действий УПА в 1943–1944 гг. были:

- срыв поставок продовольствия для Германии;
- защита населения от нацистского грабежа и террора;
- срыв депортаций украинских рабочих в Третий Рейх;
- расширение контролируемой УПА территории;
- сбор оружия и накопление боевого опыта;
- захват имущества оккупантов, прежде всего военного снаряжения и боеприпасов.

При этом боевых столкновений с частями вермахта УПА старалась избегать и на военные объекты нападения не совершала. Удары в тыл бьющегося с РККА вермахта наносились скорее постольку, поскольку они были нужны для создания партизанских краев и накопления сил для грядущей борьбы с коммунистами. Поэтому нередко красные партизаны обвиняли повстанцев в пассивности и попустительстве оккупационным властям, с которыми, на самом деле, повстанцы все же воевали.

Тактика военных действий УПА была в целом похожа на другие виды повстанческой деятельности: от налетов на отделы полиции в деревнях и селах, до «рельсовой войны».

С наибольшей интенсивностью УПА проводила бои по срыву «контингентов» — сбора сельхозпродукции и продовольствия. Эти действия способствовали росту популярности повстанческого движения среди крестьянства, во все времена отличавшегося некой инертностью. «Отбивание продовольствия» у немцев должно было наглядно продемонстрировать селянам, кто является их защитником. В этом же русле пролегали действия УПА по срыву «охоты на остарбайтеров».

С середины мая 1943 г. немцы проводят наступление на партизан Украины — причем как на националистических, так и на советских. 7 июня командующий СС и полицией в генеральном округе «Волынь-Подол» бригаденфюрер СС Гинцлер отдал приказ о ликвидации Национального Сопротивления в районах Волынской и Ровенской областей: Любомль, Горохов, Владимир-Волынский, Дубно и др. В июле-августе операции расширились

на всю Волынь, причем в наступлении на повстанческие республики и партизанские края участвовали самолеты, танки, бронепоезда, артиллерия и до 10 тыс. солдат и офицеров. Во время этих операций, толку от которых было весьма и весьма немного, повстанцы нанесли немцам меньшие потери, нежели красные партизаны.

Но именно на мине УПА подорвался глава ополчения штурмовых отрядов обер-группенфюрер СА Виктор Лютце. Мину заложила сотня с красноречивым названием «Месть Полесья».

Часть боев лета — осени 1943 г., особенно начиная с августа месяца, можно с долей иронии назвать «битвой за урожай» — немцы, часто с помощью коллаборационистской полиции, пытались взять у крестьян «контингенты» — продукты сельского хозяйства. Повстанцы грабителям всячески препятствовали, нередко «грабя награбленное» — забирая себе уже отнятую оккупантами еду.

Вот описание довольно типичной операции УПА на Волыни. Документ, по-видимому, является исходником для публикации в бандеровской печати и составлен на основе отчетов или свидетельств повстанцев:

«Дня 2-го июня 43 г. в 15-м часу над с. Горка-Полонка начали взрываться большие клубы дыма и огня. Посланная разведка донесла, что поляки и немцы, идя обходной дорогой в направлении Луцка, жгут и грабят село. Не было и минуты для сбора. Мы взяли один рой повстанцев, ручной пулемет и бегом выдвинулись в направлении села Горка-Полонка, чтобы там атаковать врага.

Под селом территория была очень ровная, так что врагу хорошо было вести огонь. Мы сразу развернулись в цепь и через хлеба, склонившись, продвигались в направлении села. Перед нами был маленький лес и холмик. Мы решили, что из леса лучше всего будет вести огонь по врагу и двигаться в его направлении. Когда подбежали под самый лес, то враг нас заметил и сразу же открыл огонь из пулемета. Мы попадали и прыжками хотели достичь леса. Огня не открывали, т. к. из хлебов ничего не было видно. Доскакали до леса, сомкнулись в шеренгу и начали бежать в направлении, откуда были слышны выстрелы и крики. Добежали до края леса и увидели 3 горящие хаты, а на дороге нескольких всадников, которые поджигали строения. На самой дороге растянулась длинная колонна возов. На возах лежали награбленные вещи, а за телегами гнали отнятую в селе скотину. Дым, рев скотины, крики людей, звук выстрелов — все это смешивалось в одну страшную суматоху, что напоминало татарское нападение XII столетия. Мы сразу заняли позицию. Врага было видно как на ладони. Мы открыли по возам и автомобилям пулеметный и ружейный огонь. Это создало панику на дороге, ляхи начали убегать, начался рев, крики, движение. В тот момент врагу подоспела помощь, около трех роев людей на отдалении 700 метров начали нас обстреливать пулеметным огнем. Пули как осы летали над головами. Перестрелка не прекращалась. Под прикрытием огня немцы начали с награбленными вещами отступать в сторону Луцка, оставляя часть имущества. Мы вышли с позиции и пошли на дорогу, чтобы проверить последствия боя. На дороге увидели мы награбленные вещи, много стекла из автомобилей и две лужи крови. Из наших не был убит никто»[130].

Понятно, что не всегда операции УПА оканчивались столь удачно. Донесения повстанцев и действовавших в этих районах красных партизан сообщают о десятках сожженных и разграбленных карателями украинских деревень, в том числе оставленных УПА перед превосходящими силами противника.

После ноября 1943 г. немцы на Волыни больше не проводили крупных операций против УПА, что отчасти объяснялось приближением Красной армии.

Да и вообще большинство антиповстанческих операций нацистов, как и украинцев против оккупантов, носили локальный характер.

Это показывают отрывки из донесения Климу Савуру командира военного округа «Зарево» «Дубового» (Ивана Литвинчука):

«За месяц май 1943 г. ...

[сотня] Ярема... 21 мая устроена засада на немцев около местности Клесив, ликвидирована немецкая группа в количестве 26-х человек, добыто 2 автомата, 6 — МП, 18 винтовок, 6 револьверов, 8 гранат и боеприпасы. Собственные потери 6 раненых.

29.V рассеяно в районе местности Старинки большевистскую группу в силе 16 человек, добыта 1 финка (автомат. — *А. Г.*). На шум боя приехали немцы, с которыми начали бой, убито 4 немца, собственные потери 3-е убитых...

[Сотня] Шавула: 01.V засада на немцев. Один немец убитый, собственные потери — один...»[131].

Вот отрывки из того же самого отчета, только за июнь:

«Ярема:. 6.VI сделали налет на железную дорогу Клесив-Томашгород, налет не удался. Убито два немца, собственные потери — один раненый... 12.VI сделана засада на казаков (коллаборационистов. — *А. Г.*), поймано 2 казака и 2 немца, добыто 4 винтовки и 8 гранат, потерь нет... 24.VI.43 г. налет на немцев, убито 30 немцев, много раненых, не добыто ничего...

Черноморец: 1.VI.43 бой с немцами, убит один немец, тогда же в борьбе с немцами погибло 2 наших стрелка...»[132].

А вот боевое донесение от 1 августа 1943 г. командира сотни «Цыгана», действовавшего на Волыни на территории военного округа «Зарево» (*«Заграва»*):

«Дня 18.VII-43 г. была устроена засада на немцев, в которой добыто 2 (два) тяжелых и 1 (один) легкий пулемет, винтовки, гранаты, а также сожжено 2 (две) машины. С нашей стороны потерь не было никаких»[133].

Те же самые донесения, только из другого военного округа — «Богун», за период с 10 июня по 10 июля 1943 г.:

1. Сотня «Ворона»: «12.VII в с. Орешкивцы разбит Шумский отряд немцев, которых застали в тот момент, когда они грабили село. Со стороны немцев 9 убитых, несколько раненых, а оставшиеся бежали в панике, оставляя по дороге оружие. Со стороны отряда один легко раненый...

29.VI отряд из 6 человек при помощи местных боевок, на дороге Шкроботовка-Ямполь разбил 2 машины с немцами. С нашей стороны потерь в людях не было...

2. Сотня Черника

дня 30.VII разоружено 10 венгров. Добыто 9 винтовок, 1 пулемет, 56 гранат, 4000 единиц боеприпасов и вся военная форма»[134].

Постепенно расширяя поле деятельности, повстанцы проводили рейды в восточные области Украины. Вот

один из отчетов пропагандистской сотни военного округа «Богун». Вероятно, это снова не действительный документ, а составленный на основе свидетельств черновик для повстанческой печати:

«Сотни УПА отпраздновали третью годовщину Дня Украинской Государственности (т. е. Акта 30 июня 1941 г. — *А. Г.*).

Дня 30 июня 1943 г. сотни перешли в нескольких местах бывшую польско-советскую границу для проведения там Праздника Украинской Государственности, в форме митингов и бесед с населением по селам. Каждая чета (т. е. отделение. — *А. Г.*) имела отдельный маршрут, при каждой чете был пропагандист, который получил соответствующие инструкции по проведению пропагандистского праздника. Все были "вооружены" соответствующей литературой и листовками, связанными с этим праздником.

Население сначала встретило наших бойцов безразлично, думая, что это шуцманы (полицаи. — *А. Г.*). Они не могли понять, что "бандеровские партизаны", как на востоке называют УПА, появились на селе средь бела дня. Когда же узнали, кто мы, на их лицах появились удивление и ужас. Как оказалось, причиной этого испуга была укорененная в населении враждебной пропагандой уверенность, что УПА уничтожает села и режет людей. Все-таки наши стрелки вскоре вошли в хороший контакт с населением. Раздавали им литературу, пояснили, кто мы, за что боремся, напоминали о событиях 1941 г., поясняли значение провозглашения независимости Украинского Государства и т. п. В некоторых местностях удалось собрать митинги, на которых пропагандисты делали короткие доклады.

В общем, население отнеслось к нашим бойцам, пропагандистам и к тому, что они говорили, совсем неплохо...

В селе Плужное бойцы узнали от населения некоторые интересные вещи. Люди рассказали такое: После боя сотни Ворона с немцами и казаками под Плужным, немцы поймали одного раненного в глаза повстанца. Мученный немцами на вопрос где лагерь и кто в нем руководитель, боец отвечал: "На это не хочу отвечать". На вопрос, что он сделал бы, если бы его вылечили и отпустили

на свободу, он ответил: "Пошел бы назад в УПА". Что бы ты там делал? — спросили снова немцы. "Убил бы перед смертью еще пару немецких гадов!" — сказал повстанец. После этого его немцы расстреляли. "Это был настоящий герой", — говорили селяне.

Наиболее враждебную пропаганду на Востоке ведут шуцманы. В отличие от них, казаки говорят, что партизаны — их братья и они воевать против них не будут.

В общем, население на разведанных территориях... мало национально сознательно. В селах много сексотов и доносчиков, которые терроризируют сознательных украинцев (о практике большевиков по засылке своих агентов в оккупационную администрацию для уничтожения "антисоветских элементов" руками немцев известно и из воспоминаний членов русского Национально-трудового союза (НТС). — *А. Г.*). Бойцы говорили, что неплохо было бы устроить в этой приграничной зоне чистку всего плохого элемента.

Следует отметить, что этот пропагандистский рейд произвел на население восточных земель действительно глубокое впечатление. Не меньшее впечатление он произвел на наших врагов. Немцы по местечкам начали окапываться. Они были уже уверены, что это клич к общему взрыву»[135].

Здесь идет речь о рейде в Житомирскую область. Вскоре после описываемых событий повстанцы в этом регионе укрепились, и здесь был основан отдельный военный округ «Тютюнник», входящий в УПА-Север.

В Галиции борьбу с Украинской национальной самообороной (УНС) немцы повели в августе — сентябре 1943 г. Причем действия оккупантов были несколько более эффективны, чем на Волыни. Несмотря на это, зимой 1943/44 гг. повстанцы постепенно установили контроль над значительной частью горной территории Карпат — между Польшей и Румынией.

Одна из последних антиповстанческих операций оккупантов прошла 31 мая — 5 июня 1944 г. 7-я танковая немецкая дивизия попыталась очистить от повстанцев Черный лес в районе Станиславова (Ивано-Франковска). Часть леса действительно была занята, но вскоре немцы оттуда ушли в связи с ситуацией на фронте и мобилиза-

цией, — а не добровольным набором, как это было ранее, — украинцев Прикарпатья в дивизию СС «Галичина», части вермахта и различные вспомогательные структуры.

Одним из известных боев был бой за гору Лопата в Долинском районе Станиславской области, когда курень (батальон) «Скаженные» («Бешеные») под командованием хорунжего Василия Андрусяка («Ризуна») успешно отбил 9 июля 1944 г. все атаки одной из дивизий гитлеровцев.

Но даже к лету 1944 г. УПА не контролировала большей части территории Галиции и вообще действовала здесь менее интенсивно, чем на Волыни. Об этом свидетельствует простой факт: несмотря на все старания, отряды ОУН-УПА не смогли сорвать мобилизацию украинцев из Генерал-губернаторства в Вооруженные силы Германии[136]. А на Волыни из-за действий УПА немцы сами не пытались призвать местных украинцев в коллаборационистские формирования.

Чтобы не создавать однобокой картины о «победоносной УПА, защищающей украинское население», имеет смысл привести описание всех этих событий Тарасом Бульбой-Боровцом — человеком, враждебно или критически относившимся и к бандеровцам, и к польским, и к красным партизанам, действовавшим в Западной Украине в 1943–1944 гг.:

«Всему польскому населению Западной Украины в марте 1943 г. вынесен смертный приговор и было приказано дотла сжигать все поселения польских крестьян. Провозглашена массовая мобилизация людей в армию. Провозглашен так называемый "третий этап" национальной революции и общее восстание украинцев против немцев. Спровоцирована на "революцию" почти вся украинская полиция, которая частично убежала в лес (к УПА. — *А. Г.*), а ее большая часть была расстреляна немцами и вывезена в концлагеря. На место украинской полиции немцы привезли разных иностранцев, главным образом русских и поляков, которые весьма охотно гасили "революцию" Лебедя пулеметами...

Весна и лето 1943 г. в Украине, а особенно в Полесье и Волыни, вероятно, ничем не отличались от описания ада в "Божественной комедии" Данте... В "революцию"

Николая Лебедя вмешались большевистские партизаны. В первую ночь лебедевцы (то есть бандеровцы. — *А. Г.*) казнят огнем и мечем польское село. Днем немцы с польской полицией казнят за это пять украинских сел. На вторую ночь большевики с поляками сжигают за то же самое еще пять украинских сел и добивают уцелевших беженцев по лесам. По городам начался дикий террор гестапо против украинской интеллигенции. Гестапо утратило понимание ситуации. Ловит людей и набивает все тюрьмы свежими заключенными. Сталинские агенты убивают и терроризируют во всех городах важных гитлеровцев, крадут среди бела дня немецких генералов. В ответ на все это гестапо расстреливает всех заключенных в тюрьмах. На деревьях и столбах для запугивания днями и ночами висят невинные украинские люди. (...)

На селян наложены очень высокие повинности: продуктов питания, одежды и обуви для УПА. Все поставки насильно собирались с населения и "тайно" среди бела дня прятались по выкопанным среди поля и в лесах ямам. На эти (повстанческие. — *А. Г.*) "республики" налетали немецкие бомбардировщики, выжигали целые села и районы, а на другой день туда набегали большевистско-польские партизаны, добивали остаток населения, а все спрятанное имущество выкапывали и вывозили на свои базы в Белоруссии. Таким образом, Украина стала главной базой поставок для массового большевистского партизанского движения в белорусских лесах, где оно испытывало большой недостаток продуктов питания, одежды и обуви... Москва не поставляла своим партизанам, например, медикаментов, а приказывала их добыть у врага. Этим врагом был, прежде всего, украинский народ, из которого большевикам легче было выжать все необходимое, чем биться с немецкими гарнизонами за экономические базы в городах»[137].

Для полноты картины необходимо упомянуть также террор Службы безопасности ОУН(б) против украинцев, бои различных партизан друг с другом, а также террор бульбовцев против поляков.

УПА короткие промежутки времени воевала и против венгров, хотя, несомненно, борьба с ними была куда менее ожесточенной, чем с немцами.

Осенью 1943 г. отряды Венгерской армии получили приказ от нацистов охранять железные дороги на Волыни и в Полесье. «УПА быстро договорилась с этими венгерскими частями, дело дошло до двустороннего тайного договора о ненападении, обмене информацией и про поставки еды в обмен на вооружение и информацию, и про постоянные контакты через своих связных офицеров. Руководителем миссии от венгров был подполковник Ено Паданьи *(Jeno Padanyi)*, а с украинской стороны — Емельян Логуш. В результате переговоров дошло до успешной поездки в Будапешт украинской делегации под руководством о. Ивана Гриньоха»[138]. Но соблюдение условий заключенного в тайне от немцев украинско-венгерского договора было сорвано из-за кровавого украинско-польского межэтнического конфликта, о котором речь пойдет в следующей главе, и действий венгерских военных.

В феврале — марте 1944 г. УПА-Запад усилила свою деятельность в Галиции, в том числе начала проводить антипольские акции. «Особенностью украинско-польского противостояния на Станиславщине было присутствие тут венгерских войск, которые стали "настоящими друзьями" местных поляков. Отряды УПА неоднократно нападали на венгров, которые, как правило, защищали польское население. Продолжительное время немцы препятствовали проведению венграми «ответно-замирительных» действий»[139]. Со второй половины апреля 1944 г. в Галиции венгры начали антиукраинские акции.

Вызваны эти акции были не только желанием защитить поляков, но и естественным желанием покормиться за счет местного населения.

Сохранилось описание действий УПА против 16-й пехотной венгерской дивизии (см. приложение 2).

Начался этот конфликт по той причине, что венгры отнимали у местного населения провизию, а затух в результате того, что приближался советско-германский фронт, и обе стороны решили остановить ненужное кровопролитие.

В тот момент, когда между венграми и УПА под воздействием разных факторов — например, аргумента «Красная армия» — вновь достигалось понимание, по-

встанцы не только прикрывали отступление венгров, но и выводили их из окружения, разумеется, за умеренную плату — оружием.

В известной работе московского историка Бориса Соколова отмечается: «В 1941–1944 гг. ...повстанцы действовали на территории польской Украины, Северной Буковины и входившего в состав Венгрии Закарпатья (там они сражались и с гонведами — солдатами венгерской армии)»[140].

Карпатская Украина до 1945 г. не входила в территориально-организационную структуру УПА. В 1939–1944 гг. Закарпатье находилось в составе Венгрии, которая стремилась инкорпорировать этот регион. Венгерское владычество было менее жестоким, чем немецкое в РКУ, а сеть ОУН еще в 1930-х была очень слабой. Среди карпатских украинцев — русинов — идеи радикального национализма ОУН никогда не пользовались популярностью. Поэтому УПА ограничивалась отдельными рейдами в Закарпатье уже после изгнания венгров оттуда. С гонведами повстанцы, как уже было сказано, сражались на территории Галиции, да и то только в течение двух месяцев.

Что же касается отношений ОУН-УПА с Румынией, то они складывались в целом не так неблагоприятно, как с Третьим Рейхом.

С румынами, помимо Буковины, оккупировавшими и так называемую «Трансистрию» — территорию между Южным Бугом и Днестром — ОУН-УПА стремилась заключить соглашение. Бывший руководитель ОУН в «Трансистрии» Шимон Турчанович (Семчишин Тимофей) на допросе в НКВД 24 октября 1944 г. показал, что в ходе переговоров в Кишиневе с представителями маршала Антонеску 17–18 марта 1944 г. между ОУН-УПА и Румынией были достигнуты устные договоренности по всем вопросам. Исключением стало непризнание со стороны ОУН восточной румынской границы, существовавшей до июня 1940 г. Поэтому договор так и не был подписан[141]. Однако против румын УПА практически не воевала, да и румыны не рвались проливать кровь за интересы Третьего Рейха.

Жизнь, — точнее, один из ее факторов, называющийся Красной армией и советским режимом, — заставила

ОУН(б) в конце концов пойти и на компромисс с нацистами.

«Первые контакты представителей руководства ОУН-УПА и немецких спецслужб имели место в январе 1944 г. и продолжались до лета того же года. "Бандеровская группа ОУН пытается спастись от уничтожения с русско-советской стороны и ищет спасения у немецкой стороны", — так достаточно прямолинейно оценивалась ситуация, что складывалась, в донесении руководителя полиции безопасности и СД в "дистрикте Галиция" в управление имперской безопасности (РСХА) в Берлине [ЦДАОВВіУУ. Ф. 4628, Оп. 1, Спр. 10, Арк. 219]. Реальным последствием переговоров было создание своеобразного "бартерного соглашения" — разведывательные данные про Красную армию в обмен на оружие»[142].

«Весной 1944 г. начальник "Абверкоманды 101" подполковник Лингардт сообщал, что ранее он проводил свою разведывательную работу главным образом через военнопленных. Под влиянием военных успехов Красной армии "сейчас почти невозможно привлекать их (военнопленных) для использования в немецких интересах. По этой причине единственной возможностью для него остается использование людей УПА". За линией фронта "без связи с УПА его разведывательная деятельность была бы немыслимой". Начальник "Абверкоманды 202" подполковник Зелигер высказал аналогичные взгляды»[143].

В течение марта — июля 1944 г. происходили конспиративные встречи уполномоченных полиции безопасности и СД Галиции с представителем высшего руководства ОУН(б) Иваном Гриньохом, выступавшим под псевдонимом «Герасимовский». Однако никакой договоренности достигнуто не было. Только в начале осени 1944 г. Гриньох в присутствии немцев встретился с находившимся в лагере Бандерой и проинформировал его о переговорах. Вскоре после этой встречи нацисты освободили Бандеру, Стецко и еще около сотни членов ОУН(б). Впрочем, в тот же момент немцы освободили Боровца и Мельника, так что, вероятно, особого значения эти переговоры не имели.

Немного оружия вермахт оставил с расчетом на то, что действия УПА в советском тылу будут хоть как-то

ослаблять противника. Было немало случаев, когда повстанцы выменивали у немцев оружие на продовольствие, при этом оккупанты нередко обманывали повстанцев, выдавая оружие старых образцов и в количестве, меньше оговоренного. В разговоре с автором этих строк последний Главком УПА Василий Кук, в 1944 г. возглавлявший группу УПА-Юг, свидетельствовал: «Они нам давали винтовки, мы им — сало»[144].

Повстанцы стали и отчасти невольными союзниками немцев даже непосредственно на фронте. «Оценивая действия УПА Запад-Карпаты, немецкая разведка отмечала, что эта группа взяла под контроль перевалы в западных Карпатах и восточных Бескидах и "внесла большой вклад в то, чтобы предотвратить прорыв Советов через Карпаты на этом участке. УПА даже оказала помощь некоторым отступавшим немецким частям"»[145].

В любом случае, бои с УПА немцы продолжали до июля 1944 г. Одни люди и инстанции договаривались с повстанцами, другие в то же время против них воевали. Нередки были случаи и нападения повстанцев на одиночных бойцов, отступающие или разбитые части вермахта с целью захвата оружия. При этом пленных солдат не уничтожали, а отпускали восвояси.

В целом отношение к Третьем Рейху было негативное, но перед лицом побеждающего общего врага — Советского Союза — ОУН(б) пошла на допустимые, с ее точки зрения, формы сотрудничества.

Как «народные мстители» мстили народу: малоизвестное из жизни красных партизан

Сидят в землянке партизаны,
Над печкой вьется черный дым:
«Так сдвинем же, друзья, стаканы —
Сгорел предатель Никодим».

Фольклор

В этой главе пойдет речь о борьбе красных партизан против УПА. Причем акцент будет сделан на описании тех событий и явлений, которые читателю известны мало

или не известны вообще. Про то, как повстанцы с красными воевали и как они расправлялись с теми, кто красным помогал, советский агитпроп рассказал подробно, да еще и приврал к тому же с три короба. В свою очередь, красные партизаны во многих исследованиях даже последних лет зачастую предстают этакими народными героями, самоотверженно клавшими головы за Родину и Сталина и защищавшими крестьян от нацистов.

Понятно, что далеко не всегда было так, и в светлые образы «народных мстителей» давно пора внести некоторые коррективы. Поскольку работа посвящена УПА, то деятельность повстанцев рассмотрена здесь всесторонне, а о красных партизанах в этой главе сообщаются только малоизвестные факты.

Для того чтобы описать деятельность красных партизан в их борьбе против повстанцев, необходим короткий экскурс в историю коммунистического Сопротивления в Украине в годы советско-германской войны.

Советские «исследователи» после войны доводили численность украинских красных партизан и подпольщиков до полумиллиона человек. Появилась эта цифра из-за стремления украинской номенклатуры презентовать свою республику «самой партизанской из всех партизанских». Поэтому историкам были даны соответствующие ц. у., согласно которым труженики казенного пера составили соответствующие «справки» и написали соответствующие исследования.

Для реальной оценки численности красных партизан имеет смысл обратиться к документам Украинского штаба партизанского движения времен войны.

Приведем отрывок из плана действий партизанских отрядов Украины на зимний период 1942/43 гг., подписанного главой УШПД майором ГБ Тимофеем Строкачем 22 ноября 1942 г. «По состоянию на 15 ноября 1942 г. состоит на учете действующих на территории Украины 55 партизанских отрядов общей численностью 6350 человек, из них имеют постоянную радиосвязь с Украинским штабом партизанского движения 38 партизанских отрядов общей численностью 5027 человек»[146].

Дислоцировались партизанские отряды Украины в 1941–1942 гг. в Черниговской, Харьковской и Сумской

областях, а также на Киевщине и Житомирщине — там, где были лесные массивы, да и население было советским, а не антисоветским.

В конце 1942 г. оккупанты попытались уничтожить партизан Украины. Уничтожить не уничтожили, а в леса Орловщины, Брянщины и Белоруссии, откуда «народных мстителей» было выкурить непросто, загнали.

«...Состояние партизанского движения на Украине к 1.1.43 года характеризуется следующими цифрами:

а) Действующих отрядов — 60 с общей численностью 9199 чел., из них вытеснено [противником] с территории Украины — 24 отряда с общей численностью 5533 чел.

б) С начала войны зарегистрировано отрядов 675, общей численностью 25 223 человека.

Со всеми этими отрядами связь была или утрачена, или вообще не была восстановлена.

Таким образом, в настоящее время на Украине почти нет ни одного крупного активного отряда, имеющего связь с центром»[147].

Чтобы исправить такое положение дел, ЦШПД и подчиненный ему УШПД решили передислоцировать крупные партизанские формирования в Западную Украину — левобережье все равно планировали скоро от немцев очистить.

Однако «поход на Волынь» натолкнулся на противодействие только что созданной УПА, опиравшейся на поддержку местного населения. Поэтому красным партизанам не удалось в полной мере выполнить план на 1943 г., о чем, свидетельствует, например, наличие на Волыни и в Полесье обширных освобожденных от гитлеровцев территорий: «повстанческих республик», находившихся под контролем бандеровцев.

Процитируем выписку из справки товарищу Сталину «О состоянии партизанского движения на Украине за период с 1 октября 1942 г. по 1 апреля 1943 г. и о плане мероприятий на весенне-летний период»: «На 1 апреля 1943 г. ЦК КП(б)У и УШПД поддерживает регулярную радиосвязь с 74-мя отрядами, насчитывающими свыше 15 000 бойцов»[148].

А вот отрывок из подобного же документа (тоже на имя Сталина), датированного 9 октября 1943 г. и подпи-

санного Никитой Хрущевым: «Всего на Украине, в тылу противника, в настоящее время действует свыше 30 000 вооруженных партизан...»[149].

Итак, на конец 1943 г., когда половина Украины уже была занята Красной армией, а красные партизаны ушли подальше на запад — в тыл врага и учитывались хорошо, их численность была равна не полумиллиону, а всего 30-ти тысячам.

В 1941 г. население Украины составляло около 30 миллионов человек. То есть в разгар партизанского движения численность «народных мстителей» составила 0,1% от довоенного населения Украины. Можно ли в этой связи вести речь о «всенародной борьбе с захватчиками»?

К тому же, кто шел в партизаны? Окруженцы из разбитых частей Красной армии, бывшие коммунисты, резонно полагавшие, что им от национал-социалистов лучше быть подальше, евреи и цыгане, спасавшиеся от нацистского геноцида, поляки, ищущие возможность в рядах «героев невидимого фронта» воевать против УПА, «искупавшие вину» бывшие коллаборационисты (русские, украинцы, кавказцы, словаки и др.), крестьяне, ушедшие в лес во время «охоты на остарбайтеров», чтобы не быть сосланными на немецкую каторгу, бежавшие из немецких лагерей военнопленные. Костяк и наиболее стойкий элемент красных партизанских отрядов составляли кадры, засланные «с большой земли». То есть в большинстве своем народ с оккупированной территории шел в партизаны вынужденно, а не пылая ненавистью к захватчикам и благородной любовью к советской родине.

На территории Волыни и Галиции массового партизанского движения не было.

Действовали три отряда, дислоцировавшиеся в 1942 г. в Полесье и Волыни. Все они были разведывательные и особого беспокойства немцам как бы и не причиняли — спокойно собирали информацию и отправляли в центр.

Зато причиняли очень большое беспокойство местному населению.

Дятельность этих отрядов в сообщении Маленкову и Хрущеву 20 июня 1943 г. описал начальник Штаба парти-

занского движения Ровенской области генерал-майор Бегма:

«На территории Западной области (то есть Правобережной Украины. — *А. Г.*), в лесной ее части, в частности в Ровенской области, в начале Отечественной войны были оставлены разведупром небольшие специальные группы с рациями чисто разведывательного характера.

С развитием партизанского движения на Украине эти группы начали быстро обрастать за счет местного населения, выходцев из окружения, убегающих из плена и т. д. Таким образом, эти группы выросли в большие отряды. Так, например, полковник Бринский — "Дядя Петя" вырос до 300 чел., капитан Каплун — до 150–400 чел., майор Медведев — до 600 чел. Таким образом, они своей работой переросли задачи спецгрупп, стали всем известны в области и превратились в обыкновенные крупные партизанские отряды, с той только разницей, что все находящиеся в этих спецгруппах люди охраняют штабы, занимаются заготовкой питания, а боевых операций за год с лишним не делали ни одной. В этих отрядах отсутствует институт комиссаров, нет ни комсомольских, ни партийных организаций. В результате такого бездействия и отсутствия контроля и воспитательной работы среди личного состава люди разлагаются, [имеется] масса случаев самовольных расстрелов ни в чем не повинного населения, [наблюдаются] массовые пьянки, хулиганство и т. д.

Эти три отряда — Бринского, Каплуна, Медведева находятся в Ровенской области УССР, в то время как штаб их, или, как они называют, соединения Героя Советского Союза "Батя", командир этого соединения капитан "Черный" находится в Белоруссии, за 200 километров от этих отрядов, и только один раз в 1,5 или 2 месяца присылает своих связных для взятия информации и указаний, что им делать в то время, когда эти отряды состоят из местных жителей и [стоят] буквально в 10–15 километрах от наших штабов»[150].

Иными словами, перечисленные в отрывке партизанские отряды с немцами не воевали, а только и делали, что грабили да стреляли местное население.

Но они занимались, повторим, и ответственной разведывательной и террористической работой. Отряд Медведева, например, прикрывал деятельность советского резидента Николая Кузнецова (Пауля Зиберта), дважды пытавшегося убить гауляйтера Украины, «второго Сталина» Эриха Коха.

В течение 1943 г. Волынь и Галиция подверглись нашествию красных партизан — уже не из разведывательных отрядов Бринского, Каплуна и Медведева, а из формирований, выполнявших преимущественно боевые задания.

Вот описание действий одного такого отряда, датированное 23 января 1943 г. Автор — не националист-бандеровец, а народный комиссар внутренних дел Союза Советских Социалистических Республик Лаврентий Берия. Адресовано письмо товарищу Сталину:

«НКВД СССР сообщает полученное от своего сотрудника, находящегося в тылу противника в районе Ровно, УССР, следующее донесение:

"Личный состав 12-го батальона Сабурова занимается разгулом, пьянством, терроризирует и грабит советски настроенное население, в том числе даже родственников своих бойцов.

На мои претензии комбат Шитов и комиссар обещают прекратить эту антисоветскую работу, но действуют нерешительно, стараясь прикрывать лиц, занимающихся бандитизмом (sic!!! — *А. Г.*). Делаю новые попытки добиться перелома, прошу воздействовать через Сабурова.

Лучше будет, если батальон перебазируется в лес между Ковелем и Ровно".

Народный Комиссар внутренних дел СССР Л. Берия»[151].

Как видим, сабуровцы терроризировали даже советски настроенное население. То, как красные партизаны поступали с антисоветски или просто нейтрально настроенным людом, будет описано ниже.

Аналогичный документ от 25 января 1943 г.:

«НКВД СССР сообщает полученное от своего сотрудника, находящегося в тылу противника в районе Ровно, УССР, следующее донесение:

"В район нашей деятельности прибыл 7-й батальон отрядов Сабурова. Партизаны этого батальона занимаются неслыханными грабежами, бандитизмом и пьянством, разъезжают по селам в форме немецких солдат.

Жителей, убегающих [от партизан] в лес, расстреливают, ограбили инженера, лесничего.

Население, ненавидевшее немцев, подготовленное нами к восстанию, в панике"»[152].

В панике от нашествия 1943 г. было не только население, подготовленное красными к восстанию, но и тем более население территорий, подконтрольных УПА. Ведь именно на эти земли было приказано перемещаться советским партизанам — а туда их не пускали повстанцы. И не только не пускали, но иногда просто изгоняли.

В июле 1943 г. повстанческий отряд «Озеро» провел наступление на базы Черниговского соединения (Алексей Федоров), расположенные на северо-востоке Волынской области — северо-восточнее Ковеля[153]. 24–25 июля Дубновский и Кременецкий курени (батальоны) УПА разгромили лагерь советских партизан под командованием Антона Одухи на севере Тернопольской области. Проводились и другие подобные операции с целью изгнать большевиков с каких-то отдельных территорий Западной Украины.

По мнению украинского исследователя Чайковского, «потери, нанесенные националистическими боевками советским партизанам, необходимо еще выяснить, но они, безусловно, значительно больше, чем потери, которые понесли от УПА фашисты»[154].

В докладной записке в УШПД от 21 января 1944 г. командир Черниговско-Волынского соединения генерал-майор Федоров сообщал о том, что националисты «...устраивают засады, в результате которых ими убито сотни наших лучших партизан, в том числе таких героев как т. Авксентьев И. М., Болтунов — оба командиры рот... В результате засады националистами зверски убиты комиссар отряда им. Щорса т. Пасенков, зам. ком. по диверсионной службе отряда им. Щорса т. Валовий и много других лучших партизан.

Наряду с подобного рода действиями националистическая мразь прибегает и к массовым крупным мероприятиям вооруженного порядка...»[155].

Следует иметь в виду, что бандеровцы не ставили себе цель уничтожить всех красных партизан в Западной Украине, поскольку это привело бы к значительным жер-

твам среди повстанцев, да и вряд ли им это было под силу.

Для советских партизан борьба с УПА также была второстепенной задачей — главной задачей было ослабление вооруженных сил нацистской Германии.

К осени 1943 г. коммунистов из Волыни вытеснили на восток за реку Случь и на север, прижав к южному берегу Припяти.

Таким образом, план УШПД на 1943 г. был сорван повстанцами. Именно они не дали красным занять всю территорию Волыни.

Но и партизаны не просто оборонялись, а вели против националистов войну на уничтожение. Причем уничтожали не только, а часто и не столько оуновцев и повстанцев, сколько мирное население.

Это не голословное обвинение.

Донесения руководителей тыла Военных округов УПА составлялись не в пропагандистских целях, а для того чтобы руководство ОУН-УПА владело объективной информацией, позволяющей успешно вести боевые действия. Поэтому описанные в обзорах факты можно считать относительно достоверными. Тем более что в отдельных случаях руководители тыла писали: «такая-то территория находится под контролем большевиков, население таких-то деревень им симпатизирует», чтобы повстанцы случаем не напоролись на неожиданное сопротивление.

Однако такого рода донесения приходится читать редко. Гораздо чаще описание действий «героев невидимого фронта» носит совсем иной характер.

Август 1943 г.:

«Костопольщина... Красные партизаны находятся в цуманских и оржевских лесах и оттуда время от времени нападают на западные села Дераженского района, исключительно в целях грабежа. Красные боятся наших отрядов и потому нападают на какое-то село, проведя очень тщательную разведку. Население к красным относится враждебно и немедленно уведомляет о всяком замеченном вражеском движении. От красных население бежит точно так же, как и от немцев... Национальных меньшинств в этих трех районах нет, за исключением несколь-

ких евреев, которые в последнее время добровольно пришли к нам работать...

Часть ляхов (из-за устроенного УПА террора. — *А. Г.*) убежала за Случь Людвипольского района и там создала свой партизанский отряд, как сообщают, в числе 1000 человек. Партизаны эти сотрудничают с красными, время от времени нападают и грабят мирное население, жгут отдельные хаты и без разбора убивают пойманных людей. (...)

...Сарненский надрайон в большинстве охваченный нашим влиянием и нашей [партийной] сетью... Других политических групп нет, кроме коммунаров, — время от времени появляются на этой территории и грабят население...

...Столынский надрайон...

Березовский район и теперь полностью подчинен большевикам... Целый район сожжен немцами. Люди начинают строиться в лесных чащах, топких и недоступных... Район этот беден хлебом, условия жизни людей ужасны. Большевики не допускают, чтобы население этого района контактировало с соседними районами... Время от времени над этим районом пролетают немецкие самолеты, которые бомбят эти территории и стреляют из пулемета.

...Давидгородецкий район... Что касается большевицких партизан — то население им активно противится. Однако большевики, у которых тут свободные руки, так как у них нет угрозы от немцев, делают, что им угодно, а поскольку население им противится, грабят и террором принуждают подчиняться...

Села, лежащие на запад от Горыни, всецело под террором большевиков (красных партизан)»[156].

А вот описание ситуации в том же Столынском надрайоне, только другом районе — не Березовском и Давидгородецком, а Столынском:

«Столынский район почти целиком окопанный немцами. Правление почти во всех селах нормальное. В столице находится "Гебит" (гебитскомиссар, должность оккупационной администрации, примерно соответствующая первому секретарю обкома КП(б)У. — *А. Г.*), есть жандармерия и польская полиция. Войска только про-

ходящие. За то, что население всех немецких распоряжений как следует не выполняет (не едут в Германию, не выполняют 100 % поставок и т. п.), немцы применяют террор, грабят, жгут отдельные хаты и убивают некоторых людей, часто тоже происходят аресты некоторых людей (политического характера)... Охранять железнодорожный путь принуждают также селян, кладут на них суровую ответственность. На этом участке бывают почти ежедневные повреждения железной дороги группами большевицких партизан... Большевицких партизан, которые грабят, население сильно ненавидит»[157].

Правление нацистское, и действия оккупантов как-то уж очень напоминают действия красных партизан. Читаем далее:

«4. Высоцкий район...

Один лагерь красных стоит в лесах между селами Жадынь, Хочин, Будимля и Переброды...

Второй штаб им. Котовского находится в селе Велюги. Отряд его состоит из приблизительно 50 мужчин, из этого же села. Командир — местный, а политрук — парашютист... Эта группа сильно грабит население, поэтому люди ее сильно ненавидят, как грабителей и пьяниц.

Третий штаб — местный, у него отряд в 300 человек. Места постоя нет, постоянно переезжает с места на место...

Население относится к нам благожелательно, а ненавидит красных, которые террором принуждают их подчиняться. В наибольшем отряде им. Ворошилова убегает много дезертиров, которые ходят "сами по себе". В этом же отряде — заметное моральное разложение. Командир этого отряда тоже местный, но среди населения он тешится весьма плохим образом. Население, зная его со стороны, плохо относится к нему и его отряду...

В некоторых селах Столынского и Высоцкого районов, где стояли наши отряды, по их уходу большевики терроризировали население. Например, в селе Бутове привязали людей к седлам коней и таскали по полю, приговаривая: "Это за то, что кормили секачей"[158].

Донесение от 25 декабря 1943 г.:

«Дераженский район... Красные часто нападают на село Руда-Красная, Жобринь, кол[ония] Михайловку и

Перелисянку. Они также грабят население. Постоянная группа красных в цуманских лесах, части которой в последнее время нападают на села группами по 30 человек.

Население деморализовано акциями, но относится к нам хорошо. (...)

Людвипольский район...

Большевицкие банды часто нападают на села Хотынь (не путать с Катынью, где расстреливали польских офицеров, или Хатынью, сделанной символом трагедии Белоруссии. — *А. Г.*), Быстричи, Великие Селища, Маренин, Бильчаки, Усте, Поташня, Антолин и Билашовка. Они жгут хозяйства, грабят и жгут людей (sic! — *А. Г.*).

Большевицко-польские банды постоянно дислоцируются в селах Старая Гута, Новины, Мачулянка, Граня, Глушков, Новая Гута и по всем другим селам за рекою Случь, из которых нападают на наши села...

Население обозленное на польско-большевицкие банды, а также враждебно относится к немцам. К нам большинство населения благосклонно, однако 5 % симпатизирует большевикам...

На 1.XII в районе насчитывается 18 сел сожженных, в том числе: 7 сел сожжено немцами, 9 — поляками, а два — красными. (...)

Сарненский надрайон...

Район Сарны... В селах Ельне, Сыхи, Крутая Слобода часто бывают коммунистические и польские банды... Они нападают на соседние села и грабят население... –

Часть населения к нашему движению благосклонна, а около 30 % ориентируется на красных...

Большевицкая банда напала на село Ясногорку, убила двоих людей, четырех ранила, забрала 10 шт. скота и 5 коней. Банда прибыла из кол[онии] Старики...

Район Рокитно. ...Организационная работа ведется подпольно, потому что на территории пребывает большая сила коммунистов, которые часто нападают на села, жгут отдельные хозяйства и убивают людей... На села Карпиловку, Кисоричи, Дерть и Борове часто нападают коммунисты из района Олевска, грабят и после возвращаются восвояси. (...)

19.XI красные партизаны заняли села Тювковичи и Белую, крестьян выгнали из их хат и заняли жилье. (...)

Район Дубовица. ...В Карасине красные уничтожили нашу (партийную. — *А. Г.*) сеть. Коммунистические банды часто нападают на села Берестье, Солец, Залужное, Марьяновка, Карпиловка, Рудна, Карасин, грабят население. Постоянно на территории не находятся. Нападают из Высоцкого района. В Карасине есть местная красная банда, которая состоит приблизительно из 20 мужчин. (...)

Красная банда снова ограбила село Марьяновку, в селе Залужное сожгли хаты наших людей, 2-х человек убили и пограбили скот. (...)

Район Володимерец. ...Большевицкие банды находятся около села Хиночи. Кроме местной банды, на села нападают кочующие банды. Население сильно пограблено. Появляются заразные болезни»[159].

Таких донесений много. И нет смысла здесь их все приводить, настолько они друг на друга похожи. Какое-то однообразие в действиях красных партизан: «грабят, жгут, убивают» или «убивают, грабят, жгут».

Во втором томе канадско-украинского издания «Летопись УПА» на основе донесений самих националистов в вышестоящие структуры ОУН-УПА составлена целая карта украинских деревень, сожженных на Волыни и в Полесье осенью 1943 г. Из них 79 сел сожгли немцы и 29 — красные партизаны. Уничтоженные «народными мстителями» деревни расположены в основном на территориях, граничащих с Белоруссией[160].

Для иллюстрации партизанских бесчинств времен войны приведем рассказ жительницы Луцка Р. Г. Сидорчук (1924 г. рождения), встретившей оккупацию на Волыни в большом селе Старая Рафаловка. Это местечко в Ровенской области, уничтоженное красными партизанами 13 октября 1943 г. — как раз в разгар войны между бандеровцами и коммунистами. Но репрессии партизан против населения начались еще до развертывания УПА, когда партизаны начали терроризировать людей, насильно загнанных в коллаборационистскую полицию:

«Вообще же немцы наш городок огибали. Они в Новой Рафаловке, это километров за 15 от нас, стояли. А в лесах вокруг Старой Рафаловки вскоре зашевелились красные партизаны. Они базировались где-то около сел

Галузии и Серхив Маневичского района. Часто наведывались в наш городок. Называли себя партизанами Дяди Пети (полковника Бринского, который до войны в Красной армии 13 лет служил комиссаром. — *А. Г.*), а еще — петровцами. И вначале смотрели мы на них, как на настоящих героев. Ведь против которой силы-силищи на борьбу встали!.. ...Бандеровцев... мы... не видели до 1943 г. ...Поэтому красные партизаны были единственным объектом нашего внимания и нашего восхищения. Мы встречались с ними, вместе пели песни, помогали им продовольствием...

Добрые наши отношения с петровцами закончились, как только они вошли в силу. Началось с того, что партизаны Дяди Пети взялись "вершить суд" над семьями, ребята из которых и оказались в шуцманах (т. е. полицаях. — *А. Г.*). Тогда и по этой причине совершили дикую расправу над семьей Пасевичей. В ней, кроме старших, было двое девчат, и ребята — Николай, Дмитрий и Леонид, который служил в шуцманах. Николая спасло то, что ушел в тот вечер из дома. Ему после войны дали за брата 10 лет. А старшего Пасевича убили сразу. Потом, на глазах у матери, изнасиловали старшую дочь, Лизу. И всех постреляли. В старую Пасевичиху, Палажку, в мать то есть, которая на все это должна была смотреть, всадили под конец три пули. Но судьба распорядилась так, что Пасевичиха как-то выжила и прожила еще лет 20. Рассказывала, кто все это совершил...

Так же расправились они и с семьей Яновицкой Марии, у которой только младший парень остался, и с семьей Паламарчуков... Всего детей в семье было семеро. Сыновья Иван (он в шуцманы пошел), Андрей, Георгий и дочери Надя, Клава, Юля, Вера.

...Всех Паламарчуков, кроме Ивана и Георгия, которых партизаны не застали дома, поставили на колени и расстреляли. С Надей расправились в особенности жестоко, ее изнасиловали, выкручивали руки, истязали. Клаву тоже, прежде чем убить, изнасиловали...

А рядом с этим велись и обычные грабежи. Не дай чего партизанам — жизнь отдашь. У старика Лазаря, жил такой в городке, семья была большая, — штаны из корта забирали. А он: "Не дам, это мне на смерть!" Выстрелил

какой-то злодей: "Вот тебе, дед, смерть". Я для себя перешила пальто покойной матери. Пришли. "Отдай!" — говорят. Прошу: "Оно ж одно у меня, последняя одежка!" Но напрасно было умолять. Когда такое началось, должны мы были прятаться от петровцев хуже, чем от бандитов. Сперва в погребе пересиживали их нападения, а потом отец на пасеке, в уголке, где заросли были и крапива непролазная, выкопал для меня тайник. Весьма за меня боялся, тот тайник и его спас.

В 1943-м пришли в Старую Рафаловку бандеровцы. Много. Какой-то подраздел УПА. Псевдо проводника было Верный. Мы встревожились, так как кто его знал, зачем и что от них ожидать. Но никого, видим, не трогают. Даже в дома не заходят. (...)

Потом оставили из своих 16 человек гарнизон, да и ушли куда-то. (...)

Как-то рано утром разжигаю печку, слышу, будто выстрел где-то. Потом родителей вопль: "Убегайте, прячьтесь на пасеке!"

А стрельба уже со всех сторон. И горит уже. Мы спрятались, а Галя (соседская девочка. — *А. Г.*) нет. И дяди моего нет, он еще раньше пошел к хлеву скот пасти. Отец мне говорит: "Выгляни, может где-то здесь". Я вылезла. Галя, вижу, бежит. Корзиночки впереди себя с котятами несет. Я ей: "Сюда!" А она машет руками: "Подожди, сейчас!" Ошалевшая со страха. Понесла котят к хлеву. А через некоторое время оттуда такой вопль ужасный, что не передать.

Когда все уже успокоилось, узнали: это петровцы окружили Старую Рафаловку и повели "бой с бандеровцами". Бандеровцев убили нескольких, а городок наш, считай, полностью уничтожили. И людей ни в чем не виноватых убили, не скажу даже сколько. Галю живьем в огонь бросили. Обгорелый труп дяди нашли мы около хлева. А на дворе и возле дома, — тоже сгоревших, — еще шесть трупов тех, кто искал себе, где мог, спасения. В нашем хозяйстве уцелел только погреб. В нем обнаружили Олежку (соседского ребенка. — *А. Г.*). Был в новеньких, бабкой сшитых башмачках и с распоротым штыком животиком. Мать его в другом месте пряталась.

Спаслась. Сказали ей про сына. Прибежала, забрала. Как сейчас вижу, несет в охапке Олежку, кишки у него из живота выпали, волочатся по дороге, путаются у матери под ногами. Она же и не замечает ничего, ум от горя утратила.

Такого Старая Рафаловка за все свое существование, наверное, не знала. А красные согнали всех, кто уцелел и на глаза попался, разгребать насыпанный бандеровцами курган (памятник погибшим за независимость. — *А. Г.*). Не разрешили даже лопат взять. Должны были голыми руками, пусть и кровь из-под ногтей, разгребать, хоть зубьями грызть и горстями разносить, пока ровным то место не стало. Потом всех, кто разгребал, расстреляли... Вот такая правда про Старую Рафаловку.

Осталось от городка село в несколько домов (...)

После этого в октябре 1943-го и бандеровцы с несколькими из Старой Рафаловки расправились. Тоже дико, жестоко, беспощадно. Ходили слухи — с теми, кто рассказал про все петровцам, а наверное и с теми, у кого кто-то был в партизанах.

Что до Старой Рафаловки, то петровцы знали, в какой хате чем можно поживиться, как и то, что основные силы УПА под командованием Верного тогда ее оставили, и поэтому можно было показать свой "героизм". Такими они мне и запомнились, те петровцы: на конях, пьяные, всегда готовые беспощадно убивать "врагов и предателей народа" и грабить "во имя победы над фашизмом"»[161].

Можно было бы подумать, что автор текста — журналист Боярчук — в чем-то переврал рассказ госпожи Сидорчук, или она сама рассказала небылицы.

Но псевдоним бандеровского руководителя в этом местечке она указала точно — «Верный». Этот псевдоним «всплыл» в более поздних документах контрразведки Красной армии СМЕРШ[162].

Да и уничтожение села Старая Рафаловка подтверждается другим независимым источником — донесением политического референта Военной округи УПА «Заграва» за октябрь 1943 г.: «Большевики... напали на Старую Рафаловку, которую сожгли. Убили 60 человек, из них 8-х из рай[онного] актива. Убит политический референт Тетеря (Бугай). Грозили смертной казнью за поддержку УПА»[163].

Оценим «точность» партизанского террора — сожжено большое село, убито 60 человек, а кров и хозяйство потеряли сотни людей. Из убитых только 8 человек (13 %) — члены ОУН. Вероятно, и в других случаях большинство обозначенных в партизанских отчетах и донесениях «уничтоженные полицаи, националисты и предатели родины» никакого отношения к коллаборационизму или национальному Сопротивлению не имело.

Полковнику Антону Бринскому присвоили звание Героя Советского Союза 4 февраля 1944 г. — то есть через два с половиной месяца после того, как его головорезы уничтожили Старую Рафаловку.

Понятно, что повстанцы и партизаны не только терроризировали местное население, сочувствовавшее противнику, но и воевали друг против друга. Донесения, отчеты и мемуары той и другой стороны изобилуют описанием бесчисленных стычек и боев.

Мы привыкли читать о борьбе какой-то партизанской армии против регулярных войск. Поэтому интересно взглянуть, как боролись партизаны не против оккупантов, а против других партизан.

Одно из таких свидетельств содержится в воспоминаниях куренного УПА Максима Скорупского, описывающего события июля 1943 г. (см. приложение 3). Это описание относительно крупной операции, в ходе которой со стороны повстанцев участвовало около тысячи человек. Правда, Скорупский несколько ошибся — повстанцы громили тогда лагерь не Бегмы, а Антона Одухи. Последний, кстати, через некоторое время поквитался с националистами.

25 марта 1944 года командование Каменец-Подольского партизанского соединения им. Михайлова радировало в УШПД: «21 марта отряды им. Берия, Хрущева, Калинина и подрывной отряд вступили в крупный бой с националистами в селе Большая Мощаница Мизочского района Ровенской области.

Силы националистов составляли 700 чел. В результате боя уничтожено 224 чел., взято [в] плен 21 чел., число раненых не установлено.

Взяты трофеи: 2 ручных пулемета, один автомат, 50 винтовок.

Наши потери: 4 раненых, 9 убито, 10 пропало без вести. Во время боя с нашей стороны была артиллерия и минометы, в результате чего в селе возникли пожары... Одуха, Кузовков»[164].

Согласитесь, как-то мало взяли партизаны трофеев во время этого боя: в четыре с половиной раза меньше оружия, чем убитых и плененных повстанцев. Да и потери мизерные — в 13 раз меньше, чем у противника. То ли в погоне за наградами приврали партизаны в своем отчете, а может, «заодно» с бандеровскими частями, которые при артобстреле отошли, «народные мстители» разгромили село, «случайно» убив во время боя или вполне сознательно после операции десятки и сотни мирных жителей.

Антон Одуха получил звание Героя Советского Союза 7 августа 1944 г. — через четыре с половиной месяца после этого «крупного боя с националистами».

Кстати, с бандеровским движением связана еще одна известная история — уничтожение легендарного советского шпиона-террориста Николая Кузнецова.

Советская пропаганда объявляла это делом рук бандеровцев, которые служили немцам. На самом деле все было куда сложнее.

Деятельность Николая Кузнецова прикрывал партизанский отряд под командованием майора госбезопасности Медведева — того самого, который написал после войны мемуары «Это было под Ровно», роман «Сильные духом» и много других книжек. На основе событий, связанных с Медведевым, были сняты советские фильмы «Особое задание» и «Отряд специального назначения».

Что же было в реальности? Поскольку «действия по прикрытию» особой активности не требуют, сильные духом медведевцы за полтора года откровенного безделья под Ровно превратились в банду грабителей. Но со своим основным, особым заданием этот партизанский отряд справлялся — деятельность шпиона-террориста Кузнецова стала легендой советской разведки.

Помимо своих основных задач — добычи разведданных, а также истребления немецких военачальников и функционеров оккупационной администрации, — Кузнецов (Пауль Зиберт) руками немцев боролся с бандеровцами. Часть своих терактов Кузнецову в 1942–1943 гг. удалось свалить на оуновцев, из-за чего последних, заключенных в качестве заложников в тюрьмы и лагеря, немцы расстреливали. То есть Кузнецов сумел очень сильно досадить как немецким нацистам, так и украинским националистам.

К началу 1944 г. в связи с приближением Красной армии отношения между Третьим Рейхом и ОУН-УПА стали постепенно налаживаться, и неудивительно, что ненавидевшие советских шпионов немцы и украинцы пошли на сотрудничество.

Когда Кузнецов, уходя после очередного теракта, бежал из Львова, львовское отделение гестапо сообщило о нем местному отделению ОУН(б). Бандеровцы моментально распространили описание Кузнецова по своей партийной сети, и 7 марта 1944 г. повстанцы выловили разведчика и его спутников и, допросив, казнили[165].

Несмотря на то что жизнь разведчика отряд Медведева не сохранил, 5 ноября 1944 г. Медведеву было присвоено звание Героя Советского Союза — в тот же день, что и Кузнецову.

Кстати, памятник Кузнецову, поставленный во Львове после войны, в 1990-х гг. по многочисленным просьбам местных трудящихся демонтировали. Но не взорвали, а уважительно отправили на родину разведчика — в Екатеринбург...

Есть данные и об ответных «реверансах» оуновцев немцам. М. Наумов, командир советского партизанского соединения, совершившего несколько рейдов в Правобережную Украину, в своих мемуарах рассказал об одном случае, кажущемся правдоподобным: «В марте 1944 г. один из его отрядов, Рава-Русский, был полностью уничтожен в деревне Завоны близ Буга, причем немецких карателей навели на место ночевки партизан бандеровские агенты»[166].

В противостоянии 1943–1944 гг. повстанцев с красными партизанами не было победителей и побежденных. Безусловно, советские «герои невидимого фронта» были более грозной в военном отношении силой, чем повстанцы. За красными партизанами стояла вся Страна Советов, они были прекрасно вооружены, обучены, у них не

было сложностей с офицерским составом, да и боевого опыта у красных было больше, чем у повстанцев.

Например, командующий 1-й партизанской дивизией им. С. А. Ковпака Петр Вершигора в радиограмме в УШПД от 03.02.1944 г. отмечал: «На УПА хорошо учить людей воевать, тут можно поднять большие запасы оружия. Основная цель — расчистка пути Красной Армии для тылов, которой УПА может представлять более серьезную угрозу, чем для партизан, знающих их тактику... УПА действует не только своей силой, сколько слабостью советских партизан»[167].

Но зато у повстанцев была поддержка западно-украинского населения. Именно благодаря этому фактору УПА дважды сорвала план действий Украинского штаба партизанского движения.

Как уже отмечалось, в 1943 г. советские партизаны, несмотря на многочисленные попытки, не смогли занять всю территорию Волыни, поскольку там уже возникли бандеровские республики.

А в феврале — марте 1944 г. УШПД попытался вывести в тыл немцев в Львовскую и Дрогобычскую области свыше 17 тыс. красных партизан. Сила более чем весомая — на тот момент Повстанческая армия насчитывала всего около 20 тыс. человек, в Галиции же повстанцев было максимум 10 тыс. Но из-за противодействия УПА этот план не был реализован[168].

Украинско-польский конфликт 1942–1944 гг.

Если хлопцы не прихлопнут,
То парубки порубят.

Украинская пословица

Украинские повстанцы вели борьбу не только против коммунистического и нацистского режимов и их союзников. В 1942–1944 гг. на западно-украинских землях разгорелся кровавый межэтнический польско-украинский конфликт, в котором УПА, наряду с Армией Крайовой, играла главную роль.

Этот конфликт оказывает большое влияние на историческую память двух соседних народов, его оценка до сих пор является политической проблемой в отношениях между Украиной и Польшей.

Вместе с тем, российскими исследователями эта война изучена очень плохо, вернее, совсем не изучена.

Например, архивист Павел Аптекарь в одной из своих работ указывает, что «во время германской оккупации западных областей Украины некоторые повстанцы оставили о себе печальную память беспощадными расправами с мирными жителями, особенно с евреями и поляками. Пытались они, правда, не слишком успешно, бороться и против появившихся в конце 1942 г. советских партизанских отрядов и диверсионно-разведывательных групп, а также подразделений Львовского округа Армии Крайовой»[169].

Как было показано выше, с красными партизанами повстанцы боролись относительно успешно. Причины войны УПА с мирным польским населением и успех ее действий против «подразделений Львовского округа АК» как раз и будет рассмотрен в этой главе.

Представители ОУН-УПА всячески отрицали свою ответственность за развязывание украинско-польской резни, указывая на вину польской стороны. Ряд украинских историков и публицистов заявляют о том, что случаи убийства поляков были неконтролируемым следствием борьбы УПА против красных и/или польских националистических партизан, а также польской коллаборационистской полиции.

Польская историография как коммунистического, так и посткоммунистического периода, наоборот, связывает украинско-польскую резню 1942–1944 гг. лишь с инициативой ОУН(б) и УПА[170].

Однако в реальности ответственность за эти события несут обе стороны.

Истоки украинско-польской розни уходят корнями в глубь столетий. В двадцатом веке особого накала отношения между двумя славянскими народами достигли во время Гражданской войны, а также в период Второй Республики Польской (1920–1939). Украинское меньшинство, проживавшее на Волыни и в Галиции, всячески

притеснялось. Никакого подобия национально-государственной или национально-культурной автономии на территории Западной Украины создано не было. Административно польская Украина была поделена на те же самые воеводства, что и остальная часть Польши.

Получить высшее образование на украинском языке в 1921–1939 гг. в Польше было невозможно, плюс ко всему украинцы, в большинстве своем крестьяне, испытывали социальный гнет со стороны польских помещиков.

Все эти меры вызывали террор со стороны УВО-ОУН, который в свою очередь вел к усилению польского террора, частично описанного в главе, посвященной истории Организации украинских националистов.

На «восточные окраины» правительство Польши переселяло осадников — бывших солдат Войска Польского, долженствовавших «сберегать» и без них малоземельные восточнославянские территории в составе Речи Посполитой. Волынь до 1918 г. входила в состав России, поэтому поляков на этих землях в 1939 г. было не более 15 %, и среди них прослойка осадников была больше, чем среди поляков-галичан.

В Галиции, и часто на Волыни поляки и евреи составляли в городах большинство населения. Например, из жителей такого «бастиона украинского национализма», как Львов, в конце 1930-х гг. украинцев было только 12–14 %. Польское население Западной Украины составляло меньшинство, но меньшинство по сути привилегированное.

В 1940–1941 гг. коммунисты депортировали часть осадников вглубь СССР, однако это ни в коей мере не способствовало улучшению польско-украинских взаимоотношений.

Все это подкреплялось исторической памятью и негативными стереотипами сознания. Поляк виделся украинцу спесивым угнетателем, а украинец поляку — диким головорезом.

Почва для антипольского протеста и антиукраинских выступлений была полностью подготовлена уже к 1939 г.[171] Нередко украинские крестьяне во время «освободительного похода» Красной армии открыто высказывали со-

ветским командирам свое совсем не сокровенное желание: истребить поголовно всех поляков, проживающих в этом регионе.

В 1939–1940 г., когда Гитлер со Сталиным поделили Польшу, в советскую милицию в Галиции и на Волыни пришли украинцы. Точно так же в местах компактного проживания восточнославянского меньшинства к западу от германо-советской границы украинцы шли во вспомогательную полицию. И там, и там бывшие угнетенные не упускали случая отплатить бывшим угнетателям за прошлые обиды, тем более что новые хозяева этому попустительствовали.

22 июня 1941 г. Германия напала на СССР, быстро захватила Западную Украину, и 17 июля 1941 г. Волынь решением Гитлера вошла в рейхскомиссариат Украина (РКУ), а Галиция и украинское Закерзонье — в Генерал-губернаторство, в котором немцы больше доверяли, в том числе и оружие, украинцам, чем полякам. Последних нацисты считали историческими врагами Германии. Среди польского населения, и так относившегося к украинцам с подозрением и враждебностью, еще больше выросли антиукраинские настроения — из-за сотрудничества «младших братьев» с немцами.

Более того, оккупанты в какой-то мере провоцировали вражду между соседними народами.

В 1942 г. из Холмщины и Подляшья (часть Закерзонья) нацисты выселили многие тысячи поляков, вселив на их место немцев и, реже, украинцев[172].

В ответ на это, среди прочего, польские националистические партизаны до весны 1943 г. включительно убили не менее четырехсот представителей сельской украинской интеллигенции и духовенства[173]. Польские националисты устраивали террор против националистически настроенной украинской элиты в том числе и потому, что понимали: именно в этой среде гнездится масса «сепаратистов», мечтающих об отделении от Речи Посполитой юго-восточных окраин.

Из-за действий польского подполья в Грубешове 16 июня 1942 г. бывшие старшины и офицеры армии УНР организовали коллаборационистское формирование — Холмский легион самообороны (ХЛС). Численность ХЛС

насчитывала летом 1944 г. 500 человек, которые сражались с АК, а позже — и против советских партизан[174].

Польский террор влиял не только на украинских крестьян, но и на руководство политической организации — ОУН(б), понимавшее, что новое господство поляков, реальная перспектива которого замаячила в конце 1942 г., принесет повторение все того же польского террора периода 1930-х гг. Только террора, усиленного обстоятельствами нацистской оккупации и военного времени.

В феврале — марте 1943 г. бандеровцы создали УПА, основной целью которой была борьба за Украинское самостоятельное объединенное государство (УСОГ).

Находившееся в Лондоне польское правительство Владислава Сикорского, которому подчинялась Армия Крайова, и отчасти другие польские националистические партизаны считало украинские земли Волынь и Галицию «исконно польскими землями»[175]. Точно так же мыслили почти все руководители влиятельных политических движений Речи Посполитой.

Поэтому схватка двух партизанских армий была очень вероятной, и было бы странно, если бы эта война не началась.

Но антипольские акции были не только неконтролируемым следствием войны УПА с вооруженными поляками. Есть неоспоримое свидетельство о том, что руководством ОУН-УПА было принято решение о «деполонизации» Волыни. В 1946 г. Николай Лебедь, исполнявший обязанности главы ОУН с августа 1941 по май 1943 гг., опубликовал книгу об УПА, где, в частности, написал: «Чтобы не допустить стихийной массовой антипольской акции и взаимной украинско-польской борьбы, которая в то время была бы полезной одновременно как большевикам, так и немцам, и ослабляла бы главный фронт освободительной борьбы, Украинская повстанческая армия пробовала втянуть поляков в совместную борьбу против немцев и большевиков. Когда же это не принесло никакого успеха, УПА приказала польскому населению покинуть украинские земли Волыни и Полесья»[176].

Не исключено, что Лебедь столь «смело» рассказал об этом приказе, так как не нес полной ответственности за террор против мирного польского населения — есть

данные, что сам Лебедь выступал за перемирие или нейтралитет с АК, а главкомы УПА Клячковский и Шухевич настаивали на «деполонизации» Западной Украины[177].

«Этническая чистка» была вполне в духе агрессивного национализма оуновцев. Например, в приказе одного из галицких уездных *(повітових)* руководителей «Серого» 10 апреля 1944 г. говорилось о необходимости «ускорить ликвидацию коммунистического элемента и уже в ближайшее время покончить с этим. Москалей-схидняков (за исключением украинцев-восточников), которые шатаются по области, вылавливать, составлять протоколы согласно прилагаемым анкетным листам, а их самих на месте расстреливать. То же самое в отношении поляков»[178].

Встает также вопрос о времени принятия политического решения о «деполонизации».

Атаман Тарас Боровец, враждебно настроенный к ОУН(б), писал, что это март 1943 г. — то есть еще до того момента, когда на место ушедших к УПА украинских полицейских пришли поляки.

Из данных, приводимых Лебедем, следует, что это в любом случае позже 18 мая 1943 г., когда последовало обращение Клячковского к полякам (текст этого документа будет приведен ниже).

Иное предположение высказывает польский историк Гжегож Мотыка: февраль 1943 г., то есть время проведения Третьей конференции ОУН(б). УПА в тот момент существовала только в проектах, и Мотыка полагает, что бандеровские проекты непосредственно касались польского населения: «Этот приказ был, вероятно, издан в феврале 1943 г. во время III конференции ОУН. Увы, содержание самого постановления ОУН(б) неизвестно, поскольку бандеровцы никогда его не открыли. О том, что в указе содержалось, можно делать, таким образом, только собственные выводы на основе дальнейших событий. К сожалению, неизвестно, что было исполнением приказов ОУН-УПА, а что — нарушением. Неизвестно также, в случае, если поляки останутся на месте, приказано было убивать всех или "только" мужчин. Факт, что убивали всех. Но руководство ли ОУН-УПА прика-

зало сделать это или к тому времени ситуация вышла из-под контроля?»[179].

Не исключено, что бандеровцы сознательно хотели устроить на Волыни хаос: втянуть значительную часть украинского населения в антипольские акции, с помощью которых вызвать ответные действия польских партизан. Потом, в свою очередь, использовать нарастающий польский террор в качестве наглядного агитационного средства для призыва украинцев в Повстанческую армию. В свою очередь, этот «мобилизационный ресурс» можно было использовать как против поляков, так и против нацистов и коммунистов. Ведь еще в 1920–1930-х гг. оуновцы сознательно провоцировали польский террор, чтобы «не дать населению почувствовать себя удобно во вражеском государстве». И вероятно, решение о деполонизации было направлено, в том числе и на еще большее «революционизирование» и без того революционной ситуации.

25 февраля руководители советского партизанского движения Ровенской области радировали в УШПД:

«В Ровенской области националисты приступили к активным действиям. 9 февраля в деревне Поросна Владимирского района националисты уничтожили 21 семейство поляков, в деревне Сохи Домбровицкого района уничтожили 30 семейств поляков и группу партизан — 10 чел.»[180].

Получается, что бандеровцы начали уничтожать поляков еще до создания УПА, а решение о «деполонизации» Волыни на Третьей конференции, вероятно, утвердили.

Командир партизанского отряда имени Хрущева сообщал главе УШПД Строкачу 14 апреля 1943 г.:

«В местечке Черторийск попы лично казнили 17 поляков. [В] селе Вердче-Большие местные националисты Кравчуки повесили учительницу, а детей ее задавили руками...

Ближайшая задача националистов — полное уничтожение поляков на территории Украины.

В Цуманском районе перед сотней национальной армии поставлена задача уничтожить поляков и все их населенные пункты сжечь до 15 апреля.

25 марта вырубано население и сожжены пункты Заулок, Галиновск, Марьяновка, Перелесянка и др.

29 марта в с. Галиновка зарублено 18 чел., остальные ушли в лес. В этом селе поляку врачу Щепкину, жена его, член подпольной организации, привела бандеровцев — они отрезали врачу уши, нос вырвали и начали сечь на куски.

В селе Пундыки расстреляно до 50 поляков»[181].

28 апреля командование объединенных партизанских отрядов Ровенской области сообщало в Центр следующее:

«...националисты проводят массовый террор в отношении польского населения и сел, причем необходимо отметить, что националисты не расстреливают поляков, а режут их ножами и рубят топорами независимо от возраста и пола. В селе Типутни националисты зарубили 14 польских семей, затем затащили убитых в дом и сожгли»[182].

Следует особо отметить, что к тому времени АК на Волыни представляла достаточно серьезную силу, с которой приходилось считаться и немцам, и красным партизанам. Тем не менее бандеровцы, которые к тому моменту и армии-то еще не создали, были уверены, что справятся с польскими партизанами в любом случае. Эта уверенность впоследствии оправдалась: УПА Армию Крайову в общем-то победила.

Если вспомнить условия, в которых возникли и действовали две «армии без государства», то может возникнуть вопрос: почему два национально-освободительных движения — УПА и АК — не могли заключить хотя бы временный, тактический союз или договор о нейтралитете во имя борьбы против общих врагов — коммунистического СССР и нацистского рейха? Что, националистам двух соседних славянских народов нечем было заняться в 1943 г., кроме как воевать друг против друга и жечь украинские и польские деревни?

Ответ коренится не только в разных политических целях обеих сторон и грузе взаимных обид и подозрений. Украинские и польские партизаны в 1942–1945 гг. многократно пытались договориться хотя бы о перемирии, но переговоры всегда заходили в тупик. Правительство Сикорского было признано западными союзниками и временами даже СССР. Поэтому антикоммунистическое руководство АК не могло, как УПА, объявить «войну на

два фронта» — против Гитлера и Сталина. Во-первых, оно понимало бесперспективность такой войны. Во-вторых, и это главное, борьба против коммунистов была бы расценена Англией и США чуть ли не как помощь рейху. А терять поддержку Запада поляки не намеревались, надеясь, что англичане и американцы помогут им после войны восстановить Польшу в довоенных границах.

Поэтому руководство АК избрало тактику лавирования между западными демократиями и СССР. Поэтому позиция эмигрантского польского правительства в Лондоне исключала «антикоммунистический компромисс» АК и УПА.

Антинацистский компромисс в какой-то степени был сорван также позицией польского населения Волыни весной 1943 г. Поляки не без оснований боялись и ненавидели украинских повстанцев еще больше, нежели немецких оккупантов.

Во второй половине марта и начале апреля около 5 тыс. украинских полицейских по призыву ОУН перешли в УПА или разошлись по домам. УПА моментально получила несколько тысяч вооруженных и обученных бойцов. Это «голосование ногами», по понятным причинам, вызвало страх среди польского населения Волыни.

На место ушедших украинцев немцы быстро набрали поляков, пошедших на службу в полицию отчасти из страха перед УПА, отчасти из шкурных мотивов. Факты польского коллаборационизма на Волыни осуждались не только УПА, но и, разумеется, польскими партизанами.

18 мая 1943 г. главком УПА «Клим Савур» (Дмитрий Клячковский) через листовки обратился к полякам:

«В настоящее время наша администрация оставила свои посты, чтобы у немцев не было доступа к нашим селам и они не могли нас уничтожить, как это было до сих пор. Вы первыми добровольно захотели занять их место и помогаете немцам проводить их бандитскую работу. Сейчас вы — слепое орудие в немецких руках, которое направлено против нас. Но помните, если польская общественность не повлияет на тех, кто пошел в администрацию, полицию и другие учреждения так, чтобы они их оставили, то гнев украинского народа выльется на тех поляков, которые живут на украинских землях. Каждое наше сожженное село, каждая наша жертва, которые будут следствием вашей вины, аукнутся вам... Поляки! Опомнитесь! Вернитесь домой. Те, которые сейчас служат и помогают немцам, еще могут вернуться, но завтра уже будет поздно. Кто будет и далее служить и помогать гестапо, того не минует заслуженная кара»[183].

«Заслуженная кара» обрушилась на волынских поляков 22–23 мая 1943 г. — отряд УПА напал на село Яновая Долина в Костопольском районе и уничтожил от 500 до 600 человек — как полицейских, так и мирных жителей[184]. Это — первая действительно масштабная повстанческая акция по уничтожению поляков. В дальнейшем убийства пошли по нарастающей.

Кроме АК и полиции, поляки приняли самое активное участие и в советском партизанском движении, с которым УПА вела ожесточенную борьбу. В 1943–1944 гг. через отряды красных партизан на Волыни прошло пять тысяч поляков, в восточной Галиции — 500. Цифра в 5 тыс. человек — очень значительная, если вспомнить, что на конец 1943 г. Украинскому штабу партизанского движения подчинялось всего около 30 тыс. партизан.

Отчего же поляки пошли в «народные мстители», руководимыми коммунистами, за четыре года до этого вместе с Гитлером разорвавшими и растоптавшими Польшу?

Во-первых, оккупационная политика вызвала лютую ненависть к немцам большинства польского населения. Теперь поляки готовы были пойти с кем угодно, лишь бы против оккупантов. А красные партизаны были хорошо вооружены, организованы и обучены. Их основным заданием как раз и была борьба против гитлеровцев. Периодически советское Сопротивление помогало собственно польским отрядам оружием, взрывчаткой, боеприпасами и инструкциями в деле борьбы против немцев и УПА.

Во-вторых, советские партизаны были ярыми врагами украинских националистов.

В-третьих, какая-то часть крестьянского населения Волыни была подвержена левым политическим взглядам. Например, Батальоны хлопски (БХ) и польская Гвардия людова (ГЛ) являлись не только национальными, но и социалистическими или прокоммунистическими движениями[185].

И, в-четвертых, ЦШПД разработал специальную программу по вовлечению поляков в просоветское коммунистическое движение. Делалось это для того, чтобы «оторвать» их от АК, использовать в борьбе против немцев, а также чтобы преждевременно не злить и не настраивать против СССР, несшего Польше коммунистические порядки. Последней цели служил и специальный приказ для советских партизан — польские села не грабить, да и вообще обращаться с поляками безукоризненно.

Кстати, в донесениях советских партизан, воевавших на Волыни и Полесье в 1943 г., присутствуют данные о враждебном отношении к ним украинцев и дружественном — поляков. Например, в радиограмме партизанского командира Шитова в УШПД 14 апреля 1943 г. значится: «Население в городах Водруй, Овелях, Градиче 70–80 % — украинские националисты, к партизанам относятся плохо. Поляки принимают исключительно хорошо партизан»[186].

То есть одной из причин *эскалации* конфликта, бывшей одновременно и следствием антипольского террора бандеровцев, послужила позиция польского населения Волыни, принявшего активное участие в трех движениях (силах), враждебных устремлениям украинцев к независимости: АК, коллаборационистская полиция и красные партизаны.

Об отношении бандеровцев к полякам свидетельствует отрывок из донесения о работе референтуры СБ ОУН Военного округа «Зарево» (северная часть Ровенской области) с 15 сентября по 15 октября 1943 г.:

«3. Поляки: выступают как 1. немецкие прислужники, как 2. красные партизаны, 3. как независимая вооруженная сила. Фактом является, что эти три группы имеют друг с другом общий язык. До сих пор не утверждено значительных выступления поляков против красных или наоборот, а также против польских шуцманов (полицаев. — *А. Г.*) или против польских банд. Отсюда вывод, что немцы, как и большевики, используют поляков как орудие против нас, причем поляки никак не готовы гинуть вместе с немцами или отдать себя без остатка большевикам. Немцам удалось использовать красноармейцев для борьбы с красноармейцами; большевикам — использовать поляков против немцев и нас для возможной позже оккупации Польши. Мы же до настоящего момента не использовали в большом масштабе ни одного нац[ионального] меньшинства на нашей территории для борьбы с врагами, прежде всего с красными.

Акция уничтожения поляков не дала ожидаемых последствий (sic!!! — *А. Г.*). Польский активный элемент в основном сберегся, и, с одной стороны, будет использовать немецко-большевицкую оккупацию Западной Украины, чтобы отомстить украинцам, а с другой стороны, готовится к большому самостоятельному выступлению в благоприятный момент»[187].

Удивительно точно оценил ситуацию автор этого донесения, безвестный сотрудник СБ ОУН. Он высчитал мотивацию как руководителей советского партизанского движения (вышеупомянутый приказ главы Центрального штаба партизанского движения Пономаренко, касавшийся взаимоотношений красных партизан и поляков, был тайным), так и мотивацию польских националов из АК — устроить восстание перед приходом РККА.

Участие поляков в трех враждебных независимой Украине движениях злило не только руководство УПА, но и простых украинцев, перед которыми поляки предстали столь разными и столь серьезными врагами.

Кроме того, необходимо учесть, что у красных партизан, АК и БХ, а также польских коллаборационистов базы располагались в польских селах. Поэтому повстанцы уничтожали эти села нередко из чисто военных соображений — что, конечно, не может служить оправданием террора. В свою очередь, поляки точно так же поступали с украинскими селами, служившими базами для УПА.

Объективно украинско-польская резня была выгодна немцам, которые не хотели, чтобы УПА и АК объединились против рейха, и потому не делали ничего, чтобы погасить украинско-польский конфликт. В апреле — мае 1943 г. в Клоковском районе Ровенской области отряды УПА уничтожили две польские деревни. «Поляки обратились с жалобой к Сарнскому гебитс-комиссару. Он им сказал: "Вы хотите Сикорского, а украинцы хотят Бандеру. Ну и деритесь между собой. Немцы помогать ни-

кому не будут"»[188]. Таким образом, оккупанты использовали украинцев против поляков, а поляков — против украинцев, отводя от себя основной удар разгневанного населения Волыни.

Конечной целью УПА являлось не поголовное уничтожение всех поляков, проживающих на Волыни, а их изгнание на территорию собственно Польши. При этом антипольский террор был преступным методом, средством политической борьбы.

Многочисленные очевидцы, пережившие кошмар «резанины», вспоминают, как украинские повстанцы выдвигали польскому селу ультиматум: в 48 часов покинуть место проживания. В случае невыполнения приказа все население деревни уничтожалось, а сама деревня сжигалась. Село могли спалить и без предупреждения, например, за помощь польским националистическим или советским партизанам, а то и за сотрудничество с немцами. Или просто так — внезапно — чтобы жители не успели подготовиться к обороне.

По подсчетам польского историка Ольшанского, в июне 1943 г. на Волыни прошло 78 антипольских акций, в июле — 300 (из них 57 — 11 июля, 22 — 12 июля), в августе — 135, в сентябре — 39[189]. То есть речь идет о согласованных акциях повстанцев.

26 августа 1943 г. Ковпак радировал Строкачу: «Все польское население от р. Днепр по всей Западной Украине уничтожается, польские села сожжены»[190].

В этой обстановке поляков начали истреблять и простые украинские крестьяне — безо всякой санкции со стороны ОУН или УПА. Мужики из волынских сел нередко вооружались топорами, вилами, косами, кольями, а то и припрятанным с 1939 или 1941 г. оружием, и шли убивать и грабить население соседнего польского села. Таких «боевых» крестьян прозвали «секирниками» *(сокирнікі)* — поскольку на украинский язык слово «топор» переводится как «секира» *(сокира)*.

Из-за действий секирников и УПА поляки в массовом порядке бежали из сел. Они сосредотачивались в райцентрах, городах или больших лагерях в лесах, где их охраняли либо польские коллаборационисты, либо польские партизаны из АК, БХ и просоветских формирований. Около тридцати тысяч поляков с Волыни, а позже тысячи поляков из Галиции бежали на территорию оккупированной немцами Польши. Украинцы, в отличие от поляков, из мест своего постоянного проживания никуда не бежали, разве что из сожженной деревни в соседнюю или в лес — под защиту УПА.

АК и БХ, наряду и с советскими партизанами, также уничтожали украинские села вместе с их населением. В отчетах командованию это представлялось как проведение «ответных акций».

Кстати, АК «отметилась» и в другом конфликте такого рода: столкновениях с Литовской освободительной армией, литовским аналогом УПА, в 1943–1944 гг. Борьба проходила все по тому же территориальному вопросу[191]. Область города Вильно, принадлежавшая Польше до 1939 г., с октября 1939 г. входила в состав Литвы, но считалась политическим руководством АК неотъемлемой частью Речи Посполитой. А литовцы считали Вильнюс своим городом, древней столицей Литвы, поэтому были готовы противостоять империалистическим поползновениям Армии Крайовой. ЛОА в целом проиграла битву за Вильнюс, и в освобождении от нацистов поляки в какой-то степени приняли участие. Только их тут же разоружили пришедшие коммунисты, которым АК помогала бороться с гитлеровцами. И в данном случае поляки боролись на чужой земле и за чужие земли, причем, как выяснилось позже, кровопролитие велось зря.

Возвращаясь к ситуации на Волыни, отметим, что общие подсчеты жертв затруднены — в обстановке партизанской войны и хаоса официальной статистики никто не вел. Но можно с уверенностью говорить о том, что в украинско-польском межэтническом противостоянии на Волыни погибло не менее 25 тыс. поляков и не менее 10 тыс. украинцев, хотя называются и большие цифры.

При этом, по подсчетам польских историков, на Волыни в 1943–1944 гг. прошло около 150-ти боев и стычек АК с УПА, в которых погибли сотни бойцов с каждой стороны[192].

То есть подавляющее большинство жертв составили не бойцы из националистических формирований, а мирные польские и украинские крестьяне.

Для иллюстрации конфликта процитируем один документ УПА. Судя по его некоторым параметрам — обрывное описание событий, отсутствие подписи, числа, получателя отчета — и сопутствующим документам, хранящимся в той же папке, это составленный на основе отчетов УПА черновик для информационно-пропагандистских материалов, издававшихся подпольными типографиями. Однако, о характере конфликта это свидетельство эпохи повествует довольно красноречиво:

«Дня 17 июня 1943 года (...) Приказано разбить и уничтожить два фольварка (небольших польских усадьбы. — *А. Г.*): Горка-Полонка и Городище. Со стороны Лаврова я увидел ракеты, которые трижды взорвались. Стало понятно, что наступление началось. Немедленно даю приказ наступать на фольварк. Без единого выстрела вступаем в центр фольварка. Из-за конюшни раздается выстрел часового. В ответ прозвучали наши выстрелы. Начался короткий, но упорный бой. Поляки отстреливались со стен. Чтобы лучше сориентироваться, откуда бьет враг, мы зажгли солому. Ляхи начали убегать с фольварка. Повстанцы занимали здание за зданием. Из-под строений доставали ляхов и резали, говоря: "Это вам за наши села и семьи, которые вы пожгли". Поляки выкручивались на длинных советских штыках, кричали: "На милосць Бога, даруце нам жицэ, я ниц не винен (не винна)". А сзади четовой (командир четы, аналога взвода в Красной армии. — *А. Г.*) О., с разбитой головой, отзывается: "Наши дети, наши старики, были ли виноваты, что вы их кидали живьем в огонь?" И работа идет дальше. Фольварк пылает красным пламенем. За это время поляки попрятались на чердаке и оттуда отстреливались. После короткого боя мы подожгли строение с ляхами, где они и погорели. (...)

С 19–20 июня отдел выдвинулся в село Ратнов, где спалил фольварк и без боя вышел в направлении села Коршевец. На следующий день разведка донесла, что в село Новостав приехал один немец. Тогда я взял нескольких бойцов, зашли и мы в село Новостав и окружили со всех сторон немца. Действительно интересно было видеть ту минуту, когда бойцы гаркнули немаку: "Хэндэ хох". Немак сразу хотел стрелять, но, посмотрев, что он

со всех сторон окружен, начал скулить: "Майне либе камерад", "подарите мне жизнь, у меня дома дети". Бойцы начали кричать: "Забить!" Я ответил, что надо проверить, что это за личность. По проверке выходит, что этот немчик не из полиции и не партийный (не член НСДАП. — *А. Г.*), а к населению относится вполне допустимо. Тогда я ему говорю: "УПА будет уничтожать СД (немецкую службу безопасности. — *А. Г.*), СС и партийцев, а [не] таких как он — беспартийных и солдат, которые из-за СД должны биться на фронте". Немчик из благодарности обнял ноги и благодарил, плача от радости»[193].

Обратим внимание: солдата рейха, представителя военно-репрессивной тоталитарной машины, устроившей в Украине варварский террор и грабеж, по размышлении решают отпустить, относясь к нему как к обычному военнопленному. А «братьев-славян», в том числе женщин (кто же еще кричал: «ниц не винна!»?), украинские бойцы прокалывают штыками с «убедительной» аргументацией: польская полиция жгла украинских детей и стариков.

Подобными были действия как поляков, так и украинцев,. Националистическая ненависть друг к другу, битва не только за собственное государство, но и за «кровь и почву» ослепила в те годы десятки и сотни тысяч представителей соседних народов.

Очевидно, что основной причиной этого конфликта послужила политика польского режима в межвоенные годы: до остервенения были доведены не только традиционно националистические галичане, но и менее социально активное и «националистически сознательное» население Волыни. Сыграло свою роль и нежелание польских политиков «прощаться» с чужими землями. УПА, в отличие от АК, воевала на собственной территории. Кроме того, первыми убийства мирного населения начали поляки — в 1942 г. в Закерзонье, когда бандеровская УПА была еще только на уровне проектов. Украинцы не трогали другие меньшинства Волыни, например, чехов. Им не мстили за «украинскую политику Праги» в 1920–1939 гг. (мстить было не за что), и не обвиняли в стремлении отобрать украинские земли. Западно-украинские чехи спокойно пережили Вторую

мировую войну и после нее были организованно высланы в Чехословакию.

Вместе с тем, отметим разницу в действиях двух армий без государства. Руководство ОУН отдало приказ о «деполонизации» Волыни и уничтожении польских сел — массовый террор бандеровцы считали лучшим средством пропаганды «за эмиграцию». Руководство АК аналогичного приказа не отдавало, а террор 1942 г. был направлен на политических противников польского режима. А акции по уничтожению украинских деревень в 1943 г. и позже были инициативой местных полевых командиров.

Касаясь военного аспекта противостояния УПА и АК, можно выделить несколько основных этапов борьбы двух партизанских армий.

Первый этап приходится на весну 1943 г., когда УПА только создавалась, но повстанцы уже предприняли первые антипольские акции. В это время АК действует очень ограниченно, создавая в польских хуторах и селах на Волыни сеть самооборонных баз.

Второй этап приходится на лето 1943 г., когда украинский террор против поляков принял широкие масштабы, а Армия Крайова ответила на террор УПА польским террором. К лету 1943 г. относится сокращение территории, контролируемой АК на Волыни.

Третий этап приходится на осень — зиму 1943 г. Он характеризуется усилением польского террора и одновременным усилением активности УПА, продолжающей увеличивать зону своей деятельности. Наибольшее бегство поляков из края относится как раз ко второму и третьему периоду противостояния. (Подавляющее большинство волынских поляков в своих селах или райцентрах все-таки остались на Волыни и выехали уже в 1944–1947 гг.)

На четвертом этапе — февраль — апрель 1944 г. — АК сформировала на территории Волынской области (западная Волынь) 27-ю дивизию, насчитывавшую около 6,5 тыс. партизан. Ее деятельность разворачивалась на незначительной территории, однако на этой территории поляки чувствовали себя относительно защищенными. Но дивизия вскоре была разбита немцами, а Волынь заняла РККА, под влиянием чего украинско-польская партизанская война в целом прекратилась. Одной из причин

ее прекращения было то, что как организованная структура АК весной — летом 1944 г. на Волыни исчезла.

В конце 1943 — начале 1944 гг. украинско-польское противостояние перекинулось в Галицию, где оно обрело свою специфику.

Если на Волыни поляки составляли коллаборационистскую полицию, бившуюся против УПА, то в Галиции, входившей в Генерал-губернаторство, полицаями и шуцманами были по преимуществу украинцы.

Созданная бандеровцами в июле — августе 1943 г. Украинская национальная самооборона (УНС), аналог УПА, сразу же начала акции не только против красных партизан или немцев, но и против поляков.

Количество антипольских акций УНС, позже получившей наименование УПА-Запад: август 1943 г. — 45, сентябрь — 61, октябрь — 93, ноябрь — 309, январь — 466. В феврале же и марте 1944 г. началась просто кровавая вакханалия[194].

Как и на Волыни, в Галиции исходная, исторически обусловленная взаимная украинско-польская неприязнь дополнительно провоцировалась и усугублялась целым рядом конкретных обстоятельств.

Осенью 1943 г. польские партизаны проводили диверсии рядом с украинскими деревнями, которые по этой причине подвергались ударам немецких карателей. В свою очередь, злость польских партизан к украинцам тоже имела свои объективные причины — уже упоминавшийся массовый полицейский и военно-политический коллаборационизм. В частности, создание украинской дивизии «Галичина», входившей в столь ненавистную структуру СС, было воспринято поляками с явным негодованием.

В январе 1944 г. АК в Восточной Галиции насчитывала около 30 тыс. человек — то есть больше, чем весь состав УПА, — но лишь меньшинство из них было вооружено, и далеко не все были обучены военному делу. Борьбу с оккупантами поляки вели в ограниченных масштабах.

Деятельность УПА по изгнанию из сел немецкой и переподчинению украинской коллаборационистской администрации вызвала гнев немцев и венгров. Последние проводили акции против УПА и украинских сел отчасти

из-за того, что искренне стремились защитить поляков. Немцы же противостояли УПА из-за того, что повстанцы срывали намеченные оккупантами действия по «дограблению» региона и мобилизации украинского населения — и на работы, и даже в армейские структуры.

15–22 марта 1944 г. нацисты провели первую «пацификацию» против УПА, но никакого видимого результата она не дала: повстанцы планомерно расширяли сферу своих действий.

Конфликт с поляками перекинулся и в Закерзонье — на территории вокруг городков Перемышль, Замостье, Холм, Бяла-Подляска, куда по просьбам местного населения первые отряды ОУН-УПА стали «наведываться» еще в ноябре 1943 г.

В начале 1944 г. «...Из отрядов УПА стала создаваться мощная армейская группировка (насчитывавшая до 1,5–2 тыс. бойцов. — *А. Г.*). Из Карпат на пополнение местных повстанческих отрядов пришел целый выпуск офицерской школы УПА «Олени», состоявший из бывших студентов и гимназистов. С Волыни прибыли отряды «Волков», имени Богуна и др. Был даже создан особый фронт УПА — Холмский»[195].

«Тут их противниками были преимущественно польские подпольные формирования Армии Крайовой, численность которых (вместе с другими польскими партизанскими формированиями. — *А. Г.*) составляла до 15 тыс. бойцов»[196].

В первой половине 1944 г. АК потерпела поражение от УПА и на Волыни, и в Галиции.

АК и другие польские партизаны проиграли и в Закерзонье, несмотря на относительно высокий процент польского населения и непосредственную близость этнической польской территории.

29 мая один из руководителей Грубешовского района Батальонов хлопских Ю. Блашяк («Грох») писал в донесении командованию: «Вызванная оккупантами национальная борьба принесла польской стороне на территории района № 5 полное поражение. На нынешнее время он целиком утрачен...»[197].

Уже в марте 1944 г. поляки-галичане, традиционно недолюбливавшие коммунистов, с нетерпением ждали прихода Красной армии, долженствовавшей утихомирить «украинскую бестию»[198].

О невозможности обеспечить безопасность мирного польского населения свидетельствует и офицер АК Вегельский, воевавший в этом регионе[199]. Хотя и тут АК проводила «ответные акции» по уничтожению украинских сел.

АК в Галиции была разгромлена коммунистической властью. Но уже к приходу коммунистов ее поражение полностью подготовили украинские повстанцы.

В Сокальском, Радяховском и Каменецком районах восточной Галиции во второй половине мая структуры АК находились в фазе ликвидации. На июль 1944 г. во Львовском округе АК остался только инспекторат (отдел) Львов-город и частично — Западный инспекторат.

Из-за действий УПА в Галиции сорвалась планируемая поляками операция «Буря» — удар по немецким тылам в Галиции и попытка помочь Советам при освобождении Львова. «Буря» не явилась сколько-нибудь серьезной помощью Красной армии при проведении Львовско-сандомирской наступательной операции. Сразу же после занятия Львова (27 июля 1944 г.) Советы начали насильственное разоружение отрядов АК.

Таким образом, в Галиции военное противостояние УПА-АК проходило в два этапа.

На первом этапе (конец 1943-го, начало 1944 г.) между АК и УНС — УПА-Запад, начавшей антипольские акции еще в августе, завязались боевые действия. На втором этапе (март — август 1944 г.) отряды Армии Крайовой потерпели поражение от украинских повстанцев, завершившееся разгромом польского Сопротивления со стороны коммунистической власти.

В целом в Галиции от рук УПА погибло от 20 до 30 тыс. поляков[200]. В свою очередь, от рук поляков погибло около 10 тыс. украинцев Львовской, Дрогобычской, Тернопольской и Станиславской областей УССР.

1 сентября 1944 г. руководство УПА-Запад издало приказ: «массовые антипольские акции прекращаются». Отныне предписывалось уничтожать только поляков, помогающих большевикам или воюющих против украинцев в АК[201].

С конца 1944 г. украинско-польская резня сошла «на нет» из-за прихода коммунистов — перед лицом новой, на сей раз смертельной для них опасности, националисты двух стран прекратили войну друг с другом. Хотя приказа прекратить антиукраинские акции руководство АК не отдавало (поскольку и приказа о начале акций не было).

Однако случаи убийства поляков отрядами УПА и мирных украинцев польскими партизанами происходили и позже. Приведем «Донесение советника НКВД при Министерстве общественной безопасности Польши Н. Н. Селивановского народному комиссару внутренних дел СССР Л. П. Берия об убийствах мирного украинского населения отрядом Армии Крайовой под командованием подпоручика Цыбульского». Действие происходит в Закерзонье:

«6 июня с. г. (1945. — *А. Г.*) банда "АК" подпоручика Цыбульского, известного по псевдониму "Сокол", учинила погром над украинским населением деревни Вежховина (13 километров юго-западнее города Холм).

Банда "Сокол" численностью более 200 человек, в форме Войска Польского, вооруженная станковыми и ручными пулеметами, автоматами, винтовками, подошла к селу на 45 подводах и частью в пешем строю.

Украинские жители, приняв банду за польские части, возвращающиеся с фронта, встретили ее почестями и цветами.

Пройдя через село и сосредоточив обоз в ближайшем лесу, бандиты возвратились и начали поголовное истребление украинцев.

Бандиты убили 202 человека, в том числе грудных детей, подростков, мужчин и женщин всех возрастов.

Мирные жители убивались огнестрельным оружием, мотыгами, лопатами, топорами, ножами, женщинам рубили головы, мужчин пытали раскаленными железными прутьями.

Забрав часть имущества из квартир убитых и 65 голов скота, банда направилась к селу Селец, Холмского уезда.

Против банды "Сокол" из города Холм была направлена на двух автомашинах и бронетранспортере

оперативная группа, возглавляемая Холмским отделом общественной безопасности в составе 80 человек сотрудников отдела общественной безопасности, милиции и курсантов школы подхорунжих Войска Польского.

Оперативная группа вступила в бой с бандой и, увидев численное превосходство бандитов, беспорядочно бежала, бросив машины и бронетранспортер с вооружением; 30 человек добровольно сдались в плен и вступили в банду.

Силами второго батальона 98 пограничного полка войск НКВД было организовано преследование бандитов. В результате операции с 7 по 11 июня банда "Сокол" была окружена в селе Гута и после продолжительного боя полностью разгромлена.

В бою убито 170 бандитов и взято в плен 7 человек. В числе убитых — руководитель банды "Сокол" и его заместитель "Стрый".

У бандитов захвачено: крупнокалиберных пулеметов 5, станковых пулеметов 1, ручных пулеметов 4, автоматов 32, винтовок 62, пистолетов 3, гранат 35, лошадей 98, повозок — 44, штабные документы и вещевое имущество, сожжен склад боеприпасов. Кроме того, взяты захваченные бандитами бронетранспортер и две автомашины.

Во время боя в селе сожжено 164 дома, из которых вели огонь бандиты. В этих домах, по неточным данным, сгорело до 30 раненых бандитов.

Наши потери — убито 5 человек, ранен 1.

Один из пленных бандитов Остапюк Эдвард, лично участвовавший в погроме в селе Вежховина, показал:

"Когда мы все собрались, "Сокол" сказал, что советы хотят разбить все отряды "АК" и чтобы не допустить этого, имею задачу вести борьбу с советами. 5 июня "Сокол" дал приказ перебить всех украинцев в районе Холма, Красностава и Грубешова, после чего совершить налет на город Грубешов, где разгромить кавалерийскую часть (польскую) и гарнизон НКВД, что и начали делать. В 12 часов 6 июня вся банда "Сокол" на 45 подводах заехала в украинское село Вежховина и начала проверять документы местных жителей. Украинцев, независимо от возраста и пола, мы на месте расстреливали и грабили их дома".

О вышеизложенном мною информирован Берут (глава просоветского правительства Польши. — *А. Г.*), который дал указания судить в показательном порядке захваченных участников бандитского погрома.

Этот факт будет освещен в печати с опубликованием фотоснимков убитых аковцами детей и мирных граждан»[202].

Обратим внимание — повстанцы из АК без труда разгромили посланных против них соплеменников-поляков, едва не половина из которых перешла на сторону антикоммунистов. И тут же банду «Сокола» с небольшими потерями уничтожают советские пограничники-чекисты. Случай очень характерный: в 1945 г. созданные коммунистами вооруженные силы и репрессивно-карательные органы «народной Польши» отличались крайне низким уровнем профессионализма и столь же низким уровнем верности новому режиму.

Что же касается украинско-польской резни 1943–1944 гг., то она остается одной из самых трагичных страниц в истории региона. Два национально-освободительных движения — УПА и АК — во время схватки двух тоталитарных сверхдержав не только воевали друг против друга, но и занимались этническими чистками — истреблением мирного населения, а также откровенным вандализмом — взрыванием и разгромом польских римско-католических костелов и греко-католических и православных украинских церквей, уничтожением памятников старины[203].

Итоговые подсчеты в данном случае, как уже отмечалось, затруднены. Тем не менее, общее количество поляков, убитых УПА, историками определяется примерной цифрой от 50 до 100 тыс. человек. В результате резни погибло также по разным оценкам от 15 до 30 тыс. украинцев.

Таким образом, количество уничтоженных украинскими повстанцами коммунистических партизан или немецких солдат было на порядок меньшим, чем убитых поляков — в основном мирных жителей.

Во время украинско-польского конфликта на Волыни большинство поляков было убито украинскими повстанцами и крестьянами, — украинские коллаборационисты играли в этой резне ничтожную роль. В свою очередь, украинское население понесло большинство жертв от рук польских полицейских, меньшую часть — от поляков из националистических и коммунистических отрядов.

В Галиции коллаборанионисты из числа обоих народов, да и красные партизаны, меньше вмешивались в межэтнический конфликт, поэтому жертвы среди мирных жителей — следствие деятельности в основном УПА и АК.

19 января 1945 г. Армия Крайова приказом ее главнокомандующего была распущена. Позже на ее базе были созданы организация Свобода и независимость («Вольносць и неподлеглосць» — ВИН) и ряд других организаций, продолжавших борьбу до 1947 г. В конце 1945 г. перед лицом общей опасности польские националисты и украинские повстанцы начали сближаться[204]. «Кульминацией этого процесса стало совместное успешное нападение польских и украинских повстанцев на город Грубешов в мае 1946 г.»[205]. Город был несколько часов в руках повстанцев, во время операции было убито 32 чекиста и 6 польских правительственных солдат. Однако это тактическое взаимодействие не спасло ни УПА, ни АК: события последующих полутора лет привели к ликвидации обоих национально-освободительных движений.

Как хозяйничали «буржуазные националисты» на украинской земле

И работа — всласть, когда родная власть.

Советская пословица

Особой страницей в истории украинского националистического Сопротивления является создание бандеровцами своеобразных повстанческих республик. В Галиции территория, которую контролировала УПА, была небольшой — в основном труднодоступные районы Карпат. На Волыни и Полесье местность лесистая и болотистая, повстанцы начали действовать там раньше, поэто-

му до прихода Красной армии сумели создать нечто вроде «партизанского края».

Вот как описывал жизнь в таком крае исполняющий обязанности Проводника ОУН(б) в 1941–1943 гг. Николай Лебедь: «Вызвана к жизни новая украинская администрация — до округов включительно, организована охрана национального имущества, создан хозяйственный сектор, который занимался разделом фольваркового-совхозного имущества между крестьянством и наблюдал за правильной хозяйственной работой. Восстановлен домашний, а частично и фабричный промысел — мыловарни, красильни, предприятия по изготовлению и ремонту телег, сушилки овощей, дистилляции спирта-самогона для йода, необходимого для медицинских целей. Построены оружейные мастерские и создана собственная фабрика бумаги. Создан инспекторат школ и образования, который подготовил к печати новые украинские школьные учебники. Организованы кружки самообразования, назначены культурные работники на отдельные районы, организованы театральные странствующие группы. Развернуто издательство самостийницкой прессы. Создан картографический институт в Дермани для обеспечения военными картами отрядов УПА»[206].

Самым важным «государственным» мероприятием повстанцев была земельная реформа. 15 августа 1943 г. главком УПА Клим Савур (Дмитрий Клячковский) издал указ о введении частной собственности на землю, наделении ею украинских крестьян и переходе лесных и водных угодий в общинную собственность.

Указ предполагал ликвидацию колхозной системы и фольварков (то есть усадеб): их земли, а также земли польских колонистов (осадников) переходили в частную собственность украинских крестьян. За счет указанного земельного фонда предполагалось наделить, прежде всего, безземельных и малоземельных селян[207].

Существование колхозов, точнее, трансформация их в артели, допускалось в случае, если крестьяне сами захотят сообща вести хозяйство.

Пункт 6-й указа гласил: «Машинно-тракторные станции (МТС) составляют общее имущество данного района, которое обслуживают на артельных началах».

Интересен 8-й пункт: «Земля, как ценнейшее имущество Украинского Народа, не смеет лежать мертвым грузом, а должна быть вся обработана и засеяна. Об этом позаботятся хозяйственные управы, которые за свои действия отвечают перед УПА».

Вероятно, это было предостережением отдельным, особо жадным селянам: не нахапай земли больше, чем можешь возделать.

Ценные свидетельства о гражданской и хозяйственной деятельности националистов содержатся в документах красных партизан. Тем более что Лебедь, цитата из которого приведена выше, сам был бандеровцем, и поэтому мог перехвалить повстанцев.

Первым партизанским соединением, продравшимся сквозь повстанческие районы, был отряд Ковпака. Комиссар отряда Семен Руднев 21 июня 1943 г. записал в своем дневнике: «И здесь виды на урожай отличные. Засеяно очень много ржи, пустующих земель совершенно нет. А политическая обстановка в этих националистических районах настолько сложна, что надо держать ухо востро»[208].

А вот отрывок из отчета полковника Якова Мельника, прославившегося грабежами, о рейде его партизанского отряда, продолжавшемся с 19 июня по 18 августа 1943 г.:

«...Ровенская область.

Пройдено 65 сел и хуторов.

Крестьяне ведут единоличное хозяйство. Каких-либо изменений в хозяйственной жизни за время немецкой оккупации нет. Режим, налоги и репрессии в 1941 и 42 гг. здесь были значительно слабее и менее, нежели на территории восточных областей (имеются в виду области, входившие до 1939 г. в состав УССР. — *А. Г.*). Только незначительная часть населения угнана в Германию. В своем большинстве хозяйства крестьян экономически крепкие.

Отличительной чертой для данной местности есть то, что во многих селах крестьяне-украинцы находятся под влиянием организации украинских националистов (бандеровцев и бульбовцев)...

В настоящее время административного, экономического и политического влияния немцы на этой территории не имеют (повстанцы оккупантов прогнали. — *А. Г.*). С населения в 1943 г. не взимают никаких налогов и поставок. Крестьяне снабжают сельхозпродукцией группы и отряды бульбовцев»[209].

Из-за плохо поставленной разведывательно-агентурной работы советские партизаны часто путали националистов двух направлений — бульбовцев и бандеровцев. Скорее всего, речь идет здесь о бандеровцах, а не о бульбовцах: последние не создавали «свободных территорий». Так что информация о снабжении крестьянами националистов и «безналоговом рае», скорее всего, относится к УПА-ОУН(б).

Радиограмма в УШПД от 18 октября 1943 г.: «13 октября националисты во всех своих селах возле Сарн, Домбровица открыли занятия в начальных школах для детей. В конце сентября в лесу возле Домбровицы националисты проводили совещание учителей. Предложили учителям не только в селах учить детей, но и дома. Бегма, Тимофеев»[210].

Как видим, бандеровец Лебедь в своей книге если и перехвалил ОУН, то не сильно.

Аналогичное сообщение тех же авторов от 30 октября: «Националисты в Домбровице мобилизовали всех портных для изготовления теплой одежды на зиму. По последнему распоряжению штаба националисты сейчас принимают к себе всех, кроме поляков. В данное время [среди] националистов много евреев, особенно врачей»[211].

Жизнь заставила оуновцев отказаться от некоторых идей радикального национализма. Еще в 1942 г. ОУН(б) отказалась участвовать в геноциде, который вел Гитлер. Правда, отказались от участия в антиеврейских акциях бандеровцы со своеобразной формулировкой: «Невзирая на негативное отношение к евреям как к орудию московско-большевистского империализма, считаем нецелесообразным в настоящий момент международной ситуации принимать участие в антиеврейской акции, чтобы не стать слепым оружием в чужих руках и не уводить внимание масс от главных врагов»[212].

Лебедь так описывает участие евреев в украинском Сопротивлении: «Большинство врачей УПА были евреи, которых УПА спасала от уничтожения гитлеровцами. Врачей-евреев считали равноправными гражданами Украины и командирами украинской армии. Здесь необходимо подчеркнуть, что все они честно исполняли свой тяжкий долг, помогали не только бойцам, но и всему населению, объезжали территории, организовывали полевые больницы и больницы в населенных пунктах. Не покидали боевых рядов в тяжелых ситуациях, также тогда, когда имели возможность перейти к красным. Многие из них погибли воинской смертью в борьбе за те идеалы, за которые боролся весь украинский народ»[213].

Может, с пропагандистской целью Лебедь несколько и приукрасил украинско-еврейское сотрудничество, но участие евреев в УПА — несомненный исторический факт, о котором, как мы видели, сообщали своему начальству «народные мстители» Бегма и Тимофеев.

Возвратимся к свидетельствам красных партизан.

В начале 1944 г. Петр Вершигора, к тому времени уже принявший от Ковпака командование его партизанской дивизией, сообщал в УШПД:

«Все Полесье, за исключением крупных коммуникаций Сарны-Ковель, Ковель-Брест и Сарны-Лунинец, было полностью свободно от немцев, громадная территория от Сарн до Буга была поделена между партизанами и соединениями украинских националистов, вытолкнутых из-за Горыни.

...Западный берег р. Горынь, районы Стыдень, Степань, Домбровица, район Колки-Рафаловка были в руках УПА, за ними до Стохода Советские партизаны, и от реки Стоход на Запад полностью националистические районы УПА, партизанами даже не разведанные — какое-то белое пятно на карте Полесья...

Экономическое состояние районов, контролируемых УПА, более благоприятное, чем в Советских районах, население живет богаче и менее ограблено...

Волынь — в частности, районы Городище, Гурийск, Порицк, Горохов, Владимир-Волынский — полностью находилась под контролем УПА. Гарнизоны противника

были только в крупных населенных пунктах вдоль коммуникаций и в райцентрах»[214].

Ценность этого свидетельства сложно переоценить — коммунист перед лицом начальства фактически хвалит националистов и ругает своих коллег-партизан. Здесь и речи быть не может о какой-то конъюнктурности оценки.

К сожалению, из отчета Вершигоры не понятно, кем население «менее ограблено» — немцами или партизанами. О том, что последние активно практиковали грабежи, сам Вершигора писал в радиограмме в УШПД Строкачу 27 февраля 1944 г.:

«...На протяжении почти всего 1943 г. Волынь охвачена антинемецким движением, восстанием народа против немцев. Националисты возглавили его и направили его по пути восстания антипольского...

Виноваты ли они (украинские крестьяне. — *А. Г.*) в том, что в руководстве восстания были не большевики, а националисты? Думаю, что виноваты в этом не народ, а мы с Вами и особенно Волынские и Ровенские партизанские князья-бездельники, сидевшие под носом у народа, ожидая восстания и палец о палец не ударившие, чтобы возглавить его.

...Середняк качнулся в сторону кулака-националиста и не без помощи советских партизан. (...)

...Особенно боюсь я за партизанские соединения, отважно шествующих в обозе Красной Армии. Дело в том, что мы армия без интендантства и единственный путь предотвращения мародерства и бандитизма — это воевать, а если люди не воюют, значит, народ стоит (вероятно, имелось в виду "стонет". — *А. Г.*) и воет от грабителей. Это неизбежно.

Соединения типа Шитова на Волыни, да еще в тылу Красной Армии меня очень беспокоят: "Мы тот отряд, что берет все подряд", "тетка, открывай шкаф. Мы на операцию приехали", — вот военная доктрина Шитова и военная его армия»[215].

Безусловно, красные не только грабили украинских крестьян — «хозяйничанье» партизан всех мастей приносило оккупантам ощутимый вред.

Благодаря действиям УПА, советских и, в меньшей степени, польских партизан, поставки в рейх хлеба и скота с Волыни и Полесья в 1943 г. оказались сорваны на три четверти[216].

После галицийского рейда Ковпака советские партизаны вновь появились здесь в 1944 г. Вероятно, отчасти поэтому в шифротелеграмме Ильи Старинова в УШПД 17 марта 1944 значилось:

«[В] освобожденных районах Тернопольской области население спрятало часть скота, свиней, создав тайные склады для банд националистов, которые пока ушли в подполье, леса, территорию, занимаемую немцами.

На работы [по] ремонту дорог выходит незначительный процент. Есть случаи отравления, убийств, обстрелов. Чувствуется явная враждебность к нам. К немцам эта враждебность еще большая.

Действовать партизанам Тернопольской области будет труднее, чем [в] Германии, такое же положение, видимо, и [в] Львовской области...

Четвертую войну воюю, но никогда не встречал такой враждебной среды, как [в] освобожденных районах Тернопольской области»[217].

Точность подобной оценки подтверждается последующими событиями. После 1945 г. широкого Сопротивления в Восточной Германии не отмечалось. В Западной же Украине с повстанческим движением коммунисты боролись до начала 1950-х.

В целом, следует сказать, что административно-хозяйственная деятельность УПА позволила обеспечить украинским крестьянам, проживавшим в «повстанческих республиках», более высокий уровень жизни, чем на территориях советских «партизанских краев», повысила популярность идей ОУН-УПА, позволила подготовить запасы продовольствия и одежды для ведения подпольной и повстанческой борьбы в условиях возвращения коммунистического режима, а также сорвать поставки продовольствия в Третий Рейх с тех территорий, на которых Повстанческая армия вела активную боевую деятельность.

Как повстанцы подготовились к приходу Красной армии: Организационная структура, численность, комплектование и материально-техническое обеспечение УПА и тыловых структур

С государством щей не сваришь.
Если сваришь — отберет.
Но чем дальше в лес, товарищ,
тем, товарищ, больше в рот.
Ни иконы, ни Бердяев,
ни журнал «За рубежом»
не спасут от негодяев,
пьющих нехотя боржом.

Иосиф Бродский. «Лесная идиллия». 1960-е гг.

Украинская повстанческая армия возникла и действовала более года на оккупированной нацистами территории и 5 лет после войны в условиях борьбы со сталинским тоталитаризмом. Поэтому касательно УПА не может не возникнуть вопрос: каким образом так долго существовала и действовала в столь тяжелых условиях?

В 1940-е гг. в Советском Союзе человек мог быть расстрелян за неосторожное слово, а в Западной Украине развернулась масштабная и продолжительная национально-освободительная война.

Как уже отмечалось, создание УПА было санкционировано ОУН(б) в 20-х числах февраля 1943 г.

Первоначально это были группы призванных под ружье оуновцев и сочувствующего элемента из волынских сел. Во второй половине марта и начале апреля 1943 г. около 5 тыс. украинских полицейских оставили места прежней службы и в большинстве своем перешли в УПА.

Таким образом, в апреле — июне 1943 г. большинство рядовых повстанцев были бывшими украинскими коллаборационистами, вовремя повернувшими оружие против тех, из чьих рук они это оружие получили.

Весной 1943 г. четкой структуры у повстанческих отрядов еще не было, хотя уже существовал Краевой военный штаб (КВШ) УПА, который возглавлял Василий Ивахов («Сом»).

Постепенно приобретая боевой опыт и усиливаясь, УПА становится все более влиятельной силой в Западной Украине. Уже летом 1943 г. бандеровцы проводили мобилизации в отдельных селах.

«Призыв далеко не всегда проходил спокойно. Так, еще до прихода РККА в сентябре 1943 г. в районах Волыни и Полесья была проведена мобилизация мужского населения с уходом в леса. Здесь ОУН путем применения террористических мер к семьям и родственникам уклоняющихся от мобилизации насильно втянула в УПА определенное количество украинского населения, в основном крестьян»[218].

С лета 1943 г. и до середины 1946 г. в УПА используются два принципа комплектования: добровольный набор и мобилизация. Тысячи, если не десятки тысяч крестьян шло в УПА без какого-либо принуждения — как из желания бороться за независимую Украину, так и из желания отомстить — полякам, нацистам, коммунистам. Когда какой-то из перечисленных врагов сжигал украинскую деревню — оставшиеся в живых мужчины обычно вливались в УПА. Если большевики или немцы проводили мобилизацию (в армию или на принудительные работы), то украинцы, не желавшие идти на службу к империалистам, уходили в леса: под защиту УПА или опять же в ряды повстанцев. С первой половины 1946 г., когда в борьбе УПА и советской власти наступил перелом в пользу второй, уже сами повстанцы стали стараться освободить свои отряды от ненадежного элемента, и в дальнейшем УПА пополнялась в основном за счет добровольцев.

Практически все оказавшиеся в УПА селяне получали начальную военную подготовку, командиры (старшины и подстаршины) проходили более длительное обучение в подпольных военных школах ОУН-УПА.

Во второй половине 1943 г. — первой половине 1944 г. повстанцы с помощью агитации и угроз перетягивают на свою сторону коллаборационистские формирования из граждан СССР. Позже из них создается нечто вроде «иностранных легионов» УПА, общим количеством 15 сотен и куреней (рот и батальонов). Известно о существовании сотен узбеков, кубанских казаков. В УПА действо-

вали два иностранных куреня (батальона): азербайджанский и грузино-армянский. Некоторое время существовала русская сотня. Однако, большинство русских не было включено в отдельные военно-оперативные единицы, а входило в украинские части УПА в индивидуальном порядке. Известны случаи, когда югославы, словаки, французы, итальянцы и даже немцы оказывались в рядах повстанцев, либо случайно, либо для того чтобы бороться против нацизма и/или большевизма. В 1944 г. несколько сот немцев оказалось в УПА в качестве «разменной монеты»: пленных отбивали у красноармейцев для того чтобы выменять у вермахта на оружие. Из-за отката фронта сделка не состоялась, поэтому борьбу с большевиками помимо своей воли эти военнопленные продолжили в рядах украинских повстанцев.

В августе 1943 г. УПА значительно расширяет сферу действий и становится на некоторых территориях чем-то вроде государственной власти.

«Руководила фронтом и подпольем на территории Северо-западных украинских земель военная власть — Главная команда УПА во главе с Главнокомандующим УПА «Климом Савуром» (Дмитрием Клячковским). В состав Главного Командования УПА вместе с Главнокомандующим входили: начальник — шеф Военного штаба (ШВШ) полк. «Гончаренко» (Леонид Ступницкий, одновременно был заместителем по военным делам), глава политического отдела — шеф политического штаба (ШПШ) «Роман Галина» (Яков Бусел), комендант тыла «Горбенко» (Ростислав Волошин, был заместителем по административно-организационной работе). Начальнику штаба УПА подчинялся военный штаб, который состоял из отделов: организационно-оперативного, разведывательного, связи, снабжения, учебного, медико-санитарного и др. Главе политического отдела (штаба) подчинялись также политико-воспитательные отделы групп УПА и опосредованно общественно-политические референтуры тыла. Коменданту тыла подчинялись референтуры: организационно-мобилизационная, общественно-политическая, Службы безопасности, хозяйственная, связи, Украинского Красного Креста (УКК) и новосозданная гражданская администрация.

Вся территория Северо-западных украинских земель (Генеральный округ — ГО) делилась на четыре оперативно-территориальные группировки — военные округа (ВО), в которых базировались соответствующие группы УПА во главе с оперативно-территориальными командованиями. У военных округов были более низкие ступени — военные надрайоны (ВН), военные районы (ВР), кусты и станицы. Эти военно-административные учреждения, созданные на основе действовавшей ранее подпольной сети ОУН, составили тыл УПА...»[219]

Действовавшие на территории военных округов группы УПА делились на сотни, курени и загоны. «Сотня, численностью 100–150 человек, была наименьшей военно-оперативной единицей. Сотни делились на меньшие тактические единицы — рои и четы (отделения и взводы. — *А. Г.*). Три роя составляли чету, три четы и рой минометов или тяжелых пулеметов — сотню (роту. — *А. Г.*). 2–3 сотни объединялись в курень (батальон. — *А. Г.*) или загон (батальон или полк, в зависимости от ситуации и размеров загона. — *А. Г.*)... Сотни, курени и загоны были привязаны территориально к местностям своего базирования или создания»[220]. Были и исключения, особенно в случае повстанческих рейдов или изменения структуры УПА. В частности, после ликвидации УПА в Закерзонье весной 1947 г., уцелевшие сотни пробились либо на Запад, либо в УССР.

В 1943–1944 гг. повстанцы могли позволить оперировать куренями и даже загонами, с 1945 г. командование УПА предпочитает действовать сотнями, а с 1946-го сотни нередко расформировываются до чет и роев. С 1949 г. вооруженное сопротивление продолжает вести подполье, то есть боевки ОУН, а также националисты-одиночки.

На конец 1943 г. территория действий УПА охватывала 3 области УССР — Волынскую, Ровенскую и Житомирскую, а также северо-запад Киевской, север Львовской, Тернопольской, Каменец-Подольской и юг Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР). Эта зона была поделена на четыре Военных округа — 01 — «Заграва» («Зарево»), 02 — «Богун», 03 — «Туров», 04 — «Тютюнник».

Приведем схему, описывающую «военно-административное деление и руководство УПА и тыла на территории Генерального округа Северо-западных украинских земель» во второй половине 1943 г.[221] (см. схему 1).

Как видим, Служба безопасности (СБ) в УПА действовала параллельно всей Повстанческой армии, являясь структурой двойного подчинения — отдельно шефу СБ ОУН Николаю Арсеньичу и Главному командованию УПА.

В начале 1944 г. по аналогичной схеме были созданы еще два Главных округа:

1. УПА-Запад: в середине 1944 г. туда входили Галиция, Закерзонье и Буковина, с конца 1945 г. и Закарпатье, где местных повстанческих отрядов не было.

2. УПА-Юг: территории Советской Украины — Каменец-Подольская, Винницкая, западные области Киевской и южные Житомирской областей.

Приведем схему, описывающую структуру Повстанческой армии на самое начало 1945 г. (см. схему 2).

По некоторым данным, Генерального округа УПА-Юг как отдельного оперативного соединения вообще никогда не существовало: данный термин использовался только как обобщающее название для подразделений УПА-Север, действовавших на территории Советской Украины.

Также в документах командования УПА можно найти и упоминание группы УПА-Восток — в реальности ее не было, но этот термин употреблялся для обозначения частей, действовавших в Житомирской области, большая часть которой относилась к сфере действия УПА-Север.

В любом случае, УПА-Юг, или соответствующие курени и сотни УПА-Север, была в целом разгромлена уже к весне 1945 г.

Это был год самой напряженной борьбы УПА против коммунистов, в дальнейшем ее численность и активность снижается.

Отряды УПА-Север приостановили свою деятельность уже летом 1946 г., а летом 1947 г. были демобилизованы последние сотни групп «Буг» и «Лисоня» (Львовская и Тернопольская области).

То есть с середины 1947 г. сотни действуют только в группе «Говерла» (УПА-Запад) — Дрогобычская, Станиславская (Ивано-Франковская) и Черновицкая области УССР — горные районы Карпат в Галиции и Северной Буковине. На остальных территориях сопротивление продолжается в форме вооруженного подполья — отдельными роями и боевками.

3 сентября 1949 г. УПА приказом своего главнокомандующего Романа Шухевича (Тараса Чупрынки) прекращает свое существование.

Какова же была численность Повстанческой армии?

Известный московский историк Борис Соколов пишет: «Численность армии Бульбы (Боровца)... наверняка составляла десятки тысяч человек, а значит, всего в рядах УПА вполне могли состоять 400 тыс. бойцов»[222].

О численности бульбовцев речь шла ранее, но и общая численность бандеровских повстанцев в этой оценке явно завышена.

Для выяснения численности УПА обратимся к документам — оценкам врагов Повстанческой армии.

Спецсообщение УШПД от 14 июня 1943 г. за подписью и.о. начальника «штаба непокоренных» полковника Соколова гласило: «На территории Ровенской, Луцкой и других областей Западной Украины бандеровцев насчитывается 20 тыс. человек, на вооружении имеют: пулеметы, минометы, легкие орудия, танки»[223].

Но откуда в лесах Ровенской области было взяться танкам? Где бы нашли повстанцы обученных танкистов? Да даже если бы и захватили машины у немцев, или вывели из крестьянских сараев советские машины, оставшиеся после танкового погрома 1941 г., то где бы эти танки можно было применить?

Сидор Ковпак в отчете по итогам Карпатского рейда 1 октября 1943 г. писал: «Украинские националисты особо сильны в Ровенской области — их сотни расположены по среднему течению р. Случь и Горынь, в районах севернее и северо-западнее Ровно и в Славутских и Шумских лесах. Здесь их, по некоторым подсчетам, несколько десятков тысяч (sic!!! — *А. Г.*) — вооруженных и организованных в т. н. УПА»[224].

У страха были явно глаза велики.

В справке министра внутренних дел УССР Тимофея Строкача от 28 мая 1946 г. отмечалось: «Если на 1 янва-

ря 1945 г. насчитывалось 58 208 участников банд, то на 25 мая 1946 г. их числится 1247 человек»[225].

По данным НКВД УССР на 25 января 1945 г. в западных областях Украины насчитывалось 496 единиц ОУН-УПА общей численностью 25 353 человека[226].

По данным обкомов КП(б)У на 15 марта 1945 г. в 7 западных областях Украины насчитывалось 9356 «бандитов»[227].

Как видим, данные партийцев и «силовиков», да и самих «силовиков» в разные периоды их деятельности, сильно разнятся — отчасти из-за недостаточно качественной разведывательной работы «органов», отчасти из-за банальных приписок.

Немцы оценивали силы УПА в 80 тыс. и даже в полмиллиона бойцов, а мобилизационный ресурс — до двух миллионов человек[228].

Реально же к концу 1942 г. на Волыни действовали только боевки ОУН общей численностью несколько сот человек. В апреле 1943 г. в бандеровской УПА было около 5 тыс. бойцов. В июле — примерно 10 тыс. человек, на 1 января 1944 г. — до 15 тыс.[229], а к середине — концу 1944 г. 25 тыс., максимум 30 тыс. бойцов.

Больше этой цифры постоянная численность УПА никогда не поднималась[230], а в дальнейшем она постепенно снижалась.

УПА на территории Западной Украины помогало партийное оуновское подполье, обеспечивающее партизанам тылы, проводящее политику ОУН на селе, осуществляющее агитацию, пропаганду и многое другое. Его численность подчитать сложнее, но она была сопоставима с количеством бойцов «армии без государства».

Кроме того, в структуру УПА не входили, но к Сопротивлению имели самое прямое отношение СКО — Самооборонные кустовые отряды. Они организовывались под эгидой ОУН по территориальному принципу — население нескольких сел, объединенных в куст, получало оружие, хранило в тайниках и применяло его только в случае угрозы селу со стороны поляков, немцев или красных партизан. Много оружия сохранилось у населения на руках даже после прихода Советов, поэтому СКО действовали и в период 1944–1948 гг. В целом численность людей, прошедших через сельскую самооборону, была значительно меньше, чем численность повстанцев.

Всего же, по подсчетам украинского историка Анатолия Кентия, за 1943–1954 гг. сквозь УПА прошло около ста тысяч человек[231].

Своеобразным рубежом для УПА стала Большая блокада, которая будет описана позже. Эту операцию большевики провели в течение первых четырех месяцев 1946 г. В ходе нее УПА понесла большие потери и после провела частичную демобилизацию. С этого момента основой Сопротивления является вооруженное подполье ОУН.

По данным МВД УССР, на 1 апреля 1946 г. в Западной Украине было 479 боевых единиц ОУН и УПА, в которых состояло 3735 бойцов. По данным МГБ, на 1 января 1947 г. в вооруженном подполье насчитывалось 530 боевых единиц и 4456 бойцов. На 3 марта 1948 г. на учете в западных областях Украины было 647 организаций численностью 3176 человек, 188 «бандгрупп» численностью 1229 человек и 2019 «бандитов-одиночек», всего 6424 человека.

3 сентября 1949 г. Главный военный штаб УПА издал приказ о расформировании еще активных штабов и боевых единиц армии. После смерти 5 марта 1950 г. главкома Тараса Чупрынки (Романа Шухевича), вооруженное подполье ведет борьбу под руководством последнего главнокомандующего УПА, руководителя ОУН на Западно-украинских землях, генерального секретаря Украинского главного освободительного совета полковника Василия Коваля (настоящее имя — Василий Кук). Его захватывают в плен в апреле 1954 г., но и далее десятки и сотни человек продолжают разрозненное, затихающее сопротивление.

На 17 апреля 1952 г. в Западной Украине продолжал вести работу 71 провод (центр) ОУН (160 чел.), 84 боевые группы ОУН (252 чел.), а также отдельные боевки (647 чел.). На 21 ноября 1953 г. в западных областях Украины продолжали действовать 15 проводов ОУН (40 человек), 32 подпольные организации и группы (164 человека), 106 отдельных боевиков, всего 310 человек. Кроме того, на учете пребывало 794 нелегала, из которых 372 — бывшие члены ОУН-УПА.

Как пишет об этих горсточках повстанцев чекист Санников, «эти группы и терроризировали население, держали в напряжении сотрудников территориальных органов Госбезопасности, два мотомехдивизиона, отдельные части погранвойск, всю милицию и часть советской границы, проходившей по территории Западной Украины»[232].

В ситуации, в которой находились остатки бандеровцев, им было вовсе не до террора. Если бы они стали терроризировать население, то их бы просто «сдали» местной милиции — не потребовались бы и мотомехдивизионы. Логично предположить, что нервное напряжение представителей гигантского советского военно-полицейского аппарата было связано с тем, что мелкие группы оуновцев, несмотря на очевидную бесперспективность продолжения борьбы, продолжали получать у местного населения поддержку.

Это признал сам Санников в своих мемуарах несколькими страницами ранее: «В районах их базирования [присутствие бандеровцев] оказывало на местное население сильное идеологическое воздействие. Население их боялось, но продолжало оказывать поддержку, укрывая от местных органов МВД»[233].

На 17 марта 1955 г. в западных областях Украины насчитывалось 11 разрозненных боевок численностью 32 человека, 17 боевиков-одиночек, шел поиск 500 нелегалов[234].

Так закончилось существование «армии без государства» и националистического украинского Сопротивления.

Но то, что это была не большая банда, а именно армия, подтверждается не только масштабами боевых действий, но также разработанной и введенной повстанцами системой чинов и званий.

Звания были следующие.

Рядовые: стрелок или стрелец *(стрілець)*, старший стрелок. Может быть, точнее было бы перевести это слово, как «боец». Унтер-офицерские: вестник *(вістун)*, булавный *(булавний)*, старший булавный. Офицерские: хорунжий, поручик, сотник, майор, подполковник, полковник, генерал-хорунжий.

Существовала также система командных должностей: роевой, четовой, сотник, куренной, командир загона (полка) или тактического участка, командир военного округа или «группы», краевой командир УПА, главнокомандующий УПА.

Предполагалось, что роем должен командовать старший вестник, четой — хорунжий, сотней — поручик, куренем — сотник, полком (загоном) — майор, военным округом — подполковник, Главным военным округом — полковник, и главкомом должен был быть генерал-хорунжий. Единственным человеком, получившим звание генерал-хорунжего за всю историю УПА, был Тарас Чупрынка (Роман Шухевич), главком УПА в 1943–1950 гг.

Как это обычно и бывает едва ли не в любых вооруженных силах, должность не всегда соответствовала рангу — например, из-за стремления стимулировать назначенного на новую должность человека: «Ты послужи пока на майорской должности, посмотрим на твое поведение и решим, давать ли тебе звание майора».

В Повстанческой армии широко использовалась и система наград, введенная в январе 1944 г.

В целом можно наблюдать правильную армейскую структуру со всеми необходимыми атрибутами, а также уже упоминавшейся политической надстройкой — Украинским главным освободительным советом. УГОС для УПА был тем, чем для обычных армий является министерство обороны, правительство и государство.

Стоит остановиться подробнее на конфессиональных пристрастиях бандеровцев и повстанцев. Большинство руководящих кадров, да и вообще кадров ОУН в 1920–1930-х гг. было рекрутировано из Галиции, украинцы которой исповедовали католицизм восточного обряда, то есть греко-католичество (униатство). Митрополит Украинской греко-католической церкви Андрей Шептицкий то осуждал ОУН за террор и аморальное поведение, то поддерживал их деятельность — например, во время Акта о провозглашении независимости Украины 30 июня 1941 г. Однако никакого предпочтения греко-католицизму бандеровцы не отдавали, относясь с уважением и вниманием также к Украинской автокефальной православной церкви. Кстати, население Волыни, где возникла

УПА, было православным. В УПА служили военные священники — в зависимости от региона либо православные, либо греко-католические. Священники не входили в штат формирований Повстанческой армии, но постоянно находились при старшинских и подстаршинских школах, временно — в некоторых боевых отрядах. Каждое утро повстанцы начинали не только с гимна Украины, но и с молитвы. Но в целом можно констатировать, что ОУН и УПА не были ни клерикальным, ни антиклерикальным движением. Главными в борьбе повстанцев были национальные и социальные лозунги, которые они стремились воплотить в жизнь на подконтрольной им территории.

Нельзя обойти и вопрос материально-технического обеспечения УПА.

Как и в других партизанских армиях, ее бойцы получали еду и одежду у мирного населения, которое отдавало их либо добром, либо под воздействием веских аргументов вроде оружия. Впрочем, действия повстанцев все же сильно отличались от действий, скажем, коммунистических партизан.

У повстанцев была превосходно поставлена агентурная работа, поэтому они знали, в каком селе у каких хозяев что есть, и сколько из этого добра можно забрать — так, чтобы не только не оставить крестьян голодными, но и не обозлить их. И такие «гуманные» поборы повстанцы практиковали не только потому, что были плотью от плоти украинских селян. Никакой помощи УПА извне не было. При отсутствии поддержки со стороны мирного населения повстанческое движение просто бы исчезло, как это произошло в Закерзонье весной — летом 1947 г.: украинцев оттуда выселили, и повстанцам из Польши пришлось уйти.

К тому же подпольщики ОУН обычно действовали «без отрыва от производства» и имели возможность делиться с повстанцами тем, что зарабатывали честным трудом.

К тому же деятельность ОУН-УПА опиралась на большое количество симпатизирующих их борьбе крестьян *(симпатиків)*, готовых вполне добровольно помогать своим защитникам от нацистского, польского или коммунистического террора.

Для оценки обременительности поборов повстанцами мирного населения можно произвести простейшие подсчеты. К лету 1944 г., когда УПА достигла наибольшей численности — 25 тыс. человек, она действовала на территории, где проживало около 10 млн селян. Таким образом, численность УПА составляла 0,25 % населения, у которого повстанцы получали еду и одежду. Допустимый размер армии мирного времени в XX веке составлял 1 % от населения страны, военного — 10 %. Поэтому даже с учетом неравномерности распределения повстанческих «сборов» они не могли быть очень обременительны для украинских селян. И слова Тараса Боровца, описывающие 1943 г. — «на селян наложены очень большие налоги еды, одежды, обуви и хлебов» — вызваны, скорее, желанием уязвить бандеровцев.

Часть еды, медикаментов и одежды повстанцы добывали в качестве трофеев — при захвате обозов вермахта или РККА, разгромах колхозов и совхозных складов, фольварков или польских колоний.

Жили повстанцы либо в селах, находящихся под контролем УПА, либо в лесах — в землянках, реже в шалашах и палатках. Если не было возможности перезимовать в селе, то отсиживались в бункерах и крыивках. Зимой деятельность УПА шла на спад, так как сквозь снег продираться было сложно, долго сидеть в засадах просто невозможно, к тому же чекисты могли по следам легко найти даже повстанческие базы и бункеры.

Если вопросы пропитания и обеспечения одеждой украинские националисты решали достаточно успешно, то на протяжении всего периода Сопротивления вооружение и боеприпасы были слабым местом УПА. Оружие повстанцы частично подбирали на полях боев, частично захватывали в бою у противника или при его разоружении, частично получали от перебежчиков-коллаборационистов. В первой половине 1944 г. некоторое количество оружия, как уже отмечалось, они получили от немцев и венгров.

В первой же половине 1944 г. нередки были случаи, когда повстанцы под видом партизан выходили к красноармейцам, получали от них оружие и благополучно уходили с ним в лес. С 1944–1945 гг. важным источни-

ком пополнения повстанческих арсеналов служат истребительные батальоны — группы селян, вооруженных коммунистами для борьбы с УПА. Они либо сочувствовали бандеровцам, либо просто не хотели воевать против них, либо, даже если воевать хотели, были тем противником, которого можно было легко разгромить и разоружить.

Кроме этого, повстанцы организовали множество мастерских по ремонту оружия — в этом деле бойцам УПА как нельзя лучше помогла тыловая структура — ОУН.

Необходимо отметить, что неверно отождествлять бандеровцев и повстанцев — члены ОУН составляли в УПА меньшинство. Поэтому в настоящий момент многие ветераны УПА возражают против использования названия «ОУН-УПА», считая УПА отдельной, надпартийной структурой.

Однако это не соответствует действительности. УПА можно смело назвать партийной армией бандеровцев. Поэтому в принципе термин «бандеровцы» к повстанцам применим: принято же называть красноармейцев большевиками, а солдат вермахта — гитлеровцами.

ОУН(б) была создателем УПА, идейным вдохновителем, ведущей и единственной политической силой Повстанческой армии.

ОУН служила структурообразующим звеном в УПА, политическим крылом украинских повстанцев и их зарубежным представительством — ОУНзч (ОУН заграничные части).

В зависимости от периодов и регионов реальная связь и взаимодействие ОУН и УПА отличалась своими особенностями, но в целом она осуществлялась:

«– Через систему двухфункционального руководства: большинство членов Главного командования и командных структур УПА были членами и даже должностными лицами высокого ранга в ОУН.
– ОУН формировала и контролировала инфраструктуру повстанческих и вспомогательных (полупартизанских) отрядов.
– ОУН наладила каналы связи как в политической, так и в войсковой сети подполья (систему курьерской связи и сеть связи через посыльных, передающих информацию "от пункта к пункту").

– Служба безопасности ОУН СБ работала также и внутри УПА в качестве контрразведки; она же контролировала и военную полицию.
– ОУН отвечала за идеологическую пропаганду в рядах УПА и поставляла политвоспитателей для ее отрядов»[235].

В целом можно сказать, что УПА действовала как партизанское движение, а ОУН — как подпольная, тыловая структура УПА.

С точки зрения автора, членство того или иного повстанца в ОУН или его беспартийность — не принципиальная вещь. И те и другие боролись за независимую Украину, боролись против одних и тех же врагов теми же самыми методами. Разница только в том, что в УПА попало много людей по мобилизации, а вступление в ОУН в большинстве случаев являлось осознанным шагом. Хотя все равно в донесениях советских репрессивных органов понятия «оуновцы» и «повстанцы» практически не различаются и обычно идут в одной графе.

Несмотря на то что ОУН и УПА слаженно действовали против общего врага, на протяжении 1943–1945 гг. функционеры ОУН и командиры УПА боролись за «старшинство» в движении Сопротивления.

В 1943 г. большей властью на территории Западной Украины обладали командиры УПА, а в 1945 г. — уже функционеры ОУН, отдававшие приказы не только партийцам-подпольщикам, но и повстанцам[236]. Вероятно, связано это было с резким увеличением роли подполья в условиях постепенного усиления давления коммунистического режима.

Структура ОУН, функционировавшая по территориальному принципу, была уже описана в первом разделе нашей работы. В 1943–44 гг. она «обросла» различными дополнительными компонентами, связанными с необходимостью служить тылом для УПА. Но никакой «структурной революции» не произошло: и в 1930-х гг. под поляками и румынами, и в 1941–1944 гг. во время немецкой, венгерской и румынской оккупации, и в 1944–1954 гг. при Советах это была массовая подпольная сеть, нечто вроде параллельного общества или даже государства в государстве.

Эффективность этой сети очевидна: двадцать лет сопротивления столь разным и столь жестким режимам не выдерживала, наверное, ни одна политическая организация в истории Восточной Европы.

В итоге она была уничтожена коммунистической властью, так как возможности польских, румынских и нацистских спецслужб не шли ни в какое сравнение с силами и ресурсами НКВД — МГБ, брошенными на ликвидацию ОУН и УПА.

Развернутой системой законспирированного подполья ОУН создала мощную опорную структуру для УПА. Аналогичной партии и, следовательно, структуры не было, например, у польских организаций Вольносць и неподлеглосць (ВИН) и Народове силы збройны (НЗС). Отчасти поэтому польское подполье было разгромлено уже к середине 1947 г., а украинское существовало до начала 1950-х.

Принцип комплектования ОУН был только добровольный: не было никакого смысла проводить насильственный призыв в партию в условиях, когда какой-то колеблющийся подпольщик мог завалить целую ячейку организации.

О материальном обеспечении ОУН свидетельствовал на допросе в МГБ УССР 12 декабря 1948 г. бандеровский функционер Николай Андрусов:

«Источники денежного финансирования ОУН в период немецкой оккупации: членские взносы от членов и симпатизирующих ОУН (ежемесячно в среднем 20–30 коп.); налоговые сборы с предприятий, купцов и других богатеев, а также с представителей интеллигенции (учителей, врачей и других) в размере 1 % от общего дохода; сбор средств из населения в т. н. "боевой фонд" путем распространения "бефонов" (что-то вроде принудительного займа, когда на руках у населения оставалась квитанция с обещанием вернуть взятое после возникновения независимой Украины. — *А. Г.*).

Кроме того, у ОУН были свои предприятия и торговые учреждения, доход от которых шел в пользу ОУН.

Каждая областная оуновская организация получала из этих источников приблизительно 2 млн руб. в год.

Средства, которое поступали от станиц и кустов, полностью шли к районному проводу (т. е. руководству. — *А. Г.*) ОУН. Последний имел право тратить часть средств на потребности организации. Все средства, которые поступали от сборов с населения, отправлялись в Главный провод ОУН. Часто по указанию провода на местах скупались ценности и также отправлялись проводу.

В советское время порядок финансирования ОУН изменился. Четыре раза в год оуновское подполье проводило специальный сбор средств путем распространения "бефонов". Кроме того, на усмотрение местных руководителей ОУН практиковалось т. н. налогообложение руководителей отдельных предприятий и спекулянтов. Из этих источников складывались большие суммы. Например, Рогатинский надрайонный провод ОУН получал приблизительно 50 тыс. руб. в год.

Надрайонный провод имел право тратить 25 % средств, которые поступали к нему, а остаток должен был отсылать к окружному проводу. Окружной провод имел право тратить треть средств, а остаток отсылать к краевому проводу. Рогатинский окружной провод получал ежегодно от низовых звеньев ОУН приблизительно 200 тыс. руб.

Н. Андрусов считал, что в денежном обеспечении членов Центрального Провода ОУН ограничений не существовало. Например, "Петр" (Роман Кравчук, член руководства ОУН и его организационный референт в 1942–1951 гг., погиб 22.12.1951 г. — *А. Г.*) брал у него денег всегда столько, сколько ему было нужно — по 8–10 тыс. руб. В год это выходило приблизительно 100 тыс. руб. По мнению Н. Андрусова, "Петр" получал деньги и из других краевых проводов ОУН. "Тур" (Роман Шухевич. — *А. Г.*) только однажды – весной 1947 г. — взял у Н. Андрусова 50 тыс. руб.

Во время немецкой оккупации все звенья ОУН собирали и закупали золото и прочие ценности. Все это отправлялось к Краевому проводу ОУН Галиции.

Какова была дальнейшая судьба этого золотого фонда, Н. Андрусов не знал»[237].

Как видно, то налогообложение, о котором есть точные цифровые данные — 30 копеек в месяц или 1 % дохода — вполне щадящее.

Понятно, что деньги, во всяком случае, значительная их часть, шла на борьбу с коммунистами — повстанческая и подпольная деятельность требует больших материальных ресурсов. Если бы полученные суммы верхушка ОУН-УПА тратила нецелевым способом, то подполье не смогло бы вести активную пропаганду, да и просто существовать до начала 1950-х гг.

Очевидно, что менее успешной была бы деятельность ОУН без специального контрразведывательного и репрессивного ведомства — Службы безопасности (СБ ОУН). Она возникла еще в 1940–1941 гг., и ее первым руководителем был Николай Лебедь, который с сентября 1941-го по апрель 1943-го был и. о. Проводника ОУН.

С марта 1941 г. до дня своей гибели СБ ОУН возглавлял Николай Арсенич (1910–23.01.1947).

В советское время, да и в демократический период вокруг СБ ОУН благодаря пропаганде и некачественной публицистике создался ореол чуть ли не единственной террористической структуры УПА.

Например, в интервью «Известиям» бывший боец ВВ НКВД Николай Перекрест отозвался о деятельности СБ ОУН так: они население не резали, а «...в основном расстреливали... Малейшее подозрение в сотрудничестве с "советами" — и бандеровская служба безопасности (по-украински — "безпеки") выносила смертный приговор. Врывались в дом приговоренного, обычно ночью, расстреливали всю семью, а хату сжигали. Копию приговора оставляли на пепелище»[238].

Непонятно, воевал ли этот милиционер в Западной Украине вообще. Если воевал, то должен был знать, что эсбисты не расстреливали, а душили своих жертв. Как правило, они ходили на исполнение приговора по трое — двое держали приговоренного за руки и за ноги, а третий затягивал удавку на шее.

На самом деле, основная роль СБ ОУН заключалась в осуществлении функций внутренней контрразведки — то есть в выявлении вражеской агентуры и нестойкого элемента внутри самих ОУН и УПА. Но и «вовне» репрессивная функция СБ ОУН также была направлена. То есть по отношению к УПА и к украинскому населению СБ выполняла функцию, похожую на ту, которую выполняла в коммунистической репрессивно-карательной системе советская армейская контрразведка СМЕРШ. Что же касается террора против польского населения, милиции, чекистов, партсовактива, красноармейцев или партизан, то его активно практиковали и боевые части УПА, и простое партийное подполье.

У СБ ОУН просто не было возможности покарать всех, кого ее руководители считали врагами украинского народа. Против таковых вела борьбу, и борьбу бескомпромиссную, вся Повстанческая армия. И оставление приговора на пепелище или на трупе убитого «активиста» оставляли и простые повстанцы, к СБ ОУН никакого отношения не имевшие.

С весны 1943 г. СБ расширяла свои ряды, поскольку этого требовала необходимость — отныне нужно было следить не только за членами оуновского подполья, но и за бойцами УПА, а также за населением территорий, освобожденных повстанцами от власти нацистов[239].

В донесении о работе СБ в военном округе «Богун» — южная часть Ровенской и север Тернопольской областей — за период с 15.09 по 15.10.1943 можно найти сведения о том, «Кто и как наказан в указанное время.

Наказано смертью 110 чел.,

из них	50 украинцев: перекрестов (в католицизм. — *А. Г.*) и сексотов
	18 коммунистов
	5 немецких конфидентов
	33 поляка
	2 немца
	1 голландец
	1 еврей

...Других наказаний исполнено — 141. Они состояли: дисциплинарные наказания членов СБ и сетки (ОУН. — *А. Г.*), физические наказания, отпущенные гражданскому населению за непослушание приказам представителей УПА, за производство водки и т. п.»[240].

Сотрудники СБ ОУН с середины 1943 г. приобретают полную самостоятельность и подчиняются лишь своему руководству по линии СБ. В начале 1944 г. бандеровской «партноменклатуре» удалось добиться ответственности областного референта СБ перед областным референтом

ОУН. На практике областной референт СБ ОУН исполнял функции шефа СБ военного округа.

К сожалению, работа СБ ОУН не представлена должным образом в доступной читателю украинской историографии. Большинство документов по деятельности СБ ОУН хранится в полузакрытом архиве Службы безопасности Украины (СБУ), а следственные дела функционеров и сотрудников СБ ОУН еще не рассекречены.

Впрочем, вся история существования и борьбы ОУН-УПА, прежде всего в период немецкой оккупации, имеет очень много белых пятен.

А вот борьба повстанцев с коммунистическим режимом изучена несколько лучше, прежде всего благодаря большому комплексу документов репрессивно-карательных органов СССР и УССР. Этой борьбе — войне после войны, и посвящен следующий раздел книги.

ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Как с УПА не могли справиться в Польше, 1944–1947

Панской Польши нету больше,
Злобной ведьмы нет в живых.
Не захватит больше Польша
Наших братьев трудовых.

Советская частушка 1939 г.

В середине 1944 г. вся территория Украины оказалась под контролем коммунистического режима. С советской властью столкнулись и жители Закерзонья, которые до этого первый и последний раз мельком видели красноармейцев в 1920 г. — во время советско-польской войны.

С этого момента началась особая страница в истории УПА — противостояние польскому коммунистическому режиму на украинских землях, отошедших после Второй мировой войны Польской Народной Республике (ПНР).

Во время войны эта территория входила в Генерал-губернаторство, то есть принадлежала также Польше — или, скорее, не Польше, а тому образованию, что создали нацисты из бывшей Польши. Опираясь на польское население Холмщины и соседних территорий, в 1942 г. здесь возникает польское подполье — националистического (АК) или левого направления (Батальоны хлопски, Гвардия людова). Руководство польского подполья, считавшее украинцев гражданами Польши, домогалось от них послушания, что и приводило к конфликтам и гибели украинской интеллигенции и общественных деятелей. На рубеже 1943/44 гг. АК решила «пробить» сквозь этнические украинские земли «коридор»: от собственно польских земель — (Рава Русская) до города Львова, чтобы запланированную акцию «Буря» провести в Галиции в должных масштабах. Если учитывать, что к тому времени польско-украинский межэтнический конфликт полыхал уже год, то неудивительно, что «пробивание коридора», то есть обеспечение оперативного простора для Армии Крайовой, сопровождалось массовым уничтожением украинских сел.

До 1944 г. УПА на этой территории не существовало, несмотря на наличие антиукраинского террора со стороны отрядов АК и БХ.

ОУН зимой 1943/44 гг. на скорую руку создает здесь боевки и отряды сельской самообороны. Но они не могут в должной степени противостоять опытным и многочисленным отрядам Армии Крайовой, получающей поддержку из Англии.

В конце марта 1944 г. здесь появляются первые сотни — сотня «Галайды» и сотня «Тигры». В апреле в Закерзонье действует уже десять слабо вооруженных и плохо организованных сотен УПА. Ситуация осложнялась тем, что против повстанцев здесь начали военные действия и немцы.

В середине апреля с Волыни сюда приходит загон (полк) под командованием Островского и сотня «Волки» под командованием «Ягоды» (Черника), незадолго до этого с группой сослуживцев бежавшего из дивизии СС «Галичина».

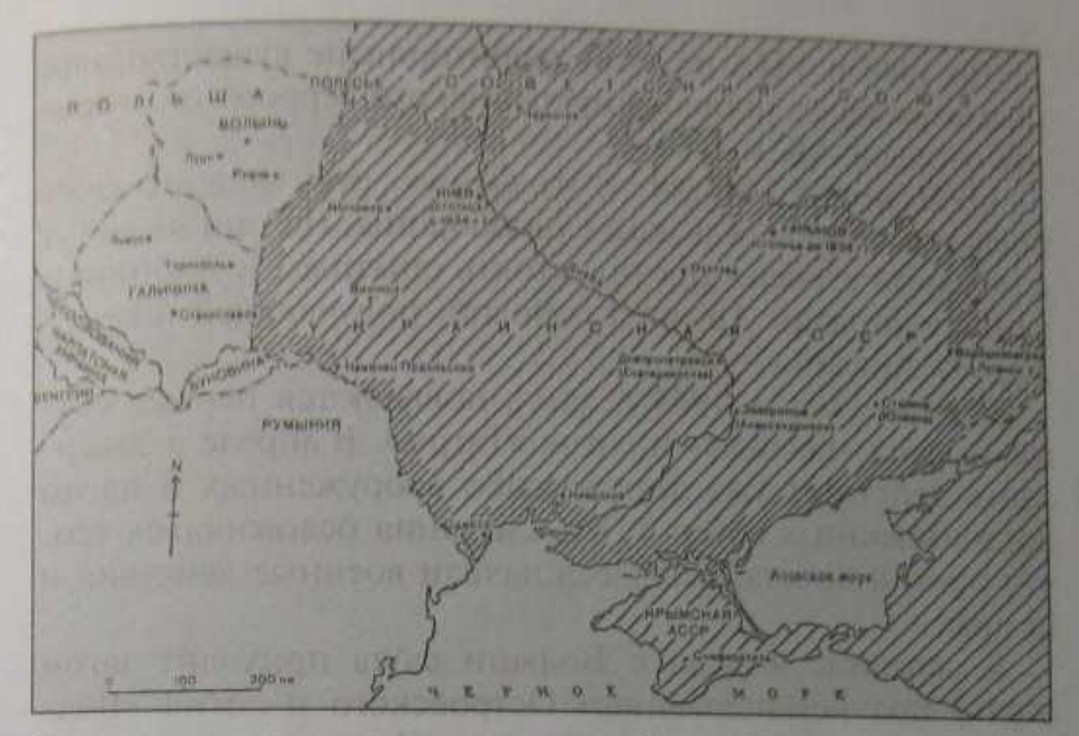
С Карпат пришла сотня «Сыроманцы» под командованием Ястреба.

Украинские повстанцы основательно потеснили АК, к тому же после этого отряды последней в Билгораском лесу были разбиты немецкими и коллаборационистскими частями СС.

Повстанцы сражались здесь не только против АК, но и очистили значительную территорию от немецкой оккупационной администрации.

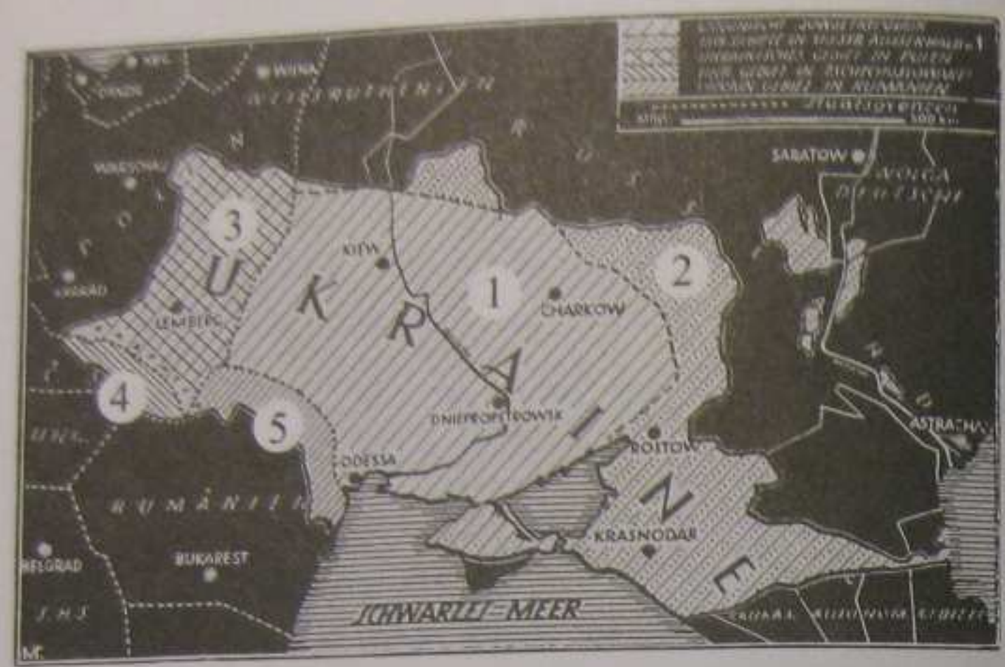
Действия повстанцев были столь успешны, что ко времени прихода Красной армии украинское Закерзонье находилось скорее под контролем УПА, нежели АК и БХ.

Советы, пришедшие в Польшу в августе 1944 г., были полны решимости ликвидировать обе национальные армии — польскую и украинскую. Не случайно в августе-сентябре 1944 г. Красная армия на правом берегу Вислы два месяца ожидала, пока немцы не подавят Варшавское восстание, а Сталин не предоставил советские аэродромы союзникам для оказания помощи терпящей поражение Армии Крайовой. Однако своих союзников — поляков-коммунистов Сталин решил порадовать, и отдал им часть Западной Украины — ту, которая при-



Украина между двумя мировыми войнами

Регионы Польши между двумя мировыми войнами



Украина на 1938 г. глазами украинских националистов:

1 – Украинская Советская Республика; 2 – украинские области в СССР за пределами Украинской Советской Республики; 3 – украинские области в Польше; 4 – украинские области в Чехословакии; 5 – украинские области в Румынии

Перевод текста под картой:
Украинские этнические земли, на которых живет приблизительно 42 млн украинцев, составляют приблизительно 860 тыс. км². Сегодня Украина поделена четырьмя государствами: 1) Советский Союз (территории по обе стороны Днепра, области Кубани и Северного Крыма) с приблизительно 650 тыс. км² территории и около 33 млн украинского населения, из которого 25,5 млн – в Украинской Советской Республике (451 584 км²); 2) Польша (Восточная Галиция, Волынь, Полесье и Холмщина) со 138 тыс. км² и примерно 7 млн украинцев; 3) Румыния (Буковина, Бессарабия и части областей Мармарош) с 22 тыс. км² и свыше 1,1 млн украинцев; 4) Чехословакия (Карпатская Украина, Восточная Словакия) с 14 тыс. км² и около 600 тыс. украинцев. К этому следует добавить украинские колонии в Сибири и в Амурском крае, в Канаде, Южной Америке и в Югославии и многочисленную украинскую эмиграцию в США и различных странах Европы (примерно 4 млн украинцев). Общая численность украинцев составляет, таким образом, свыше 45 млн человек

Национальные меньшинства в Польше в середине 1930-х гг.

Полковник Евгений Коновалец, глава Украинской войсковой организации – Организации украинских националистов с 1920 по 1938 гг.

Глава ОУН-ОУН(м) с 1939 по 1964 гг. Андрей Мельник

Степан Бандера, глава Организации украинских националистов с 1940 по 1959 гг. Фото сделано в 1944 г. после его выхода из Заксенхаузена

Доктор Августин Волошин, президент независимой Карпатской Украины с 14 по 15 марта 1939 г.

Ярослав Стецко, один из лидеров ОУН(б), глава Украинского государственного правления во Львове 30 июня 1941 г.

Николай Лебедь, исполнявший обязанности главы ОУН(б) с 1941 по 1943 гг.

Евгений Стахов, руководитель подполья ОУН(б) на Донбассе с 1942 по 1943 гг. Фото 1980-х гг.

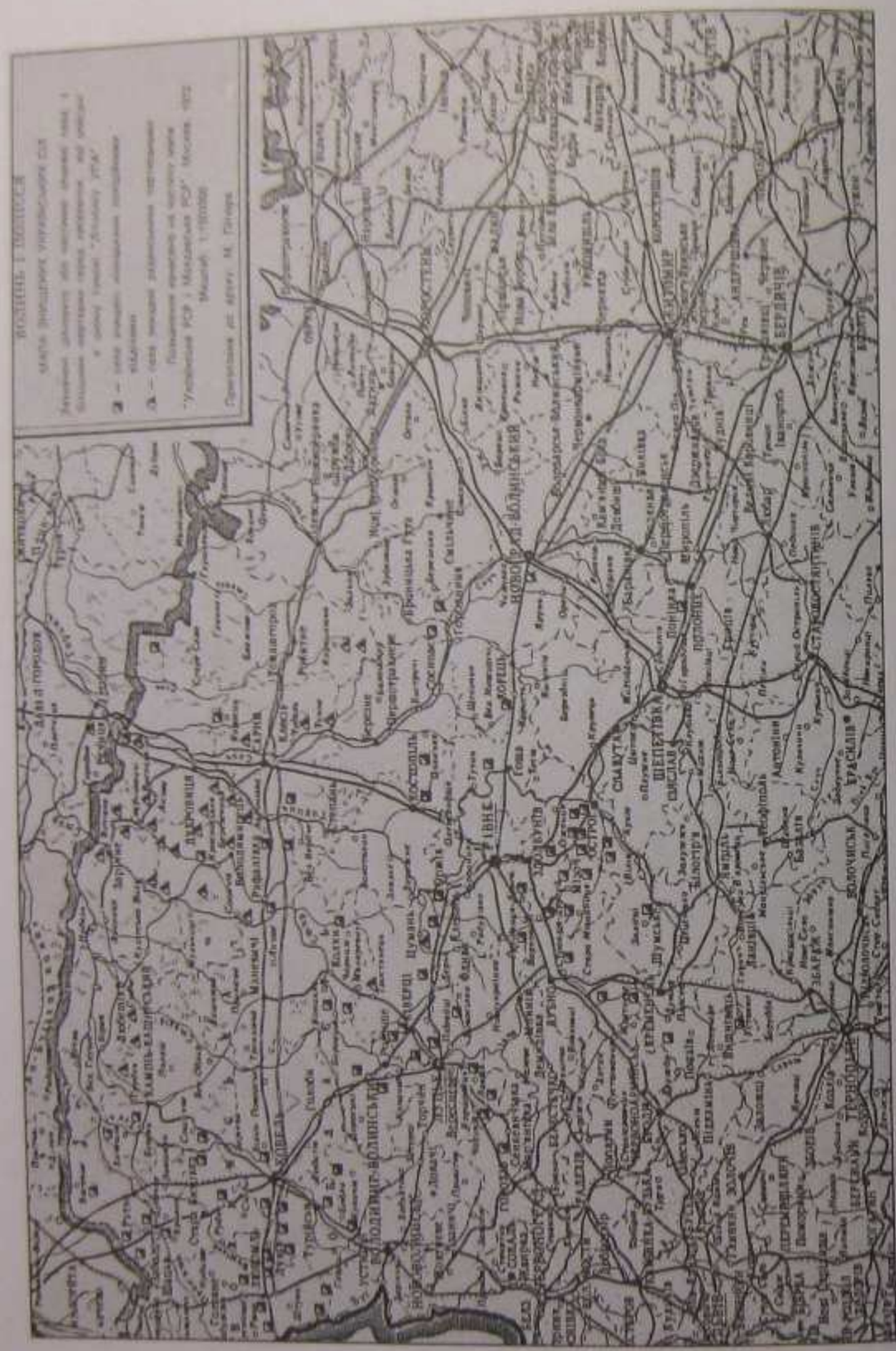
Административное деление оккупированной нацистами территории СССР

Районы действий бандеровского подполья с 1941 по 1944 гг.:
1 – территория действий УПА-Запад; 2 – территория действий УПА-Север; 3 – территория действий УПА-Юг; 4 – территория действий Буковинской украинской самообороннной армии;
⊙ – центры подпольного движения на территориях, не захваченных действиями УПА; точечная штриховка – завязки повстанческих отрядов в Восточной Украине

Поручик Василий Ивахов, глава первых повстанческих отрядов ОУН(б) с февраля по май 1943 г.

Тарас Бульба-Боровец, глава УПА-ПС-УНРА

Дмитрий Клячковский, главнокомандующий УПА – УПА-Север с мая 1943 по февраль 1945 гг.



Волынь и Полесье. Карта уничтоженных осенью 1943 г. украинских сел

Указаны полностью или частично сожженные села с большими жертвами среди населения.
— села, уничтоженные немецкими полицейскими отрядами
— села, уничтоженные советскими партизанами

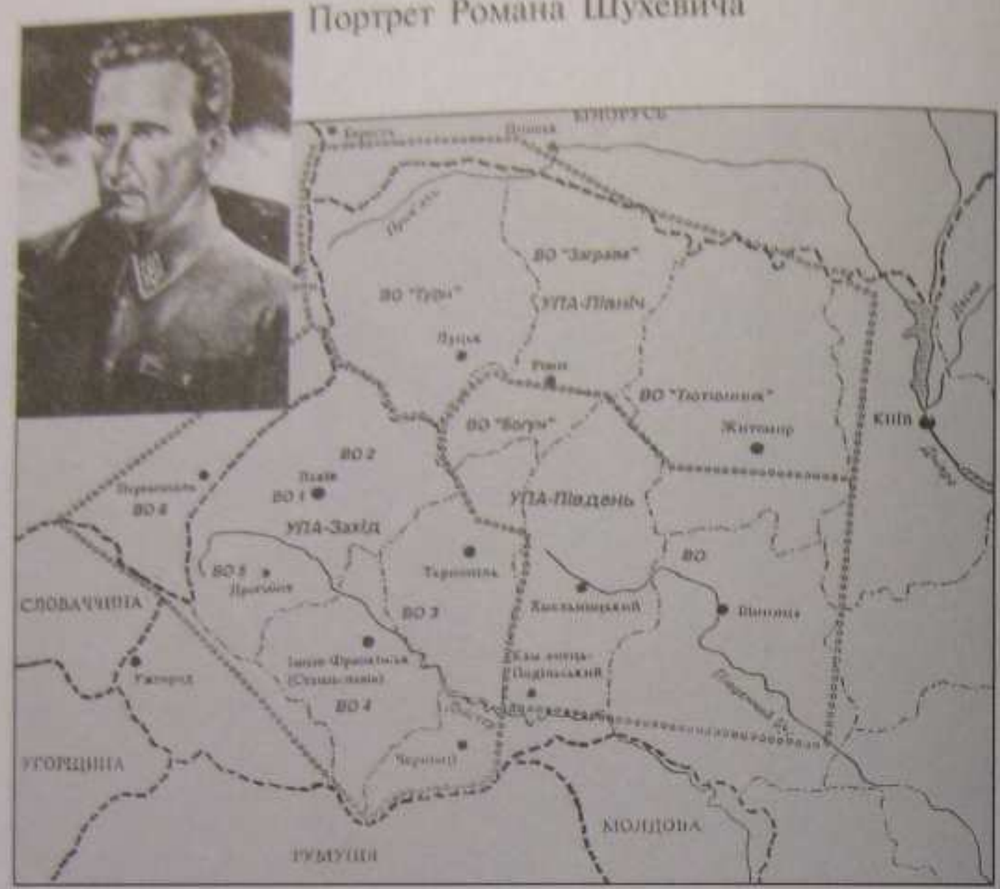
Листовка УПА: «За что борются украинские повстанцы?»

Роман Шухевич, главнокомандующий УПА, глава ОУН(б) в Украине с 1943 по 1950 гг. Фото 1943 г.

Неизвестный отряд УПА

Бойцы УПА на привале

Портрет Романа Шухевича



Территория действий УПА в 1944 г. (Современные государственные границы и границы областей)

Территориальные изменения советской Украины с 1939 по 1954 гг.

Никита Хрущев, первый секретарь ЦК КП(б)У с 1938 по 1949 гг.

Территория действий УПА с 1945 по 1946 гг. (Современные государственные границы и границы областей)

Территория действий УПА в 1947 г. (Современные государственные границы и границы областей)

Повстанческий плакат: «За Украинское самостоятельное объединенное государство!» Автор Нил Хасевич

«Отмена смертной казни в СССР». Авторы «Свирид» и Нил Хасевич,1949

Надпись на плакате гласит: «Смертную казнь в СССР отменили, заменив ее на 25 лет каторги. Перед отменой — жить не давали, после отмены — умереть не дают»

«А есть нечего». Авторы «Мирон» и Нил Хасевич, 1949

«Передовая колхозная техника». Авторы «Мирон» и Нил Хасевич, 1949

Василий Кук, главнокомандующий УПА с 1950 по 1954 гг. Фото конца 1930-х гг.

Василий Кук. Фото А. Гогуна. Апрель 2003 г.

Группа сотрудников МГБ в Западной Украине осенью 1952 г.

А это их противники – группа неизвестных украинских повстанцев

Памятная доска на здании общества «Просвещение», Львов, площадь Рынок, дом 10. *Надпись гласит: «Здесь, в здании "Просвещения" 30 июня 1941 г. провозглашен Акт восстановления украинского государства и сформировано правительство во главе со Стецко. Установлена в честь 50-летия акта».* Фото А. Гогуна. Май 2003 г.

Закладной камень во Львове на месте будущего памятника Степану Бандере. Фото А. Гогуна. Май 2003 г.

Памятная доска во Львове на месте гибели полковника Алексея Гасина, заместителя шефа Главного военного штаба УПА с 1943 по 1945 гг., шефа Главного военного штаба УПА с 1946 по 1949 гг., члена Провода ОУН с 1947 по 1949 гг. Фото А. Гогуна. Май 2003 г.

Дом в селе Белгороща, где погиб Роман Шухевич. Фото А. Гогуна. Май 2003 г.

Памятная доска Роману Шухевичу рядом с местом его гибели. Фото А. Гогуна. Май 2003 г.

Памятник главнокомандующему УПА Роману Шухевичу в селе Белгороща подо Львовом. Фото А. Гогуна. Май 2003 г.

принадлежала Гитлеру и входила в Генерал-губернаторство в 1939–1944 гг.

Новое коммунистическое правительство Польши договорилось с СССР об установлении границы и трансфере населения — поляков обменивали на украинцев и белорусов.

Причем обмен, с точки зрения обоих режимов, был честным: не так, что одних отправляли в Сибирь, а других — на курорты около Мазурских озер. Нет, украинцев действительно переселяли в УССР, а поляков — в Польшу. За исключением тех, кто был заподозрен в участии в Сопротивлении.

Не в последнюю очередь столь решительный обмен славян восточных на славян западных был вызван жестокостью украинско-польского конфликта, описанного в предыдущем разделе.

Осенью 1944 г. здесь устанавливается граница, и на украинские этнические территории приходят советские погранвойска, входящие в структуру НКВД. В погранзаставах, расположенных одна от другой на расстоянии от двух до пяти километров, находились достаточно сильные гарнизоны, насчитывавшие от 30 до 100 человек. Плюс к тому тут же дислоцировались моторизованные резервные части, часто менявшие места расположения. В погранвойска народ отбирался куда более тщательно, чем просто в Красную армию, люди это были молодые и неплохо обученные, пограничников вооружали новейшими образцами пехотного оружия, хорошо обеспечивали радиосвязью. Это был действительно сильный противник, с которым повстанцам не раз приходилось сталкиваться. Позже пограничники постепенно расширят здесь сеть секретных сотрудников, охватывающую полосу до 40 километров от границы. С весны 1945 г. вся граница будет перегорожена обмотанными колючей проволокой засеками, приграничная полоса распахана (был виден каждый случай перехода границы), будет создана система механической сигнализации, главным образом ракетной, минированных полей и других ловушек — волчьих ям, проволочных петель и т. п.

Несмотря на установление границы, польская администрация появляется на территории действий УПА в

Польше только на рубеже 1944/45 гг. — до этого сельские районы находились под контролем повстанцев.

В октябре 1944 г. в Закерзонье приехали переселенческие комиссии из СССР, однако местное население уезжать не хотело, а УПА срывало деятельность комиссий. «Тогда польское коммунистическое правительство... бросило против украинских сел вооруженные полуофициальные группы гражданского населения, некоторыми из которых командовали переодетые энкавэдэшники. Этим группам помогала польская милиция, армия и отряды НКВД. Польские группы жгли украинские села, массово убивали людей с целью создать ситуацию, в которой украинцы сами бы переселялись на территорию УССР»[241].

Вот как бесчинства польских «коллег» в 1945 г. описал нарком Госбезопасности УССР Рясной:

«Москва, НКВД СССР — товарищу Берия Л. П.

Из Львова

Докладываю о бесчинствах польской милиции, проводимых по отношению к украинскому населению, находящемуся за погранлинией после передислокации военных комендантов Красной Армии дальше на Запад. Активизировалась деятельность польской полиции по истреблению украинского населения, грабежу и уничтожению их имущества, а за последнее время террористическая деятельность польской полиции приобретает массовый характер.

Из поступающих сведений от достоверных источников, террористическая деятельность польской милиции характеризуется нижеследующими фактами:

1. 22 февраля с. г. на хуторе Бучина, 8 километров западнее райцентра Краковец, Львовской области, группой польской милиции, численностью 30 человек, ограблено 10 украинских хозяйств и расстреляно 8 человек жителей этого села.

2. 23 февраля с. г. в селе Труйчица, Перемышльского уезда, польская милиция этого села расстреляла 10 человек украинцев, дома которых сожжены.

В этот же день в селе Скопин, 5 километров севернее райцентра Краковец, группой польской милиции подожжен дом жителя этого села Темчак Ивана, записавшегося на выезд в СССР. При попытке со стороны Темчака ликвидировать пожар, польская милиция открыла по дому ружейно-пулеметный огонь.

3. 27 февраля с. г. на КПП 89 ПО из сел Подбуковина и Русское село явилось 150 украинских семей, спасавшихся от погрома, который проводился польской милицией.

4. 28 февраля с. г. из местечка Любечев и села Вельке-Очи в села Кобыльница-Волоска и Кобыльница-Русская, 8 километров от райцентра Краковец, прибыло до 200 польских солдат и 50 человек милиции, которые учинили погром украинцев, записавшихся на выезд в СССР. По группе жителей в количестве 70 человек, пытавшихся избежать погрома и бежавших по направлению к погранлинии, поляками был открыт ружейно-пулеметный огонь. В результате погрома в селе Кобыльница-Волоска убито 4 местных жителя украинца, сожжено 8 хозяйств. В селе Кобыльница-Русская — убито 30 человек местных жителей украинцев и сожжено 150 хозяйств. (...)

8. 27 марта с. г. эшелон переселенцев-украинцев, следовавших из гор. Грубешев к погранлинии, в районе села Липовец, 5 километров северо-восточнее местечка Тишовец, был обстрелян ружейно-пулеметным огнем. Машинист-поляк остановил эшелон. К нему подошла группа поляков в количестве 8-ми человек, одетых в польскую военную форму, и произвела массовое ограбление ехавших украинцев. Поляками уведено 17 коров, 2 лошади и забраны продукты питания. При этом убито 4 человека украинца.

Все бесчинства по отношению к украинскому населению, — грабежи и уничтожение имущества, польская милиция проводит под предлогом ликвидации банды УПА, однако в каждом случае убивают ни в чем не повинных людей, в основном лиц преклонного возраста, женщин и детей, изъявивших желание переселиться на жительство в СССР.

В связи с проводимыми грабежами и убийствами польской милицией украинцев — последние уходят в леса в надежде стать под защиту бандитов УПА, попадая под влияние последних, тем самым стихийно пополняя банд-группы и увеличивая пособническую базу бандитов.

Отмечены также случаи, когда польская милиция свои бесчинства проводит совместно с вооруженными группами людей, одетых в польскую военную форму, под видом польских солдат, что не исключает возможности связи ее с бандитами "АК".

Польскими властями деятельность милиции по ограблению и истреблению украинцев ни в какой мере не пресекается, действия милиции проходят безнаказанно»[242].

Поздняя осень и зима 1944 г. проходят под знаком массовых облав и сильного коммунистического террора, приводившего к жертвам среди подпольщиков и, реже, повстанцев. За последними нужно было гоняться по полям и лесам, а подпольщиков хватали во время операций в селах. Территория, контролируемая УПА, быстро сокращается. В райцентрах появляются отряды Милиции обывательской (МО), насчитывавшие по 40–60 человек. Интересно, что позже, во время нападения на такой гарнизон МО в Черенчине сотни «Ягоды», милиционеры смогли отбиться, укрепившись в здании милиции. «Ягода» учел это и во время второго нападения поздней осенью 1945 г. использовал против милиции «торпеды» — то есть реактивные снаряды, в свое время брошенные немцами при отступлении. Реактивные снаряды, имевшие боевой вес 117 или 65 килограммов, устанавливались в вырытых под углом ямах и к ним подводился бикфордов шнур. После применения «торпед» все обороняющиеся были похоронены под обломками здания милиции. Были и другие случаи применения РС сотней «Ягоды» в борьбе с польской милицией и отрядами самообороны.

Возвращаясь к ситуации 1945 г., отметим, что весной 1945 г. в Закерзонье в рамках Генерального округа «УПА-Запад» организуется военный округ № 6 «Сан», командование которого в силу установления советско-польской границы действовало автономно. В «Сане» было 3 тактических участка: «Данилов», «Бастион» и «Лемко».

УПА продолжала контролировать значительную часть территории и, более того, ранней весной 1945 г. ее расширила. Операции поляков против повстанцев были непродуманны и разрозненны, а Вооруженные силы и репрессивно-карательные органы новых хозяев Польши еще

не имели должной организации и необходимого боевого опыта.

Силы повстанцев не были сломлены и даже не были подорваны. Как пишет украинский исследователь Петр Мирчук: «УПА овладела ситуацией в такой степени, что с середины мая до августа 1945 г. существовала на всем Закерзонье т. н. украинская повстанческая республика»[243].

Все Закерзонье повстанческая республика не охватывала, но десятки сел в разных районах Лемковщины, Посянья и Подляшья повстанцы контролировали, установив там свою гражданскую администрацию. По другую сторону границы такое и представить было невозможно — повстанческие республики были «зачищены» чекистами еще в 1944 г. и больше там не возрождались.

В мае 1945 г. из УССР (военный округ «Буг») в Польшу приходят «погостить» 3 сотни: «Галайда 2», «Кочевники» и сотня под командованием Шумского. Их рейд был в целом удачным, все они вернулись обратно за исключением части сотни «Галайда 2», которая остается в Польше до 1947 г.

Эти сотни установили контроль над частью украинских земель в Подляшье (округа городов Холм и Бяла Подляска), договорились с польским подпольем о разделе территории и даже наладили с ним взаимодействие.

Такой разгул казачьей вольницы в двухстах километрах от Варшавы поляки долго терпеть не могли, и вскоре характер переселения украинцев изменился. С сентября 1945 по июнь 1946 гг. идет массовая и насильственная депортация украинцев в УССР. То есть если раньше автохтонное население террористическими мерами «подталкивали» к выезду, то теперь его просто выселяли. Действия коммунистического польского правительства в отношении украинского меньшинства напоминают действия Варшавы и «местных активистов» в тот же период в отношении немцев польско-немецкого пограничья.

В связи с выселением украинцев УПА в массовом порядке жгла оставленные украинцами села, в которые власти начали заселять поляков. При этом повстанцы не трогали новоселов, проводя агитационно-разъяснительную работу, используя примерно следующую аргументацию: «Мы не просто уничтожаем имущество, а проти-

вимся выселению, и жжем села не польские, а украинские»[244]. Хотя в тот же период нередки были случаи уничтожения «бандитских» польских сел, население которых было связано с польским подпольем или активно помогало новой власти в борьбе против украинских повстанцев.

Общий итог переселения таков: с октября 1944 г. по август 1946 г. из Польши в СССР было выселено 489 тыс. человек восточнославянского населения, из них из белорусско-польского региона Белостока только 36 тыс.

Переселенцев «инфильтровали» чекисты, и выявленных членов или пособников ОУН-УПА репрессировали вместе с семьями — арестовывали и/или выселяли в Сибирь.

Параллельно шел процесс высылки поляков из Украины, а также репатриация части польского населения из Азии, сосланного туда в 1930-х — начале 1940-х гг. Примерно 480 тыс. человек польской национальности в 1945–1946 гг. было вывезено в Польшу только из Украины[245].

Кроме того, в этом же регионе коммунисты вели борьбу против все еще сильной Армии Крайовой, преобразованной в 1945 г. в подпольную ВИН («Вольносць и неподлеглосць»). Новой коммунистической власти чинили отпор также националистические польские организации: Народове силы збройне (НСЗ) и Народове зъедножение войскове (НЗВ). По официальным данным, только польская милиция потеряла в 1945 г. 1411 человек убитыми, 1410 ранеными и 940 пленными.

Зимой 1945/46 гг. повстанцы в силу холодов несколько снизили количество проводимых операций, однако с весны вновь активизировались.

С апреля по октябрь 1946 г. силами польской армии, полиции и спецслужб был введен в действие так называемый «план Моссора». Его целью была ликвидация повстанческого движения — польского и украинского — на всей территории страны. В начале операции силы УПА составляли около 2 тыс. бойцов, опиравшихся на 3 тыс. членов оуновского подполья[246]. На этой же территории украинско-польского пограничья действовали меньшие силы польских повстанцев.

План заключался в проведении масштабных антипартизанских операций на всей территории страны с широким применением небольших и мобильных войсковых формирований при одновременном проведении подобных операций вдоль западных границ БССР и УССР, укреплении и активном использовании разведсети на местах.

Благодаря скоординированным действиям всех силовиков, а также помощи со стороны Чехословакии и СССР, УПА и ВИН с начала операции потеряли стратегическую инициативу — некоторая часть повстанцев временно ушла в Чехословакию или УССР, часть была уничтожена или пленена. Многие в буквальном смысле слова ушли под землю: в вырытые землянки и бункеры. Операция сопровождалась артиллерийским обстрелом сел и интенсификацией выселения украинцев в СССР[247].

Силы УПА были подорваны, но отнюдь не уничтожены. Несмотря на «организованный обмен населением», на территории Польши еще оставалось около 250 тыс. украинцев. Командование УПА в Закерзонье пополнило свои ряды за счет еще не выселенных, но ожесточившихся украинцев. Недоукомплектованные отряды были сведены в четыре батальона (куреня). На начало 1947 г. в регионе действовало около двух с половиной тысяч повстанцев — то есть их общая численность в результате «плана Моссора» снизилась не сильно, а боевой опыт только вырос.

А в СССР в тот же период численность УПА стремительно падала — на лето 1944 г. она была максимальной, далее шло только постепенное снижение как количества бойцов, так и их активности. В тот самый момент, когда УПА в ПНР распространяла свою активность на Холмщину и Подляшье (весна — лето 1945 г.), в УССР чекисты заканчивали уничтожение повстанческих отрядов группы УПА-Юг — то есть «зачистку» украинских территорий, бывших до 1939 г. в составе Советского Союза. В 1947 г. численность повстанцев в Польше не сильно отличалась от той, которая была в конце 1944 г. А в СССР, по данным МГБ, на 1 января 1947 г. в вооруженном подполье насчитывалось 530 боевых единиц (отрядов) и 4456 бойцов — то есть в пять раз меньше, чем было в 1944 г. При этом мы должны учитывать, что в результате

переселенческих акций количество украинцев в Закерзонье уменьшилось в 3 раза, соответственно сократилась и база УПА, а численность украинцев в западных областях УССР существенно не изменилась.

Более того, по данным МВД УССР, в Закерзонье на начало 1947 г. дислоцировалось 27 формирований УПА с почти 5-ю тысячами бойцов (вероятно, к повстанцам здесь приплюсованы и подпольщики). Если верить чекистским отчетам, на 250 тыс. украинцев в ПНР приходилось столько же повстанцев, что и на 6–7 миллионов западных украинцев в советской Украине!

А активность повстанцев в Польше в целом не сильно уменьшилась, что было для польской администрации совершенной неожиданностью. «...(23 марта) 1947 г. одно из подразделений УПА организовало засаду и уничтожило выдающегося польского генерала, заместителя министра обороны Польши Кароля Сверчевского. Эта акция была не только самым значительным успехом УПА в этом регионе — она стала и началом конца самой партизанской армии»[248].

Добавим: не только партизанской армии, но и украинского меньшинства в Закерзонье.

Причем убили Сверчевского случайно: бойцы УПА из «пятерок» «Грыця» и «Стаха» в тот день устроили засаду на продуктовую машину. Но вместо хлебовозки показался одинокий «виллис» генерала, совершавшего инспекцию отдаленных гарнизонов. Грузовик охраны забарахлил и отстал.

Экипаж «виллиса» был расстрелян, боевики скрылись. Об убийстве столь важной «птицы» повстанцы узнали на другой день из передачи Би-би-си.

Кароль Сверчевский был не рядовым польским военным, получившим свой чин и звание за приверженность приехавшему в обозе Красной армии просоветскому правительству. Это был ветеран коммунистического движения: в свое время под псевдонимом «Вальтер» он возглавлял польские интербригады во время Гражданской войны в Испании, то есть был одним из символов «народной Польши».

Взбешенное правительство ПНР решило ускорить окончательное решение украинской проблемы.

7 мая 1947 г. представители СССР, Чехословакии и Польши подписали в Варшаве договор о совместной борьбе против повстанцев. В апреле началась знаменитая операция «Висла», которую возглавлял все тот же автор «плана Моссора» — бригадный генерал Стефан Моссор, заместитель начальника Генштаба Войска Польского. Благодаря подавляющему численному и материально-техническому превосходству и тщательно разработанному плану, действия поляков увенчались полным успехом. Однако эта глава называется именно так: «Как с УПА не могли справиться в Польше». Ведь очевидно, что без почти поголовного выселения украинцев с юга-востока ПНР властям было невозможно сломить повстанческое движение, сколько бы милиционеров, чекистов и солдат они не нагнали в этот регион. Пока за УПА были тылы, действия польских властей ощутимого успеха не приносили.

Да и в успех «Вислы» не все сначала верили. Как отмечалось заместителем командира Оперативной группы (ОГ) «Висла» по политической работе подполковником Сидзинским 16 мая 1947 г., настроение населения и структура Сопротивления в приграничной к Украине полосы ПНР в какой-то мере свидетельствовали о том, что польская военно-репрессивная машина и на сей раз даст сбой: «До времени прибытия войск ОГ "Висла" украинское население было базой как членов УПА, так и ее материального обеспечения. Связи эти не ограничивались селом, но относились также и к городам.

Ситуация с польским населением не была лучше. Террор и демагогия банд УПА и частое сотрудничество с НВС (Народными вооруженными силами (по-польски, НСЗ — NSZ), польским антикоммунистическим подпольем. — *А. Г.*) привели к диверсии польского населения, про которую "Хрен" пишет в бюллетене за март с. г.: "Польское население, живущее около нас, относится к нам полностью хорошо.

Прибытие наших отрядов было воспринято с недоверием, подозрением и даже враждебностью"»[249].

Проведение антиповстанческой операции сопровождалось массовой пропагандистской кампанией. Сочетание этих мер подействовало и на поляков, и на выселяемых украинцев.

Для иллюстрации положения повстанцев во время проведения операции «Висла» приведем отрывок из письма командира сотни «Хрена» (Степана Сцебельского) своему непосредственному начальнику — командиру куреня «Рену» (Василию Мизерному) 7 мая 1947 г. Ценность этого документа заключается в том, что его автор в какой-то степени спровоцировал операцию «Висла» — во всяком случае, ускорил ее начало, поскольку планировало ее польское правительство еще с осени 1946 г. Именно бойцы Сцебельского 23 марта 1947 г. смертельно ранили генерала брони Кароля Сверчевского:

«...Сегодня я оторвался от врага и, пользуясь этим, пишу вам через курьера. У нас уже действительно Запорожско-лемковская Сечь. Вокруг пустырь, по которому гуляет вторая армия Сверчевского, поляков здесь около 20 тыс. Они заняли все села, кроме того, располагаются в лесу. Наблюдают также за селами, расположенными в лесу, чтобы мы не могли собираться. Прочесывают околицу леса, ищут продукты питания. У них есть приказ — уничтожать, преследовать до конца. Меня также преследуют, начиная с 16.03. Эти действия не отличаются от "сталинской метлы" (иначе, "красная метла", — масштабное использование пограничников, войск НКВД и др. сил против УПА в первой половине 1945 г. — *А. Г.*). За это время у меня было 7 боевых столкновений, провел 4 боя и 12 неожиданных встреч. У врага было 92 убитых и почти столько же раненных.

Со всех сторон мы получаем поздравления. Сейчас нас называют "рыцарями Лемковщины". Однако у этих "рыцарей" такой вид, что их можно использовать для запугивания людей. Мы все ходим оборванные. Плащи пожгли возле костров, нет постоянного места для постоя (5 раз нас разбивали). У некоторых нет сорочек, кальсон. Нет возможности бриться, нет мыла. Огонь приобретаем с помощью трута или смотрим, не горит ли трава, которую подожгли поляки. Много бойцов ходит в лаптях из коровьей кожи.

Положение страшное. Я слышал перед рождеством, что у моего соседа "князя Романа Завикосного" есть для "Хрена" какой-то подарок в виде "анцуга" (от немецкого der Anzug — одежда, мундир, военная форма. — *Ю. Ш.*)

Извините, что пишу об этом. Но я оборван. Может какая-нибудь латаная куртка, но чтобы была целая, так как нечем ее латать.

Сегодня я должен одеть и обуть две бригады. Но это невозможно. Поэтому обращаюсь к Вам, друг Роман, за помощью. Польские села оградились от нас железной линией Зигфрида. Войско польское находится во всех селах, напрасно мечтать о любой связи с городом...

По данным разведки, наши убили в Самборе большевицкого деятеля. Па протяжении пяти дней не было газет. В тех местах у наших партизан большая сила. Оттуда прибыли ребята, рассказывают страшные вещи: берут в советскую армию, приходят сведения, что Перемышль отойдет к Польше (сведения подтвердились. — *А. Г.*). Командир "Бурлак" утратил 2 "четовых" и всех "роевых". За три дня у него было семь боев. Туда движется польская армия. Меня четыре раза выгоняли в Чехословакию. Мы шутим: Украина, будь спокойная — "Героям слабо" (вместо: "героям слава"). Несмотря на окружение и истощение от голода, состояние духа воинов хорошее, но как надолго? Кто знает?

В операциях в селах принимал участие НКВД (т. е. МВД. — *А. Г.*), проводил массовые аресты»[250].

Сам «Хрен» со своей и еще двумя сотнями через полтора месяца после описываемых в письме событий сумел пробиться через польско-советскую границу и еще два года воевал в Галиции — Дрогобычской области УССР. 9 ноября 1949 г., выполняя приказ командования прорваться на Запад, погиб в стычке с чешскими жандармами.

Непосредственный начальник «Хрена» «Рен», которому было адресовано это письмо, осенью 1947 г. перешел советско-польскую границу, и в 1947–1949 гг. также действовал в западных областях УССР. В 1949 г. по поручению Главного военного штаба УПА «Рен» пошел на Запад с материалами для Заграничного представительства УГОС. «Во время оформления курьерской группы [24 августа 1949 г. в лесу рядом с селом Лихобора Турковского района Львовской области] тяжело ранен в неожиданной стычке с подразделением НКВД (уже МВД. — *А. Г.*); достреливает сам себя, чтобы не попасть в руки

врага... В 1994 г. перезахоронен в с. Яблонив Турковского района»[251].

Согласно документам польских силовых структур, за время операции «Висла» на 30.07 было убито 59 и ранено 59 бойцов Войска Польского, потери Войск внутренней безопасности составили 52 человека убитыми и 14 — ранеными. При этом было убито 623, захвачено в плен 796, а сдалось добровольно всего лишь 56 «бандитов»: итого — 1475. В ходе «Вислы» было арестовано 1582 «подозрительных личностей» и уничтожено 719 схронов. Единиц стрелкового оружия польские военные и чекисты захватили всего 813 — из них 135 пистолетов[252].

Кстати, эти цифры показывают, что повстанцы часто привирали в своих отчетах. «Хрен», как мы помним, в своем письме «Рену» писал: «У врага было 92 убитых и почти столько же раненных». А согласно данным самих поляков, польские военные и чекисты потеряли в ходе всей операции 111 человек убитыми. Если мы поверим письму Сцебельского, то получается, что остальные сотни Военного округа «Сан» за все время проведения «Вислы» уничтожили солдат и офицеров противника в девять раз меньше, чем одни бойцы «Хрена» только за апрель 1947 г.

Несмотря на весомые потери УПА в Закерзонье, большинству повстанческих сотен все же удалось сохранить себя и уйти — либо в УССР, либо через территорию Чехословакии и Венгрии в Австрию и Германию. Это в очередной раз говорит о том, что польские коммунисты воевали плохо.

Кстати, по воспоминаниям четового Островерха, когда их отряд перешел в Дрогобычскую область УССР, всех поразило какое-то пришибленное состояние повстанцев, сражавшихся здесь с 1944 г. Бойцы с Закерзонья, напротив, отличались боевым духом и молодецким задором. Отвечая на шутки своих коллег из Польши, повстанцы из УССР говорили: «Поляков можно было бить голыми руками, шапками и палицами — а вы попробуйте здесь повоюйте!»

К июлю 1947 г. УПА в Закерзонье была практически ликвидирована, хотя отдельные группки по несколько человек повстанцев еще долго продолжали сопротивление.

«Официальные польские источники оценивают потери украинцев за период 1944–1947 гг. в четыре тысячи человек. Реальная цифра, естественно, выше. Из этих четырех тысяч примерно полторы тысячи — бойцы УПА, остальные — члены ОУН и мирное население. Польские потери составили 2196 человек, в том числе 977 военнослужащих, 600 милиционеров, 599 гражданских лиц»[253].

В северные и западные районы Польши переселилось не менее 160 тысяч украинцев. Обычно их вселяли в пустые квартиры и дома, из которых незадолго до этого были выселены немцы. Отдельные случаи сопротивления украинцев режиму наблюдались и позже, в том числе и на западных и северо-западных (новых) землях Польши, по которым рассеяли украинцев.

Часть «переселяемых» по проверке попала в тюрьмы и лагеря.

Символично, что недалеко от городка Явожно «Концентрационный лагерь Даксгрубе, построенный СС в июне 1943 г., с лета 1945 по весну 1949 гг. использовался как лагерь для немцев и фольксдойче, а также военнопленных. С мая 1947 г. сюда начали поступать украинцы, которых считали особо опасными; из 3873 украинцев (в том числе 707 женщин) умерли 162. В 1949 г., после освобождения фольксдойче, военнопленных и украинцев, Явожно... "перепрофилировали" в исправительно-трудовой лагерь для молодежи»[254] (закрыли это нацистско-коммунистическое детище в 1956 г.).

«Рассеянные» по всей территории Польши, украинцы на десятилетие прекратили свое существование как национальность. Многие скрывали свое происхождение от соседей, да и от собственных детей, которые быстро полонизировались и вырастали уже поляками. Те 80–90 тысяч украинцев, которые остались в Люблинском и Жешувском воеводствах, были запуганы действиями властей и прекратили всякую организованную общественную деятельность — тем более что официально ее запрещали.

Некоторые послабления наступили после 1956 г., а сейчас украинское меньшинство в Польше ничем не ограничено в общественной деятельности и даже получает на это некоторые ассигнования от государства.

Президент демократической Польши Александр Квасневский, признав неправомерность операции «Висла», в начале 2002 г. принес представителям Украины официальные извинения.

По поводу украинско-польского конфликта 1942–1947 гг. Папа Римский Иоанн Павел II, поляк Кароль Войтыла, в 2003 г. сделал заявление: «Настало время освободиться от мучительного прошлого!.. Пусть прощение — дарованное и полученное — разольется словно целебный бальзам, в каждом сердце. Пусть благодаря очищению исторической памяти все будут готовы поставить выше то, что объединяет, а не то, что разделяет, чтобы вместе строить будущее, основанное на взаимном уважении, на братском сотрудничестве и истинной солидарности».

11 июля 2003 г., в 60-ю годовщину украинско-польской резни на Волыни, в совместном заявлении президента Украины Леонида Кучмы и главы Польши Александра Квасневского прозвучали следующие слова: «Склоняя голову перед жертвами злодеяний и всех трагических событий, которые имели место в общей истории, мы убеждены, что взаимное прощение будет первым шагом к полному примирению молодых поколений украинцев и поляков, которые полностью освободятся от предубеждений трагического прошлого. Мы глубоко ценим и разделяем каждое слово, которым прощают, и слово, которым просят прощения, если оно идет от души».

В тот же день президенты двух соседних стран в небольшом селе Павловка на Волыни открыли памятник погибшим полякам и украинцам: «Память — Скорбь — Единение».

Почему они думали, что их борьба не безнадежна

Мы выиграли эту войну. Но не победили.

Г. Санников. 2002 г.[255]

На рубеже 1943/44 гг. Красная армия вошла в западно-украинские земли, 8 мая 1945 г. завершилась война в Европе, а 2 сентября того же года — в Азии. Внешние

фронты для СССР исчезли, но на внутренних, в том числе и в Украине, продолжались активные боевые действия.

«Не стоит подчеркивать, что те испытания, которые выпали на долю ОУН-УПА во время "поднемецкой" действительности, не шли ни в какое сравнение с тем, что ожидалось»[256] по приходу коммунистов.

Но складывать оружие повстанцы не намеревались. Скорее, наоборот, вся деятельность в 1930-х гг., а также в период нацистской оккупации была как бы подготовкой к войне с СССР.

О позиции украинских националистов в условиях прихода Советов историк ОУН сообщает: «После окончания Второй мировой войны в Европе Провод ОУН издал декларацию, в которой очень трезво подошел к вопросу дальнейшей украинской освободительной борьбы. С одной стороны, ОУН отвергла капитулянтскую позицию мельниковцев и разных остатков давнишних партий; с другой стороны, ОУН отвергла ориентацию на быстрое освобождение. В декларации читаем: "а) нам должно вести дальше вооруженную революционную борьбу для защиты народа перед физическим и моральным уничтожением; б) нам надо быть готовыми к худшему, чтобы все-таки беречь других и себя от уничтожения; в) нам надо сберечь и подготовить максимум революционных сил к решающему моменту; г) нам надо войти в новый, мирный, послевоенный стиль революционной работы и начать действовать для достижения дальней цели; г) нам надо выращивать новые революционные кадры, новых людей, которые смотрели бы в будущее с верой..."»[257].

ОУН приняла такую декларацию за рубежом.

А в Украине Главнокомандующий УПА Роман Шухевич в связи с окончанием боевых действий в Европе издал приказ, который и приводится здесь с некоторыми сокращениями:

«Бойцы и командиры Украинской повстанческой армии!

Гитлеровская Германия окончательно разгромлена и разбита. (...)

Большой вклад в победу над Германией внесли и вы, украинские повстанцы. (...) В борьбе с Германией наша

Украинская Повстанческая Армия организовалась и прошла первую боевую школу.

И с развалом Германии возвратился и стал властвовать на Украине еще худший оккупант — Россия. Веками порабощая Украину, она не откажется от нее никогда, независимо, царский ли у нее режим, или "самая демократическая в мире республика". (...) Для свободолюбивых масс эта "наидемократичнейшая республика" (устраивает) сибирскую тайгу, Соловецкие острова, массовые расстрелы, сожжение сел, искусственные голодоморы и прочие "новейшие" "воспитательные" средства.

И украинский народ и теперь не капитулировал перед наступающим врагом. (...) Я уверен, что оружие, которое вы получили из рук нации, не посрамите, и грядущим поколением передадите свое имя, покрытое бессмертной славой.

Украинские повстанцы! В мире еще не установился мир. Революционные движения порабощенных народов и противоречия между западными государствами и СССР нарастают. Растет во всем мире понимание, что несет с собою идея "диктатуры пролетариата", провозглашенная из Кремля. В борьбе против него вы сегодня не одни! Упорные сербы, хорваты ведут бои против московского ставленника Тито, болгары также поднимаются против кровавого террора, принесенного "союзной" СССР. Горы Семиградья (Трансильвании. — *А. Г.*) наводнились теми румынами, которые не поддались России. Даже маленькая Словакия ведет партизанскую борьбу против агрессора. Польские патриоты саботажами и вооруженной борьбой отвечают на попытки Сталина их поработить. Ряды борцов против восточного сатрапа растут. Все это создает благоприятные условия для нашей дальнейшей борьбы и приближает момент развала СССР.

Додержать оружие в руках до той минуты и стать во главе воюющих против Сталина масс — ваша священная задача. Верю, что выполните ее с честью и фанатизмом, как выполняли все прежние задачи. Новыми методами борьбы, приспособленными к новой обстановке, дайте ответ врагу на его наступление.

С несокрушимой верой вперед, к победе!

Да здравствует Украинское самостоятельное соборное государство!

Вечная слава полегшим в борьбе с агрессором!

Слава Украине!

В мае 1945 г.

Тарас Чупрынка

Гл. команд. УПА»[258].

Как видим, упорство борьбы ОУН-УПА отчасти было связано с надеждами бандеровцев на два несостоявшихся события.

1. Революции в воюющих империях — СССР и Третий Рейх — после окончания войны, по аналогии с событиями 1917–1919 гг.

2. Скорый военный конфликт между победителями: СССР и Западными демократиями.

Кроме того, объективно оценивая свои скромные силы, руководство УПА стремилось своей деятельностью — военной или мирной — пропагандировать идею Украинского самостоятельного объединенного государства.

Помимо этого, преследовались и более близкие, прагматичные цели — не допустить пришествия на западноукраинские земли наиболее ненавистных народу порядков советской власти — в частности, колхозной системы.

Политзаключенный Валентин Королев, проведший десять лет в сталинских лагерях, в беседе с автором этих строк так описал бандеровцев, оказавшихся вместе с ним в местах лишения свободы: «Что для них было характерным — так это ненависть к коммунистам. Их было невозможно переубедить... Хоть ты его здесь расстреляй, он лютой ненавистью ненавидит Советы...»

Очевидно огромное материально-техническое и численное превосходство вооруженных сил и репрессивно-карательных органов СССР над Повстанческой армией. Многие публицисты задаются вопросом: что же двигало сравнительно небольшой группой людей в схватке с мощнейшей в мире тоталитарной машиной? Один из ответов содержится в основном лозунге ОУН: «Либо добудешь Украинское государство, либо погибнешь в борьбе за него». Подобная мотивация была характерна для бандеровцев и значительной части повстанцев, которые тем

или иным способом мобилизовали на борьбу десятки и сотни тысяч своих соплеменников.

В свою очередь, представители новой власти не хотели восстановления Украинского государства, а начали интегрировать бывшую польскую, румынскую и чехословацкую Украину в состав УССР. То есть взялись за построение здесь тоталитарного общества, в котором не было места движениям «сепаратизма». Поэтому борьба против ОУН-УПА стала приоритетом для Советской власти в только что завоеванных областях Западной Украины.

Приведем красочное описание развернувшейся картины боев украинским историком Орестом Субтельным: «...Вскоре после капитуляции Германии в мае 1945 г. Советы получили возможность наращивать систематическое и широкое давление против УПА. В 1945–1946 гг. советские войска... организовали блокаду и прочесывание обширных территорий Волыни и предгорьев Карпат, где сосредотачивались партизаны. Стремясь запугать западноукраинское население и лишить УПА народной поддержки, НКВД использовал целый набор жесточайших мер. Жителей районов, где находились базы УПА, выселяли: в Сибирь депортировали семью любого, кто был связан с партизанами, в результате чего пустели целые села... Почти в каждом селе были завербованы информаторы НКВД, говоря проще — "стукачи". Для дискредитации УПА применялись и более изощренные методы: подразделения НКВД, переодевшись в форму УПА (так называемые "лжебандеровцы". — *А. Г.*), грабили, насиловали и убивали украинских сельчан. Поскольку действия службы безопасности ОУН (СБ) по ликвидации просоветских элементов также нередко отличались жестокостью, этот страшный маскарад был весьма правдоподобен и часто достигал своей цели. Одновременно Советы буквально заливали партизан, живущих зимой на грани голодного истощения в подземных «схронах», пропагандой, изображающей их дело безнадежным, и постоянно предлагали амнистию за явку с повинной»[259].

На описании «войны после войны» имеет смысл остановиться более подробно, поскольку именно этот период деятельности УПА стал для нее, так сказать, «визитной карточкой». Именно из-за пятилетнего противостояния повстанцев коммунистическому режиму украинское Сопротивление вошло в советские книги, кинофильмы, фольклор, пропаганду, а слово «бандеровец» на советском жаргоне стало синонимом слова «антисоветчик».

Летом 1944 г. УПА действовала в одиннадцати областях УССР:

1. Львовская, Дрогобычская, Станиславская (Ивано-Франковская), Тернопольская, Волынская, Ровенская — территории, входившие до 1939 г. в состав Польши;

2. Каменец-Подольская (позже Хмельницкая), Винницкая, Житомирская, западные районы Киевской области — территории, входившие до 1939 г. в состав УССР;

3. Черновицкая область (Северная Буковина) — до 1940 и в 1941–1944 гг. принадлежала Румынии.

Кроме того, действиями УПА были охвачены южные районы Белоруссии со смешанным белорусско-украинским населением, а также, как уже отмечалось, украинско-польское Закерзонье.

На этой земле проживало около десяти миллионов украинских крестьян.

УПА проводила пропагандистские рейды в другие области УССР (в Закарпатье, на юг и восток), Белоруссию, в Румынию и Чехословакию.

В течение второй половины 1944 г. УПА в бывшей Советской Украине в целом была разгромлена. Летом 1947 г. Повстанческую армию в ходе операции «Висла» ликвидировали в Закерзонье, то есть в ПНР.

С этого момента Сопротивление продолжалось в бывших польских областях и на Буковине (то есть 7 западных областей), причем в форме партизанской борьбы — только в Галиции (Львовская, Дрогобычская, Станиславская, Тернопольская области УССР).

Быстрый разгром УПА в советской Украине объяснялся, во-первых, более ранним приходом Красной армии в бывшие советские области (конец 1943 г.), во-вторых, природными условиями, хуже подходящими для партизанской войны (лесостепь). Третьей и главной причиной было отсутствие в УССР еще с довоенных времен партийной сетки ОУН, а также наличие «перевоспитан-

ного» советской властью населения и колхозной системы.

Врагами украинского народа повстанцы считали всех сотрудников правонарушительных, то есть репрессивно-карательных органов, членов партийных и советских организаций, советских хозяйственных работников, офицеров Красной армии и красных партизан, провокаторов и секретных сотрудников НКВД — МГБ, бойцов истребительных батальонов... В общем всех, кто являлся представителем новой власти или относительно активно с ней сотрудничал. Принцип коллективной, в том числе семейной ответственности, провозглашенный бандеровцами еще в 1941 г. и применявшийся в течение всего периода немецкой оккупации, использовался участниками Сопротивления и при «вторых Советах».

Со стороны сталинского режима во враги были зачислены не только подпольщики, повстанцы и сотрудничавшие с ними селяне и члены их семей, но и «сочувствовавшие» –то есть едва ли не большинство сельского населения Западной Украины. И это утверждение не голословно, что показывают приведенные далее документальные данные.

Как УПА воевала против Красной армии

А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседам в чуждые пределы.

Александр Пушкин.
«Анчар». 1828 г.

Настоящая глава названа именно так — «как УПА воевала против Красной армии». И это неслучайно, так как часть украинских историков настаивает на том, что УПА с армией не воевала.

Все 1990-е гг. по этому поводу в Украине шла оживленная дискуссия, продолжающаяся и сейчас.

На самом деле, удивительно, почему этому вопросу исследователи придают такое значение. Нет же никакой

дискуссии о том, воевала ли УПА против вермахта? Почему-то исследователи партизанского движения как в России, так и в Украине вообще не поднимают, скажем, вопрос: «Воевали красные партизаны против вермахта и румынской армии или боролись только с СС?»

Красная армия была инструментом агрессивной тоталитарной деспотии, стремившейся поработить весь мир, включая и Украину. Почему же повстанцы, боровшиеся за независимость своей родины под лозунгом «Свобода народам, свобода человеку!» не должны были воевать с Красной армией? Конечно, воевали, точно так же, как и Красная армия воевала против УПА: и в 1944 г., и позже.

В 2003 г. журналистка газеты «Известия» взяла интервью у последнего главкома УПА Василия Кука и опубликовала его на страницах этой газеты. Как правило, в случаях публикации «острых» материалов редакция помещает рядом материал, где представлена противоположная точка зрения. В данном случае таковую представлял полковник МВД Николай Перекрест, бившийся с повстанцами в пору юности в составе карательных Внутренних войск НКВД. Так вот, даже он заявил: «...Против бандеровцев воевали только внутренние войска, с армейскими подразделениями у них был как бы негласный уговор: друг друга не трогать. На гарнизоны они не нападали — понимали, что тогда по-другому будут с ними воевать»[260].

Вероятно, господин Перекрест перед тем, как давать интервью, прочитал несколько произведений бандеровского агитпропа. Или просто не захотел «делиться победой» с коллегами из Советской армии. В действительности Красная армия воевала с повстанцами, да и УПА в долгу не оставалась. А вот на крупные гарнизоны повстанцы действительно не нападали, чтобы не стало себе дороже.

Красная армия столкнулась с повстанцами практически сразу же после вступления в Западную Украину — то есть на рубеже 1943/1944 гг. Руководство УПА стремилось не допустить фронтальных боев повстанцев с красноармейцами, издав об этом специальный приказ. Во-первых, очевидно было гигантское численное и материально-техническое превосходство РККА. Во-вторых,

в простых красноармейцах, особенно украинской национальности, повстанцы видели таких же, как они, жертв режима, загнанных в Красную армию.

Повстанцы распространяли среди солдат листовки с призывом «бить Гитлера», не воевать против них и/или переходить на сторону УПА. Актуальным лозунгом того времени были слова: «Убивайте политруков, этих верных сталинских собак, которые вас стерегут. По трупам политруков пойдем на голову Сталина»[261]. Действенность именно этого призыва была минимальной.

Зато появление мощнейшей армии было более чем весомым аргументом советской пропаганды — большинство бойцов из «иностранных легионов» УПА перешло обратно к Советам.

Акции УПА против РККА отчасти были вызваны неразберихой в условиях боевых действий, отчасти — приказами командиров повстанцев и красноармейцев. Инициатива борьбы шла с обеих сторон.

В январе 1944 г. в селах Белощувка и Моквин Березненского района Ровенской области повстанцами было единовременно убито около 50-ти красноармейцев 181-й стрелковой дивизии.

В информационном донесении за период с 27 марта по 8 августа 1944 г. по Станиславской области (район Коломии) значилось: «На всех территориях началась массовая ликвидация красноармейцев. Эта ликвидация была допущена с учетом состава армии — были это собственно русские и почти все комсомольцы. Части 18-го десантного корпуса были созданы из молодых воспитанников детсадов»[262].

Например, нападения повстанцев Станиславской области на РККА в сентябре — октябре 1944 г. стоили последней 23 офицеров и 128 солдат и сержантов убитыми, а 79 человек было уведено в лес — о судьбе этих людей остается только гадать.

А вот описание «не войны» УПА против Красной армии глазами офицера последней — летчика-штурмовика Георгия Берегового. Описываются действия его сослуживца Ивана Гусева в Западной Украине в тот момент, когда через нее прокатывались советские фронты — то есть 1944 г.

«Первое боевое задание, которое он получил на новом месте, заключалось в том, чтобы получить и перегнать в дивизию не новый Ил, а как раз По-2. Фанерный этот самолет был незаменим для связи и ценился порой наравне с боевой бронированной машиной...

Прибыв в часть, Гусев присмотрел на свой вкус один из По-2. Самолет оказался еще довоенного выпуска, планер полностью свое вылетал, но был сухим и прочным...

Назад летели на высоте триста метров. В небе — никого, мотор работает как часы, настроение у всех прекрасное.

Вдруг Гусев заметил на проселочной дороге каких-то людей, бегущих в панике в сторону леса и гонящих перед собой скот. А через несколько секунд из-за деревни, откуда, судя по всему, и удирали вооруженные кто винтовками, кто ружьями крестьяне, выскочил на бреющем Ил-2 и, нагнав толпу, начал поливать из пулеметов дорогу.

– Что за чертовщина! Ведь не над немцами, над своей территорией летим, — удивился Гусев. — Что же он, своих, что ли, из пулеметов потчует?

– А если это фриц? — высказал догадку техник. — Случалось, что и на наших самолетах они летали.

– Фриц не фриц, а на глаза этому чокнутому лучше не попадаться, — отозвался Гусев. — Он-то в броне, а вокруг нас — чистая фанера. Мне, если я эту фанеру в целости и сохранности на место не доставлю, командир дивизии голову оторвет.

Гусев быстренько дал ручку управления машиной от себя, припал чуть ли не вплотную к земле и полегоньку увел свой По-2 от греха из опасной зоны.

Пока летели, все трое продолжали ломать голову: что бы это могло значить, когда штурмовик на собственной территории и деревню бомбами поджег, и по мирным людям из пулеметов смолит...

Однако люди эти казались мирными, если судить только по одежде. Когда Гусев посадил По-2 на аэродром и доложил Ищенко о том, что видел на проселочной дороге, тот объяснил ему, в чем дело.

– Бандеровцы это! Они, сволочи, десяток наших людей утром ухлопали. Поставили к стенке и перестреляли.

— Как же так? — не понял Гусев. — А наши что же?

— Безоружные они были. Из соседнего девяносто второго полка за продовольствием их туда отправили. Кто же знал, что деревня вся до одного из бандеровцев. Женщин и детей они заранее в лес угнали. А наших вместо, как говорится, хлебом-солью свинцом встретили. И до того, зверюги, обнаглели, что после такой расправы в деревню за скотом вернулись. Значит, говоришь, не вышел у них этот номер?

— Думаю, не вышел, — подтвердил Гусев. — Хотя видел, палили некоторые из них в небо. Только ведь Ил из винтовки не сковырнешь. Верно?..

— Сам скоро увидишь, — пообещал ему Ищенко.— В первой эскадрилье тяжело ранило летчика, отправили его в госпиталь»[263].

Второе подобное свидетельство из-за его большего размера пришлось вынести в приложение. Это описание «бандеровщины» на окраинах города Черткова в той же Западной Украине. Автор мемуаров на сей раз не летчик, а танкист, точнее, комиссар от танкистов — Попель Николай, на тот момент Член Военного Совета 1-й танковой армии (см. приложение 4).

В этих двух рассказах нас может удивить следующее — офицеры откровенно описывают не какие-то кучки «украинско-немецких буржуазных националистов», а целые села, население которых в полном составе участвует в партизанской войне.

Но не всегда отношения Красной армии с повстанцами выливались в форму вооруженной борьбы. Нередки были случаи, когда красноармейцев повстанцы просто разоружали, вели среди них антисоветскую агитацию, вербовали и отсылали обратно в часть или включали в собственные ряды, или мирно отпускали восвояси.

Вот, например, отрывок из донесения начальника Управления контрразведки СМЕРШ 1-го Украинского фронта генерал-майора Осетрова:

«Того же числа (11.02.44. — *А. Г.*) начальник мастерской 361 ОБС (отдельного батальона связи. — *А. Г.*), 24 СК (стрелкового корпуса. — *А. Г.*) лейтенант Михалынин, совместно со старшиной радиороты Политовым и экспедитором Коневским выехали на одной подводе из села Сталники в с. Уздицы. В пути следования им повстречалась подвода с едущими на ней 7-ю мужчинами в гражданской одежде. На вопрос Михалынина: "Как проехать в село Уздицы", ехавшие на подводе выхватили автоматы и скомандовали: "Руки вверх".

Забрав повозку и военнослужащих, бандиты привезли их в один из хуторов, где уже находилось 4 бойца. Со всеми задержанными один из бандеровцев вел около часа беседу о задачах и целях УПА, после чего им были возвращены изъятые у них документы и личные вещи, задержанные освобождены. Оружие и повозки бандеровцами изъяты»[264].

Нередко обе стороны поддерживали «вооруженный нейтралитет» при контакте частей двух армий.

Действия национальных партизан против Красной армии допускались даже Главным командованием УПА в случае обороны, а также в качестве мести, если красноармейцы жестоко обращались с мирным населением — такие случаи были, и было их немало.

Кроме того, партработники и чекисты, пришедшие в Западную Украину в обозе Красной армии, постоянно обращались к командованию последней с просьбой помочь в борьбе с бандеровцами или охране каких-либо хозяйственных объектов.

Кроме того, УПА развернула за спинами красноармейцев партизанскую войну со всеми ее компонентами, включая и удар по коммуникациям.

Вот описание рельсовой войны уже после «победного мая», хотя велась эта война на протяжении всего 1944 и 1945 гг. Автор этого документа, во всяком случае, номинальный автор, не кто иной, как Леонид Брежнев, будущий руководитель Советского Союза. Тогда, конечно, он вряд ли был уверен, что ему удастся дослужиться до такой должности. В 1945–1946 гг. он был всего лишь начальником Политуправления Прикарпатского военного округа, войска которого принимали самое активное участие в боях против повстанцев:

«Среди коварных методов бандитской работы оуновцев в ноябре все чаще появлялись случаи подрыва и минирования путей сообщений. У некоторых ликвидированных банд было захвачено значительное количество взрывчатых веществ и боеприпасов — тола и мин.

В Кутовском районе Станиславской области бандиты заминировали дорогу у села Рожен-Великий. Подорвалась автомашина воинской части, причем были тяжело контужены 7 бойцов, находившихся в автомашине. Бандиты вторично минировали дорогу в направлении от села Рожен-Великий к селу Тюдово. Подорвалась автомашина погранотряда. Было тяжело ранено 3 чел. и контужено 5 чел. Автомашина сгорела.

Инструктор 4-й части Жабьевского райвоенкомата Станиславской области лейтенант Нагорный 23 ноября ехал из села Жабье в сопровождении 2-х бойцов истребительного батальона. Одновременно ехали еще 2 подводы — одна впереди с работниками РИКа (райисполкома. — *А. Г.*) и другая — позади с бойцами истребительного батальона. В 4 км от села Жабье бандиты пропустили первую подводу. Подвода же Нагорного подорвалась на противотанковой мине натяжного действия. При взрыве лошади были убиты, а лейтенант Нагорный и бойцы взрывом были отброшены. Пользуясь их бессознательным состоянием, бандиты выбежали из засады, захватили ручной пулемет и автоматы, пытались захватить и Нагорного. С подъехавшей 3-й подводы бойцы-истребители открыли огонь по бандитам. Банда скрылась. Нагорный и один боец получили контузии.

В Рогатинском районе Станиславской области 5 ноября между селами Пукуз и Жовче бандиты подорвали железнодорожный путь. Потерпели крушение две мотодрезины, и было ранено 3 человек.

На перегоне Марковцы-Отыня участка железной дороги Коломыя-Станислав 4 ноября бандиты заминировали путь. Подорвался пассажирский поезд. Сошли с рельс паровоз и 3 вагона, были разбиты 2 вагона. Во время катастрофы убито 2 и ранено 6 военнослужащих.

В ночь на 27 ноября в районе села Голень Станиславской области бандиты взорвали путь железной дороги Станислав-Львов и пустили под откос эшелон с дровами»[265].

Если это не война с Красной армией, то что же? В военное время это был настоящий удар по тылам, поэтому армейское командование было просто вынуждено вести борьбу с повстанцами с целью нормализации работы тыловых служб.

29 февраля 1944 г. повстанцами был смертельно ранен командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Николай Ватутин. Причем произошло это совершенно случайно — он напоролся даже не на бандеровскую засаду, а просто на группку повстанцев — по разным сведениям от 17 до 27 человек, грабящих захваченный ими ранее красноармейский обоз. Увидев поблизости незваных гостей, повстанцы обстреляли три автомобиля, в одном из которых ехал Ватутин. Командующий фронтом получил ранение в бедро и позже скончался от начавшейся гангрены.

Этот факт произвел сильное впечатление как на командование РККА, так и на партийное начальство УССР и СССР.

От рук повстанцев в 1944 г. погиб и командующий бронетанковыми и механизированными войсками 1-го Украинского фронта генерал-лейтенант Андрей Штевнев.

Понятно, что если повстанцы убивали красноармейцев, офицеров и генералов, то и Красная армия в сотрудничестве с НКВД, да и самостоятельно, принимала непосредственное участие в антиповстанческих операциях. Например, в апреле 1944 г. в знаменитой битве под селом Гурбы на стыке трех областей — Ровенской, Тернопольской и Каменец-Подольской.

На описании этой операции имеет смысл остановиться более подробно — это самая большая битва УПА за всю ее историю.

1 марта 1944 г. в Ровенской области началась мобилизация в Красную армию. Но в некоторых районах ситуация вышла из-под контроля вследствие деятельности повстанцев. Секретарь Ровенского обкома КП(б)У Бегма в донесении Хрущеву отмечал:

«В некоторых районах в противовес мобилизации, которую проводят военкоматы, оуновцами проводится "мобилизация" всего мужского населения в отряды Украинской повстанческой армии... Мизочским райвоенкоматом 3 марта 1944 г. была объявлена мобилизация военнообязанных в населенных пунктах Мизоч, Билашев и Дермань.

Узнав про это, бандеровцы в ночь на 3 марта послали в эти села вооруженные группы, которые объявили на-

селению, что "мобилизация в Красную армию прекращена", и провели "мобилизацию" всего мужского и частично женского населения в отряды УПА»[266].

Призыв в УПА шел как путем пропаганды, так и с помощью угроз — расправиться с семьями мобилизованных в Красную армию или с родственниками тех, кто уклонился от мобилизации в УПА. Повстанцы действовали по плану, разработанному еще до прихода большевиков. Однако полностью сорвать призыв в РККА не удалось, и на 20 марта 1944 г. военкоматами Ровенской области было мобилизовано 35 000 человек.

Перед крестьянами стоял выбор — идти на фронт либо в лесную армию. А поскольку по селам действовали боевки СБ, то их угрозы были часто лучшим аргументом, чем призывы коммунистов без толку погибать за советскую родину.

Поток мобилизованных в УПА приводил к тому, что бывшие четы становились сотнями, а сотни становились куренями, а курени объединялись в полки (загоны). При этом далеко не все новобранцы до первой стычки с чекистами успевали получить военную подготовку или даже оружие.

На момент боя — в двадцатых числах апреля 1944 г. — под Гурбами находились курени (батальоны) «Железняка», «Довбенко», «Строчана», «Крапивы», «Мамая», «Докса» («Вира»), «Непытайло», «Бывалого», а также отдельные сотни «Панько», «Ястреба», «Андрея», чета «Черногоры» и отряд охраны штаба под командованием «Гармаша». Всего бойцов было около 3,5–4 тысяч, их дополняли от тысячи до полутора тысяч мобилизованных крестьян. Повстанцы имели в своем распоряжении 2 батареи орудий разных систем, несколько минометных расчетов, в некоторых куренях были противотанковые ружья. Кроме того, сотня «Великана» доставила в расположение штаба захваченный ранее самолет По-2. Силы Внутренних войск НКВД и Красной армии насчитывали, согласно повстанческим донесениям, около 35 тысяч человек. Если же их оценивать с учетом расчетного состава частей, задействованных в операции, то силы красных составили около 15 тысяч человек. Использовалось 15 легких танков, авиация, бронепоезд, один конный полк.

Вот как описывает ход боев перед Кременецкой операцией и в начале Гурбенского боя донесение повстанческого командира Николая Свистуна («Ясеня»):

«03.04.44 г. командир Миша принял участие со своей сотней в бою под Мощаницей. Тут большевики потеряли свыше 150 человек убитыми.

07.04.44 г. командир Строчан с сотней Веселого и Лютого провел операцию на Новомалин, где стояло 300 энкаведешников. Уничтожить НКВД полностью не удалось, но враг понес тяжелые потери. День принудил наш отряд к отступлению. Недобитки НКВД тоже отступили. С нашей стороны погиб сотник Веселый.

14.04.44 г. прошел бой у Ляшивци, где противник окружил командира Лютого. На помощь к Лютому пришел Строчан с сотниками Короленко и Булкой. Разбиты две сотни НКВД. Во время конечной фазы боя новая сила энкаведешников ударила по нашим со стороны леса. Отряд отступил, забирая убитых и раненых. Точно так же велись бои в околицах Обгова и Майдана...»[267].

Дальнейшие события описывает командир сотни, а позже и куренной УПА Михаил Кондрась («Великан», «Миша», «Софрон»). Его мемуары были опубликованы в подпольном журнале краевого провода ОУН на северо-западных украинских землях (Волыни) «За волю нации», в четвертом номере за 1949 г.:

«22 апреля 1944 г. много отрядов УПА сосредоточилось в селе и околице села Дубенский Майдан Мизоченского района. К этому принудили нас большевики своими войсками НКВД, насчитывавшими несколько десятков тысяч человек... Наш командир куренной "Мамай" получил приказ от командира соединения "Ясеня" подтянуться в сторону с. Гурбы. Вечером мы прибыли в Гурбенский лес и там расквартировались... рядом было слышно плотные пулеметные очереди и видны горящие ракеты.

23 апреля командир соединения приказал принять бой. Еще до рассвета все сотни были на оборонительных позициях и лежали в вырытых собственными руками окопах. Курень командира "Мамая" (в который входила моя сотня) занял оборонную линию со стороны Гурбенской лесопилки до горы Балярня. Моя сотня прикрывала левый фланг от Гурбенской лесопилки и далее

до Майданского болота включительно. Как только начало светать, в восточном участке нашей линии разгорелся отчаянный бой. От пальбы, разрыва гранат, снарядов и мин не было слышно людского голоса. "Это бьется курень "Строчана", — говорили друг с другом повстанцы.

На участке моей сотни враг несколько раз пробовал наступать, но небольшими группами. Каждое наступление было отбито без собственных потерь. После захода солнца ударил мороз. Повстанцы разложили в ложбинках огонь, чтобы немного погреться. Ночь прошла только в двусторонней перестрелке.

24 апреля, еще не зашло солнце, как снова начался кровавый бой. Враг всей своей армией навалился... В полдень из всех сотен к куренному командиру "Сторчаку" пришли "пэтээрщики" (те, у которых были ПТР — противотанковые ружья), так как враг начал наступление на его участке большим соединением танков.

Заревели разными голосами большевистские танки, а в воздухе появились разведывательные самолеты и начали кидать на наши позиции бомбы. В разгар отчаянной борьбы было уничтожено свыше десяти вражеских танков и отбито ряд вражеских атак. Повстанцы бились как львы. Кидались со связками гранат под вражеские танки, точным огнем косили ряды врага...

Как настала ночь — мы подготовились к прорыву. Один удар — и отряды вышли за большевистские линии и подались в разные направления....»[268]

Как пишет уже упоминавшийся Свистун («Ясень»): «Наши потери — 80 повстанцев убитыми, 100 ранеными, убитых на следующий день большев.[иками], 200 убитых новомоб.[илизованных] мужчин и немцев (в свое время отбитых повстанцами у красноармейцев с целью обмена на оружие. — *А. Г.*); с.[выше] 400 убитых, с.[выше] 300 пойманных (из мобил.[изованных] и гражданск.[их]). Большев. потеряли 800 человек убитыми»[269].

В этот раз повстанцам удалось прорваться из окружения. И, судя по потерям и результатам, операцию можно считать относительно удачной.

С УПА боролись не только боевые формирования Красной армии, но и армейская контрразведывательная структура СМЕРШ — «Смерть шпионам» или, по другой

версии, «Система мероприятий по раскрытию шпионажа», — созданная в 1943 г. организация с двойным подчинением — армии и НКГБ. Смершевцы не только «присматривали» за Красной армией, но и «чистили» занимаемые территории от шпионов, диверсантов и «контрреволюционных элементов». Излишне и говорить, что методы действий СМЕРШа — избиения, пытки, шантаж, расстрелы — наводили ужас на население украинских сел. Обычной практикой смершевцев было согнать мужское население села в какое-то помещение, а потом с помощью угроз и избиений выколотить из украинских мужиков информацию о том, кто из местных жителей служит в УПА или поддерживает оуновское подполье.

Красную армию использовали против повстанцев и сразу же после окончания войны, в частности, когда ее части возвращались в СССР из Германии. Но желаемого эффекта это не принесло. Военные, проводившие ранее фронтовые операции, столкнулись с абсолютно другим типом боевых действий — войной партизанской. Кроме того, настроение солдат и офицеров РККА, а с 1945 г. — Советской армии, не способствовало успешной борьбе против УПА.

Генерал Петр Григоренко свидетельствует: «Мои бывшие подчиненные (по 8-й дивизии) заезжали ко мне в Москву и с возмущением и болью рассказывали, как они жгли и разрушали дома заподозренных в помощи повстанцам, как вывозили в Сибирь семьи из этих домов, женщин и детишек, как выбрасывали население из сел и хуторов, как устраивали облавы на повстанцев»[270].

Нередки были случаи, когда красноармейцы проходили сквозь лес, громко переговариваясь и шумя, а при контактах с отрядами УПА воздерживались от применения оружия.

«...Осенью 1944 года в районе действий куреня "Месники" группы "УПА-Запад" под г. Любачив на Люблинщине на украинско-польском этническом пограничье ее (агитацию. — *А. Г.*) организовал проводник ОУН-Б в Закерзонье Ярослав Старух. Он, в частности, распространил листовки о Тихом Доне и "донской вольнице" среди бойцов дислоцированной тогда в этом районе 1-й

дивизии донских казаков. После этого ее бойцы корректно обращались с украинским населением и совсем не демонстрировали желания воевать против повстанцев. Были случаи, когда казаки не стреляли при встрече с национальными партизанами, давали лишнее оружие, предупреждали про известные их разведке акции диверсионных групп НКВД»[271].

Зафиксированы многочисленные факты переходов в УПА красноармейцев-украинцев, да и не только украинцев. Но с 1945 г. повстанцы отправляли перебежчиков обратно, опасаясь шпионажа.

Однако, в целом Красная армия была для УПА опасным врагом не только во время «перехода фронтов», то есть весной — летом 1944 г., но и в дальнейшем.

Военные боролись с повстанцами не только прямым путем.

Как и планировали высшие партийные органы Украины[272], мобилизации в РККА стали одним из методов снижения повстанческого движения. Призванных «инфильтровали» спецслужбы, выявляли среди них членов ОУН, Юношества *(Юнацтва)* и симпатизирующих — к ним и членам их семей применяли репрессии. Остальных частично направляли на фронт, частично — в восточные районы УССР и даже на Урал, на принудительные работы — но не в заключение. Несмотря на «инфильтрацию», новобранцы из западных районов УССР часто дезертировали или перебегали на сторону немцев. «Так, в донесении политуправления 1-го Украинского фронта от 30 сентября 1944 г. сообщалось, что за период с 4 по 25 сентября 1944 г. перешли к врагу 172 бойца и младших командира из числа жителей западных областей Украины, в том числе 73 во время боя и 99 — с передового края обороны»[273]. Учтем, что этот переход был совершен в сентябре 1944 г. — всего за 8 месяцев до конца Третьего Рейха.

Уже упоминавшийся уроженец Вильнюса Илья Йонес, проведший во Львовской области оккупацию, по приходу Красной армии был в нее призван. В мемуарах он свидетельствует о том, что западные украинцы часто переходили на сторону немцев. Йонес описывает случай, когда он предотвратил переход группы западных украинцев на сторону немцев, и получил за это орден

Красного Знамени. После задержания и трибунала дезертиры были расстреляны перед строем, а их могилу по приказу офицеров утрамбовали сапогами солдаты всей дивизии[274].

Как уже говорилось, в 1944 г. УПА нередко предпринимала удачные попытки срыва мобилизации в западных областях Украины. Например, в Станиславской области на 21 августа 1944 г. из 30 тыс. призывников явилось на призывные пункты только 15 тыс. человек. Повстанцы постоянно нападали на колонны мобилизованных, уничтожая, разоружая или разгоняя охрану, а призванных отпускали по домам или включали в свои ряды. Кроме того, УПА всячески препятствовала поставкам продовольствия для советских войск.

Однако вскоре, когда большевики стали формировать из местного населения истребительные отряды для борьбы с УПА, повстанцы стали призывать украинцев идти служить в Красную армию, а не в «ястребки».

В общем, нельзя точно сказать, чему больше способствовали принудительные мобилизации в РККА — борьбе против повстанцев или, наоборот, пополнению рядов УПА относительно активным элементом. Западные украинцы были отлично информированы о том, какими методами воюет командование Красной армии, как относятся красные командиры к новобранцам, пережившим немецкую оккупацию. Поэтому у них не было никакого желания погибать, к тому же погибать бессмысленно за интересы чуждой тоталитарной империи. И значительная часть из них либо пыталась пересидеть войну в лесах и погребах, либо если уж умереть, то умереть в рядах УПА за независимость своей родины.

После войны армию также использовали против повстанцев, в свою очередь охотно уничтожавших солдат и офицеров Советской армии.

Вот описание их действий за ноябрь 1944 г. в Прикарпатском ВО все тем же будущим всенародно любимым четырежды Героем Советского Союза товарищем Брежневым:

«...Много случаев нападений бандитов совершено на мелкие группы военнослужащих, работавших на выполнении различных заданий (заготовка продуктов в селах

или заготовка дров в лесах). Пользуясь беспечностью отдельных командиров или бойцов, не организовавших во время этих работ необходимой охраны и не выставивших часовых или дозоров, бандиты наносили урон и скрывались.

13 ноября команда военнослужащих 1036-го АП в составе 7 человек во главе со старшим лейтенантом Каркачевым выехала на 2-х автомашинах для перевозки дров. В пути на эту команду неожиданно напала банда. Была сожжена автомашина, убит шофер, ранены 1 боец и старший лейтенант Каркачев. Пропало без вести 3 бойца.

13 ноября лейтенант Козырев, рядовые Никитин и Карпунин из 223 зенитного артиллерийского полка сопровождали в Лисецкий РО НКВД (районное отделение НКВД. — *А. Г.*) задержанных лиц. Сдав арестованных, они возвращались через село Поцикув.

В центре этого села они были обстреляны из-за изгороди автоматным огнем. Бандиты убили лейтенанта Козырева и рядового Никитина. Красноармеец Карпунин ответным огнем убил 2-х бандитов и, израсходовав все патроны, прибыл в часть. Из полка в это село была направлена команда. Задержали 5 подозрительных лиц. Выяснилось, что с лейтенанта Козырева бандиты сняли обмундирование, взяли пистолет и документы, а с красноармейца Никитина сняли шинель и ботинки.

15 ноября учебный батальон из дивизии, где начальником политотдела полковник Желнин, направлялся на стрельбище через село Подлужье. Младшие лейтенанты Журавлев, Игнаткин, Веретинцев и младший сержант Кухар зашли в один дом попить воды. Когда они вошли, то заметили, что кто-то спрятался в чулан. На требование офицеров хозяйка дома отказалась открыть чулан и сказать, кто в нем есть. Офицеры сами открыли чулан и крикнули: "Кто там? Выходи". В ответ из чулана последовало 3 автоматных очереди. Был убит младший лейтенант Журавлев, командир минометного взвода. Младшие лейтенанты Игнаткин и Веретинцев, оставив во дворе младшего сержанта Кухаря, побежали в часть за бойцами. Приехавшие на автомашине бойцы в доме никого не нашли. В соседней хате задержали 4 подозрительных лиц...

Младший лейтенант Фатеев и старшина Карев охраняли подсобное хозяйство 295-го СП в селе Висневце. Командир роты направил их в соседнее село Майдан Средний в 15 км от села Висневце за кузнецом. Возвращаясь обратно, Фатеев и Карев были внезапно обстреляны на окраине села. Бандиты убили Фатеева и тяжело ранили Карева. Кое-как ползком он добрался до роты. На место происшествия выехало 2 подвижных группы. Установили, что бандиты зверски изуродовали лейтенанта Фатеева, сняли с него обмундирование, забрали автомат и револьвер, а с убитой лошади сняли седло. Подвижные группы при прочесывании этого района задержали более 50 подозрительных лиц.

Группа военнослужащих — 4 человека из 609-го батальона связи, 2 ноября была послана с заданием в подсобное хозяйство батальона в село Матевцы в 5 км от г. Коломыя. По пути в селе Корнич бойцам повстречались 2 неизвестных гражданских лиц. Поравнявшись с ними, ефрейтор Кобзев спросил их: "Чего вы испугались?" Последние ничего не ответили, разбежались в разные стороны и с близкого расстояния очередью из автомата убили Кобзева. Остальные красноармейцы открыли ответный огонь. Забрав труп Кобзева, они возвратились в часть. Подвижная группа мужчин в деревне не обнаружила. Предполагают, что все они скрываются в бандах»[275].

Действия довольно масштабные, которые явно не объяснить инициативами отдельных «полевых командиров».

В июле 1945 г. в Западной Украине было образовано 2 военных округа: Прикарпатский и Львовский. На начало 1946 г. на их территории дислоцировались, в частности, следующие армии: 52-я (генерал Коротеев) — Львовская, Дрогобычская, частично Каменец-Подольская области — 28 тыс. бойцов, 13-я армия (генерал Пухов) — 25 тыс. бойцов.

Все они принимали участие в так называемой «большой блокаде» в первые четыре месяца 1946 г. — операции, после которой борьба УПА стала угасать.

В то время как часть солдат спала по деревням и таким образом не пускала повстанцев к источникам продовольствия, местам ночлега и лечения, другие солдаты

вместе с чекистами без устали прочесывали леса и горы Западной Украины.

Из-за таких мероприятий новой власти партизанам пришлось в буквальном смысле этого слова уйти под землю.

Воевавший с повстанцами в Западной Украине чекист, а ныне полковник МВД в отставке Николай Перекрест в интервью «Известиям» открыл великую военную тайну о редкостной хитрости бандеровцев: «Главное их изобретение — схроны. Обнаружить их было очень сложно. Но когда появились служебные собаки, они эти схроны по запаху находили»[276].

Так вот, схрон — это не то, что имел в виду Перекрест. Схрон — это обычный тщательно замаскированный склад. Конечно, временно он мог использоваться и как жилье. А то, о чем говорил столь опытный и знающий чекист — это бункеры и крыивки.

Описание повстанческой зимовки в бункере можно найти в Приложении № 5. Бункер — это относительно просторное подземное помещение, во время пребывания в котором повстанцы обычно выставляли наверху постового. Крыивка — маленький подземный тайник, из которого обычно не выходили долгое время.

Вот как описывает выход из крыивки нескольких повстанцев чекист Санников: «Хлопцы долго лежали на вынесенных из схрона подстилках из овчины, жадно, до боли в легких вдыхая пьянящий лесной воздух. Кружилась и болела голова. Ломило суставы, казалось, все кости в теле наполнились ноющей тупой болью. Все трое закурили и тут же закашлялись — легкие не воспринимали табак. Первым с земли после долгого лежания поднялся на ноги и двинулся в сторону развесистого дуба Чумак и тут же рухнул на землю — ноги не держали его. Лежавшие на земле Партизан и Карпо рассмеялись:

— Что же это вы, друже Чумак, такой здоровый и крепкий, а падаете как куль с мукой?

— Да будет вам, друзи, сами попробуйте, нечего смеяться, — беззлобно ощерился беззубой улыбкой Чумак, повернув в сторону лежавших свое бледное заросшее темно-рыжей бородой лицо с широко открытым и хватающим воздух как рыба ртом с бледно-розовыми деснами.

Зубы Чумак потерял давно от многолетних зимовок в бункере. Цинга съела его зубы. Несколько месяцев без движения, отсутствие солнца, дневного света, нормальной пищи, свежей воды, спертый и тяжелый воздух от плохо вентилируемого тесного подземного помещения, запах биологического распада человеческих отходов, — находясь в таких условиях, человек в течение нескольких часов, а иногда и дней, выйдя из убежища, не мог двигаться, приходил в себя постепенно. Потом эти тяжелые часы и дни забывались. Лесной воздух, активные движения, длительные и многочисленные переходы, здоровая сельская пища, получаемая из рук сердобольных селян, молодой и здоровый организм делали свое дело, и человек забывал, что всего пару недель назад он был больным, почти калекой. И так до очередной зимовки, которые с каждым годом становились все тяжелее и тяжелее — сжималось кольцо госбезопасности, сокращалась снабженческая база, почти прекратилась поставка медикаментов, боеприпасов, керосина, необходимого для освещения и приготовления хотя бы раз в сутки горячей пищи на керосинке или на треноге, в середине которой ставилась обычная керосиновая лампа. Каша на такой «установке» варилась в течение трех часов, чай — около двух. Положенные по норме 60–75 граммов сала или домашней колбасы, хранившихся в закопанных в пол бункера алюминиевых бидонах, и пара сухарей первые недели создавали иллюзию более или менее сносного питания. Потом наступали неприятности. Кишечник отказывался нормально функционировать. Правда, умелые хлопцы запасались в селах изрядным количеством самогона и целебных трав. Выпивать можно было, впрочем, как и делать все остальное, только по разрешению провидныка или коменданта бункера, назначаемого провидныком старшим по бункеру. В случае окружения бункера решение на прорыв или самоликвидацию принимали только провиднык или комендант. Самоуничтожение проводилось тоже только ими. Укрывавшиеся в схронах боевики становились лицом к стене и их по очереди выстрелом в затылок убивал провиднык, кончавший с собой последним. Чтобы сомнений не оставалось ни у кого...»[277].

Кстати, уже упомянутый ранее полковник Перекрест, вроде бы бившийся с бандеровцами в молодости, в ин-

тервью «Известиям» на замечание журналиста о том, что, по словам Василия Кука, повстанцы строили в бункерах госпитали на 30 коек, возмущенно заявил: «А пятизвездочных отелей у них под землей не было? Своих раненых и больных они приводили на дом к медработникам и говорили: лечи. Не вылечишь — тебе тоже не жить. И те лечили — куда деваться?»[278]

Видно, «матерого» специалиста по борьбе с повстанцами нашла редакция «Известий» для того, чтобы противопоставить его высказывания интервью Кука.

Вот отрывок из документа, описывающего разгром повстанческой группы в селе Подлесце Острожецкого района Ровенской области в марте 1944 г.: «...Подземельное убежище бандитов находилось на глубине 5–7 м, высота до 2,5 м, стены, потолок и пол деревянные. В подземелье имелось несколько комнат вместимостью на 40 человек каждая, были устроены помещения для продуктов. Из подземелья идет подземный ход к реке Стырь длиной м. 150, где на берегу стояла лодка. Выход на берег был тщательно замаскирован. Подземелье строилось под руководством инженеров. Работы производились скрытно, даже самих строителей приводили в подземелье со связанными глазами»[279].

Конечно, не пятизвездный отель, но на три звезды вполне потянет. Плюс разместить в таком подземелье вполне можно стандартную сотню УПА. Или госпиталь — на 30 коек и более. Повстанцы отлеживались после ранений или по хатам, или в таких вот подземных укрытиях. К помощи гражданских врачей прибегали обычно в тех случаях, если врач сам был связан с подпольем. Потому что даже если он помогал повстанцам под воздействием угроз, то его за «бандпособничество» репрессировали.

Повторим, что в схроны, бункеры и крыивки повстанцев загоняли не только чекисты, но и военные.

Начальник Политуправления Прикарпатского ВО генерал-майор Лисицын 31 июля 1946 г. отмечал:

«Войска округа за время нахождения в сельских гарнизонах в период подготовки и проведения выборов в Верховный совет УССР и позже по приказанию Генерального Штаба Красной Армии до 15 апреля на территориях Львовского и Прикарпатского округов были проведены плановые операции по уничтожению вооруженных банд украинско-немецких националистов, УПА и оуновского подполья. (Речь идет о «большой блокаде» городов, сел, лесов и гор в Западной Украине в январе — апреле 1946 г. — *А. Г.*).

На территории округа в нынешних границах было расположено более 3500 наших мелких сельских гарнизонов. Этими гарнизонами и подвижными отрядами от соединений уничтожено 3295 бандитов, захвачено 12 000 бандитов и более 5000 бандпособников...

За последние месяцы после отвода войск из сельских гарнизонов и с наступлением лета оставшиеся банды украинско-немецких националистов и оуновское подполье вновь заметно активизировались...

В течение июня и июля на территории округа, по данным штаба ПрикВО зарегистрированы 114 бандпроявлений...

Бандитами за указанный период убиты десятки военнослужащих Красной Армии и МВД, советских, партийных работников, местных жителей — активных участников в проведении мероприятий советской власти»[280].

Несмотря на войну между УПА и Красной армией, эффективность применения последней против повстанцев в целом не была высокой. Посему это был не основной инструмент партийцев по подавлению Сопротивления.

Как отмечал 23 ноября 1944 г. в докладе на пленуме ЦК КП(б)У Никита Хрущев, «...в западных областях проведена большая работа по борьбе с украинско-немецкими националистами. Эту работу проводили партийные организации, советские органы и особенно НКВД. Почему я подчеркиваю НКВД?

Потому что на плечи НКВД ложится самая тяжелая работа, сопряженная с проведением боевых операций против бандитов»[281].

Плечи заплечных дел мастеров вынесли тяжесть этой «самой тяжелой работы».

НКВД против расшитых сорочек

Входят строем пионеры, кто —
с моделью из фанеры,
кто — с написанным вручную
содержательным доносом.
С того света, как химеры, палачи-
пенсионеры
одобрительно кивают им, задорным
и курносым...
Что попишешь? Молодежь
Не задушишь, не убьешь.

Иосиф Бродский. «Представление». 1986 г.

Название этой статьи, нагло украденное автором у архивиста Павла Аптекаря, как нельзя лучше отражает смысл противостояния в Западной Украине в 1944–1949 гг.

Уже упоминавшийся бывший боец Внутренних войск НКВД Николай Перекрест в интервью «Известиям», имея в виду отношения повстанцев и украинских крестьян, заявил: «Да не было особой поддержки, разве что в первые послевоенные годы»[282].

Конечно, поддержки никакой не было. Были кучки украинско-немецких националистов, которые воевали с народом, принуждали людей приносить им хлеб и сало, прятаться от большевиков по хатам, скрываться от мобилизации в армию и саботировать мероприятия народной власти...

Чтобы не брать на себя слишком много и не свидетельствовать за участников событий, приведем выдержку из донесения НКВД об операции, проведенной в начале 1946 г. в селе Броница, находящееся между городами Дрогобыч и Самбор. Под видом повстанцев по этому селу ходили чекисты и «в большинстве хат наших людей встречали приветливо, думая, что это бандиты...

Вот пример разговоров наших людей с отдельными селянами Брониці.

Во вторую ночь зашли наши боевики к Петру Колосовец. Поверив, что это бандиты, в разговоре он сказал:

"Как же это будет, друзья мои, советы нагнали в село войска и заставляют нас ходить на собрания, изучать конституцию и положение о выборах, чтобы мы ходили на избирательный участок, проверяли списки. Нам (повстанцы. — *А. Г.*) говорили, чтобы мы в день выборов пошли в лес, а если по лесам и по всем селам войско, то что же нам делать?"...

Колосовец Петро, убедившись, что разговор идет со "своими хлопцами", начал их угощать. Хозяйка поставила хлеб, яйца, сыр, двух жареных кур, а хозяин поставил пол-литра самогону. Потом он поставил еще пол-литра, но наши пить отказались, сказав, что есть приказ провода, запрещающий пить водку.

Перед тем, как уйти из хаты, наши начали просить помощи для УПА. Хозяин ответил, что он недавно корову отдал для УПА, кожух и 300 рублей деньгами. "Ну и вам дам сапоги и пиджак", но подчеркнул, что он и так уже много помог.

За две ночи наши люди в селе Броница собрали 1500 рублей деньгами, 8 полушубков, 4 пары сапог, 2 пары ботинок, 9 комплектов белья, 14 литров самогону, сало, масло, курей и пр.

Наших боевиков, которые за две ночи обошли более 160 хат, везде принимали с приветом и гостеприимно, веря им, что они бандиты...»[283]

А чекистов принимали весьма и весьма неприветливо, может быть отчасти потому, что нагнали последних в Западную Украину весьма и весьма много.

Внутренние войска Народного комиссариата внутренних дел (ВВ НКВД) — проще говоря, каратели, появились в Западной Украине сразу же после прихода Красной армии.

Войска НКВД занимали элитное место в Вооруженных силах СССР — нечто вроде СС в нацистской Германии, хотя их участие в боевых операциях не так афишировалось и в пропаганде их деятельность не играла столь важной роли, как образ «преданного и беспощадного рыцаря фюрера» в Третьем Рейхе. Личный состав частей НКВД был тщательно подобран вплоть до последнего солдата, политически воспитан, чекисты были лучше обучены, оснащены и вооружены, чем части Красной ар-

мии, их офицеры и рядовые получали лучшее материальное и социальное обеспечение, чем советские солдаты.

Это был самый страшный враг повстанцев и гроза украинских деревень.

«Внутренние войска НКВД в двух своих основных пограничных округах к концу июля 1944 г. состояли: на Украине из 1 дивизии, 9 бригад, 1 кавполка и 1 танкового батальона — всего 33 011 человек. Одна бригада дислоцировалась на освобожденной территории Румынии. В ВВ Белорусского округа к тому времени насчитывалось 2 дивизии и 1 отдельный стрелковый полк общей численностью 10 461 солдат и офицер»[284].

На начало октября 1944 г. в западных областях Украины дислоцировалось 26 304 бойца ВВ НКВД, сведенных в бригады и 1 дивизию[285].

Таким образом, их численность уже на 1944 год превышала численность УПА.

Плюс к тому, против повстанцев боролись и пограничники, не входящие в структуру ВВ НКВД, но тоже во все времена, кроме периода Ельцина, бывшие и являющиеся частью лубянского ведомства.

Часовые советских границ впервые столкнулись с повстанцами в 1939 г., вторично — весной 1944 г., когда их части шли непосредственно за фронтом, устанавливали границы и помогали Красной армии и ВВ НКВД «расчищать» территорию от враждебного элемента.

Например, за апрель — июнь 1944 г. у пограничников 1-го Белорусского фронта было 68 боевых столкновений с повстанцами в северных районах Волынской и Ровенской областей, стоивших упистам сотен жертв[286].

Описание одной из таких операций из-за его объема вынесено в приложение (см. приложение 6).

Чекистско-войсковых операций за годы противостояния было проведено не тысячи, а десятки тысяч, с участием не столько пограничников и красноармейцев, сколько Внутренних войск НКВД.

К лету 1945 года общая численность ВВ НКВД в западных областях Украины составила 34 865 человек — примерно в полтора-два раза выше численности УПА на тот момент.

Осенью 1945 г. часть подразделений ВВ НКВД вывели из Западной Украины, и на 19 ноября 1945 г. их численность составила 22 907 человек: 14 полков[287].

Кроме того, по понятным причинам в Западной Украине на железных дорогах дислоцировались железнодорожные войска НКВД — на 21 октября 1945 г. их личный состав насчитывал 1848 человек[288].

«Только за первый квартал 1945 года части [32-й] дивизии внутренних войск НКВД [по охране железных дорог] одновременно с охраной объектов провели 305 войсковых операции по борьбе с бандами УПА, в результате которых убили 950 бандитов, пленили 1820 человек, захватили большое количество оружия и боеприпасов»[289].

В то же время, в этой дивизии отмечались случаи, могущие вызвать как минимум удивление: «Рядовой 62-го полка Мещеряков Степан Антонович, 1906 года рождения, русский, б[ес]п[артийный], среди личного состава подразделения систематически проводил антисоветскую пропаганду, направленную против колхозного строя, возводил клевету на сталинскую Конституцию, кроме того, распространял провокационные слухи о том, что, якобы, у нас в тылу, в результате войны, население умирает с голода целыми районами (целыми районами, может быть, народ и не умирал, но смертность от голода в тыловых областях СССР в 1942–1945 гг. была огромная, а в 1946 г. в стране прошел голодомор. — *А. Г.*).

Мещеряков Военным Трибуналом осужден к 15-ти годам исправительно-трудовых работ.

Рядовой 3-го батальона 154-го полка Доценко Иван Григорьевич, 1906 г. рождения, русский, бе[с]п[артийный], образование 2 класса, неоднократно среди личного состава полка высказывал намерение изменить Родине, уйти в банду украинских националистов, к этому склонял и других бойцов, своих сослуживцев.

1 апреля с. г. во время обеда в столовой гарнизона Доценко стал открыто провоцировать бойцов к групповой измене Родине, заявив:

"Давайте, хлопцы, убежим отсюда к бандеровцам, а то здесь пропадешь с голоду. В бандерах обувают, одевают и жить можно, а здесь одевают плохо и голодом морят. Все равно здесь с голоду пропадешь, а туда уйдем,

там будем жить и кушать вдоволь" (если так погано обеспечивали служащих железнодорожных войск НКВД, то каково же приходилось простым солдатам? — *А. Г.*).

Доценко Военным Трибуналом войск НКВД осужден к 10-ти годам ИТЛ.

Начальник гарнизона по охране жел[езн]одор[ожного] моста 157 км, 154-го полка Ковалев Александр Николаевич, 1913 года рождения, русский, член КП(б)У, образование среднее, установил тесную связь с украинско-немецкими националистами Стефарешиным, Арапчуком, Валошиным. По заданию бандита Арапчука [Ковалев] освобождал бандитов из-под ареста без ведома командования, принимал их на гарнизон в качестве бойцов, снабжал последних документами, участвовал в пьянках с бандитами, укрывал их на гарнизоне.

Сам не вел борьбы с бандитизмом и призывал к этому весь личный состав.

Ковалев арестован, дело следствием закончено и передано по подсудности.

Начальник гарнизона ж[елезно]д[орожного] моста 155 км, 154-го полка сержант Коротких Василий Иванович, 1921 года рождения, русский, член ЛКСМУ, вместе с начальником соседнего гарнизона сержантом Семиным Иваном Дмитриевичем поддерживали связь с бандитами УПА, скрывали их от репрессии органами НКВД, выдавали бандитам справки, что они являются бойцами их гарнизонов.

Коротких со своего гарнизона передал бандитам ручной пулемет, винтовку, гранаты, патроны, составлял фиктивные справки и лично выезжал в Тисменицкое РО (районное отделение. — *А. Г.*) НКВД освобождать задержанных бандитов. Таким путем им было освобождено 20 бандитов.

Коротких и Семин арестованы и предаются суду Военного Трибунала. (...)

Начальник гарнизона 62-го полка лейтенант Тимофеев Павел Васильевич, член КП(б)У установил интимную связь с дочерью сотника банды УПА Трофимчук Тиней, стал систематически пьянствовать, вступил в ходатайство перед РО НКВД Лановского района не выселять семью Трофимчука из пределов Западной Украины.

Под влиянием Трофимчука Тимофеев стал производить религиозные отправления: 14 февраля с. г. хоронил бойца Полякова и на его могиле поставил крест.

Решением ДПК лейтенант Тимофеев из рядов КП(б)У исключен...»[290].

Такое впечатление, что эти факты — из повстанческой газеты, а не из отчета Тимофея Строкача — наркома внутренних дел УССР и бывшего руководителя УШПД.

Понятно было бы, если б украинцы попали под националистическую агитацию — так нет, все пятеро, отмеченные в этом отчете, русские. Так вот и задумаешься, была ли столь безнадежна борьба УПА, если даже в железнодорожных частях НКВД, куда бойцы и командиры отбирались особенно тщательно, отмечались такие вот явления.

Однако, как бы «морально-политически» ни разлагались чекисты из железнодорожных войск НКВД, они и их коллеги из боевых частей основную свою задачу выполняли.

Всего за период с февраля по 31 декабря 1944 г. в западных областях Украины против ОУН-УПА было проведено 6495 чекистско-войсковых операций, вследствие которых повстанцы и подпольщики потеряли убитыми 57 405 человек, и 50 387 было взято в плен и задержано. Среди трофеев насчитывалось 35 орудий, 328 минометов, 15 огнеметов, около 3-х тысяч пулеметов, 4230 автоматов, 18 591 винтовок[291].

За этот же период — до 12.12.44 — ВВ НКВД потеряли 1424 убитыми и 1440 ранеными оперработников, офицеров и бойцов войск НКВД[292].

Примерно такие же цифровые данные относятся к 1945 г.

Здесь следует отметить важную особенность борьбы советских карателей против повстанцев — в ходе нее нарушались все мыслимые и немыслимые правовые нормы, законы и обычаи ведения войны. В частности, это касалось уничтожения мирного населения.

Обратим внимание на численность убитых «повстанцев» за 1944 г.: 57 405 человек. Пленено — 50 387 человек. За тот же период захвачено всего 26 000 единиц стрелкового оружия. То есть, вроде бы, получается, что

80 000 человек (или почти 80 %) убитых и захваченных в плен были безоружными людьми, подвернувшимися «под горячую руку» гнавшимся за орденами ретивым чекистам.

Летом 1944 г. численность УПА составила 25 тыс. человек — то есть по чекистским отчетам за 11 месяцев ее уничтожили четырежды, что, даже с учетом постоянного пополнения рядов повстанцев, кажется невероятным.

Но не следует высчитывать количество убитых мирных жителей из расчета: количество убитых минус количество захваченного оружия. Тут применим целый ряд погрешностей, из которых назовем только одну, но наиболее существенную.

И рядовые, и командиры чуть ли не всех уровней завышали количество убитых, потому что количество пленных и винтовок особо не завысишь — их должно предъявить, и их может посчитать любой начальник. А могилы уничтоженных чекистами украинцев с целью проверки точности отчетов никто не раскапывал.

В общем, партийная и чекистская статистика позволяет создать лишь общее представление о масштабах повстанческой борьбы и тенденциях в действиях сторон.

О ходе борьбы с повстанцами карательные и партийные органы постоянно информировали высшую номенклатуру УССР и СССР, которая из года в год попустительствовала террору против населения западно-украинских сел, а то и приказывала его вести. Именно на руководстве УССР и СССР, то есть на Сталине и Хрущеве, как послушном исполнителе «кремлевского горна», лежит ответственность за вакханалию бесчинств, устроенных чекистами, военными и партийцами в ходе «ликвидации политбандитизма».

Не только документы повстанцев, но и партийные отчеты 1944 г. и позднее изобилуют описаниями дикого террора со стороны советских карательных органов.

Например, за 1945 г. в западных областях УССР прокуратурой было зафиксировано или вскрыто 1109 нарушений «социалистической законности»[293] работниками НКВД и НКГБ (по Станиславской и Волынской областям информация попала в эту сводку только за 2 месяца). В их числе было 77 убийств, 75 поджогов и уничтожения имущества, 378 грабежей, 213 случаев избиений и 46 незаконных арестов.

Очевидно, что это малая толика от реально проходивших в регионе бесчинств, поскольку большинство из них, согласно «корпоративной этике», скрывалось, а запуганные местные жители обычно никуда не сообщали о неправомочных действиях солдат, милиции, партхозактива и чекистов.

Кстати, информацию о том, что деяния особо рьяных и морально стойких чекистов покрывали их начальники, можно найти и в мемуарах участника этой борьбы Григория Санникова: «Ну а что ты хочешь, — просто и откровенно отреагировал этот опытный оперативник и руководитель, — люди месяцами живут вне семьи, молодые, выпить хочется, женщину иметь. Другое дело, когда все это делается грубо, с насилием и принуждением, как известный тебе случай с майором К. Пришел к сельской учительнице пьяный, выстрелил в потолок, водки требовал и любви. А этому майору 27 лет, он вот уже четвертый месяц в командировке, холостой. Третий год по таким командировкам мотается, месяцами чистой постели и нормальной бани не видит. Тяжело. Я такое не оправдываю, но понять его состояние можно. Наказывать обязательно надо, прежде всего как коммуниста. И правильно ты говорил на партийном собрании, что прежде всего спрос идет как с коммуниста, а уж потом как — с оперработника.

— Я всего не знаю, как вы, Александр Герасимович. Я живого или мертвого бандита еще не видел, но знаю, что наш представитель в селе — это лицо нашей партии. По нему селяне делают выводы о всей партии, о всей госбезопасности. И из этого надо исходить.

— Это вы правильно говорите, — переходя почему-то на "вы", с едва уловимой хитринкой в глазах, после короткой паузы вымолвил Лихоузов, — но партийность и человечность рядом должны быть, дополнять взаимно друг друга. Вы разбирали этот случай. К. выстрел произвел случайно. Автомат был на боевом взводе, патрон в патроннике, забыл поставить на предохранитель. Вы же знаете, уже должны знать, — подчеркивая "должны знать", произнес Лихоузов, — что там, где встреча с оуновцами может произойти совершенно неожиданно,

ночью, днем, когда все решают секунды, где каждый лишний звук, тем более звук затвора, может привести к гибели, патрон должен находиться в патроннике, а оружие стоять на боевом взводе. Ну, забыл парень поставить на предохранитель, ну выпивший был, ну выстрелил случайно. След на потолке оставил. Заявила при первом опросе девушка, что приставал и угрожал оружием, вы об этом помните?

Я согласно кивнул.

— А помните, что эта же самая молодая учительница говорила, когда узнала о возможных неприятных последствиях для майора?

Я снова молча кивнул.

— Девушка эта заявила нам с вами обоим, что была бы у нее в доме водка, выпила бы вместе с ним, да водки не было. Что ничего против этого хлопца-майора не имеет, что ей жалко его, что он может пострадать из-за этого случая. И правильно мы с вами решили — обсудить случай построже, предупредить товарища и перевести его под замену в другое село. Похлебаете с наше, товарищ лейтенант, может, помягче станете, — как бы подчеркивая условия моей работы в Киеве, закончил Александр Герасимович»[294].

Поразительно мягок этот товарищ Лихоузов. За попытку изнасилования, причем со стороны пьяного человека, применившего огнестрельное оружие, пожурил этого подчиненного и перевел в другое село.

А сколько таких случаев было в реальности? Безусловно, они носили массовый характер.

Даже сейчас, в период демократии и относительной свободы прессы, много ли случаев избиений и грабежей милиционерами обычных граждан фиксируется в отчетах МВД России или Украины, или как-то вообще фиксируется на бумаге? Ничтожная часть. Что же говорить о 1940-х гг.?!

Кстати, хочется внести корректировку в образ чекиста, который рисуют до сих пор публицисты и государственная пропагандистская машина: беззаветно преданный партии, дьявольски прозорливый и запредельно жестокий, интеллектуал, вышедший из простого народа.

Как свидетельствует тот же Санников: «После окончания войны в 1945 г. в органы МВД — МГБ Украины

пришло много молодежи, среди них большинство фронтовиков, но они в лучшем случае имели только среднее и специальное чекистское образование в виде шестимесячных или годичных курсов... Многие работники центрального аппарата МГБ — МВД Украины ни интеллектом, ни грамотностью не отличались»[295]. О работниках периферии и говорить не стоит! Недостаток ума и образования они часто восполняли жестокостью.

Наверное, Санников имел в виду работников вроде упоминавшегося Перекреста, деловито свидетельствовавшего: «Наград у нас не было, поскольку публично о той войне нигде не упоминалось, и за лично убитого в бою бандеровца стали давать краткосрочный отпуск. Но честно скажу, что если уж сдавался бандеровец, то ради отпуска его не стреляли — отдавали под суд»[296].

Честный Перекрест опять что-то напутал. Давали чекистам в той войне и ордена и награды. Один раз в 1945 г. начальство даже предложило некоему майору Соколову, особенно удачно «работавшему» в «спецгруппе» НКВД, дать звезду Героя Советского Союза: документ об этом опубликован украинским историком Иваном Биласом во второй книге его работы «Репрессивно-карательная система в Украине». Что же касается убийств пленных, то, может быть, сам Перекрест никого и не убивал, но его коллеги такие вещи очень даже часто практиковали. Некоторые цифровые данные уже приводились в этой работе в главе о противостоянии УПА и Красной армии — в описании боя под Гурбами.

Да и вообще в 1944 г. националистов в плен брали редко — обычно каратели поголовно расстреливали взятых с оружием в руках повстанцев. Примерно до 1945 г. «взятые в плен и задержанные», а также большинство «явившихся с повинной» — это только что мобилизованные бандеровцами крестьяне, дезертиры, уклонисты, члены ОУН и бывшие коллаборационисты, а также все те же мирные крестьяне, оказавшиеся в неподходящее время в районе проведения чекистских операций. Если все же «член антисоветских формирований» оказывался в плену, то ему без особых церемоний давали 25 лет концлагерей, невзирая на такие смягчающие обстоятельства, как юный возраст или насильственный характер мобилизации в УПА.

Да и над мирным населением, с повстанцами не сотрудничавшим, люди с чистыми руками и холодной головой достаточно горячо издевались.

В справке особой инспекции отдела кадров МГБ УССР «О наиболее характерных случаях нарушения советской законности сотрудниками УМГБ западных областей УССР»[297] от 1 июля 1946 г., можно найти информацию о:

- «незаконных методах ведения допроса» (т. е. пытках) обвиняемых;
- фальсификациях обвинений со стороны чекистов (выдумывались целые антисоветские организации);
- неоправданно длительных сроках предварительного заключения;
- избиениях, оскорблениях и грабежах подозреваемых, свидетелей, а также простых селян при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Товарищи из НКВД — МВД, как и эмгэбисты, также особой корректностью не отличались.

Вот описание некоторых случаев нарушения «социалистической законности» в 1945 г.:

«Для ликвидации банды из гор. Чертково в село Кривеньки на автомашинах выехала группа бойцов 174-го батальона войск НКВД под руководством начальника штаба батальона, майора Полянского.

С группой войск НКВД для оперативной работы выехали: зам[еститель] начальника Пробижнянского РО НКВД лейтенант милиции Костин Николай Семенович; старший оперуполномоченный того же райотдела мл[адший] лейтенант милиции Смирнов Иван Федорович; начальник паспортного стола мл[адший] лейтенант милиции Фирсов Михаил Григорьевич; нач[альник] Пробижнянского РО НКГБ Беляев и пом[ощник] оперуполномоченного Пробижнянского РО НКГБ Литвяк Иван Петрович.

Находившийся в командировке при РО НКВД оперуполномоченный ОББ, мл[адший] лейтенант Молдаванов по оформлению дел выселяемых семей оуновцев самовольно присоединился к группе майора Полянского.

22 октября группа прибыла в село Кривеньки, но банды здесь не обнаружила. Майор Полянский и мл[адший]

лейтенант Молдаванов, будучи в пьяном виде, в порядке репрессии за убитых бандитами 3-х красноармейцев отдали приказание бойцам жечь дома и расстреливать жителей села Кривеньки. По приказанию Полянского и Молдаванова было расстреляно 10 человек престарелого возраста от 60 до 80 лет. В числе расстрелянных большинство являются членами семей красноармейцев. Группой Полянского сожжено 45 домов с надворными постройками, домашним имуществом, а также сожжено большое количество намолоченного хлеба, убиты лошадь и корова. В числе сожженных домов около 20 домов принадлежат семьям красноармейцев.

Участвовавший в операции зам[еститель] начальника Пробижнянского РО НКВД лейтенант милиции Костин мер к предотвращению незаконных расстрелов и поджога домов, принадлежащих гражданам села Кривеньки, не принял.

Пом[ощник] оперуполномоченного РО НКГБ Литвяк в одном из домов граждан забрал водку, напился пьяным, отдал приказание бойцам истребительного батальона сжечь два дома, и сам лично расстрелял двух ни в чем не повинных граждан.

Ст[арший] оперуполномоченный РО НКВД мл[адший] лейтенант милиции Смирнов по приказанию Молдаванова расстрелял ни в чем не повинного гражданина села Кривеньки престарелого возраста.

Начальник паспортного стола мл[адший] лейтенант милиции Фирсов ходил по домам села Кривеньки, забирал водку, напился пьяным до бессознания, утерял свой головной убор и пьяным был доставлен в райотдел НКВД.

По данному делу Военной Прокуратурой войск НКВД по Тернопольской области майор Полянский, оперуполномоченный ОББ УНКВД мл[адший] лейтенант Молдаванов и пом[ощник] оперуполномоченного Пробижнянского РО НКГБ Литвяк арестованы и привлекаются к уголовной ответственности.

Зам[еститель] начальника Пробижнянского РО НКВД лейтенант милиции Костин и начальник Пробижнянского РО НКГБ Беляев решением бюро Тернопольского обкома КП(б)У с занимаемых должностей сняты.

Заместитель начальника райотдела НКВД Костин переведен в другой район на должность старшего оперуполномоченного.

Старший оперуполномоченный Пробижнянского РО НКВД мл[адший] лейтенант милиции Смирнов и начальник паспортного стола того же райотдела мл[адший] лейтенант милиции Фирсов арестованы: в административном порядке на 20 суток каждый»[298].

Во всей этой истории лейтенант милиции Фирсов представляется наиболее вменяемым. Не исключено, что, видя жуткую расправу своих коллег над жителями деревни Кривеньки, он просто решил напиться, чтобы в этих бесчинствах не участвовать и легче перенести этот кошмар.

Прокуратура фиксировала и случаи изнасилования сотрудниками «органов» местных девушек: «14 февраля 1946 г. начальником отделения ББ Глинянского РО НКВД мл[адшим] лейтенантом Матюхиным задержанная Михальская была вызвана им в кабинет, где после краткого разговора с задержанной Матюхиным было предложено Михальской иметь с ним половое сношение, взамен чего обещал Михальскую освободить из-под стражи, после чего потребовал от задержанной раздеться догола и сесть к нему на колени, что и было выполнено Михальской.

На другой день, т. е. 15.II.1946 г. вечером, Михальская снова была вызвана на "опрос" начальником отделения ББ Матюхиным, где было предложено арестованной сожительство, обещая ее освободить и устроить последней хорошую жизнь.

Когда же арестованная Михальская отказала в половом сношении Матюхину, последний избил арестованную резиновой палкой, раздев догола, положил ее за косы на пол и под видом проверки венерического заболевания в половой орган указанной Михальской воткнул резиновую палку. После оказанного сопротивления со стороны Михальской и заявления, что она сообщит о проделанном прокурору, Матюхин вторично избил Михальскую, предложив последней стать на колени, взять его половой орган в руки и положить в рот.

После продолжительных издевательств, граничащих с садизмом, Матюхин таким образом испачкал своим выделением лицо и платье Михальской, и когда позднее в

кабинет Матюхина вошли 4 человека сотрудников РО НКВД и увидели лицо и платье Михальской выпачканными, то Матюхиным было разъяснено: "Смотрите, какая сморкачка, а про связь с бандой ничего не хочет рассказывать".

18 февраля с. г. задержанная Михальская была освобождена из-под стражи как необоснованно задержанная.

Кроме того, с таким же садизмом начальником отделения ББ Глинянского РО НКВД Матюхиным были изнасилованы задержанные девушки, как то: Пастернак Ольга Михайловна, 1927 года рождения из с. В[еликий] Полюхов, Костив Мария Юрьевна, 1929 г. рождения из того же села, Прокира Галина Николаевна, 1924 г. р. из села Женив и Степанова Эмилия Брониславовна, 1930 г. рождения из села Задворье.

Указанные девушки содержались в КПЗ с грубым нарушением ст[атьи]93 УПК УССР без санкции прокурора от 15 до 20 дней и после учиненного насилия и издевательства последние были освобождены как необоснованно задержанные»[299].

Обычно уличенные в подобных бесчинствах чекисты или милиционеры отделывались «строгими выговорами с предупреждением», двадцатью сутками ареста, часто — понижением в звании или исключением из «органов». Но нередки были и случаи заключения и даже расстрела наиболее свирепых и опустившихся «стражей порядка», пристреливших в нетрезвом виде какого-нибудь советского, партийного или комсомольского работника. За убийство простого крестьянина или военнопленного повстанца чекистов не расстреливали.

Последний главнокомандующий УПА Василий Кук так характеризовал разницу между методами антипартизанской войны СС и НКВД: «Советские методы страшно подлые. Немцы воевали прямо. Советы, в отличие от немцев, использовали провокации... И агентура, и засылка внутренних агентов. Немцы и большевики не отличались по уровню террора — стреляли как одни, так и другие. Но большевики хотели придать убийствам какой-то законный вид: "Он сделал какое-то преступление, что-то нарушил и поэтому надо расписаться". А немцы без лишних церемоний убивали всех евреев и славян»[300].

Эту разницу повстанцы почувствовали на себе моментально — в 1944 г.

А на 1945 г. приходится фаза наибольшей активности УПА. Если за 1944 г. было зарегистрировано 2903 военно-террористические акции повстанцев и подпольщиков, то только за первую половину 1945 г. — 2207. Из них 689 терактов, 212 диверсий на железных дорогах, объектах связи, шоссейных путях, 11 нападений на райцентры, 236 нападений на госучреждения и предприятия, и прочих — 1059[301].

В 1946 г. количество «бандпроявлений» было лишь чуть меньше аналогичного показателя за 1944 г. — 2598. Но характер «бандпроявлений» в 1946 г. изменился — если в 1944 или 1945 гг. курень или сотня могли на несколько часов занять райцентр, то с 1946 г. повстанцы действовали уже мелкими группками.

Для того чтобы описать «бандпроявления», то есть в переводе на русский язык повстанческие операции, приведем отрывок из партийного отчета 1945 года:

«По данным обкомов КП(б)У западных областей Украины в августе с. г. было 79 бандпроявлений. В том числе в Волынской области — 24 бандпроявления, во Львовской — 16, в Ровенской — 13, Станиславской — 13, Тернопольской — 12 и в Дрогобычской одно.

Бандпроявления, главным образом, направлены на срыв хлебопоставок (уничтожались сельскохозяйственные машины, поджигались посевы, скирды, зернохранилища), а также совершались террористические акты против партийных, советских, военных работников и местных активистов.

В Волынской области в августе были убиты 9 партийных и советских работников, два председателя сельских советов и 28 местных жителей (...)

Следует отметить, что за первые семь дней сентября с. г. бандпроявления усилились. С 1 по 8 сентября в шести западных областях было 21 бандпроявление, в том числе во Львовской — 7, в Станиславской — 4, Тернопольской — 4, Волынской — 3, Ровенской — 2, Дрогобычской — 1.

Из 21 бандпроявления 7 направлены на срыв хлебопоставок.

Так, 1 сентября в селе Торское Залещицкого района Тернопольской области бандиты увели в лес уполномоченного по хлебозаготовкам — зам[естителя] директора Залещицкой МТС по политчасти тов. Петренко. Судьба его неизвестна.

4 сентября в этом же селе бандиты разбили два трактора и молотилку. 2 сентября в селе Зашков Городокского района Львовской области были обстреляны бандитами уполномоченные района по хлебозаготовкам.

Жертв не было.

В этот день возле села Санжары Обертинского района Станиславской области бандиты перехватили обоз с зерном, направлявшийся на пункт "Заготзерно". Забрав все 25 центнеров хлеба, бандиты отпустили возчиков вместе с подводами домой.

4 сентября в селе Сморжев Лопатинского района Львовской области бандиты увели в лес председателя сельсовета т. Кучинского и, продержав его до вечера, отпустили, предупредив, что если он будет продолжать заниматься организацией хлебопоставок, то его повесят.

В ночь на 5 сентября бандиты обстреляли зажигательными пулями скирду хлеба, принадлежащую крестьянам села Завильне Рогатинского района Станиславской области. Пожаром уничтожена молотилка Рогатинской МТС и 15 копен хлеба.

6 сентября в колхозе села Гринковцы Пробежнянского района Тернопольской области бандиты подожгли скирду соломы. В результате распространившегося пожара сгорела молотилка и нескошенная пшеница на площади 16 га.

Если в августе банды действовали преимущественно из засад, то в сентябре участились открытые нападения на села.

Так, 1 сентября банда совершила нападение на село Жалеево Золочевского района Львовской области. В селе находился гарнизон в составе 16 бойцов.

В этот день на село Клинки Ракитновского района Ровенской области напали три бандгруппы: "Серомаза", "Павленко" и "Велеса" в составе 200 бандитов. В завязавшемся бою убиты участковый уполномоченный рай-

отдела НКВД, 8 бойцов из группы самоохраны, а 20 бойцов были уведены бандитами в лес.

2 сентября бандбоевка "Донбасс" ворвалась в село Липсуки Владимерецкого района Ровенской области и обезоружила 12 бойцов самоохраны.

4 сентября бандбоевка в составе 10 бандитов в селе Кобылье Збаражского района Тернопольской области зверски убила четырех крестьян-активистов»[302].

В общем, разоряли как могли совхозы-колхозы, убивали чекистов и представителей новой власти, а также тех, кто с этой властью сотрудничал.

Согласно партийным отчетам, за 1946 г. органы МВД и МГБ, внутренние и пограничные войска уничтожили 10 774 «бандитов и членов ОУН», пленено 9541 и явилось с повинной 6120 человек. Не совсем ясно, входят ли в это число тысячи повстанцев, убитых бойцами Красной армии.

Таким образом, двумя наиболее тяжелыми годами как для советской власти, так и для ее противников были 1944 и 1945 гг. Причем квалификация оставшихся в живых повстанцев в дальнейшем несколько возрастает — при резком уменьшении численности УПА и, соответственно, потерь, число «бандпроявлений», т. е. операций, снижается не столь радикально (хотя их масштабы становятся меньше). Да и чекистско-войсковые операции гораздо реже приносят результаты.

Наиболее успешной акцией — МВД УССР совместно с МГБ и Советской армией — против УПА была упоминавшаяся блокада почти всех населенных пунктов Западной Украины, проходившая в январе — апреле 1946 г. Повстанцам пришлось зимовать в лесу, расформировать курени и сотни на четы и рои (взводы и отделения), а добывать продовольствие в деревнях, в которых стояли гарнизоны, нередко приходилось с боем. Потери УПА достигли 40 % личного состава.

А вот как эта акция отразилась в справке за подписью главы НКВД УССР Тимофея Строкача, за период с 1 января по 25 мая 1946 г. Проведено операций и засад 47 798, убито повстанцев — 7523, задержано «бандитов и прочих» 25 277. То есть в среднем при проведении операции или засады чекисты захватывали или убивали

0,7 повстанца. За тот же период явилось с повинной 6157 человек.

Были взяты трофеи: 10 327 автоматов и винтовок, 765 ручных пулеметов, 2183 пистолета. «Бандпроявлений» зафиксировано 601, при проведении операций погибло 236 чекистов, и «потери при бандпроявлениях» составили 864 человека[303].

В ходе блокады и после нее Главный военный штаб УПА решил провести частичную демобилизацию, отправив «домой» несколько тысяч бойцов. По плану все они должны были влиться в подполье ОУН, но в реальности часть из них «явилась с повинной», часть была выявлена и арестована МВД и МГБ.

В дальнейшем противостояние ОУН-УПА — ВВ МВД и МГБ пошло на спад, поскольку силы повстанцев постепенно таяли, украинское население видело бесперспективность противостояния сталинской империи.

Кстати, к периоду наибольшей интенсивности боев УПА относится гибель ее второго главнокомандующего — Дмитрия Клячковского («Клима Савура»).

Родился этот бандеровский командир в семье крестьян-бедняков на Тернопольщине, а когда подрос — пошел учиться на юрфак Львовского университета. Это учебное заведение являлось рассадником радикального украинского национализма, несмотря на то что украинских студентов там было мало. После университета Клячковский проходил службу в Войске Польском, по демобилизации занимался торговлей. За принадлежность к ОУН в 1937 г. угодил в польскую тюрьму, откуда вышел еще до войны. Был членом управы спортивной организации «Сокол», в 1939–1940 гг., уже при большевиках, руководил оуновским комсомолом — Юнацтвом — в Станиславской области. За это был арестован чекистами и проходил одним из обвиняемых по знаменитому «процессу 59-ти». Коммунисты были куда злее поляков, поэтому Клячковского, отрицавшего свое участие в ОУН, приговорили не к краткосрочному тюремному заключению, а к «высшей мере социальной защиты». Потом все же приговор смягчили — дали 10 лет тюрьмы. Во время отступления Красной армии, когда НКВД тысячами расстреливал заключенных по тюрьмам Западной Украины,

Клячковскому удалось этой участи избежать и более того, еще до прихода немцев вырваться на волю из Бердичевской тюрьмы. Сразу по освобождению он возглавил оуновскую организацию города Львова, а потом стал краевым руководителем ОУН на Волыни, то есть непосредственным подчиненным Николая Лебедя и непосредственным же начальником Василия Ивахова. К тому моменту, когда Ивахова сменил Клячковский на посту главкома УПА, последнему было 32 года.

Решением ОУН он был снят с поста командующего УПА в конце августа, но передача дел новому главкому Роману Шухевичу (Тарасу Чупрынке) шла до конца ноября 1943 г.

26 января 1944 г. Клячковского повысили до звания майора и назначили главой УПА-Север, то есть отрядов УПА, действовавших на Волыни и Полесье.

Зная про то, какую роль он играл в повстанческом движении, чекисты основательно охотились за этим человеком. Центральный аппарат НКВД Украины во главе с бывшим главой Украинского штаба партизанского движения Тимофеем Строкачем разработал план ликвидации руководящего актива ОУН и УПА на Волыни. Все материалы подшивались в папку «Агентурное дело "Крыса"» (по-западноукраински — «Щур»). Основным объектом этого дела был Клячковский. Толку от этого дела было практически никакого, поскольку конспирация у повстанческих командиров была высока, да и сотрудники «органов» в 1944 г. пока еще не были поднаторевшими в сложных агентурных комбинациях, проводя свои чекистско-войсковые операции по принципу «стреляю во все движущееся».

В уничтожении Клячковского им помог случай.

В конце января 1945 г., проводя одну из операций по ликвидации отрядов УПА в Волынской области, чекисты в бою захватили сани, на которых лежал больной тифом командующий сотней «Кайдаш» (он же «Рудый») — Юрий Стельмащук. Сопровождавшая его сотня, несмотря на все попытки, не сумела отбить командира. Стельмащука сразу же отправили в Киев и 8–9 февраля 1945 г. его впервые допросили, причем при допросе присутствовал сам Строкач. Неизвестно, чем подействовали

на «Кайдаша» чекисты, но он полностью сломался, рассказав все, что знал, в том числе и про «Савура».

Например, на вопрос: «Где сейчас находится "Клим Савур"?» он ответил следующее:

«Исходя из того, что "Клим Савур" условился со мной о встрече на 30 января 1945 г. в Оржевских хуторах Клеванского района Ровенской области, я думаю, что до настоящего момента он со своей личной охраной, которая состоит из 2–3-х хорошо вооруженных хлопцев, должен находиться на указанных хуторах, где у него есть надежная база пособников.

На расстоянии 1–1,5 километров от "Клима Савура" для прикрытия постоянно находятся ООН ("Отдел особого назначения") под командованием "Узбека" в составе 60 человек, вооруженных ручными пулеметами, автоматами и винтовками.

Насколько мне известно, "Клим Савур" никогда в подземных крыивках не прячется, отдавая предпочтение пребыванию весь день в лесу, а ночью — на конспиративных квартирах, которые содержат преданные ему персоны из местных жителей.

В частности, я думаю, что одной из таких квартир является строение зажиточной крестьянки Оржевских хуторов, муж и сын которой, как мне сообщил "Клим Савур", были активными участниками УПА и погибли в 1943 г. в боях с немцами.

В этой хате, как я уже говорил, 30 ноября 1944 г. я ужинал с "Климом Савуром". (...)

Расположение указанной хаты я хорошо знаю и безошибочно могу ее показать.

Другая хата, где я ночевал с "Климом Савуром", находилась в южной части Оржевских хуторов... Собственником ее является женщина годов 30–32-х, низкого роста, полновата, темная шатенка.

Место расположения этой хаты я тоже могу показать»[304].

В указанное место тут же были направлены 20-я и 24-я стрелковые бригады ВВ НКВД, которым помогали местные Клеванские районные отделения НКВД и НКГБ и организованные ими «спецгруппы». Строкач также был на месте, прихватив с собой предателя Стельмащука.

К 10 февраля район предполагаемого нахождения Клячковского был полностью окружен.

О дальнейших действиях чекистов Строкач так в день окончания операции отчитывался перед Хрущевым: «В ходе операции 12 февраля с. г. в лесу, 2 километра западнее села Оржев Клеваньского района Ровенской области, отрядом 20-й бригады под командованием начальника штаба 233-го стрелкового батальона старшего лейтенанта Хабибулина была обнаружена вооруженная группа в количестве 3 человек, которая, заметив красноармейцев, открыла огонь и начала отходить. Захватить живьем отходивших бандитов не представлялось возможным, так как они усиленно отстреливались из автоматов и убили одного красноармейца.

В результате боя все три бандита были убиты. При трупах обнаружено 3 автомата, 3 пистолета, орден Красная Звезда, гвардейский знак и полевая сумка с оперативными документами ОУН-УПА, а также фотография "Клима Савура".

В числе документов имеются данные о численном составе и наличии бандформирований УПА под командованием "Рудого", "Дубового", "Энея" и "Верещака" и ряд других важных документов.

Все три трупа доставлены в город Ровно. По захваченной в документах фотографии, а также содержащихся у нас под арестом бандитских главарей "Рудым" и бывшим помощником "Дубового" по хозчасти "Карым" точно опознан "Клим Савур". Остальные два трупа не опознаны»[305].

Владельцев явочных квартир «Савура» тоже арестовали и присудили к длительным срокам заключения.

А предатель Стельмащук по выздоровлению выступал на митингах, озвучивая речи, сочиненные спичрайтерами из НКВД. От имени «Рудого» была издана листовка – призыв прекратить борьбу, помещенный рядом с фотографией убитого Клячковского. Таким образом чекисты надеялись деморализовать командный состав УПА и руководителей ОУН. Полностью использовав Стельмащука, коммунисты вынесли ему смертный приговор и через полгода после описываемых событий расстреляли.

Охота на «Тура»

Ему бы пеночки не слизывать
ему бы все: «руби да бей»
да чтобы сестры ходили с клизмами
да чтобы было сто рублей...

Даниил Хармс. «Ваньки-встаньки» (II). 1926 г.

Об этом человеке следует рассказать в отдельной главе. Потому что как бы к нему ни относились соратники, враги или нынешние жители Украины, его роль в истории этой страны никем не оспаривается. Да и выдающиеся качества его личности тоже признавали и те, кто за ним охотился, и те, кто от этих охотников бегал по лесам, горам и болотам. Речь идет о Главнокомандующем Украинской повстанческой армии в 1943–1950 гг. Романе Шухевиче. Именно он руководил Сопротивлением в течение почти семи лет (1943–1950), в то время как Степан Бандера «прохлаждался» в Заксенхаузене или вел политическую деятельность в эмиграции.

Роман Шухевич родился 7 июля 1907 г. в местечке Краковец под Яворовом в Галиции, которая тогда входила в состав Австро-Венгерской империи. Кстати, сейчас поселок городского типа Краковец относится ко Львовской области Украины и находится непосредственно на украинско-польской границе — шоссе Львов-Жешув.

Отец Романа Иосиф работал уездным судьей. С 1923 г., то есть с шестого класса украинской гимназии — на тот момент уже в Польше — Роман Шухевич находился в подпольной Украинской войсковой организации. Активно занимался спортом, что весьма пригодилось Шухевичу при проведении терактов. Первую свою операцию он провел в 1926 г. — в 19 лет, по приговору УВО убив школьного куратора Собинского, ответственного за политику полонизации украинских гимназий и семинарий. После убийства Шухевичу удалось уйти незамеченным. В 1928–1929 гг. он проходил службу в Войске Польском — в артиллерии. В 1929–1932 гг. учился в политехническом институте — сначала в Гданьске (Данциге), а потом во Львове. Под Львовом он возглавил первую известную

«экспроприацию» новосозданной ОУН — налет на почту в местечке Городок. В 1933–1934 гг., замеченный руководством ОУН, возглавлял военную референтуру краевой экзекутивы (то есть ОУН в польской Украине) ОУН, возглавляемой Степаном Бандерой. В 1933 г. молодой террорист провел операцию по нападению на советское консульство во Львове, во время которого был уничтожен торговый представитель Алексей Маилов. Акция была проведена в знак протеста против голодомора, учиненного коммунистической властью в Украине в 1931–1933 гг.

И в самом громком теракте ОУН — убийстве министра внутренних дел Бронислава Перацкого в 1934 г. — Шухевич, действовавший под псевдонимом Роман Лозовский, принимал непосредственное участие, но не как исполнитель, а как организатор.

За это он был арестован поляками, но весомых доказательств вины у полиции не нашлось. Во время суда Шухевич заявил, что не принадлежит к ОУН, но по политическим убеждениям он — украинский националист. За недоказанностью преступления террориста отправили не в тюрьму, а в концлагерь Береза Картузьска, откуда в 1935 г., поднабрав обвинительных данных, его все же перевели в тюрьму. Там он сидел до амнистии 1938 г.

Выйдя из заключения, Шухевич стал соучредителем рекламной фирмы «Фама» во Львове, но толком заняться бизнесом ему не дали разворачивающиеся события в Карпатской Украине. Добровольно, под именем «Щука» он переходит польско-чехословацкую границу и, возведенный в ранг поручика, становится членом штаба военизированной националистической организации Карпатская Сечь. Повоевав с венграми в 1939 г., после разгрома Сечи Шухевич убегает обратно в Польшу, которая через полгода под ударами нацистов и коммунистов временно прекратила свое существование. В 1939–1940 гг. он возглавляет сеть ОУН в Закерзонье, то есть в Украине, находящейся под нацистской оккупацией. Во время раскола ОУН Шухевич примкнул к фракции Бандеры, стал членом Центрального Провода ОУН(б) и референтом по связи с украинскими землями. То есть именно под его

руководством отряды бандеровцев ходили через немецко-советскую границу — туда и обратно.

Весной 1941 г. Шухевич возглавляет знаменитый батальон «Нахтигаль», который с началом войны вошел во Львов и охранял объекты во время Акта провозглашения украинского государства 30 июня 1941 г. В украинском правительстве, просуществовавшем несколько дней, Роман Шухевич был «заместителем министра обороны» Ивана Климова («Легенды»).

Кстати, войдя во Львов, будущий главком УПА узнал, что его брата, адвоката Юрия Шухевича коммунисты расстреляли буквально перед тем, как оставить столицу Западной Украины.

После того, как украинское правительство и Дружины украинских националистов разогнали, Шухевич согласился на продолжение службы в 201-м батальоне охранной полиции — на должности командира первой сотни (роты) в ранге сотника.

Провоевав с красными белорусскими партизанами бóльшую часть 1942 г., он, как и другие бойцы этого батальона, в знак неприятия немецкой политики в Украине отказался продолжить службу. За что часть была разоружена и под конвоем отправлена сначала во Львов, а потом в Киев. По дороге Шухевич бежал. Затем во Львове помогал уходить в подполье оставшимся офицерам батальона, за что сам угодил в гестаповскую тюрьму, куда ему соратники каким-то образом переправили пистолет. Перебив охрану, Шухевич из тюрьмы бежал и, обладая таким богатым опытом организаторской работы, террористической деятельности и участия в боевых действиях, полностью посвятил себя борьбе за независимую Украину.

В мае 1943 г., сместив Николая Лебедя, он становится главой Бюро Провода ОУН, в конце августа того же года эта должность за ним закрепляется на Втором великом сборе ОУН(б). Как руководитель ОУН он получает новый псевдоним — «Тур». На том же Втором великом сборе Шухевича назначают главкомом УПА, поскольку этой должности он соответствовал больше, чем Клячковский («Клим Савур»), не имевший столь разнообразного опыта. Как главком УПА Шухевич получает еще один псев-

доним, отличный от партийного — «Тарас Чупрынка» *(Тарас Чупрынка)*.

В июле 1944 г. на подпольном I Великом сборе Украинского главного освободительного совета (УГОС) «Чупрынка» избран главой генерального секретариата УГОС и одновременно секретарем, курирующим военные вопросы.

Все это время нацисты очень хотели либо уничтожить Шухевича, либо познакомиться с ним поближе. Для этого они арестовали его жену — дочь греко-католического священника Наталью Шухевич-Березинскую. И только после личной встречи главкома с представителем немецкой оккупационной администрации, советником по украинским делам полковником Альфредом Бизанцем, гестапо освободило Наталью. Очевидно, что эта встреча стала одним из рубежей «потепления» отношений между ОУН-УПА и Третьим Рейхом.

Что же касается стиля руководства Шухевичем революционной борьбой, то, безусловно, человеком он был очень сильным и авторитарным, требовательным к нижестоящим людям, мало считающимся с мнением своих коллег. Особых теоретических трудов он не оставил — его перу принадлежит только одна статья «К генезису УГОС», опубликованная в 1948 г. в подпольной печати. Да и то неизвестно, писал ли ее сам Шухевич или ему помогали партийные имиджмейкеры. Зато в отношении военной практики с ним вряд ли кто мог сравниться из коллег.

Столь ценный кадр, по понятным причинам, с лета 1944 г. попал под пристальное внимание советских спецслужб. Да и не он один. Несмотря на то что Сталин в свое время произнес знаменитую фразу «сын за отца не отвечает», родственники повстанцев очень даже отвечали за их деятельность — и их никто не спрашивал, согласны ли они с поведением братьев, детей или отцов.

На момент ареста (к 27 июля 1945 г.) Наталья Шухевич-Березинская с Романом Шухевичем уже была разведена. Причем арестовали ее не одну, а вместе с матерью, сыном Юрием и дочерью Марией. Арестовали не столько из-за желания отомстить или «врубить срок» очередному ЧСВРН — «члену семьи врага народа», сколько из-за вполне понятного стремления добраться до самого Главкома.

С целью поймать Шухевича спецгруппы НКВД устроили маскарад с хороводом.

Вот как описывал эти жутковатые игры сын главкома Юрий, названный, кстати, в честь своего дяди — но не расстрелянного в 1941 г. большевиками Юрия Шухевича, а в честь Юрия Березинского — входившего в террористическую группу Романа Шухевича и погибшего при ограблении почтового отделения местечка Городок 30 ноября 1932 г.:

«В начале июля 1948 г. меня посадили в самолет и отправили в распоряжение Львовского управления МГБ. Я не знал, с чем это связано, и несколько дней просидел в камере в полном неведении. Наконец, меня вызвали к следователю и предложили... написать отцу письмо и самому передать кому-нибудь из связных. Обещали, что если отец сдастся, отпустят маму и бабушку. Я по своей наивности согласился. Мы договорились, что меня отвезут в Самбор, ну а дальше я уже сам пойду, куда сочту нужным.

И вот, едем в легковой машине в Самбор: я, накрытый плащом, офицер сопровождения и водитель. Начало смеркаться. Невдалеке от села Конюшки машина стала, и водитель стал копаться в моторе. По той же дороге на телеге ехал учитель из Рудок и предложил подбросить меня до Самбора. Я согласился, и мы поехали.

Через несколько сот метров из леса вышли повстанцы, и к учителю:

– Куда едете?

– Да в районное управление образования из Рудок.

– А парень с вами?

– Да нет, подсел он тут, недалеко.

Тогда повстанцы завязали мне глаза и увели в лес. Там начали расспрашивать: кто я и откуда. Я им ответил, что еду из Львова к тетке, которая живет в Самборе. Так прошла ночь, а наутро меня стали детально обыскивать и нашли зашитое письмо к отцу. Пришлось сказать, что я сын Романа Шухевича. Меня начали допрашивать, требовать, чтобы я рассказал, кого знаю в руководстве ОУН и подполье. Все это записывалось в какую-то тетрадку.

Эти повстанцы мне казались подозрительными: в то время МГБ достаточно широко практиковало создание ложных повстанческих отрядов из числа сдавшихся бандеровцев. И действительно, один из них мне как-то шепнул: "Юрко, ты в руках большевиков"»[306].

Потом Юрия «отбили» и снова отправили в заключение.

Наталью Березинскую точно так же таскали по лесам, и вначале она даже поддалась на провокацию и начала рассказывать, но знала она немного и, в общем-то, ничего интересного чекисты не узнали от нее. В 1947 г. Наталью впервые приговорили к 10 годам лишения свободы (потом добавляли сроки за различные мелочи), а сын Шухевича Юрий, не отказавшийся от отца и не пошедший ни на какое сотрудничество с коммунистами, отсидел 31 (тридцать один) год в тюрьмах (отчего ослеп) и пять лет отбыл в ссылке. Сейчас он живет в Украине, в 1990-е гг. формально возглавлял фашистскую партию УНА-УНСО, а сейчас председательствует в радикальной националистической организации фашистского толка «Галицкий выбор».

Дочь Шухевича Марию тоже репрессировали — ее оторвали от родителей и отправили в детдом, но потом — в годы оттепели и застоя — к ней особенно не цеплялись.

Отца Шухевича — больного старика Иосифа — отправили в ссылку в Сибирь, где он скоро умер, не выдержав переезда.

Таким образом чекисты охотились на «Волка» — именно такой кличкой «для служебного пользования» окрестили чекисты «Тура».

Информация о ликвидации Шухевича поступала трижды, но каждый раз оказывалась ошибочной.

Помимо военных талантов, таланта руководителя и организатора у Шухевича был не только опыт, но и талант к конспиративной работе.

Как пишет о нем враг — чекист Санников, «особенно досаждал Чупрынка — легендарная для оуновского подполья личность. Он действовал нагло, активно и изощренно. Это он в течение нескольких лет сумел успешно провести ряд вооруженных акций против войсковых соединений госбезопасности Украины, избежав при этом,

несмотря на многократное превосходство в силах советских войск, уничтожения своих отрядов. ...О его военных талантах ходили легенды. Он мастерски владел практически всеми видами легкого стрелкового оружия... Это он, Чупрынка, переодевшись в форму полковника Советской Армии, свободно разгуливал по Львову, отвечая на приветствие младших по званию, а лечился в одном из специализированных санаториев союзного значения...»[307]

Павел Судоплатов писал о Шухевиче, что «этот человек обладал незаурядной храбростью и имел опыт конспиративной работы, что позволило ему еще и через семь лет после ухода немцев заниматься активной подрывной деятельностью. В то время как мы разыскивали его в окрестностях Львова, он находился в кардиологическом санатории на берегу Черного моря под Одессой (причем дважды — в июле 1948-го и в июне 1949-го. — *А. Г.*). Потом, как нам стало известно, он объявился во Львове, где встретился с несколькими видными деятелями культуры и даже послал венок от своего имени на похороны одного из них»[308].

В 1944–1950 гг. он менял места пребывания не менее пятнадцати раз.

Штаб-квартиры главкома, или места постоя, или, как их называли в подполье с целью конспирации, «хаты» («дома»), менялись постоянно. В такой «хате» часто устраивали еще и хорошо замаскированную крыивку, где хранились запасное оружие и боеприпасы, медикаменты, деньги, нелегальная литература, канцелярские принадлежности, продукты питания и т. п.

Пребывание подпольщиков в крыивках стало необходимым в то время, когда советские органы безопасности начали проводить массовые облавы и тотальные проверки населенных пунктов и лесных массивов. Для проживания крыивки использовались преимущественно зимой. Так, в период немецкой оккупации главком большей частью прятался в лесу, или жил нелегально в городе с фальшивыми документами.

Когда пришли Советы, стало сложнее, приходилось постоянно менять место дислокации.

Например, в селе Августовка Бережанского района Тернопольской области Шухевич жил с осени 1944 по

весну 1945 гг. Периодически выезжал на встречи, а весной оставил крыивку и больше сюда не возвращался. Петр Когут, содержатель этой «хаты», был к тому времени хозяйственником в станице ОУН в селе Августовке, то есть заботился о материальном обеспечении отрядов УПА: продукты питания, одежда, обувь. Для их хранения он построил небольшой склад, выстроили схрон для Главкома в трех метрах от нее. Из рассказов Когута известно, что «вход в крыивку был из дома. В комнате откидывался камень, который служил за покрышку, и открывался вход к погребу. Отсюда шел проход (коридор) длиной около десяти метров к крыивке. Помещение крыивки было четыре метра в длину, три метра в ширину и высотой в рост человека. Стены были обитые коврами, а пол выстелен досками. Были здесь кровати, стол, кресла. Над потолком крыивки был слой земли толщиной до полутора метров. В центре двора рослая груша, у которой было дупло в самом низу, служившее для вентиляции и для установления радиоантенны».

«В эту крыивку, — рассказывал тов. Каня, — мы с "Борисом" вернулись в начале мая 1945 г. Во время жатвы (в августе) мне приснился сон, что вход в крыивку завалился. И мы с "Борисом" покинули крыивку и пошли в поле. Тем временем в крыивку вернулись "Чад" и "Рыбак". Рано утром связная "Маруся", которую арестовала большевицкая полиция, "предала" и привела к крыивке спецгруппу НКВД. "Рыбак" застрелился, а «Чад» сдался, стал предателем и повел спецгруппу в село Рай около Бережан, где была другая крыивка Командира Шухевича, но Командира там уже не было»[309].

На самом деле схваченная милицией «Маруся» (Стефания Галушка) никого не предавала. Более того, во время попытки бегства из камеры предварительного заключения она застрелила охранявшего ее милиционера. Следователей она долгое время дурила, давая ложную или незначительную информацию, и ни на какое сотрудничество не шла. Но чекисты, догадавшиеся о том, что она скрывает что-то важное, устроили ей все ту же провокацию — «Марусю» отбила «Служба безопасности ОУН», устроила ей допрос, во время которого связная рассказала, что знает. Поэтому чекисты и вышли на «хату» в Августовке. Хозяина этой «хаты» Петра Когута схватили и дали ему десять лет тюрьмы.

В крыивку в селе Рай, где Шухевич скрывался несколько месяцев, энкаведешники вломились в конце августа 1945 г. На тот момент там находился адъютант Шухевича «Артем» (он же «Назар») и проводница округа Легета. Последняя отравилась, а «Артем» застрелился, но не погиб, а тяжело себя поранил. Его взяли живым, выходили, отправили в заключение, где он и умер. Хату подожгли то ли чекисты, то ли подпольщики, но в любом случае ее хозяева — Гладчук Антонина, ее старушка-мать и проживавший с ней маленький ребенок — лишились крова. Саму Антонину Гладчук арестовали и тоже отправили в заключение.

А Шухевич тем временем находился уже на хате у учительницы в селе Пуков в Рогатинском районе Станиславской области, где он и прожил зиму 1945/46 гг.

Кстати, интересна судьба подпольщицы и любимой Главкома Екатерины Зарицкой, координировавшей личных связных командарма и лиц, содержавших конспиративные квартиры. Впервые ее арестовали в 1945 г., но ей удалось бежать. Вторично схватили 21 сентября 1947 г., при аресте она оказала сопротивление и застрелила оперативника. На сотрудничество со следствием она не пошла, и ее приговорили к 25 годам тюремного заключения, позже замененного исправительно-трудовой колонией. Срок она свой отсидела полностью, вышла на свободу в 1972 г., а в 1986-м умерла.

В октябре 1946 г. новую «хату» для главкома организовали в селе Княгиничи, в том же районе. На сей раз подпольщики, прикрывавшие Шухевича, выдавали себя за семью переселенцев из Закерзонья. Здесь Шухевич находился до 21 сентября 1947 г., пока один из членов «семьи» не попал в лапы МВД.

Шухевич переехал во Львовскую область — в село Гримное, недалеко от местечка Комарно. Здесь подпольщики точно так же выдавали себя за переселенцев из Польши. Одну половину здания занимал православный священник, а в другой ютились «высланные портные».

В их комнате под полом связные Главкома выкопали крыивку на 3–4 человека. Одна из досок пола поднималась и, таким образом, отрывался вход. Но там держали лишь отдельные вещи, там была запасная крыивка. В этой хате после провала в Княгиничах Шухевич жил дней 10, а потом уехал во Львов. И уехал вовремя, так как «хата» расконспирировалась.

Вот как описывает это «гений террора» Павел Судоплатов: «Когда в доме, где он жил с одной из своих телохранительниц, Дарьей Гусяк, появился милиционер для обычной проверки документов, нервы его сдали. Шухевич застрелил милиционера, и все трое — он сам, Дарья и ее мать — бежали. Наши поиски привели в глухую деревушку, где мы нашли только мать Дарьи. Шухевича там не было, но присутствие этой женщины указывало, что далеко уйти он не мог»[310].

На самом деле, все было несколько иначе. Шухевича на тот момент — январь 1948 г. — в том доме уже не было. Там жила Дарья Гусяк, которая была не телохранительницей, а связной командира, ее мать, а также связные-боевики «Славко» и «Левко». Случайно в эту хату зашел участковый милиционер и увидел вооруженных людей. В завязавшейся перестрелке участкового убили, но всем подпольщикам пришлось оттуда бежать. Кстати, «Левко» продолжал охранять главкома и далее — во Львове. А вот Дарью Гусяк, которая тоже переехала во Львов, и ее престарелую матушку чекисты после этого случая кропотливо разыскивали более двух лет.

Во Львове у Шухевича были явки еще со времен независимой Польши. Но связная Шухевича Галина Дидык организовала там новую «хату» еще в 1946 г., прописавшись в городе как переселенка из Закерзонья, занимавшаяся все тем же портняжным делом. Тем временем в МГБ стало известно через одного из сломленных подпольщиков об этой «хате». Однако этот человек как раз и рассказал Дидык о своем поступке. Рассказал вовремя, поскольку Галину чекисты уже видели, разговаривали с ней, но не показывали виду, что она «на крючке» — ждали Шухевича. Связная тут же ушла из этой квартиры и больше там не появлялась, а оставленные там вещи ночью тайно забрал один из связных главкома.

Во Львове у Галины имелась дополнительная явочная — в обнесенном высокой оградой особняке по улице Кривой. Здесь главком прожил зиму 1947/48 гг.

Кроме того, была еще одна квартира — запасная, которую организовал подпольщик Григорий Голяш: улица Мариупольская, дом 32. В подвале этого особняка были две хорошо замаскированные крыивки. В них Шухевич жил некоторое время в январе — марте 1948 г. «Засыпалась» эта квартира через два месяца после гибели Шухевича, хотя жил он тогда в другом месте — в селе Белгороща. Раненного Григория Голяша чекисты захватили в плен 27 апреля, чуть выходили и стали допрашивать. Во время одного из допросов, 16 июня того же года во внутренней тюрьме Управления МГБ Львовской области он покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна.

Последним местом пребывания Шухевича стал дом в селе Белгороща на окраине Львова (сейчас до этого места от самого центра города ходит маршрутное такси). В доме жила переселенная в 1945 г. из Закерзонья очень красивая, но незамужняя учительница Нюся Конюшик, симпатизирующая борьбе ОУН. На первом этаже этой хаты была комната и кухня, а спальня была этажом выше, куда вела деревянная лестница. Гостей Конюшик принимала внизу, а наверху спокойно жили повстанцы. На всякий случай в коридорчике, который вел в спальню, с помощью перегородки была сделана замаскированная комнатка, где находилась подпольная литература, запасное оружие и т. п. Вместе с Шухевичем жили два боевика, которые охраняли главкома и были его связными, а также Галина Дидык, по документам — переселенка Антонина Кулик.

Прокол произошел там, где его не ожидали — чекисты нашли мать Дарьи Гусяк, проживавшей в тот момент в селе Дегови.

О дальнейшем развитии событий Судоплатов сообщает: «Наша группа по захвату Шухевича расположилась в доме, где жила мать Дарьи. Довольно скоро там появилась молодая симпатичная студентка-медичка из Львова, племянница Дарьи. Она приехала повидаться с родными и выступить, как она сказала, по поручению институтского комитета комсомола с беседами о вреде

национализма. Во время нашего дружеского разговора (я представился новым заместителем председателя райисполкома), отвечая на мой осторожный вопрос, где находится сейчас ее тетя, девушка ответила, что она живет в общежитии ее института и время от времени наведывается в Лесную академию), куда собирается вскоре поступать.

Группа наружного наблюдения быстро установила, в какую «академию» ходит Дарья: она совершала регулярные поездки в деревню под Львовом, где часами оставалась в кооперативной лавке. Это заставило нас предположить, что там в это время бывает Шухевич. К несчастью, молодые офицеры, проводившие слежку в марте 1950 г., были малоопытными и для прикрытия пытались за ней ухаживать. Когда лейтенант Ревенко протянул Дарье руку и сказал по-украински, что хотел бы поближе познакомиться с такой очаровательной женщиной, она почувствовала подвох и, недолго думая, в упор застрелила его. Ее тут же схватили, но не мои люди, а местные жители, ставшие свидетелями совершенного на их глазах убийства.

Моим людям удалось отбить ее у толпы и отвести в местное отделение МГБ. Через полчаса старший группы, мой ближайший помощник, был уже там, он немедленно приказал распустить на базаре слух, что женщина убила лейтенанта и застрелилась на любовной почве. Дарья была надежно изолирована, а я, генерал Дроздов (заместитель министра госбезопасности УССР. — *А. Г.*) и двадцать оперативников окружили сельпо, чтобы блокировать возможные пути бегства Шухевича. Дроздов потребовал от Шухевича сложить оружие — в этом случае ему гарантировали жизнь.

В ответ прозвучала автоматная очередь. Шухевич, пытаясь прорвать кольцо окружения, бросил из укрытия две ручные гранаты. Завязалась перестрелка, в результате которой Шухевич был убит»[311].

В общем-то, то ли ошибся Павел Судоплатов, то ли, желая выделить свою роль в истории «борьбы с политбандитизмом», сказал неправду. Скорее второе.

Понятно также, зачем он переврал историю с убийством «лейтенанта Ревенко», который на самом деле был не лейтенантом, а майором госбезопасности. И погиб Ре-

венко уже на той стадии операции, когда Судоплатов лично был во Львове и координировал «охоту на Тура». Поэтому «боец с терроризмом» и снял ответственность с себя и переложил ее на безымянных «молодых офицеров».

На самом деле, Дарья Гусяк очень хорошо знала, что за ней следят чекисты. Об этом, а также о лавине арестов, обрушившихся на ее знакомых, об аресте ее больной матери (Судоплатов тоже об этом «забыл» упомянуть) она, оторвавшись от преследования, рассказала Шухевичу вечером 2 марта 1953 г. Шухевич приказал ей покинуть город, но перед этим выполнить еще одно задание и на следующий день сообщить о его выполнении Галине Дидык.

Но Гусяк схватили прямо на улице — без заигрывания, перестрелок и разъяренной толпы, которая, понятно, за убийство милиционера или чекиста вряд ли бы набросилась на подпольщицу. У Гусяк отобрали оружие и яд, который она не успела принять.

Дарью стали пытать, но мужественная девушка ничего не сказала, несмотря на то, что на ее глазах избивали родную мать.

Кстати, о применении пыток при ведении следствия совершенно открыто написал в 2002 г. чекист Григорий Санников. Правда, все, что он знал, он, понятно, не рассказал — но, в том, что уже после смерти Сталина, когда методы работы «органов» несколько смягчились, Санников «мучил подследственного бессонницей», он признался вполне открыто и добровольно[312] — не под пыткой...

Тогда, 3 марта, не сломив волю Дарьи, эмгэбэшники решили ее обмануть. В камеру к Гусяк перевели подсадную утку — «Мединскую Рому», бывшую в 1943–1945 гг. агентом гестапо, а с марта 1946 г. — советских репрессивных органов. В мае 1949 г. чекисты, узнав про гестаповское прошлое своего агента, отправляют ее во внутреннюю тюрьму –обманывать уже пойманных повстанцев и подпольщиков. «Избитая и измученная», то есть загримированная «Мединская» сказала Дарье, что может передать на волю записку.

На тот момент у подпольщиков и повстанцев всегда был с собой яд, и часто — оружие. Это создавало чувство

некоей защищенности от чекистов. А вот такой вещи, как инструкция «Как вести себя во время следствия», которую спустя некоторое время разработали в СССР диссиденты, у бандеровцев не было. Были какие-то общие положения на тот случай, если подпольщик оказался в руках врага, но в систему это все не вылилось.

Поэтому измученная Дарья легко поверила провокаторше и написала записку:

«Мои дорогие! Имейте в виду, что я попала в большевистскую тюрьму, где нет человека, который прошел бы то, что меня ждет, и не сломался.

После первой стадии я держусь, но не знаю, что будет дальше.

М. (Речь идет о Монете, то есть о К. Зарицкой. — *А. Г.*) приводили на очную ставку, она героиня, потому что держалась 5 месяцев.

Целую. Нуська.

Обо мне очень многое знают, а основной вопрос — это о ШУ и ДИ. (То есть о Шухевиче и Дидык. — *А. Г.*).

Меня схватили шестеро и не было возможности покончить с собой. Знали, что у меня есть пистолет и яд»[313].

Записка была адресована Наталье Хробак — сестре учительницы Нюси, которой принадлежала последняя «хата» главкома. И Гусяк подробно описала, где живет Наталья.

Сама Дарья Гусяк после всего этого была осуждена к 25-ти годам заключения, полностью их отсидела, сейчас живет в Украине и до сих пор корит себя за оплошность, которую она тогда совершила. Хотя у остальных подпольщиков, да и родственников Шухевича, и в мыслях нет как-то критиковать эту жертву чекистской провокации.

Исходя из полученных сведений, Львовский УМГБ моментально разработал план по захвату или уничтожению Шухевича: «Для проведения операции:

а) Собрать все имеющиеся в г. Львове оперативные резервы 62 СД (стрелковой дивизии. — *А. Г.*), ВВ (внутренних войск. — *А. Г.*), МГБ, штаба украинского пограничного округа и управления милиции г. Львова;

б) Снять по тревоге военные силы, участвующие в операции на стыке административных границ Глинянского, Перемышлянского и Бобрковского районов Львовской области в количестве 600 человек и сосредоточить к пяти часам 5 марта с.г. во дворе УМГБ Львовской области;

в) Операцию провести методом блокирования села Белогорща, близлежащих к нему хуторов, западной окраины поселка Левандувка и лесного массива»[314].

Как видим, в операции по захвату «Тура» было задействованы сотни людей, а не «я, генерал Дроздов и двадцать оперативников», как об этом пишет скромный Судоплатов, на тот момент бывший генерал-лейтенантом ГБ.

Тем временем сам Шухевич и его связные забеспокоились, не дождавшись прихода Дарьи. Главком отправил своих охранников «Левко» и «Зенко» организовать новую «хату». Точнее, не организовать, а проверить надежность запасных конспиративных квартир. Переход планировалось совершить в воскресенье, ночью — 5 марта. Тогда должны были проходить какие-то местные «выборы» и подпольщики предполагали, что в воскресенье все будет спокойно. Именно этой уверенностью объясняется тот факт, что в критический момент Шухевич остался без охраны. Правда, что могли сделать 2 человека против сотен чекистов, милиционеров и солдат? А вот если бы Шухевич выбрал другой вариант риска — потому что оставаться на месте тоже было рискованно — и ушел из Белгорощи сразу же, как только Гусяк не вышла на связь, то неизвестно, сколько времени чекисты продолжали бы гоняться за легендарным главкомом.

В ночь с 4 на 5 марта все село было блокировано. Неожиданно из дома Натальи Хробак выскочил ее сынишка Даниил. Группа под руководством капитана П-на задержала и на скорую руку допросила пацана. Подросток указал в центре села на дом своей сестры Анны Конюшик, домработница которой была похожа на Галину Дидык.

По другой версии Даниил знал, что в доме Анны кто-то скрывается и, увидев оперативников, бросился к этому дому для того, чтобы предупредить подпольщиков, но был пойман чекистами.

Не желая жертвовать своими людьми и надеясь взять Шухевича живым, оперативники подошли к дому, где скрывался Шухевич. Через некоторое время дверь от-

крыла Галина Дидык, отказавшаяся признать то, что она — это она, и в этом доме находится Шухевич, которому предлагали сдаться. Тогда чекисты вломились в дом, начали его обыскивать, нашли у Дидык пистолет, но стрихнин она успела проглотить.

После ее откачали, дали, как водится, 25 лет, из которых она отсидела 21 и потом еще отбывала ссылку в Казахстане.

Шухевич в момент обыска находился в тайнике — помещении в коридорчике, который вел в спальню. Услышав шум, он решил пробиваться на волю, поскольку явно не догадывался, сколько людей с нетерпением ждет его появления. Во время прорыва главком убил из пистолета начальника отделения управления 2-НМГБ УССР майора Ревенко и, получив от другого чекиста в грудь автоматную очередь, дострелил себя выстрелом в висок.

Операция по поимке Шухевича провалилась.

Оборотни в косоворотках

Очень плохо палачам по ночам,
Если снятся палачи палачам,
И как в жизни, но еще половчей,
Бьют по рылу палачи палачей.
Как когда-то, как в годах молодых —
И с оттяжкой, и ногою в поддых...

Александр Галич. «Плясовая»

Этих людей один из ветеранов повстанческого движения — Юрий Борец — назвал «упырями». Но, наверное, точнее будет назвать их так, как окрестил своих коллег бывший министр внутренних дел Российской Федерации Борис Грызлов: оборотни. Только не все они были в погонах. Большинство прятало свою сущность не под эмвэдэшной или эмгэбэшной формой, а под гражданской одеждой, то есть весьма часто под национальной русской и украинской рубахой — косовороткой. Речь в этой главе пойдет о спецгруппах НКВД — МГБ, а также об агентурной работе, которая причиняла вреда повстанцам порой не меньше, чем чекистско-войсковые

операции по прочесыванию лесов и тор, или массовое выселение семей «бандпособников».

Почти сразу же по возвращению советской власти чекисты озаботились созданием «спецгрупп» — то есть групп провокаторов. В общем-то, коммунистические провокаторы действовали здесь и ранее — в период нацистской оккупации Западной Украины за повстанцев себя иногда выдавали красные партизаны. Либо для того, чтобы спокойно пройти через районы, где население коммунистов особенно ненавидело, либо для того, чтобы как-то повредить немцам, а ответный удар отвести от себя, направив его на ненавистных партизанам националистов. Не брезговали «герои невидимого фронта» и немецкой формой. Во-первых, для того, чтобы во время проведения операций вводить врагов в заблуждение. Во-вторых для того, чтобы грабить, убивать и мучить крестьян, чтобы получить и «экономический» (пополнение запасов отряда), и политический эффект — мирные жители настраивались против немцев, а тех, кто был готов поддержать немцев, можно было «пользуясь случаем» уничтожить.

Летом 1944 г. один из работников НКВД обратился к наркому Рясному с предложением создать «конспиративно-разведывательные группы» из бывших бойцов УПА и перевербованных подпольщиков. В августе был дан приказ, чтобы в практическую деятельность органов НКВД широко привлекали «спецгруппы», которые с осени 1946-го назывались также «агентурно-боевыми группами», или «легендированными боевками».

Эти спецгруппы, по мысли украинского исследователя Ивана Биласа, преследовали ряд целей:

- проведение широкой агентурной работы по выявлению важных руководителей ОУН, командиров УПА, их физического уничтожения;
- проникновение в структуры Центрального Провода ОУН, за границей включительно, с целью дезорганизации политической линии украинского Сопротивления;
- организация политических провокаций и убийств мирного населения от имени ОУН-УПА с целью компрометации национально-освободительной борь-

бы украинского народа и дискредитации идеи Украинского объединенного самостоятельного государства;

– организация натравливания различных слоев украинского населения друг на друга.

По свидетельству последнего главнокомандующего УПА Василия Кука, это был самый эффективный метод борьбы коммунистов против повстанцев: «Войдут в село, раскроют нашу организацию, захватят или уничтожат ее членов, да еще под видом повстанцев перебьют мирных жителей»[315].

Приведем отрывок из адресованного Лаврентию Берия совершенно секретного сообщения наркома внутренних дел НКВД УССР Рясного за № 8/156451 от 26.07.1945 г. «Об организации и результатах работы специальных групп для борьбы с оуновским бандитизмом в западных областях Украины»:

«Часть бандитов УПА, которые явились с повинной, используются сначала как отдельные агенты-боевики, а позднее в боевых группах особого назначения, названых нами специальными группами. В тех случаях, когда агент-боевик, который влился в банду или в подполье ОУН, – не имел возможности физического уничтожения или захвата руководителя-главаря, его задачей являлась компрометация главаря банды или местного подполья для усиления и активизации разложения банды или местной организации ОУН...

Комплектование спецгрупп при оперативных группах НКВД УССР проводилось по принципу подбора агентов-боевиков, которые были проверены на исполнении заданий по ликвидации оуновского бандитизма (в том числе убийств населения, которое сочувствовало ОУН-УПА). В Ровенской и Волынской областях в состав специальных групп вливались также бывшие партизаны-ковпаковцы, хорошо знакомые с местными условиями, имевшие большой опыт борьбы с оуновским бандитизмом.

По своему внешнему виду и вооружению, знаниям местных бытовых особенностей и языка и конспиративным способам действия личный состав специальных групп ничем не отличался от бандитов УПА, что вводит в обман аппарат живой связи и главарей УПА, и оуновского подполья.

В случаях угрозы расшифровки или невозможности проведения захвата указанных планом главарей ОУН-УПА, участники спецгрупп уничтожают последних, также во многих случаях создают такое впечатление в оуновской среде и среди населения, что уничтожение руководителей ОУН-УПА совершено бандитами СБ.

В состав каждой спецгруппы входит от 3 до 50 и больше особ, в зависимости от легенды и задания, которые пользуются особым "уважением" выдуманного бандитского руководителя. По состоянию на 20 июня 1945 г. всего в западных областях Украины действует 156 спецгрупп с общим количеством участников в них 1783 человека»[316].

Собственно УПА насчитывала на тот момент, вероятно, около 15–20 тыс. человек – то есть на каждых десятерых повстанцев приходился один «лжебандеровец» – оборотень в косоворотке.

Украинский исследователь Иван Билас опубликовал отчет майора ГБ Соколова, подробно описывающий действия одной из спецгрупп МГБ. В этом отчете описывается операция по вскрытию подполья ОУН и УПА с помощью «маскарада» – введения противника в заблуждение, без издевательств над мирным населением с целью компрометации бандеровцев. При прочтении этого отчета складывается впечатление в высочайшей результативности такого метода антипартизанской борьбы[317].

Вот как один из случаев применения такой спецгруппы описывает чекист Григорий Санников. Бандеровца Мудрого, жившего на легальном положении, но тайно сотрудничавшего с подпольем, подпоили, агент МГБ подрался с ним в кабаке, после чего: «Мудрого арестовали на следующий день по заявлению участковому милиционеру от нескольких избитых им в драке сельских хлопцев... С подбитым глазом и расквашенным носом, но уже протрезвевший Мудрый в наручниках сидел в закрытой брезентом грузовой автомашине между двумя милиционерами. В кабине с водителем был еще один милиционер... Поравнявшись с "нужной" хатой, машина остановилась. "Вода закипела", – донеслось из кабины. Ехали по тряской разбитой дороге больше часа, всем захотелось размяться. Вывели из кузова и Григория. Неда-

леко от дороги виднелась хата с темными окнами. Шофер повозился в моторе, взял ведро и направился к хате.

– Подожди, – остановил его старший, – пойдем все вместе, заодно водички попьем.

Вся группа вместе с Мудрым направилась к дому... Постучались. Ответа не последовало. Настойчивый стук в окно вызвал ответный голос:

– Кто там, чего надо?

– Милиция, откройте. Нам надо воды для машины...

– Проходите, гости дорогие, – суетливо двигается в дверях хозяин, пропуская военных в хату.

Старший осматривается и строго спрашивает:

– Где хозяйка? Почему в хате так накурено? Кто у тебя в доме?

– Да никого нет, пан офицер. Хозяйка спит, дети давно не живут с нами.

На столе четыре большие тарелки с остатками еды. Недопитая бутылка самогонки. Горкой лежит скорлупа от съеденных яиц. Григорий Мудрый стоит в глубине комнаты в наручниках. Старик хозяин с испугом смотрит на него. Чуть в стороне два милиционера. Старший поворачивается к одному из них и бросает:

– Ковтун, осмотри хату, посмотри на горище (чердаке. – *А. Г.*) в первую очередь.

Тот, кого назвали Ковтуном, снимает с плеча автомат и направляется к выходу. В это же мгновение дверь распахивается и в проеме вырастает кудлатая фигура человека со вскинутым и изготовленным к стрельбе автоматом ППШ. Судорога перекашивает лицо старшего. Рука дергается к кобуре пистолета. Длинная автоматная очередь бросает его тело навзничь на пол. Этой же очередью стрелявший, чуть дернув стволом автомата в сторону Ковтуна, сваливает его лицом вниз. Следующей, уже короткой очередью человек с автоматом поражает третьего, успевшего сдернуть с плеча автомат и пытавшегося передернуть затвор. Тот опускается сначала на колени и, издав булькающий звук, мягко валится на бок... В то же мгновенье чья-то автоматная очередь из темноты за дверями поражает шофера и он делает нырковое движение головой под стол... Первый стрелявший оуновец направляет дуло автомата на Мудрого... Осечка.

...Только сейчас пришедший в себя от ужаса и осознавший происходящее Мудрый истошно кричит:

– Не стреляйте, я свой. Я из Дубровы, я свой...

– Разберемся. Забирай его, друже. Плащ-палатку ему на голову, и гайда, – распоряжается тот, кто стрелял первым...

...Что касается оуновцев, то это опытные хлопцы из числа бывших бандеровцев, завербованных госбезопасностью, совершившие на своем, хотя и молодом, веку не одну такую настоящую или инсценированную акцию.

– Вы где, дядько? – кричит один из них.

– Я здесь, хлопцы, – отвечает хозяин хаты и медленно поднимается с пола у печи. – Что же мне делать, куда деваться, что я скажу в селе, властям? – почти рыдает хозяин.

– Скажете, что незнакомые люди из леса были, попросили поесть. Потом посекли из автоматов "энкэвэдистов". Больше ничего не знаешь.

Быстро выворачивают карманы "убитых". Берут документы. Все это вместе с тяжелыми дисками от автоматов, пистолетами и еще какими-то взятыми у "убитых»-"вещами запихивают в вещмешок. Толкая в бока Мудрого, оуновцы покидают хату, оставляя в ней хнычущего хозяина.

...Мудрого водили по хорошо известной окружности вокруг хаты, создавая видимость быстрого движения по лесной и временами труднопроходимой местности. По подсчетам пленника прошли минимум десять километров... "Лишь бы не убили, – думал Мудрый, – я им докажу, что я свой"»[318].

Арестованного тщательно допрашивали, и он, если поддавался на провокацию, рассказывал о подпольной сети все, что знал. Далее, в зависимости от ситуации, этого человека либо снова «отбивали» чекисты – на сей раз уже в форме, либо маскарад внезапно заканчивался – для того чтобы на этот раз психологически сломить подпольщика.

Чекист, а позднее милиционер Николай Перекрест так отозвался о таком методе: «Очень тонкая игра. Там у нас был свой "момент истины"»[319].

Игра действительно тонкая. Особенно, если вспомнить, что спецгруппы выполняли еще одну важнейшую функцию, о которой сотрудники «органов» вспоминать очень не любят — функцию компрометации повстанцев.

Приведем отрывки из «Докладной записки о фактах грубого нарушения советской законности в деятельности так называемых спецгрупп МГБ». Автор этого послания на имя Никиты Хрущева — военный прокурор войск МВД Украинского округа полковник юстиции Кошарский. Дата составления документа — 15 февраля 1949 г. — через 7 месяцев УПА приказом своего главнокомандующего будет распущена. Это не 1944–1945 гг., когда Советы проводили масштабные чекистско-войсковые операции в Западной Украине, «зачищая» целые села. Это — завершающий этап «войны после войны», когда чекисты действовали уже более тонкими методами, и задача ликвидация Сопротивления была возложена в первую очередь на МГБ, а не МВД или Советскую армию.

Вот как МГБ с этой задачей справлялось:

«(...) 1. В марте 1948 г. спецгруппа, возглавляемая агентом МГБ "Крылатым", дважды посещала дом жителя с. Грицки Дубовицкого р-на Ровенской области — Паламарчука Гордея Сергеевича, 62 лет, и, выдавая себя за бандитов "УПА", жестоко истязала Паламарчука Г. С. и его дочерей Паламарчук А. Г. и Паламарчук З. Г., обвиняя их в том, что, якобы, они "выдавали органам МГБ украинских людей".

"Крылатый" и участники его группы подвергали пыткам Паламарчук А. Г. и Паламарчук З. Г., подвешивали, вливали им в нос воду и, тяжко избивая, заставили Паламарчук З. Г. и Паламарчук А. Г. дать показания, что они с органами МГБ связаны не были, а, наоборот, были связаны с участниками украинского националистического подполья.

Участники спецбоевки предупредили членов семьи Паламарчука о том, что если они посмеют заявить органам Советской власти о посещении их дома бандитами, то над ними будет учинена расправа.

На основании полученных таким провокационным путем "материалов", 18 июля 1948 г. Дубровицким РО МГБ Паламарчук З. Г. и Паламарчук А. Г. были арестованы, причем, как заявили арестованные, сотрудники райотдела МГБ во время допросов их также избивали, заставляли продолжительное время стоять на ногах и требовали, чтобы они дали показания о связи с бандитами. (...)

2. В ночь на 22 июля 1948 г. спецгруппой МГБ из с. Подвысоцкое Козинского р-на Ровенской области был уведен в лес местный житель Котловский Федор Леонтьевич, которого участники спецгруппы подвергали пыткам, обвиняя его в том, что у него в доме часто останавливаются работники из числа совпартактива и в том, что, якобы, он выдавал органам Советской власти бандитов.

Эти провокационные действия преследовали цель путем истязаний и угрозы лишения жизни заставить Котловского дать показания, что он является врагом советской власти.

В результате истязаний Котловский находился на излечении в больнице с 27 июля по 27 августа 1948 г.

По заключению больницы, Котловскому Ф. Л. были нанесены тяжелые телесные повреждения, с явлениями сотрясения мозга и омертвлением мягких тканей тела.

3. В ночь на 22 июля 1948 г. той же спецгруппой был уведен в лес житель с. Ридкив Михальчук С. В., инвалид Отечественной войны.

В лесу Михальчук был подвергнут допросу, во время которого его связывали, подвешивали и тяжко избивали, добиваясь таким путем показаний о связи с бандитами.

Продержав Михальчука в течение 2 суток в лесу, участники спецгруппы его отпустили, причем в результате избиений он в течение 7 дней находился на стационарном излечении в больнице.

4. В ночь на 23 июля 1948 г. этой же спецгруппой из с. Подвысоцкое была уведена в лес гр-ка Репницкая Нина Яковлевна, рожд. 1931 г. (т. е. 17-ти лет. — *В. К.*).

В лесу Репницкая была подвергнута пыткам.

Допрашивая Репницкую, участники спецгруппы тяжко ее избивали, подвешивали вверх ногами, вводили в половой орган палку, а затем поочередно изнасиловали.

В беспомощном состоянии Репницкая была брошена в лесу, где ее нашел муж и доставил в больницу, в которой она находилась продолжительное время на излечении.

Из приведенных выше примеров видно, что действия т. н. спецгрупп МГБ носят ярко выраженный бандитский антисоветский характер и, разумеется, не могут быть оправданы никакими оперативными соображениями.

Не располагая достаточными материалами, т. н. спецгруппы МГБ действуют вслепую, в результате чего жертвой их произвола часто являются лица, не причастные к украинско-бандитскому националистическому подполью.

Наряду с этим следует указать, что этот метод работы органов МГБ хорошо известен ОУНовскому подполью, которое о нем предупреждало и предупреждает своих участников. В частности, об этом свидетельствует факт обнаружения у убитого бандита "Гонты" полного отчета о провокационных действиях спецгруппы МГБ в отношении гр-на Котловского.

Не являются также секретом подобные "операционные комбинации" и для тех лиц, над которыми участники спецгрупп чинили насилия, например:

В августе 1948 г. Военной Прокуратурой было прекращено дело арестованных Львовским областным Управлением МГБ Стоцкого Степана Петровича и Дмитрук Екатерины Григорьевны.

Указанные лица в сентябре 1947 г. были незаконно арестованы и поскольку никаких материалов об их антисоветской деятельности не было, они были пропущены через спецбоевку МГБ, где в результате применения незаконных методов допроса вынуждены были оговорить себя.

Насколько жестокими были пытки, которым подвергались указанные выше граждане, свидетельствует тот факт, что Стоцкий с 22 сентября 1947 г. по январь 1948 г. находился на излечении в Лопатинской больнице и в стационаре внутренней тюрьмы УМГБ по поводу глубоких и обширных язв, образовавшихся в результате физического воздействия на мягкие ткани тела.

В процессе следствия выяснилось, что Стоцкому стало известно, что его избивали не бандиты, а лица, имеющие отношение к органам МГБ.

В связи с отсутствием материалов для предания суду, Стоцкий и Дмитрук, почти спустя год после их ареста, из-под стражи были освобождены.

В апреле 1943 г. Львовским Облуправлением МГБ была освобождена из-под стражи Зацерковная Мария, рожд. 1927 г., арестованная Заболоцким РО МГБ Львовской области.

В процессе расследования дела было установлено, что Зацерковная была пропущена через спецбоевку, где, будучи избитой и под угрозой повешения, вынуждена была оговорить себя, что состоит в "ОУН" и является станичной.

10 октября 1948 г. Здолбуновским райотделом МГБ Ровенской области, был арестован за пособничество бандитам житель хутора Загребля Здолбуновского района Дембиций Петр Устинович.

Дембицкий обвинялся в том, что по заданию бандитов "ОУН" собирал для них зерно.

Расследованием установлено, что в сентябре 1948 г. к нему в дом явились вооруженные бандиты и потребовали, чтобы он среди жителей хутора собрал для них 30 центнеров хлеба. Боясь репрессии за невыполнение этих требований, Дембицкий обратился к некоторым жителям хутора с просьбой собрать зерно, но в этом ему граждане отказали.

Спустя несколько дней к Дембицкому вновь явилось несколько человек вооруженных и, дав ему время один час, приказали собрать у жителей хутора зерно и доставить в указанное место.

Боясь неизвестных, Дембицкий запряг свою лошадь, погрузил на повозку 3 мешка лично ему принадлежащего зерна и повез это зерно в указанное неизвестными место. Однако неизвестные, как оказалось, участники спецгруппы МГБ, доставили Дембицкого в райотдел МГБ, где был составлен акт о задержании Дембицкого с поличным.

После ареста Дембицкого, в Военную Прокуратуру явилась его жена, которая среди посетителей вела разговоры о том, что под видом бандитов действовали сотрудники МГБ, запугавшие и спровоцировавшие ее мужа.

Подобные факты из деятельности спецгрупп МГБ, к сожалению, далеко не единичны и, как показывает следственная практика, если в отдельных случаях спецгруппам, путем насилия и запугивания, все же удается получить "при-

знательные показания" от отдельных лиц о связи их с бандитским подпольем, то добросовестное и проведенное в соответствии с требованиями закона расследование неизбежно вскрывает провокационную природу этих "признательных показаний", а освобождение из тюрьмы арестованных по материалам спецгрупп влечет за собой дискредитацию советской законности, органов МГБ и возможность использования каждого случая [провокаций] во вражеских, антисоветских целях украинскими националистами»[320].

Это — описание событий, происходивших в 1948–1949 гг. А спецгруппы мучили, грабили и убивали украинских крестьян с начала 1945 г. И здесь, как видим, возмущение прокурора вызывают действия этих садистов по отношению к обычному населению, с подпольем не связанному. Оуновцев же боевики спецгрупп могли убивать на вполне «законных» основаниях.

Как отмечалось в приведенной справке, о том, что по селам и лесам шастают оборотни, знали и бандеровцы, и мирные жители. Последних повстанцы информировали о действиях спецгрупп или провокаторов. Вот, например, текст бандеровской листовки, выпущенной в апреле 1949 г.:

«Селяне, рабочие и интеллигенты!

В села и городки, в которых вы живете, заходят часто незнакомые люди, преимущественно мужчины, и просят вас спрятать их от НКВД и связать с подпольщиками, так как они убежали из тюрьмы.

Нужно помнить, что из большевицкой тюрьмы убежать очень тяжело, а все те, которым якобы удалось убежать из тюрьмы, — это не кто иной, как замаскированные разведчики НКВД — провокаторы...

Потому с разными людьми, которые ходят по селам и выдают себя за политических заключенных, которые убежали из тюрьмы, нужно быть очень осторожным. Если такие придут в хату и просят есть, то есть можно дать, но не вступать с ними в разговоры на политические темы.

Никогда не принимать людей на ночлег без справки от главы сельсовета.

Помните, что неосторожность в разговорах и поведении на политические темы с разными незнакомыми людьми не одного завела в тюрьму»[321].

Неотъемлемой частью борьбы репрессивно-карательных органов против УПА была агентурная работа. «По состоянию на 1 июля 1945 г. на учете органов НКВД западных областей состояло 175 резидентов, 1196 агентов и 9843 информатора. Всего 11 214 человек. Более масштабной была агентурная сеть НКГБ. Только в Станиславской области на 25 июля 1946 г. она насчитывала 6405 лиц; из них агентов — 641, резидентов — 142, информаторов — 5572, содержателей явочных и конспиративных квартир — 50. За период с 1 января 1945 г. по 1 июля 1946 г. НКГБ завербовал 5671 человека, в том числе 596 агентов, 93 резидента, 4941 информатора и 41 содержателя явочных и конспиративных квартир»[322].

С такой агентурой велась очень плотная работа. «Существовал у каждого оперативного работника с указанием его фамилии так называемый график встреч с агентурой, утвержденный начальником отделения. В таком графике указывалось не менее 12–15 агентов, встречи с которыми проводились минимум дважды в месяц, ну а при необходимости и чаще, с некоторыми иногда и дважды в день, когда было указание свыше — срочно получить, собрать реакцию населения по какому-то определенному вопросу. Я видел графики некоторых оперативных работников, в которых было по 30–40 агентов с указанием их кличек»[323].

Но это описывается ситуация в городах, потому что в деревнях такой темп «работы» обеспечить было технически невозможно.

Вот как тот же Санников описывает эту деятельность: «Неприятным для меня были ночные встречи с агентурой в глухих селах и хуторах, куда я добирался вместе с кем-либо из райотделовских сотрудников, как правило, автомашиной, под прикрытием двух-трех солдат. Ночи темные, тихие. Машину оставляли с вооруженным водителем за 1,5–2 километра от места встречи. Далее двигались молча, стараясь не производить шума, особенно в лесу, где все хрустит и шелестит. За сто — сто пятьдесят метров оставляли солдат, проинструктированных заранее. Затем максимально осторожно с пистолетом или автоматом наготове выдвигались к самому месту встречи, где, абсолютно невидимый в ночи, нас поджидал

агент, как правило, обычный сельский вуйко (дядька. — *А. Г.*). Он сидел где-нибудь под стогом сена тихо, как мышь, и сердце обрывалось от страха, когда моя рука или нога упиралась или наталкивалась на что-то упругое, живое, человеческое. Садились рядом, тесно прижавшись друг к другу.. Я жалел этих людей, так мало видевших радости и счастья в жизни. Почти все они не по доброй воле были связаны с госбезопасностью. Почти все — бывшие бандеровцы, партизаны лесные, или бандпособники, имевшие в прошлом тесные связи с подпольем ОУН, или повстанцами, оказывавшие в прошлом, а иногда и в настоящем (зачастую и без ведома госбезопасности), помощь своим братьям по классу — вчерашним крестьянам, а ныне подпольщикам, бандеровцам-оуновцам, революционерам, карбонариям, не знавшим и не понимавшим смысл этого слова, но слышавшим его от провидныков ОУН, так иногда называвших себя.

Шепотом вели короткие переговоры, типа: "Новости какие-нибудь есть? Хлопцы не приходили? Что слышно в селе?" И, как правило, такой же короткий ответ: "Не-а, ничего не слышно". И очень редко: "Говорили соседи (называлось имя), что в селе "А" на прошлой неделе тетка "У" слыхала на базаре от знакомой, что у такой-то сын в лесу видел вооруженных людей, не похожих на военных. Наверное, хлопцы из леса". На этом встреча заканчивалась. Иногда агенту давали, без расписки конечно, немного денег. Немного, потому что дали бы и больше, да как он эти деньги легализует, когда кругом сплошная бедность и безденежье»[324].

Таким образом, многочисленной националистической подпольной сети НКВД и НКГБ противопоставили нечто вроде сети «антиподполья». Эта сеть была еще более многочисленной, и функционировала столь же конспиративно. Главным ее отличием от националистической организации было то, что вербовалась будущая агентура в основном с помощью запугивания, а то и пыток и избиений потенциальных провокаторов и сексотов или, куда реже, с помощью незначительного материального поощрения. ОУН же комплектовалась на добровольных началах, поэтому ее функционеры работали не за страх, а за совесть.

Следует отметить разницу в отношении к вражеской агентуре со стороны повстанцев и их противников. Если в каком-либо селе чекисты выявляли подпольщиков ОУН, или симпатизирующих их деятельности, то, если таковых не перевербовывали, обычно отправляли в заключение или ссылали. Расстреливали выявленных оуновцев не так часто. Повстанцы же, наоборот, могли отпустить домой бойца истребительного батальона или красноармейца, но почти всегда убивали сексота или агента НКВД и НКГБ.

Основное внимание агентуры спецслужб сосредотачивалось на выявлении и уничтожении командиров и ведущих функционеров УПА и ОУН. Также НКВД — МВД — НКГБ — МГБ старались добиться такого положения дел, чтобы чекистско-войсковые операции по ликвидации повстанцев и подпольщиков надежно обеспечивались разведданными, позволяющими установить точное местонахождение групп подполья и формирований УПА, численность их личного состава и руководства, наличие вооружения, возможные пути для отступления.

Против УПА использовались и элементы «бактериологической войны. Узнав о том, что повстанцы покупают на черном рынке медикаменты, НКВД вбросил в оборот зараженные тифом лекарства и материалы для прививок[325]. По свидетельству последнего Главкома УПА Василия Кука, были случаи отравления источников, повстанческой почты или минирования батарей для радиоприемников[326]. Хотя массового характера подобные методы борьбы не приобретали, и особого вреда подполью не принесли.

Любопытно одно средство, с помощью которого чекисты вылавливали повстанцев — «Нептун-47». «Человек, принявший такой препарат, первые пять-шесть минут ничего не испытывает. Но пальцы и руки буквально через пару минут уже бездействуют. Затем наступает полная "отключка", но человек еще может двигаться, идти, не соображая при этом, куда и зачем он идет и что он делает, полностью теряет контроль за своими действиями. Но самое неприятное впереди. Наступает тяжелый изнурительный сон с галлюцинациями. Наверное, что-то из наркотиков содержалось в препарате. Но никто из оперсо-

става не знал химического содержания "Нептуна-47". Сон длится обычно около двух часов. Самым мучительным было пробуждение. Человек испытывал страшную жажду во сне и при пробуждении, и даже если ему давали воды, не мог утолить ее. Ему казалось, что все вокруг покрыто снегом, и он пытается ловить рукой мелькающие перед глазами снежинки. Это состояние после пробуждения длится около часа. Самое подходящее время для активного допроса. Человек охотно отвечает на любой поставленный вопрос. Применение этого препарата было строжайшим секретом служб госбезопасности. Однако все население Западной Украины, включая детей, знало о нем»[327].

Знало и ласково прозвало «отравой» или «ядом» *(отрута)*.

О применении «Нептуна-47» последний главком УПА рассказывал так: «Часто мы боялись брать у населения даже молоко, поскольку оно могло быть отравлено. Тогда мы что делали — пусть хозяин сам напьется этого молока, тогда и я буду пить. Но иногда они давали противоядие этим агентам, и тогда только один из нас пил молоко, а другие ждали. Ему плохо, а хозяин молчит. Что ж ты молчишь? Людей травишь и молчишь! Что мы должны были делать с теми хозяевами, которые знали, что молоко отравлено, а нам его давали? Хозяина застрелили (вот тебе и почти мирное население), а отравленного бойца пытались вылечить»[328].

Расскажем здесь еще об одном «специальном» методе борьбы с повстанцами, до которого, наверное, могли додуматься только в НКВД. Вот отрывок из спецсообщения министра внутренних дел УССР Рясного наместнику Сталина в Украине Никите Хрущеву. Документ датирован 7 декабря 1945 г.:

«Докладываю о дополнительных результатах при проведении комбинаций с приманками:

1. 2 декабря с. г. Серегинским РО НКВД Станиславской области в селе Новит были оставлены на ночлег при небольшом конвое семьи бандитов, изъятые для выселения.

С наступлением темноты у дома, где расположился конвой, была организована засада из бойцов ВВ НКВД.

Около полуночи к месту размещения конвоя подошла группа бандитов неустановленной численности, имея в виду освободить бандитские семьи.

В результате открытого огня из засады убито 4 бандита, остальные, пользуясь темнотой, скрылись.

Трупы убитых не опознаны...

2. 4 декабря с. г. опергруппой Мельница Подольского РО НКВД Тернопольской области при проведении операции у села Устье было убито 3 бандита, трупы которых не были убраны.

С наступлением темноты у места нахождения трупов была организована засада.

Ночью для уборки трупов подошли 3 бандита, которые засадой были убиты.

Среди убитых опознаны бандиты — жители села Устье — Пилипчук Дмитрий, кличка "Ивась", Ильницкий Степан, кличка "Ручей" и Ткач Григорий, кличка "Ясень".

3. В райцентре Рудки Дрогобычской области проживал расшифрованный агент "Олег" Рудковского РО НКВД, которого бандиты намеревались убить при появлении его в своем селе. 6 декабря с. г. Рудковский РО НКВД направил агента "Олега" к своим родным в село Новый Остров и организовал у его дома засаду. Ночью к дому агента "Олега" подошли 3 бандита из местной боевки СБ, которые из засады были убиты...

4. Подволочийским РО НКВД Тернопольской области с целью ликвидации самими бандитами станичного ОУН села Дубровилка Кухты Ивана и его связного Кухты Василия, находившихся на нелегальном положении, работниками РО НКВД одному из бандпособников было подброшено якобы утерянное Кухтой Иваном фиктивное сообщение в адрес органов НКВД о месте нахождения боевки СБ.

В результате, в ночь на 5 декабря с. г. станичный Кухта Иван был бандитами повешен, а его связной Кухта Василий — расстрелян»[329].

Стал жертвой агентурных комбинаций и Василий Кук — последний руководитель вооруженного антисоветского подполья в Западной Украине.

Это человек уникальной судьбы.

Он родился в крестьянской семье 11 января 1913 г. в Австро-Венгерской империи — в селе Красное Золочевского уезда Тернопольского воеводства. Сейчас это Буский район Львовской области. Кроме Василия, в семье было семеро детей, двое из которых умерло еще в детстве, все остальные были членами ОУН. Двое братьев Василия за деятельность в ОУН в 1930-х были казнены польской властью. Сам Василий начал националистическую «работу» еще в конце 1920-х, позже многократно арестовывался польской полицией.

В 1937 г. он ушел в подполье. И несколько в нем задержался — аж до 1954 г.

То есть 17 лет Кук был сначала в антипольском, потом антинацистском, а позже в антисоветском подполье. Из всего этого времени единственный период, когда он мог быть относительно спокойным за свою безопасность — с сентября 1939 по июнь 1941 гг.: он находился на территории захваченной рейхом Польши. Нацисты с ОУН тогда сотрудничали и за ее членами не охотились.

В 1940 г., когда произошел раскол Организации, Кук, как один из тысяч молодых радикалов, примкнул к фракции Степана Бандеры, благодаря чему стал одним из ведущих деятелей национального украинского Сопротивления.

Весной 1941 г. организовал и возглавил Центральный штаб походных групп ОУН. После того как немцы развернули террор против бандеровцев, схватили и Кука. Однако, во время перевозки арестованных, ему удалось бежать.

С весны 1942 г. возглавил провод ОУН на юго-восточных украинских землях, то есть руководил Организацией на территориях, расположенных примерно южнее украинского города Черкассы (несколько областей южной Украины). Кстати, Кук был непосредственным начальником упоминавшегося ранее Евгения Стахова.

На рубеже 1943/44 гг. Василий Кук, изучивший менталитет советских украинцев, возглавил группу УПА-Юг, то есть отряды, действовавшие на территории Каменец-Подольской, Винницкой, Житомирской и Киевской областей. К середине 1945 г. эти группы были полностью разгромлены.

С 1945 г. непосредственно руководил деятельностью ОУН на восточных украинских землях, а с февраля 1945 г., заняв место убитого Клячковского — также и на северо-западных украинских землях — то есть на Волыни.

Тогда же он становится одним из заместителей главкома УПА Романа Шухевича

С 1950 г., после гибели последнего, возглавил всю Повстанческую армию. В 1950–1954 гг. Василий Кук был Главой ОУН в Украине, Главного Командования УПА и Генерального секретариата подпольного украинского предпарламента — Украинского главного освободительного совета (УГОС). Таким образом, четыре года Василий Кук (действовавший под псевдонимом Лемиш или Василий Коваль) возглавлял национально-освободительную борьбу в Украине.

Может быть, возглавлял не столько борьбу подполья, сколько самосохранение остатков Организации.

В апреле 1954 г. он вместе с женой Ульяной был схвачен чекистами. Обстоятельства его ареста с помощью бандеровца, завербованного коммунистами, описывает уже упоминавшийся Григорий Санников.

«Чумак решительно встал и повернулся к спящим Лемишу и Оксане (псевдоним супруги Кука. — *А. Г.*). Два шага, и он вплотную подошел к нарам (в бункере. — *А. Г.*). Протянул руки и взял лежавшую рядом с крепко спавшими портупею провидныка с прицепленной к ней гранатой, ножом и пистолетом. Кобура пистолета жены провидныка и часть ремня оказалась у нее под спиной. Чумак осторожно потянул к себе ремень. Женщина не проснулась. Он разрядил пистолеты. Вынул запал из гранаты. Ни Лемиш, ни Оксана не пошевелились. Они продолжали спать. Тогда он приподнял все еще продолжавшего спать Лемиша и посадил его к стене. Провиднык продолжал спать. То же самое он проделал с Оксаной. Она всхрапнула и встрепенулась. Чумак сел за стол. Ствол его автомата был направлен в сторону сидевших на нарах. Женщина проснулась и закричала. Даже тогда, когда он казнил по приказу своих командиров людей, среди них попадались женщины, он не слыхал такого страшного крика, похожего скорее на вой волчицы, угодившей в смертельный капкан. Женщина смотрела на

Чумака глазами, полными ужаса и недоумения. Лицо ее искажала гримаса отвращения и боли. Проснувшийся после короткого, как беспамятство, сна, Лемиш пришел в себя и, повернув голову в сторону Чумака, смотрел на своего уже бывшего связного глазами, выражающими сожаление, горечь и боль от случившегося с ними. Он не впал в истерику, как Ульяна. Он пытался найти выход, что-то предпринять и хотел поймать взглядом глаза преданного ему в прошлом человека, никогда не вызывавшего у него и тени подозрения. Чумак явно боялся встретиться взглядом с некогда обожаемым им командиром, а ведь он раньше считал его за своего провидныка. Лемишу так и не удалось посмотреть в глаза своему связному. Чумак сознательно отворачивался от него, смотрел в сторону Ульяны. Глаза Ульяны горели гневом и ненавистью. Она неожиданно для Мыколы плюнула ему в лицо.

– Сдохнешь вместе с "гэбэшниками", проклятый Иуда, – произнесли шепотом, показавшимся всем троим громким голосом, запекшиеся губы Ульяны.

Чумак достал из кармана серую от грязи тряпицу, служившую ему носовым платком, и вытер со щеки плевок. Не спуская с сидевших на нарах глаз, медленно пятясь от них, зашел за лестницу, нащупал в земляной нише "Тревогу" и нажал на кнопку. Раздался еле слышный и короткий щелчок. "Все, назад пути нет", – подумал Чумак и облегченно вздохнул.

Где-то там, в каком-то райотделе ГБ зажглась сигнальная лампа на контрольном щите и раздался звонок, который мгновенно взметнул наверняка дремлющего дежурного офицера, сразу же поднявшего на ноги "тревожную группу": "Сигнал от Чумака. Лемиш захвачен или убит. Тревога"...

Чумак отодвинулся от включенного им аппарата. В бункере стало тихо. Чумак с автоматом в руках, изготовленный к стрельбе, сидел за столом напротив Лемиша и Оксаны. Он по-прежнему не смотрел в глаза ни Куку, ни Ульяне. Взгляд его был где-то посредине между сидевшими на нарах. Наконец, Лемишу удалось поймать взгляд Чумака. Теперь они смотрели друг на друга глаза в глаза»[330].

Вероятно, в гляделки в тот раз Кук играл не случайно – из описания его дальнейшего разговора с предателем Чумаком складывается впечатление, что Кук хотел его либо подкупить, либо как-то «заболтать» и уйти от МГБ и в этот раз... Не удалось.

Кука арестовали и он со своей женой пробыл в предварительном заключении шесть лет. Поскольку вся история происходила уже во время оттепели, то последнего главкома, по воспоминаниям его самого и его следователя, особенно не «ломали». Просто держали в тюрьме – даже в одной камере с женой, вели с ним «душеспасительные» беседы о пользе марксизма-ленинизма и бесперспективности мечтаний о независимой Украине. Для разговора с ним в тюрьму являлся глава Компартии Украины Кириченко. Любопытно, что таким образом встретились два правителя Украины – Генеральный секретарь Украинского главного освободительного совета и Первый секретарь ЦК КП(б)У. Кроме очень узкого круга лиц из МГБ, МВД и высшей партноменклатуры, никто не знал, где находится этот человек. Подпольщики и оуновцы за границей думали, что он погиб.

Держали его в тюрьме без суда. По некоторым данным, Хрущев предлагал расстрелять Кука, но советского диктатора отговорили.

Сам Кук уже не выдержал долгого заключения. Он начал требовать, чтобы его либо осудили, либо отпустили. Коммунисты выбрали второе. Вскоре от его имени опубликовали обращение, произведшее эффект разорвавшейся бомбы. В 1960 г. Кук призывал заграничных членов ОУН отказаться от создания подпольной организации в Украине. В письме осуждались проявления украинского коллаборационизма в годы Второй мировой войны. По его собственным словам, Кук не отказался от содержания этого письма и в 1990-е гг. Наверное, над корректностью формулировок этого письма чекисты работали очень долго.

Кука выпустили, в том числе для того, чтобы показать – советская власть добрая, после смерти Сталина она изменилась, даже прощает своих врагов. А через год – в августе 1961 г. Сташинский ушел на Запад и рассказал, что это он два года назад убил Степана Бандеру...

В 1961–1968 гг. Кук работал старшим научным сотрудником Центрального государственного исторического ар-

хива в Киеве, в 1968–1972-м — в Институте истории Академии наук УССР по специализации «источниковедение».

Советское руководство озаботилось «правильностью» направления деятельности столь ценного научного сотрудника и додумалось попросить его написать труд (за точность названия не ручаюсь, но смысл примерно такой): «Марксизм-ленинизм и национальный вопрос».

Кук написал, и за то, что он написал, его из Академии наук уволили.

С 1972 по 1980 гг. Кук работал товароведом «Укрбытрекламы», а после в возрасте 67 лет ушел на пенсию.

Свою жену Ульяну он похоронил еще в советские времена.

В настоящий момент Кук — на пенсии, которая эквивалентна 30 $, живет в Киеве и возглавляет исследовательский отдел Братства бывших бойцов УПА. Последний главком, несмотря на преклонный возраст — 91 год — в здравом уме и твердой памяти, и, хоть и ссутулился под тяжестью лет, читает без очков и пользуется сетью Интернет. Квартира Кука заставлена шкафами с книгами на разных языках. Он охотно общается с журналистами, рассказывает о борьбе УПА. Понятно, рассказывает не все, что знает. Приходится ему встречаться и с бывшими оперативниками, «разрабатывавшими» его дело. Тогда, в 1950-х, кто из них мог подумать, что судьба сведет их при таких обстоятельствах.

Борьба людей антисоветских против людей советских

Председатель Совнаркома, Наркомпроса,
Мининдела!
Эта местность мне знакома, как окраина Китая!
Эта личность мне знакома! Знак вопроса вместо
тела.
Многоточие шинели. Вместо мозга — запятая.
Вместо горла — темный вечер. Вместо буркал —
знак деленья.
Вот и вышел человечек, представитель населенья.

Иосиф Бродский. «Представление». 1986 г.

Руководство Советского Союза и Советской Украины в 1944 г. было уверено в том, что УПА будет уничтожена в течение нескольких месяцев. Однако эта уверенность вскоре сменилась озлобленностью.

16 марта 1945 г. Первый секретарь ЦК КП(б)У Никита Хрущев разослал секретарям обкомов КП(б)У, начальникам областных управлений НКВД и НКГБ западных областей Украины гневное письмо:

«По решению ЦК КП(б)У Вы обязаны были 15 марта 1945 г. ликвидировать в своей области банды украинско-немецких националистов.

На совещании секретарей обкомов, начальников областных Управлений НКВД и НКГБ Вы дали обещание закончить ликвидацию банд раньше этого срока.

Однако на 16 марта в Вашей области еще оперируют десятки банд и сотни бандитов.

Таким образом, решение ЦК КП(б)У не выполнено. Вы не сдержали своего слова...

ЦК КП(б)У считает, что Вы не сделали надлежащих выводов из решения ЦК КП(б)У и не использовали всех возможностей, которые Вы имели, для окончательного разгрома и уничтожения всех бандитских групп.

Предлагаем Вам в трехдневный срок дать в ЦК КП(б)У объяснение о причинах невыполнения решения ЦК от 26 февраля с.г. и сообщить о принятых Вами мерах для окончательного уничтожения оуновских банд в Вашей области»[331].

Однако, толку от этого нагоняя, очевидно, было немного, если УПА и далее продолжала действовать в течение четырех с половиной лет.

Это письмо наглядно показывает, что партийные органы, а не чекисты были инициаторами и руководителями борьбы репрессивно-карательной системы с УПА. И повстанцы это отлично понимали, истребляя не только представителей «боевого отряда партии» — чекистов, но и работников аппарата «ума, чести и совести нашей эпохи».

В свою очередь, советские органы стремились не только запугать украинское население, но и вовлечь его в борьбу с УПА. Перефразируя Ленина, можно сказать, что коммунисты стремились превратить войну национально-освободительную в войну гражданскую. То есть сделать

так, чтобы западные украинцы воевали против западных украинцев. Потому что среди восточных украинцев и так многие были офицерами Красной армии, сотрудниками репрессивно-карательных органов, советскими государственными и партийными деятелями — в общем, в той или иной степени входили во все элитные слои Советского Союза, враждебные ОУН-УПА.

Для раскола западно-украинского населения были созданы так называемые «истребительные батальоны» — группы местных жителей, участвовавших в антипартизанской борьбе. В советских документах их участники назывались «истребителями», повстанцы же звали их «ястребками».

Уже упоминавшийся Николай Перекрест, воевавший в составе Внутренних войск НКВД — МВД в Западной Украине в 1944–1951 гг., говорил, что к 1948 г. население было уже на стороне коммунистов. Это выражалось, в частности, в том, что: «В селах создавались отряды местной самообороны. Их называли "истребительными батальонами", а тех, кто в них служил, — "ястребками". Правда, с ними бандеровцы расправлялись особенно жестоко, и чтобы не подставлять ребят, наши потом отказались от этой идеи»[332].

Непонятно, почему потом «наши» отказались от этой идеи, если население было, по словам Перекреста, уже на стороне новой власти, а до самороспуска УПА остался какой-то год?

Конечно, от этой идеи не отказались, «истребительные батальоны» провоевали с УПА до самого конца ее существования. Только их численный состав был в 1949 г., понятно, значительно меньше, чем в 1946-м.

Существовали также «группы содействия истребительным батальонам» — вооруженный партсовактив. Все это было неким советским аналогом повстанческих Самооборонных кустовых отрядов.

Истребителей использовали не только как боевые или охранные части, но и как проводников ВВ НКВД, а также в качестве агентуры.

Как только большевики начали создавать истребительные батальоны, ОУН приняла обращение к их членам: «...И видит батюшка Сталин, что не сдержать ему хода революции ни вагонами орденов, ни отрядами НКВД,

ни голодом, холодом, расстрелами, Соловками, тюрьмами, ни морем крови, которая окончательно его заливает и зальет. И НКВД ищет новые силы для борьбы с нарастающими революциями порабощенных народов, новых гончих собак, собак, воспитанных на хозяйстве хозяина народа, которого могли бы вынюхать и загрызть — это истребители явные и неявные (тайные). Так как нет ничего хуже, чем своя собака, зараженная большевистским бешенством. НКВД хорошо знает, чего достигает, пуская брата на брата. И пускай никто из истребителей не тешит свою совесть, что, вступая в истребители, спасает свою ничтожную жизнь дешево. И когда у него даже нет намерения кусать своего брата, то его принудят хорошей дрессировкой, и тогда возврата не будет.

Итак, для чего создает НКВД истребителей?

1) НКВД не хватает сил для борьбы с нарастающими национальными революциями;

2) для борьбы с национальными революциями нужны собаки, которые выросли на территории и в среде и знают их хорошо, чего не знает НКВД для охоты;

3) НКВД хочет, чтобы в борьбе с революцией падали не они, а эти охотничьи собаки;

4) НКВД хочет, чтобы в конце проигранной ими борьбы был караван, за которым можно было бы спрятаться перед народным гневом, говоря: "Это они это сделали"...

Истребители! У кого еще не умерла личная и национальная честь, пускай сейчас выходит из истребителей хотя бы ценою собственной жизни, так как в противном случае вал революции сокрушит вас с корнями. "Чтобы солнце не грело вашего смердящего гноя". Во время твердой борьбы нет места для спекулянтов.

Смерть предателям народа! Да здравствует Украинское Самостоятельное Объединенное Государство! Слава Украине! Героям слава»[333].

Такой пламенный призыв был куда менее действенным способом воздействия на украинцев, чем опер-, рай-и прочие уполномоченные НКВД, а также партийные и хозяйственные работники, загонявшие селян в «ястребки».

Хотя коммунистически настроенные элементы из западных украинцев, коих было не очень много, имели веские причины вступать в борьбу с УПА.

Например, осенью 1945 г. руководители парторганизаций Львовской области доносили в Киев Никите Хрущеву о действиях националистов: «В Бибрском районе в селе Гринева в ночь на 14.VIII повешен председатель сельсовета тов. Репин Николай Иванович с оставленной запиской на груди: "Именем военного трибунала УПА приговорен к смертной казни через повешение". Секретарь сельсовета Войтович Николай приговорен к смертной казни — расстрелу. Тов. Войтовича бандиты увели с собой.

Секретарь Поморянского РК КП(б)У сообщил, что 2.VIII с. г. из села Подзаив бандиты увели председателя и секретаря сельсовета. 6.VIII с. г. возле села Подсуив были обстреляны пулеметным огнем секретарь РК ЛКСМУ тов. Гончаров и оперуполномоченный РО НКВД т. Качаев. В результате обстрела тов. Гончаров убит, а тов. Качаев тяжело ранен.

29.VIII в селе Пиддубцы бандиты убили директора МТС тов. Решетняка и 4 трактористов. (...)

Секретарь Радеховского РК КП(б)У сообщил, что в ночь на 30.VIII с.г. в мельнице в присутствии крестьян был убит секретарь с/с тов. Рублевский. Убийца скрылся»[334].

Отлично понимая, что «большевистский десант» в Западной Украине моментально попадет под удар повстанцев, ЦК КП(б)У 10 мая 1944 г. принял постановление «О распределении оружия для вооружения партийно-советского актива, работающего в западных областях УССР». На эти цели было выделено 4000 комплектов оружия — в большинстве своем пистолетов ТТ.

Оружие следовало выдавать довольно широкому кругу номенклатурных работников — от секретарей обкомов, горкомов и райкомов КП(б)У до начальников районных отделений связи и секретарей обкомов, горкомов и райкомов комсомола[335]. В дальнейшем этот перечень был еще более расширен, поскольку повстанцы в массовом порядке убивали глав сельсоветов, председателей колхозов, захватывали и уничтожали колхозное имущество и даже небольшие промышленные предприятия.

18 сентября 1944 г. Украинский штаб партизанского движения передал для вооружения обкомов КП(б)У и управлений НКВД западных областей УССР: 2466 винтовок, 340 ручных и 9 станковых пулеметов, 670 автоматов и 284 миномета 50-миллиметрового калибра, чтобы они могли противостоять повстанцам.

Свидетельствует Василий Савчак («Сталь»), ветеран УПА из села Ямница Ивано-Франковской области: «19 декабря 1949 г. чекисты арестовали секретаря ямницкого сельсовета Долчука Михаила (Пшониевого).... Подозревая Долчука в связях с подпольщиками, следователь постоянно спрашивал его: "Почему тебя не убили?" Дело в том, что почти все верные режиму работники сельсоветов в других селах были уничтожены, а Долчук остался живым. Сам Долчук позднее вспоминал: "Мы действительно были связаны с партизанами, так как господствовало двоевластие: ночью руководили наши, а днем большевики"»[336].

Выдача оружия партсовактиву вселила в новых «хозяев жизни» больше уверенности и в некоторой степени усложнила действия повстанцев. Но были и другие последствия...

Упоминавшийся Перекрест так говорил о людях, ставших объектом бандеровского террора: «Я знал людей, чьих близких уничтожили "лесные братья" (вообще-то таковые действовали только в Прибалтике. — *А. Г.*). У меня друг был, из местных, Ваня Белокурый, первый секретарь Куликовского райкома комсомола. Его родителей и брата бандеровцы расстреляли, сам чудом уцелел... Они говорят, что убивали только активистов. Но кто такие активисты? Наиболее грамотные, целеустремленные люди. Цвет нации. Вот их бандеровцы и убивали, обвиняя в предательстве украинской независимости»[337].

Одним из последствий выдачи оружия этому «цвету нации» стал партийно-советский террор против мирного населения. Документы КП(б)У, прокуратуры и НКВД — МВД полны сообщений о «нарушениях советской и социалистической законности» парт- и совноменклатурой. Под угрозой оружия «слуги народа» нередко грабили и избивали крестьян, насиловали женщин, а иногда в пьяном состоянии по каким-то личным мотивам убивали «бандеровцев» — обычных селян.

Вот, например, информация Прокуратуры Украины заместителю главы СНК УССР о подобных явлениях, датированная 7 февраля 1946 г.:

«...17. Председатель Бело-Джаровского сельсовета Порицкого района Волынской области Иван Пашко систематически производил избиения граждан, незаконные обыски и изъятия имущества, которое присваивал себе. Путем угроз принуждал к сожительству жен военнослужащих и несовершеннолетних девушек. Областной суд приговорил его к 10 годам лишения свободы.

18. Секретарь Здолбуновского РК (райкома. — *А. Г.*) ВКП(б) Ровенской области Усаткин, будучи в нетрезвом состоянии, 9 ноября 1945 г. произвел на улице ряд хулиганских дебошей, выстрелом из револьвера ранил в ухо своего конюха. По представлению облпрокуратуры Усаткин привлекается к ответственности...

21. Безобразные издевательства над гражданами допускали уполномоченный РК КП(б)У Краснянского района Львовской области Безщастный М. К., секретарь райкома ЛКСМУ.

В селе Островчак-Пильный он посадил в подвал крестьянина Стец И. Л., десятника Сидорович Г. Г. и гр. Нестора И. И. за то, что они будто бы являются злостными несдатчиками зерна. Стец и Сидорович находились в подвале в течение ночи, а Нестор — двое суток. Расследованием установлено, что Нестор и Сидорович на 1 ноября полностью рассчитались с государством, а Стец — на 50 %.

Двух граждан-стариков Анну Руда, 1889 г. рожд. и Петра Бойко, 1879 г. рождения запряг в подводу вместо лошадей и заставил их везти 3 с половиной центнера зерна в районный центр. В этот же день Безщастный избил гр-на Кобзар Г. А., старика 1876 г. рождения, нанося ему побои рукой по лицу, а потом схватил за воротник и бросил об пол. Когда старик поднялся, он его еще раз ударил кулаком по лицу. Избил старуху Семенчук, 1883 г. рождения, два сына которой находятся в Красной армии, обвинял ее в невыполнении плана хлебозаготовок, тогда как она полностью вывезла зерно государству.

Безщастный арестован, привлечен к уголовной ответственности и осужден к 3 годам лишения свободы»[138].

Обратим внимание — в большинстве случаев бесчинства эти товарищи проводили неоднократно или даже систематически. Это в очередной раз свидетельствует о

том, что подобные явления принимали массовый характер и лишь в меньшинстве случаев доводились до прокуратуры. Забитые крестьяне сносили издевательства, пока чаша их терпения не переполнялась, и они не рассказывали о бесчинствах новых феодалов представителям соответствующих органов.

Или не органов... Часто селяне охотно сообщали повстанцам об издевательствах партийцев. Чтобы увеличить «кредит доверия» населения, уписты, если не было возможности перебить весь партсовактив в округе, старались уничтожить хотя бы наиболее одиозных представителей новой власти.

Приведем описание одной из успешных операций повстанцев по ликвидации представителей оккупационной советской администрации 13 мая 1945 г. — через 4 дня после окончания советско-германской войны.

Место действия — Карпаты, Старо-Самборский район Дрогобычской области — в каких-то пятнадцати километрах от советско-польской границы.

Всего было убито 26 человек, из них представителей «большевистского десанта», то есть приехавших в Западную Украину из СССР — 25, один местный. Из уничтоженных коммунистов было 7, комсомольцев — 6, женщин — 7.

Обстоятельства их гибели описывает секретарь Дрогобычского обкома КП(б)У С. Олексенко. «Секретарь райкома КП(б)У тов. Нудьга зная, что в лесах возле сел Биличи и Стрельбичи находится боевка около 30 человек, организовал группу партийно-советского актива в количестве 37 человек для выезда в эти села по проведению массовой работы по займу (один из вариантов официального грабежа населения советской властью. — *А. Г.*).

Группа взяла с собой 4 пулемета, около 15 автоматов и 15 винтовок, гранаты и т. д. и на 6 подводах в 12 часов дня 13 мая выехали...

В Биличах тоже еще было богослужение в церкви, поэтому они подождали, и когда народ вышел с церкви, начали собирать собрание.

На собрание, по сути, никто не явился, — явилось около 30 человек. С этими людьми они провели собра-

ние, собрали наличными свыше 200 рубл[ей] денег и начали собираться уезжать.

Непонятно, почему, тов. Нудьге захотелось ехать дальше в горы, в село Волошино, и поэтому он предложил председателю сельского совета дать дополнительно одну подводу.

Председатель сельсовета ответил ему, что подводы он не даст потому, что он жалеет своих людей.

Тов. Нудьга ему ответил: "Значит ты крестьян жалеешь, а нас нет", председатель сельсовета ответил ему, что он жалеет их и советует сегодня туда не ехать...

Решили ехать обратно. Многие обедали в селе Биличи и, вероятно, с водкой...

Выехав за село, ехали на 6-ти подводах скучено и пели песни.

Когда они подъехали к лесу, на них обрушился перекрестный огонь — основной слева, с горы, и поддерживающий — по тем, что удирали рекой справа — вдоль реки.

Место такое, что при том состоянии, как они ехали, принять бой не было возможности.

Только с передних подвод, когда от огня лошади немного унесли (пока не были побиты лошади), некоторым удалось бежать.

Видно, удирало много, но место засады такое выгодное, что банда, поставив 2–3 пулемета на горках, большинство тех, что удирали, скосила.

Многие сопротивлялись, но запасы патронов и пулеметы были на возах, отстреливались только до тех пор, пока выстреляли из обоймы.

Через несколько минут банда выскочила на дорогу и достреливала в упор. По ранам видно, что несколько человек себя застрелили и подорвались на гранатах.

Банда забрала все оружие, а у некоторых и документы, и немедленно ушла. Причем, председатель райисполкома тов. Шейко и инструктор райисполкома притворились убитыми, перележали осмотр и остались живы.

Кроме этих двоих с поля боя удрало 9 человек, из них два раненых: народный судья и машинистка РК КП(б)У.

Об этом месте, как опасном, знали почти все ехавшие.

Обстрелы в этом месте были уже неоднократно.

Из расспросов тех, кто остались в живых, я сделал вывод, что погубила преступная беспечность, и то, что некоторые были после обеда с рюмкой водки, и то, что взяли с собой очень много молодых женщин, которые абсолютно не нужны были ни для массовой работы, а тем более, для боя.

Выезд в эти села был не организован и не продуман. Если опасные села, то зачем брать 9 женщин, когда можно было взять вместо их отделение или взвод бойцов — в райцентре дислоцируется рота внутренних войск НКВД.

Приехав в с. Биличи группой в 37 человек, не обеспечили не то [что] массовой работы, а даже не сумели собрать людей. Получается не серьезный выезд для серьезных лиц, а какая-то воскресная вылазка.

Кто организовал засаду?

Днями в районе был убит Самборский окружной проводник Черный. Его боевка СБ искала случая отомстить за убийство своего проводника. Этот случай и подоспел.

Помогли боевке оуновцы из с. Стрельбище во главе с председателем сельсовета.

Еще в апреле тов. Сабуров (партизанский вожак, Герой Советского Союза. — *А. Г.*) проводил в районах крупную операцию.

Приехав из операции, он мне рассказал, что в селе Стрельбище председатель сельсовета — отец двух бандитов, одного уже выявили, а другой — в банде.

Я тогда же предложил тов. Нудьге немедленно убрать такого председателя. Больше того, в своем решении бюро обкома КП(б)У от 29 апреля с. г. по вопросу о привлечении к ответственности бандпособников на селе было приведено как пример, что в селе Стрельбище до последнего времени сидел предсельсовета — отец двух бандитов.

Тов. Нудьга ничего не сделал с председателем сельсовета, и он сидел на своем месте.

Этому-то председателю тов. Нудьга и заказал собрать собрание на 6 часов, а мы, мол, к этому времени вернемся из с. Биличи.

У председателя сельсовета было достаточно времени передать боевке о движении группы райактива, что это было сделано в отместку за Черного, говорят данные агентуры за 14 мая.

Некоторые агенты говорят, что в с. Стрельбище имеются разговоры, что это сделано "хлеб за соль".

Жаль людей, многие погибли без толку. Мы стянули в Старый Самбор достаточное количество войск, чтобы найти и уничтожить боевку и поднять всех, связанных с бандитами, и оказывающих им содействие»[339].

Удивительно, почему это раньше в этом районе чекисты не могли «поднять всех, связанных с бандитами»? Ведь это было их прямой обязанностью.

Речь здесь идет о применении практики заложничества и принципа коллективной ответственности. Все село, рядом с которым проходили повстанческие операции, могло быть подвергнуто репрессиям за действия УПА.

Кстати, это приказывал и ЦК КП(б)У — например, в своем постановлении от 10 января 1945 г.: «Не пропускать ни одного случая бандпроявлений без ответных репрессий, усилить высылку семей бандитов и кулаков, оказывающих какую бы то ни было помощь бандитам»[340].

То есть не важно, нашли ли исполнителя операции, или нет — все равно репрессировать тех, кто под руку попадется.

Партийцы и советские работники не только сами готовы были уничтожать повстанцев, но и помогали НКВД мобилизовать в истребители простых селян.

О том, чем были эти истребительные батальоны, свидетельствует отрывок из Докладной записки штаба истребительных батальонов в ЦК КП(б)У:

«В Украинской ССР по состоянию на 15 февраля 1945 г. имеются 776 истребительных батальонов, в которых насчитывается 69 315 человек и 17 930 групп содействия истребительным батальонам, в которых находится 116 297 человек.

Из этого числа в западных областях Украины дислоцируется 212 истребительных батальонов, в которых состоит 23 906 человек и 2336 групп содействия общей численностью в 24 025 человек.

Личный состав истребительных батальонов и групп содействия выполняет свои функции без отрыва от производства...

Истребительные батальоны расположены при районных и городских отделах (отделениях) НКВД, и их командирами являются начальники соответствующих ГО и РО НКВД, выполняющие эти обязанности по совместительству.

В истребительные батальоны западных областей Украины, кроме этого, назначены 150 освобожденных начальников штаба.

С личным составом истребительных батальонов регулярно проводятся занятия по боевой специальной подготовке из расчета 10 учебных часов в месяц, не считая часов, отведенных на политическую подготовку, проводимую в часы, не предусмотренные программой военного обучения.

Кроме того, часть бойцов истребительных батальонов, в особенности новое пополнение их, привлекается для прохождения 110–120-часовой программы Всеобщего военного обучения при райвоенкоматах. (...)

Политико-моральное состояние личного состава истребительных батальонов здоровое.

Большинство бойцов и командиров истребительных батальонов и их групп содействия честно и добросовестно выполняют возложенные на них обязанности и, невзирая на неизбежные трудности, проявляют смелость и мужество в боевых действиях с бандами.

Являясь основной вооруженной силой в районах, истребительные батальоны и их группы содействия помимо своей основной задачи борьбы с бандитизмом — охраняют жизненно важные промышленные и сельскохозяйственные объекты, несут службу по охране железнодорожных и шоссейных мостов (в западных областях Украины), патрулируют по населенным пунктам и участвуют во всех операциях, проводимых органами НКВД по очищению тыла от уголовного и враждебного элемента... (...)

На предстоящий период перед истребительными батальонами и их группами содействия стоит основная задача — ликвидировать оуновские банды в западных областях Украины и продолжать дальнейшую работу по

очищению тыла от враждебно-преступного элемента на всей территории Украинской ССР...»[341]

Как видим, численность «истребителей» в Западной Украине на начало 1945 г. несколько превышала численность бойцов УПА.

Но, тем не менее, справились «ястребки» со своей «основной задачей» нескоро. Угроза повстанцам со стороны действовавших «без отрыва от производства» «ястребков» — простых рабочих и крестьян, была несравнима с угрозой профессионалов из НКВД.

Исключение составляли украинские поляки, которые пошли в 1944–1945 гг. в «истребители» в массовом порядке. Они люто ненавидели повстанцев за резню 1943–1944 гг. Именно поляки-истребители были наиболее «здоровы в политико-моральном отношении», поскольку охотно мстили *«ризунам»* за погибших родственников, друзей и соплеменников.

Но в 1945–1946 гг. большинство поляков из Украины было депортировано в Польшу, и истребителями стали в подавляющем большинстве украинцы. И фразы о «здоровом политико-моральном состоянии бойцов истребительных батальонов» в отчетах НКВД — МВД сменились жалобами и руганью на весьма нездоровое, с точки зрения чекистов, морально-политическое состояние ястребков.

«На апрель 1946 г. в истребительных батальонах одной только Станиславской области числилось более 10 тыс. человек, однако за январь — июнь 1946 г. они уничтожили всего 160 и захватили 480 "бандитов и бандпособников". За этот же период повстанцы разоружили 40 отрядов истребителей численностью 700 человек, захватив при этом более 600 единиц оружия. Лишь в трех случаях "истребители" оказали противнику сопротивление. Иногда отряды самообороны внезапно нападали на гарнизоны войск НКВД, убивали руководивших ими уполномоченных райотделов (нередки были случаи перелета "ястребков" к повстанцам. — *А. Г.*). В итоге многие истребительные батальоны приходилось расформировать»[342].

Как отмечал 31 июля 1946 г. начальник Политуправления Прикарпатского ВО генерал-майор Лисицын, «в ряде случаев истребительные отряды являются просто поставщиками оружия для бандитов»[343].

На 1 апреля 1946 г. в западных областях Украины насчитывалось 3593 истребительных батальона, в которых служило свыше 63 тыс. человек, имевших на вооружении 2031 пулемет, 7227 автоматов, 43 420 винтовок. После устроенной «чистки» число батальонов сократилось до 3138, а их членов — 50 032 человек[344].

По сведениям МВД УССР, на 25 мая 1946 г. численность УПА составила всего 1247 человек[345]. Даже если эти данные занижены, предположим, в 10 раз, то все равно количество истребителей многократно превышало количество повстанцев.

В отношении «ястребков» повстанцы использовали гибкую тактику — в одних случаях они по возможности поголовно уничтожались, причем нередко с членами семей[346]. В других ситуациях бойцы истребительных батальонов разоружались и после «политпросвещения» принимались в состав УПА или мирно отправлялись восвояси с разъяснением: «Мы боремся с НКВД и коммунистами, а не с народом».

Использование истребителей имело не столько военное, сколько общественно-политическое и пропагандистское значение. Это был способ расколоть украинское село на тех, кто был в лесу, и тех, кто содействовал коммунистам.

В какой-то мере эта задача была выполнена — месяц за месяцем и год за годом повстанцы теряли тылы. Советская система постепенно просачивалась в западноукраинское общество, выдавливая все то, что служило опорой для вооруженного сопротивления.

«Народная» власть плюс советизация всей страны

На кусту сидит ворона и кричит «Кара кара!»
Все колхозники померли, председателю пора.

Частушка времен коллективизации

Основными методами борьбы большевиков против повстанцев были чекистско-войсковые операции, а также агентурно-розыскные мероприятия на селе — то есть выявление, физическое уничтожение или арест членов ОУН-УПА и симпатизирующих им людей из числа населения.

Но это дополнялось целым рядом «мирных» мероприятий советской власти, существенно помогавших чекистам при проведении антиповстанческих операций, а также усложнявших деятельность УПА.

Кратко опишем основные из них.

Пропаганда всегда являлась сильной стороной коммунистического режима и против повстанцев она использовалась с 1943 г., когда большевики постоянно обвиняли УПА в «прислуживании» немцам. Кроме того, лейтмотивом агитации было подчеркивание военной мощи СССР и, следовательно, безнадежности сопротивления режиму.

При прохождении через Украину фронтов политработники Красной армии устраивали митинги в населенных пунктах, расклеивали плакаты, распространяли листовки и газеты, повествующие о «райской жизни в отечестве всех трудящихся» и призывающие бить немцев и «украинско-немецких националистов».

1 марта 1944 г. на VI сессии ВС УССР в Киеве председатель СНК УССР Никита Хрущев так определил отношение советской власти к повстанцам: «Это подлые помощники немцев, и мы должны расправиться с ними так же, как с немецкими захватчиками.

В рядах украинско-немецких националистов сейчас происходит большое разложение. Идя навстречу тем лицам, которые случайно попали, были вовлечены обманным путем или насильно мобилизованы в ряды националистических банд, Президиум Верховного Совета и Совет Народных Комиссаров УССР обратились к участникам так называемых "УПА" и "УНРА" (последняя на тот момент уже не существовала. — *А. Г.*). В этом обращении от имени правительства Украины участникам "УПА" и "УНРА", которые честно порвут всякие связи с гитлеровцами-оуновцами, было гарантировано полное прощение их ошибок.

В то же время мы прямо заявляем, что те из участников украинско-немецких националистических банд, которые не порвут связей с гитлеровцами-оуновцами и будут продолжать вести борьбу против советских партизан и Красной Армии, против украинского народа, — те будут беспощадно наказаны, как изменники народа, как враги нашей Родины»[347].

Чтобы подкрепить слова наглядной агитацией, по городам и селам Украины коммунисты прилюдно вешали повстанцев и подпольщиков.

Вот как об этом, например, сообщал в ЦК КП(б)У заведующий оргинструкторским отделом Дрогобычского обкома компартии Украины товарищ Штефан: «9 января 1945 г. в гор. Дрогобыче на базарной площади по приговору Военного трибунала были повешены два участника "УПА" —Безик и Белый, один 1923 г. рождения, второй — 1921 г., оба — жители села Улычно Дрогобычского района — за расстрел 3-х советских партизан и грабеж местного населения.

При исполнении приговора присутствовало до 8000 чел. населения. Акт повешения был встречен громкими аплодисментами всех присутствовавших и возгласами одобрения приговора.

В этот же день в гор. Бориславе по приговору Военного трибунала был повешен участник "УПА" Лысик, 1921 г. рождения, житель Бориславского района, за убийство лейтенанта Красной армии и диверсионную работу.

Присутствовавшее при исполнении приговора население (до 5000 чел.) встретило акт повешения шумным одобрением.

В ближайшие дни предполагается в разных городах и районах области привести в исполнение до 20 приговоров о казни активных участников националистических банд через повешение.

О реагировании в среде националистов на приведение в исполнение приговоров Военного трибунала сообщим дополнительно»[348].

Насколько прав был русский философ Николай Бердяев, назвавший двадцатый век новым средневековьем...

Сочетание боевых операций, террора, угроз и обещаний о помиловании дали ощутимый результат.

С февраля 1944 по 1 июля 1945 гг. «с повинной» из лесу вышли 41 000 человек, из которых 17 000 было на месте арестовано[349].

Из-за такой «честности» коммунистов, обещавших не трогать сложивших оружие, эффективность призывов сдаваться с повинной снизилась, и в дальнейшем чис-

ленность добровольно сдавшихся повстанцев снижается.

В 1944–1949 гг. в общей сложности было провозглашено не менее шести амнистий для участников ОУН-УПА.

Бандеровцы также всеми доступными способами вели активную пропаганду — агитировали устно, издавали и распространяли листовки, брошюры, газеты и журналы.

Главными журналами были: «К оружию» и «Повстанец». Историк Лев Шанковский в своей книге «УПА и подпольная литература» приводит 21 название периодических изданий (газет и журналов), 60 названий брошюр и книжек, 81 наименование листовок, издававшихся ОУН-УПА в 1944–1950 гг. Однако этот перечень далеко не полон[350]. Например, в изданном в 1994 г. в Тернополе справочнике Петра Содоля «УПА» приведено 80 названий одних только периодических изданий.

Несмотря на определенные успехи, агитация повстанцев не могла соперничать с пропагандистской машиной СССР, выпускавшей миллионными тиражами листовки, газеты и брошюры, распространяемые с помощью всего государственного аппарата и новейших технических средств.

Руководство ОУН-УПА стремилось всячески оградить своих подчиненных от воздействия агитации врага. Подпольщикам и повстанцам, а также всему населению, которое жило в подполье и/или в лесу под контролем ОУН-УПА, категорически запрещалось читать советские пропагандистские материалы и слушать радиопередачи. Вся радиоаппаратура подлежала передаче командованию УПА или СБ ОУН[351].

По отношению к сторонникам режима и колеблющимся использовалась такая же, как и у большевиков, наглядная агитация: нередко после убийства чекиста, председателя сельсовета или сотрудника милиции на месте оставлялась табличка или записка с пояснениями мотива такого поступка.

В начале 1945 г. коммунисты решили провести перепись населения Западной Украины. Это мероприятие, сопровождавшееся возвращением «второго крепостного права», то есть института прописки, позволило лучше контролировать перемещение населения.

Например, в постановлении Политбюро ЦК КП(б)У «Об усилении борьбы с украинско-немецкими националистами в западных областях Украины» от 10 января 1945 г. был и такой пункт: «4. Обязать наркома внутренних дел УССР тов. Рясного и начальников облуправлений НКВД до 15 февраля провести в сельских местностях западных областей УССР учет жителей в возрасте от 15 лет и выше. В связи с этим начальники облуправлений НКВД должны издать приказы, в которых указать цели и причины проведения учета населения.

При проведении учета населения точно установить, где находится тот или иной гражданин или гражданка. Родственников тех лиц, которых не будет установлено точное местонахождение, предупредить под расписку, что если эти лица не явятся в органы советской власти, то они будут считаться участниками банд и к их родственникам будут применены репрессии, вплоть до ареста и выселения.

В приказах также указать, что гражданин, знающий, где укрываются бандитские группы или отдельные бандиты, или знающий, что у кого-либо из граждан ночевал или скрывался бандит, обязан сообщить об этом органам советской власти, в противном случае он будет считаться соучастником бандитов, с вытекающими отсюда последствиями.

Этим же приказом установить в каждом селе такой порядок, который бы закрыл для бандитов каждое село и каждый дом»[352].

Иными словами: «Не стал Павликом Морозовым — отправляйся в Сибирь!» Или по-другому: «Убили лихие люди твоего родственника, а тело спрятали — собирай вещи!»

Но и на самом деле, после проведения переписи повстанцам и оуновцам было значительно сложнее перемещаться по территории Украины — а этого требовала логика партизанской войны и подпольной работы. Приходилось подделывать документы, что, понятно, не всегда получалось профессионально.

Это же постановление 10 января 1945 г. предписывало: «Назначить в селах и поселках уполномоченных участков и десятихатских, которым вменить в обязанность

следить за соблюдением установленного порядка и принимать необходимые меры к нарушителям, а также сообщать органам советской власти, кто из населения куда отлучается, кто предоставляет ночлег бандитам, снабжает их продовольствием и оказывает другие услуги»[353].

Эти «десятихатники» часто оказывались между молотом и наковальней. Если крестьянин отказывался быть таковым, то его начинали подозревать в пособничестве УПА. В случае, если он соглашался, его дом в одну прекрасную ночь мог сгореть вместе с обитателями.

Действенным способом борьбы с повстанцами были депортации членов семей участников ОУН-УПА. Высылки начались сразу же после возвращения коммунистов в Украину. Собственно говоря, этому виду репрессий подвергалось и население других территорий СССР в 1943–1945 гг. — в основном за сотрудничество с немцами, или тоже за повстанческую деятельность (например, в Чечне, Ингушетии, Крыму, Кабардино-Балкарии, Калмыкии и многих других регионах). В тех областях, где шла антисоветская партизанская война, этот вид репрессий приобрел особые масштабы.

В 1944–1946 гг. из семи западно-украинских областей было выслано[354]:

1944		1945		1946		За три года	
семей	человек	семей	человек	семей	человек	семей	человек
4724	12 762	7393	17 497	2612	6350	14 729	36 609

В октябре 1947 года было выселено еще 26 332 семьи, в которых насчитывалось 77 791 человек (18 866 мужчин, 35 441 женщина и 22 279 детей).

Весной 1949 г. идет очередная массовая волна депортаций.

Выселение членов семей ОУН-УПА больше всего ударяло по подполью ОУН, существовавшего в условиях строжайшей конспирации. Из-за внезапного исчезновения целых партийных ячеек между различными структурами ОУН прерывалась связь, а оставшиеся на месте участники подполья могли стать более легкой добычей провокаторов НКВД — МГБ.

Всего на 1950 г. численность бойцов УПА, оуновского подполья и членов их семей, высланных на спецпоселения, достигла 171,5 тыс. человек[355].

Воевавший в Западной Украине Николай Перекрест вспоминает: «Власть показала, что будет с твоими близкими, если ты "уйдешь в лес". Семьи бандпособников стали выселять в Сибирь. Мне довелось видеть, как это происходило зимой 1946 г., когда наша часть стояла в городе Куты. Метель, снег по пояс, машины не могли пройти... Людей везли на подводах, гнали пешими. Плач стоял. Тяжелое зрелище...»[356]

Условия депортации были таковы, что многие депортированные умирали либо при переезде на тысячи километров от своего дома, либо уже на месте, где их нередко «вселяли» в голую степь или глухую тайгу...

Украинские крестьяне сочувствовали повстанцам и вступали в их ряды, в том числе из-за ненависти к пришедшей колхозной системе. Собственно, колхозы ненавидели крестьяне всего Советского Союза. Слухи о «преимуществах коллективного ведения хозяйства» стали очень действенной помощью повстанческой пропаганде. Но, с другой стороны, коллективизация существенно помогла советской власти в борьбе с ОУН-УПА.

Диссидент Дмитрий Квецко высказал в 1970-х гг. своему солагернику Михаилу Хейфецу следующее мнение: «Без колхозов большевики никогда не победили бы партизан... Ни танки, ни самолеты, ничто бы им не помогло. Все равно наши бы устояли. Но ведь надо кормить людей. А в колхозах ничего не росло, урожая не получалось, начался голод — и с партизанами покончили. Люди бы и рады им дать, да нечего — свои семьи и те не знали, чем прокормить. Не стало продовольствия — не стало сопротивления. Сталин понимал, что делал, когда колхозы вводил повсюду. Страна голодная — страна покорная»[357].

По крайней мере, частичная правота данной точки зрения подтверждается тем фактом, что крестьянское сопротивление в СССР, принявшее в 1930–1931 гг. характер крестьянской войны, было полностью ликвидировано в ходе массового голодомора 1931–1933 гг., и после коллективизации восстаний больше не было.

Да и украинские повстанцы опирались на крестьян, ведущих индивидуальное хозяйство.

В Польше и Румынии колхозов и совхозов не было. В 1940–1941 гг. большевики проводили коллективизацию достаточно осторожно. К июню 1941 г. в западно-украинских областях было коллективизировано только 13 % крестьянских хозяйств[358]. Во время войны немцы частично сохранили здесь колхозы под видом «государственных хозяйств», но все равно в 1944 г. подавляющее большинство крестьян Западной Украины земледелием и скотоводством занималось индивидуально, что советскую власть совершенно не устраивало.

«Только в 1947–1948 гг., когда Советы сломили сопротивление УПА, они смогли уже в полную силу развернуть политику коллективизации... Сначала зажиточные крестьяне ("куркулі" — кулаки. — *А. Г.*) были противопоставлены односельчанам, а затем обложены такими налогами, что не смогли вести свое хозяйство. Самых непокорных, как водится, ссылали в Сибирь. Затем основная масса крестьянства долгими уговорами и назойливой агитацией (а также непомерными налогами, избиениями, угрозами ареста и высылки. — *А. Г.*) была загнана в колхозы. Политический контроль над колхозами, особенно жесткий в Западной Украине, осуществлялся партийными ячейками, создававшимися при машинно-тракторных станциях (МТС). К счастью для западных украинцев, коллективизация на их землях не сопровождалась голодом... Сопротивление (УПА) оказалось бесплодным: к 1951 г. почти все 1,5 млн западно-украинских крестьянских хозяйств были объединены почти в 7 тыс. колхозов»[359].

Как раз к этим годам относится и затухание движения украинского национального Сопротивления.

Но все-таки важнейшую роль в ликвидации повстанческого движения играли боевые операции.

Сначала чекисты убили сто тысяч украинских повстанцев и сочувствующих им крестьян, а только потом помогли партхозактиву загнать остальных в колхозы.

Уже упоминавшийся бывший боец ВВ НКВД Николай Перекрест в интервью «Известиям» лжесвидетельствовал: «Тем же, кто не выступал против власти, жилось совсем неплохо. На Западную Украину в послевоенные годы ресурсы направлялись порой в ущерб другим регионам. Край преображался на глазах — я жил там до 1959 г. и видел это»[360].

Про то, как распрекрасно жилось западным украинцам при новой власти, свидетельствовал хотя бы уже упоминавшийся коллега Перекреста Григорий Санников: сплошная бедность и безденежье.

Что же касается того, что «край преображался на глазах, туда направляли большие средства из других регионов», то это правда: в Западной Украине после войны проходила индустриализация. Но только толку для населения от новопостроенных заводов было мало. Как и во всем остальном Союзе, зарплата на этих «образцовых социалистических предприятиях» была мизерная, условия труда — тяжелейшие, а трудовые отношения напоминали таковые же времен царизма или вообще порядки в средневековых цехах.

Что же касается коллективизации, то ее последствия сказываются в регионе, как, впрочем, и во всем бывшем Союзе, и поныне. После 1991 г. колхозы и совхозы Западной Украины развалились или пришли в запустение. Местная номенклатура не захотела и/или не смогла организовать нормальную приватизацию средств производства на селе. В результате Западная Украина, несмотря на индустриализацию 1945–1955 гг., представляет собой очень бедный аграрный регион, получающий дотации от чуть менее бедных промышленных восточных областей. Западных украинцев-нелегалов сейчас можно встретить на пляжах Италии и Испании, на стройках Берлина и Петербурга, в батраках у польских фермеров...

Преображались и города. Как говорит Перекрест: «В регион направляли специалистов из восточной Украины». Это так, но это только часть правды.

Послевоенное население западно-украинских городов представляло собой специфическую картину. Дело в том, что до Второй мировой войны города и местечки Волыни и Галиции были по преимуществу польско-еврейскими. Те же украинцы, которые жили в городах, были настроены националистически и часто симпатизировали ОУН.

Евреев уничтожил Гитлер, поляков выслал в Польшу Сталин, а очень многие представители украинской ин-

теллигенции либо сбежали с отступающими немцами на Запад, либо в ходе борьбы коммунистов с ОУН-УПА отправились в Сибирь или вообще в мир иной. В результате города просто опустели. В безлюдные кварталы вселили украинских крестьян — часто из глухих сел, поддерживавших националистов. Эти люди, составившие большинство населения Львова, Станиславова, Дрогобыча и других городов и местечек Галиции и Волыни, недолюбливали интеллигентов или военных, чекистов и партийцев — русскоговорящих «схидняков», приехавших из восточных областей УССР в рамках «большевистского десанта». Последние отвечали автохтонам презрением.

Кстати, этот антагонизм во многом не преодолен и поныне. Люди из городов восточной Украины часто недолюбливают «западынцев», аргументируя это так: «Мало того, что они русских не любят, так они еще и бескультурные».

Действительно, в Западной Украине до 60 % населения было неграмотным — в свое время здесь не было советского «ликбеза». Зато западные украинцы, несмотря на полонизацию и румынизацию, все же были украинцами, разговаривавшими на родном языке. Этот «недостаток», заодно с безграмотностью населения, коммунисты решили «исправить».

Уже знакомый читателю Николай Перекрест в интервью «Известиям» заявил, что в победе над УПА «свою роль сыграла и национальная политика. Во всех учреждениях украинский язык был не то что основным, а единственным»[361].

Интересно, где воевал уважаемый полковник милиции в отставке в 1944–1951 гг.: в Западной Украине или в украинских деревнях в Канаде?

Все партийные, армейские и чекистские отчеты, постановления и донесения, которые приведены в этой книге автору не пришлось переводить — они и так были на русском.

А вот отрывок из постановления президиума ЦК КПСС «О политическом и хозяйственном состоянии западных областей украинской СССР» — документ датирован 23 мая 1953 г.: «Так, например, из 311 руководящих работников областных, городских и районных партийных органов западных областей Украины только 18 человек из западно-украинского населения.

Особенно болезненно воспринимается населением Западной Украины огульное недоверие к местным кадрам из числа интеллигенции. Например: из 1718 профессоров и преподавателей 12 высших учебных заведений города Львова к числу западно-украинской интеллигенции принадлежат только 320 человек, в составе директоров этих учебных заведений нет ни одного уроженца Западной Украины, а в числе 25 заместителей директоров только один является западным украинцем.

Нужно признать ненормальным явлением преподавание подавляющего большинства дисциплин в высших учебных заведениях Западной Украины на русском языке. Например, в Львовском торгово-экономическом институте все 56 дисциплин преподаются на русском языке, а в лесотехническом институте из 41 дисциплины на украинском языке преподаются только четыре. Аналогичное положение имеет место в сельскохозяйственном, педагогическом и полиграфическом институтах г. Львова. Это говорит о том, что ЦК КП Украины и обкомы партии западных областей не понимают всей важности сохранения и использования кадров западно-украинской интеллигенции. Фактический перевод преподавания в западно-украинских вузах на русский язык широко используют враждебные элементы, называя это мероприятие политикой русификации»[362].

А как еще эту политику можно назвать? Русификация и есть, как к такому процессу не относиться. Не в последнюю очередь из-за наката русско-советской культуры повстанцы долгие годы находили поддержку в среде местного населения, стремившегося говорить на родном языке, а не на чужом — каким бы он ни был: польским, румынским или русским.

Входит Мусор с криком: «Хватит!» Прокурор скулу квадратит.
Дверь в пещеру гражданина не нуждается в «сезаме».
То ли правнук, то ли прадед в рудных недрах тачку катит,
Обливаясь щедрым недрам в масть кристальными слезами.
И за смертною чертою, лунным блеском залитою,
Челюсть с фиксой золотою блещет вечной мерзлотою.
Знать, надолго хватит жил
тех, кто головы сложил.

Иосиф Бродский. «Представление». 1986 г.

В 1949 г. Повстанческая армия была распущена, а к середине 1950-х гг. в Западной Украине было ликвидировано оуновское подполье.

Вот как эту борьбу оценивает боровшийся с бандеровцами Николай Перекрест: «Их борьба была бессмысленной и жестокой авантюрой, направленной прежде всего против своего же народа. От рук бандеровцев на Западной Украине погибло больше местного населения, чем было арестовано или выслано за пособничество бандформированиям»[363].

Почитал бы сначала господин Перекрест статьи какие или книжки о делах своей молодости, перед тем как давать интервью на стотысячную аудиторию читателей «Известий». Чтобы себя в нехорошем свете не выставить.

И в том же интервью тот же человек говорит, что повстанцы «...несли значительные потери. Не помню цифр, но было очень наглядное подтверждение –обширные бандеровские кладбища на окраинах сел.... Мы выдавали родственникам тела погибших. По их традиции на могиле погибшего в бою бандеровца ставили березовый крест. И вот из села выйдешь – огромное кладбище, все белое от этих крестов. Одно время какая-то "умная голова" запретила такие захоронения: мол, слишком демонстративно. Кресты приказали сносить. А их каждый раз восстанавливали, да еще и минировали»[364].

Тела родственникам погибших выдавали далеко не всегда. Часто оставляли гнить на месте в качестве «приманки», да еще и устраивали рядом засады... Но если все же на окраинах сел появлялись огромные кладбища, все белые от березовых крестов... То, наверное, уважаемый полковник что-то напутал в соотношении убитых повстанцев и убитых повстанцами.

От красочных образов и свидетельств перейдем к сухой статистике.

По официальным советским данным, приводимым историком Михаилом Семирягой, от террора ОУН и УПА и в боях против них погибло 55 тыс. граждан СССР. Среди них было 30 секретарей райкомов партии, 32 председателя и зампреда райисполкомов, 37 секретарей обкомов и райкомов комсомола, сотни депутатов областных, районных и местных Советов, 50 православных священников, 30 тыс. партийных и советских активистов, а также 25 тыс. военнослужащих, сотрудников и бойцов репрессивно-карательных органов[365].

Впрочем, точность этих данных, появившихся в печати непонятно откуда, вызывает сомнение. Из комплекса партийных и советских документов, многочисленных сводок, донесений и уведомлений 1944–1950 гг. цифра в 55 тыс. убитых ОУН-УПА советских граждан не складывается и не выводится. Скорее всего, представителей и сторонников советской власти в Западной Украине в послевоенные годы погибло все же несколько меньше.

Но даже если принять цифру в 55 тыс. за достоверную, то «ошибка» уважаемого интервьюера «Известий» все равно будет впечатляющей.

Точного числа убитых из-за упоминавшихся советских приписок не будет известно никогда, но официальные данные об участниках Сопротивления привести имеет смысл.

В справке начальника Управления МВД УССР по борьбе с бандитизмом полковника Сараева отмечалось, что за время с начала операций (февраль 1944 г.) по 14 июля 1946 г. потери ОУН-УПА и сочувствовавших составили[366]:

	Бандитов	Бандпособников	Уклоняющихся и дезертиров КА	Всего
Убито	111 832	—	—	111 832
Задержано	125 267	96 325	31 628	253 220
Явилось с повинной	52 452	—	62 357	114 809
Арестовано ОУН-УПА	29 362	—		29 362

Итого за первые два с половиной года борьбы — 509 223 человека, активно или пассивно сопротивлявшихся коммунистической власти. Речь идет о массовом сопротивлении режиму, который народ считал оккупационным.

Кстати, массовость этого сопротивления показывает и следующий факт: в 1953 году после смерти Сталина коммунистический режим стал несколько мягче. Из Москвы в Киев пришел приказ «западноукраинизировать» личный состав «органов» в западных областях Украины. Приказ выполнен не был, и дело вовсе не в саботаже репрессивно-карательного аппарата: «...Каждый житель Западной Украины, прямо или косвенно, за небольшим исключением, был связан с вооруженным подпольем. Практически в каждой западно-украинской семье прямой или дальний родственник либо погиб в вооруженной борьбе против советской власти, либо был арестован за участие в подполье, либо сослан в Сибирь за пособническую деятельность..., да и просто недоносительство органам госбезопасности о контактах с подпольем»[367].

Не менее впечатляют и партийные данные, озвученные на заседании Президиума ЦК КПСС 26 мая 1953 г.: «С 1944 по 1952 гг. в западных областях Украины подверглось разным видам репрессии до 500 тыс. человек, в том числе арестовано более 134 тыс., убито более 153 тыс., выслано навечно из пределов УССР более 203 тыс. человек»[368].

То есть из семи миллионов западных украинцев в УССР было убито или репрессировано 7% — то есть каждый четырнадцатый.

Полмиллиона и 55 тысяч — разница в девять раз. Что-то у Перекреста явно плохо с математикой. Даже если сравнивать количество убитых представителей новой власти и повстанцев, то и тогда разрыв в потерях трехкратный.

Добавим к этим числам почти полностью депортированное, то есть репрессированное население украинского Закерзонья (свыше полумиллиона человек), а также украинцев, попавших в связи с деятельностью УПА под советский террор в южных областях Белоруссии и Житомирской, Киевской, Каменец-Подольской и Винницкой областях Украины.

153 тыс. убитых человек — численность одной или даже двух общевойсковых армий РККА времен советско-германской войны, или десяти-пятнадцати стрелковых дивизий.

Для сравнения приведем численность погибших в результате действий польского антикоммунистического Сопротивления в 1945–1947 гг.: около 15 тыс. убитых со стороны повстанцев и 7–10 тыс. уничтоженных сторонников режима[369].

За время боевых действий против УПА советскими репрессивно-карательными органами были захвачены: 1 самолет, 2 бронемашины, 61 орудие, 595 минометов, 77 огнеметов, 358 противотанковых ружей, 844 станковых и 8327 ручных пулеметов, свыше 26 тыс. автоматов, 72 тыс. винтовок, 22 тыс. пистолетов, свыше 100 тыс. гранат[370].

Этим арсеналом можно было вооружить примерно 110 тыс. человек. То есть даже на 153 тыс. убитых, и тем более на всех убитых и арестованных партизан и подпольщиков полученного оружия явно не набирается, особенно если учитывать, что значительное количество оружия было найдено при обысках, в схронах и бункерах, а также принесено сдававшимися с повинной повстанцами.

При условии учета приписок партработников и сотрудников репрессивно-карательных органов, можно сказать, что в ходе борьбы против ОУН-УПА вооруженными силами и карательными органами СССР было убито и подверглось репрессиям свыше 400 тыс. жителей 7-ми западных областей УССР.

В целом даже потери собственно повстанцев были значительно выше потерь репрессивно-карательных органов. Это объясняется несколькими причинами.

Во-первых, у репрессивно-карательных органов, Советской армии, истребительных отрядов и вооруженного партсовактива было колоссальное материально-техническое и численное превосходство над УПА.

Во-вторых, повстанцам противостояли профессиональные войска, в УПА же сражались в основном плохо обученные призывники, не имевшие до этого никакого боевого опыта, а часто и опыта строевой службы.

В-третьих, часть повстанцев была насильно мобилизованными крестьянами, воевать не желавшими.

Вооруженное Сопротивление завершилось, его участники были уничтожены, арестованы, сосланы или оказались выдавленными «на обочину истории».

По данным академика Михаила Семиряги, в годы оттепели в Украину вернулось 65 тыс. человек, ранее отбывавших заключение за участие в антисоветских партиях, вооруженных формированиях и сотрудничество с нацистами[371]. Нередко после 1953 г. вернувшиеся из заключения или ссылки выкапывали оружие из запасников и мстили тем, кто выдавал или арестовывал повстанцев. Поэтому вышедших из заключения бандеровцев стали селить в восточных областях Украины или вообще за ее пределами.

Война ОУН-УПА закончилась поражением. Можно ли вслед за Перекрестом сказать, что она была бессмысленной?

Последний главнокомандующий УПА Василий Кук так отвечал на этот вопрос: «У УПА было два фронта — один военный. На военном фронте мы не могли выиграть войну ни с немцами, ни с большевиками, поскольку соотношение вооруженных сил и техники нельзя сравнивать. Второй фронт был фронт идеологический. Мы вели сильную пропаганду о национально-освободительной борьбе и агитировали за Украинское государство. И эта борьба закончилась тем, что сейчас у нас есть Украинское государство»[372].

На это можно возразить, что в Белоруссии, Молдавии, России, Грузии, Армении, Азербайджане и среднеазиатских республиках после советско-германской войны не было массового партизанского движения. Однако сейчас это вполне независимые государства.

Но все же историческая память о повстанческом движении сыграла важную роль в событиях 1989–1991 гг. и в какой-то мере способствовала провозглашению независимости Украины.

В публикациях о вооруженной борьбе ОУН-УПА против коммунистов очень часто встречается следующая мысль: в Западной Украине это была гражданская война, в которой обе стороны одинаково жестоко обращались с мирным населением. И те и другие преследовали свои, далекие от интересов народа цели.

Вряд ли боевые действия УПА и против УПА можно назвать гражданской войной. Поскольку повстанцев население поддерживало, а те, кто организовывал антиповстанческую борьбу, были людьми пришлыми в Западной Украине. Сотрудники репрессивно-карательных органов, которые в этой борьбе выиграли, были родом не из Галиции, Волыни или Северной Буковины.

То есть речь идет не о гражданской, а о национально-освободительной войне, в которой обе стороны, очевидно, воевали с применением очень жестоких методов.

Уже многократно упоминавшийся Перекрест заявил, что в Западной Украине «к 1948 г. основная масса населения... была уже на нашей стороне»[373].

А руководители Советского Союза почему-то этого не знали. В упоминавшемся постановлении Президиума ЦК КПСС от 26 мая 1953 г. значилось: «Только за три месяца 1953 г. военной цензурой конфисковано около 195 тыс. писем, адресованных за границу из западных областей Украины, в которых содержатся отрицательные высказывания о действиях местных органов власти»[374].

В эти данные сложно поверить. Получается, что примерно каждая седьмая западноукраинская семья в течение трех месяцев написала своим родственникам в Канаду, США или Бразилию послание с жалобами на коммунистов. И это при учете того, что за неосторожное высказывание в письме — или просто на кухне — в сталинском СССР можно было запросто угодить в места не столь отдаленные.

Да и если к 1948 г. население было уже на стороне новой власти, то почему потом у него взгляды вдруг резко поменялись?

В 1990-е гг. и в настоящий момент память об этих событиях среди населения западно-украинских городов и сел очень свежа, живы и участники этой борьбы с обеих сторон. Во всех селах Галиции и во многих на Волыни и Буковине воздвигли либо монументы, либо памятные холмы погибшим в борьбе за независимость Украины. В честь руководителей УВО, ОУН и УПА названы улицы и площади западно-украинских городов, им поставлены памятники. А памятники представителям советской номенклатуры и сотрудникам репрессивно-карательных органов почему-то снесли. Спустя десятилетия после окончания «войны после войны» народ указал на тех, кого он поддерживал, а против кого — воевал.

Список наиболее часто используемых аббревиатур

АК – Армия Крайова

ББ – борьба с бандитизмом

БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика

БУСА – Буковинская украинская самооборонная армия

БХ – Батальоны хлопски

ВВ – Внутренние войска

ВИН (WiN) – Вольносць и неподлеглосць (т.е. СИН – свобода и независимость – *польск.*)

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (комсомол)

ВО – военный округ

ВС – Вооруженные силы

ГВШ – Главный военный штаб

ГГ – Генерал-губернаторство

ГЛ – Гвардия людова

ГО – генеральный округ

КА – Красная армия

КГБ – Комитет государственной безопасности

КОНР – Комитет освобождения народов России

КП(б)У – Коммунистическая партия (большевиков) Украины

КР – контрразведка

КУН – Конгресс украинских националистов

ЛОА – Литовская освободительная армия

МВД – Министерство внутренних дел

МГБ – Министерство государственной безопасности

НЗВ (NZW) – Narodowe Zjednozenie Wojskowe – Народное войсковое объединение (НВО) — *польск.*, организация польского национального антикоммунистического сопротивления

НСЗ (NSZ) – Народовы силы збройны – Народные вооруженные силы (НВС) — *польск.*, организация польского национального антикоммунистического сопротивления

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности

НСДАП – (NSDAP – National-spzialistische deutschen arbeiten Partei – *нем.*), Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСНРП)

ОКВ – Верховное командование вермахта

ОУН – Организация украинских националистов, ОУН(б) – ОУН (бандеровцев), ОУН(м) – ОУН (мельниковцев), ОУНзч – ОУН заграничные части, ОУНз – ОУН за границей

ПНР – Польская Народная Республика

ПС – Полесская сечь

РККА – Рабоче-крестьянская красная армия

РКУ – Рейхскомиссариат Украина

РО – районный отдел

РОА – Русская освободительная армия

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

СБ – Служба безопасности

СД – Служба безопасности (SD – Sichercheit Dienst – *нем.*), репрессивно-карательное ведомство нацистской Германии

СМЕРШ – «Смерть фашизму», по другой версии – Специальные мероприятия по раскрытию шпионажа, военная контрразведка РККА

СА – Советская армия

СС – штурмовой эшелон (SS — Sturmstaffel — *нем.*), вооружённые отряды Национал-социалистической рабочей партии Германии, со временем частично преобразованные в военные формирования

ТУ – тактический участок

УББ – Управление по борьбе с бандитизмом

УВВ (УОА) – Українське визвольне військо

УВО – Украинская войсковая организация

УГА – Украинская Галицкая армия

УГВР (УГОС) – Українська головна визвольна рада

УГКЦ – Украинская греко-католическая церковь

УГОС (УГВР) – Украинский главный освободительный совет

УНА – Украинская национальная армия

УНК – Украинский национальный комитет

УНР – Украинская Народная Республика

УНРА – Украинская народная революционная армия

УНС – Украинская народная самооборона

УНС – Украинский национальный совет

УОА (УВВ) – Украинская освободительная армия

УПА – Украинская повстанческая армия

УПА-ПС – Украинская повстанческая армия – Полесская сечь

УСОГ – Украинское самостоятельное объединенное государство

УССД (УСОГ) – Українська самостійна соборна держава

УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика

УЦК – Украинский центральный комитет

УШПД – Украинский штаб партизанского движения

ЦК – Центральный комитет

ЦРУ – Центральное разведывательное управление США

ЦШПД – Центральный штаб партизанского движения

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Источник. 2001. № 5. С. 132.

[2] Данные по: *Косик В.* Україна і Німеччина у Другій світовій війні / Пер. із фр. Романа Осадчука. Париж – Нью-Йорк – Львів, 1993. С. 36.

[3] О программе и действиях украинских партий в 1920–1930-х гг. см.: *Субтельный О.* Украина: История. – Киев: Либідь, 1994. С. 554–558; *Гаврилів І.* Політичні партії та організації Західної України у 1920–1930-х роках // Національно-визвольна боротьба 20–50-х років XX ст. в Україні. Київ-Львів, 1993. С. 91–100; *Зінкевич Р.* Український національний рух та визвольне змагання українців у 1920–1930-х роках // Національно-визвольна боротьба 20–50-х років XX ст. в Україні. Київ-Львів, 1993. С. 81–91; *Васюта І. К.* Національно-визвольний рух у Західній Україні (1918–1939 рр.) // УІЖ. 2001. № 5. С. 22–43; См. также разделы в кн.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996.

[4] *Марков А. Д.* Военно-политические аспекты присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии // Великая Отечественная война в оценке молодых: Сб. статей студентов, аспирантов, молодых ученых. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1997. С. 14.

[5] *Субтельный О.* Украина: История. С. 460–461

[6] *Семиряга М. И.* Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. С. 42.

[7] *Субтельный О.* Украина: История. С. 526–563. См. также *Кисіль З. Р.* Українське воєнно-історичне товариство (1920–1939) // Український історичний журнал (далі – УІЖ). 2001. № 2. С. 100–112; *Піддубний І. А.* Політичне життя українців Північної Буковини у перше міжвоєнне десятиліття (1918–1928) // УІЖ 2001. № 5. С. 128–141.

[8] *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / Пер. с англ. М., 2001. С. 53–53.

[9] О политике польских властных кругов в украинском вопросе см., например: *Комар В. Л.* «Українське питання» в політиці урядів Польщі (1926–1939 рр.) // УІЖ. 2001. № 5. С. 120–128.

[10] Подробности покушения: *Матвеев Г.* Четыре выстрела дракона. Покушение на Пилсудского // Родина. 1998. № 8. С. 116–118.

[11] О программе ОУН: *Семиряга М.* Предатель? Освободитель? Жертва? // Родина. 1991. № 6–7. С. 92–94; *Субтельный О.* Украина: История. Киев, 1994. С. 554–580; *Процик* С. ОУН в ретроспективі // Здалека про близьке. Львів, 199. С. 14–29; *Семиряга М. И.* Коллаборационизм... М., 2000. С. 518–523; *Мірчук П.* Нарис історії Організації Українських Націоналістів. Перший том: 1920–1939. За редакцією С. Ленкавського. Мюнхен – Лондон – Нью-Йорк: Українське видавництво, 1968, passim.

[12] Интервью с Василием Куком // Личный архив Александра Гогуна.

[13] См. меморандум о целях ОУН, составленный в апреле 1941 г.: УПА в світлі німецьких документів. Книга перша. 1942 – червень 1944. Зібрав і впорядкував Тарас Гунчак. З англійськими й українськими резюме. Літопис УПА. Т. 6. Торонто, 1983. С. 29–33.

[14] *Стахів Є.* Крізь тюрми, підпілля й кордони: Повість мого життя / Передм. М. Ф. Слабошпицького. Київ: Рада, 1995. С. 77.

[15] *Козак І.* З політичного і людського профілю генерала Тараса Чупринки // Національно-визвольна боротьба 20–50-х років XX ст. в Україні. Київ-Львів, 1993. С. 42–49.

[16] *Субтельный О.* Украина: История. С. 560–561.

[17] *Ребет Л.* Світла і тіні ОУН. Мюнхен, 1964. С. 39–40.

[18] Официальная программа ОУН и ее структура полностью приведена в работе: *Мірчук П.* Нарис історії Організації Українських Націоналістів. Перший том: 1920–1939. За редакцією С. Ленкавського. Мюнхен – Лондон – Нью-Йорк: Українське видавництво, 1968. С. 94–100.

[19] *Субтельный О.* Украина: История. С. 554–602.

[20] *Субтельный О.* Украина: История. С. 560–561.

[21] Позднее, во время советско-германской войны Стахов возглавлял сеть ОУН на Донбассе. Писатель Фадеев, использовавший для написания своего романа «Молодая гвардия» документы НКВД, сам ли, по подсказке ли сверху дал самому отрицательному персонажу имя Евгений Стахович. Националист Стахов, проживавший после войны в США, когда увидел на экранах «Молодую гвардию», очень удивился собственному превращению в комсомольца-предателя. Удивился и опубликовал свои мысли по поводу этого романа в украинской эмигрантской печати. Каким-то образом эти статьи просочились сквозь «железный занавес» и трансформировались в слухи, которые приобрели совершенно нелепый вид. Известный советский писатель Юрий Смолич на съезде Союза писателей гневно гремел, что какие-то писаки из Мюнхена смеют заявлять, что «наша геройская "Молодая гвардия" — это группка буржуазных украинско-немецких националистов». Стахов заявлял со всей ответственностью, что широкого коммунистического подполья на Донбассе не было, и Фадеев в «Молодой гвардии» сделал из мухи слона. Полемика о мифотворчестве этого советского писателя идет в Украине по настоящее время...

[22] *Вегеш М. М., Задорожний В. Є.* Карпатська Україна в 1938–1939 рр.: деякі аспекти соціально-економічного й політичного розвитку // УІЖ. 1995. № 2. Passim.

[23] О позиции руководства ОУН во время конфликта в Закарпатье см.: *Стерчо П.* «Карпатська січ» і український націоналістичний рух // На зов Києва. Український націоналізм у Другій світовій війні / Збірник статей, спогадів і документів. Торонто — Нью-Йорк: «Новий шлях», 1985. С. 20–37.

[24] *Судоплатов П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 1997. С. 22–47.

[25] *Мірчук П.* Роман Шухевич (Ген. Тарас Чупринка). Командир армії безсмертних. Нью-Йорк — Торонто — Лондон: Товариство Колишніх вояків УПА в ЗСА. Канаді і Європі, 1970. С. 88.

[26] *Скоробогатов А. З.* ОУН у Харкові за часів окупації 1941–1943 років // УІЖ. 1999. № 6. С. 86.

[27] УПА в світлі німецьких документів. Книга перша. Літопис УПА. Т. 6, док. № 1.

[28] Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. Збірник документів і матеріалів. Львів-Київ: «Піраміда», 2001. С. 11.

[29] Там же.

[30] Там же.

[31] Там же. С. 15.

[32] Описание кампании см. в работе: *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001, passim.

[33] О терроре на землях восточной Польши см.: *Лебедева Н. С.* Катынь: Преступление против человечества. М., 1996, passim. По уточненным архивным данным польских и российских историков, за 21 месяц — с сентября 1939 по июнь 1941 гг. — из Западной Украины и Западной Белоруссии было депортировано в восточные районы СССР около 320 тыс. жителей, количество арестованных (в том числе расстрелянных) составляет 120 тыс. человек. Таким образом, за неполных два года было репрессировано 3 процента населения присоединенных областей. Размах репрессий был сопоставим с национал-социалистским террором в «Генерал-губернаторстве» в тот же период. См.: *Горланов О. А., Рогинский А. Б.* Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг. // Исторические выпуски «Мемориала». Вып. 1. Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997. С. 77–113; *Гурьянов А. Э.* Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–1941 гг. // Там же. С. 114–136. О советизации см. также: *Филиппов С.* «Освобождение» / http://www.hro.org/editions/karta/nr1011/filip.htm; Західна Україна під большевиками. IX.1939–VI.1941 / Збірник за редакцією *Мілени Рудницької*. Нью-Йорк: Наукове товариство ім. Шевченка в Америці, 1958; *Gross, Jan T.* Die Sowjetisierung Ostpolens, 1939–1941 // Zwei Wege nach Moskau... München: Piper, 1991; *Gross, Jan.* Und wehe, du hoffst.... Die sowjetisierung Ostpolens nach dem Hitler — Stalin — Pakt 1939–1941. Basel-Wien, 1988, passim; *Musial, Bogdan* «Kontrrevolutionäre Elemente sind zu erschießen»... Berlin — München, 2000, S. 6–35.

[34] Органы Государственной безопасности в Великой Отечественной войне / Сб. док-тов. Т. I. Накануне. Кн. 1 (ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г.). М., 1995, док. № 33, 42, 65, 66, 86. То же издание. Т. I, Кн.2, док. № 181, 183, 193, 194, 204, 208, 212, 213, 222, 223, 249, 267, 274.

[35] Безсмертя: Книга пам'яті України, 1941–1945. Київ: «Книга пам'яті України», 2000. С. 30.

[36] Західна Україна під большевиками... С. 471.

[37] *Хейфец М.* Избранное: В 3 т. Украинские силуэты; Военнопленный секретарь. Харьков: Фолио, 2000. Т. 3. С. 139.

[38] *Судоплатов П. А.* Спецоперации... С. 416.

[39] *Gross, Jan.* Und wehe, du hoffst... Die sowjetisierung Ostpolens nach dem Hitler-Stalin-Pakt 1939–1941. Basel-Wien, 1988, passim.

[40] *Чугунов А. И.* Граница накануне войны. М.: Воениздат, 1985. С. 102–110.

[41] Органы Государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 2, док. № 253. С. 240–241. При анализе документа можно сделать вывод о том, что акты в СССР, которые можно квалифицировать как антисоветские, зарегистрированы в мае 1941 г. только на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, а также на территории Литвы в незначительных масштабах.

[42] См., например: Органы Государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 2, док. № 65, 66.

[43] *Хейфец М.* Избранное: В 3 т. Т. 3. С. 137.

[44] *Семиряга М. И.* Коллаборационизм... С. 118, 496.

[45] *Боляновський А.* Українські військові формування в збройних силах Німеччини (1939–1945). Львів, 2003. С. 37.

[46] Материалы об истории ДУН и 201-го охранного батальона приведены по большей части по: *Патриляк І. К.* Легіони Українських Націоналістів (1941–1942): історія виникнення та діяльності. Київ: Знання, 1999.

[47] *Судоплатов П. А.* Спецоперации... С. 412.

[48] *Борисенок Ю., Горелов Н.* Крыса в пасти удава. «Украинская держава» на львовском рынке // Родина. 2003. № 2. С. 97.

[49] О полемике вокруг действий «Нахтигаля» см., например: *Вейгман, С.* Батальон «Нахтигаль»: Сражения после войны // Столичные новости. № 199 (http://cn.com.ua/N199/history/history.html)

[50] *Семиряга М. И.* Коллаборационизм... С. 524.

[51] Там же. С. 490.

[52] *Кук В.* Державотворча діяльність ОУН. Акт відновлення Української Держави 30 червня 1941 р. // Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. Збірник документів і матеріалів. Львів-Київ: «Піраміда», 2001. С. XIII.

[53] *Yones, Eliyahu* Die Strasse nach Lemberg: Zwangsarbeit und Widerstand in Ostgalizien 1941–1944 / Bearbeitet von Susanne Heim. Aus dam Hebraeischen uebersetzt im Auftrag der Zentralen Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Verfolgung der NS-Verbrechen, Ludwigsburg. — Frankfurt/Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1999. S. 18–25.

[54] *Патриляк І. К.* Легіони Українських Націоналістів... С. 26.

[55] *Семиряга М. И.* Коллаборационизм... С. 495.

[56] *Бульба-Боровец Т.* Армія без держави. Слава і трагедія українського повстанського руху. Спогади. Київ—Торонто—Нью-Йорк: Фундація імені О. Ольжича, Фундація ім. С. Петлюри, 1996, passim.

[57] *Патриляк І. К.* Легіони Українських Націоналістів..., passim.

[58] Там же. С. 28–29.

[59] *Патриляк І. К.* Діяльність Організації українських націоналістів (бандерівців) у 1940–1942 роках (військовий аспект) / Дис. на здоб. наукового ступеня кандидата історичних наук. Київ: Державний університет ім. Т. Г. Шевченка, 2001. С. 178.

[60] *Горелов Н., Борисенок Ю.* Крыса в пасти удава... С. 96–97.

[61] Українська дивізія «Галичина». Історико-публіцистичний збірник. Редактори-упорядники *М. Слабошпицький, В. Стеценко.* Київ—Торонто: ТОВ «Негоціант-Плюс», 1994, passim.

[62] *Боляновський А.* Українські військові формування в збройних силах Німеччини... С. 284.

[63] *Борисенок Ю., Горелов Н.* Крыса в пасти удава... С. 96, 99.

[64] *Патриляк І. К.* Легіони Українських Націоналістів... С. 6–7.

[65] *Ткаченко С. Н.* Повстанческая армия (Тактика борьбы) / под общ. ред. А. Е. Тараса / Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 61.

[66] Там же. С. 26.

[67] *Боляновський А.* Українські військові формування в збройних силах Німеччини... С. 269–276; *Дуда А., Старик В.* Буковинський Курінь в боях за українську державність. 1918–1941–1944. Київ-Чернівці: Накладом Товариства «Український Дім в Чернівцях», 1995, passim.

[68] *Хейфец М.* Избранное: В 3 т. Т. 3. С. 136–137.

[69] Волинь і Полісся: УПА та запілля 1943–1944. Документи і матеріали / Упор. О. Вовк, І. Павленко. Літопис УПА. Нова серія. Т. 2. Київ — Торонто, 1999. С. 340–341.

[70] *Кентій А. В.* Нариси історії Організації українських націоналістів в 1941–1942 рр. Київ, 1999. С. 4–5.

[71] Українське державотворення. Акт 30 червня 1941... С. 16, 17, 20.

[72] Там же. С. 37.

[73] Там же. С. 43, 45.

[74] Там же. С. 48.

[75] *Бедрій А.* ОУН і УПА // http://www.koza.kiev.ua/

[76] Интервью с Василием Куком // Личный архив Александра Гогуна.

[77] *Карпов В. В.* Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира. Кн. I // Роман-газета. 1991 // http://militera.lib.ru/bio/karpov/20.html

[78] *Паджев М. Г.* Через всю войну. М.: Политиздат, 1983 // http://militera.lib.ru/memo/russian/padzhev_mg/01.html

[79] *Yones Eliyahu* Die Strasse nach Lemberg... S. 15–16.

[80] По данной проблеме см. также: *Musial, Bogdan.* «Kontrrevolutionäre Elemente sind zu erschießen», passim.

[81] *Патриляк І. К.* Діяльність Організації українських націоналістів (бандерівців) у 1940–1942 роках (військовий аспект). С. 97, 177.

[82] *Косик В.* Німеччина і Акт 30 червня 1941 року // Національно-визвольна боротьба 20–50-х років XX ст. в Україні. Київ-Львів, 1993. С. 120–138.

[83] Українське державотворення. Акт 30 червня 1941... С. 123.

[84] Там же. С. 136.

[85] Там же. С. 137.

[86] Там же. С. 145.

[87] Там же. С. 442–443.

[88] *Косик В.* Україна і Німеччина у Другій світовій війні... С. 193.

[89] *Лебедь М.* Українська Повстанська Армія, її генеза, ріст і дії у визвольної боротьбі українського народу за Українську Самостійну Соборну Державу. Ч. 1. Німецька окупація України. (Репринтне видання). Дрогобич, 1993. С. 29–30.

[90] *Ткаченко С. Н.* Повстанческая армия... С. 38–39.

[91] *Патриляк І. К.* Віськовотворчі заходи ОУН(Б) у липні-вересні 1941 р. // УІЖ. 2001. № 4. С. 126–139.

[92] *Радзевич К.* Перша київська похідна група ОУН // На зов Києва... С. 96–108; *Верига В.* Буковинський курінь 1941 // Там же. С. 109–118.

[93] *Процик* С. ОУН в ретроспективі // Здалека про близьке. Львів, 1992. С. 14–29

[94] Українське державотворення... С. 462–463.

[95] Там же. С. 202.

[96] Там же. С. 223.

[97] Там же. С. 450.

[98] Там же. С. 411.

[99] Там же. С. 453.

[100] *Данилюк М.* Повстанський записник. Київ, 1993. С. 26–50; *Стахів Є.* Похідні групи ОУН на Східній Україні в 1941–1943 роках // Національно-визвольна боротьба 20–50-х років XX ст. в Україні. Київ-Львів, 1993. С. 145–160.

[101] *Кентій А. В.* Нариси історії Організації українських націоналістів в 1929–1941 рр. С. 14.

[102] Україна в Другій Світовій війні у документах. Збірник німецьких архівних матеріалів. Т. 1 / Упор. і передм. *В. Косика*. Львів, 1997. С. 251–252.

[103] *Городиський З.* Українська національна рада в Києві // На зов Києва... С. 377–248.

[104] *Русначенко А. М.* Розумом і серцем. Українська суспільно-політична думка 1940–1980-х років. Київ: «КМ Academia», 1999. С. 165–180.

[105] На зов Києва... С. 434–435.

[106] Українська головна визвольна рада. Документи, офіційні публікації, матеріали / Зібрав Євген Штендера. Редактор Петро Й. Потічний. З англійським вступом і резюме. Літопис УПА. Т. 26. Торонто – Львів: «Літопис УПА», 2001, passim.

[107] *Бедрій А.* ОУН і УПА // http://www.koza.kiev.ua/

[108] Енциклопедія українознавства. Словникова частина. Volume II/5. Paris — New-York: Видавництво «Молоде Життя», 1966. С. 1863–1867.

[109] *Санников Г. З.* Большая охота. Разгром вооруженного подполья в Западной Украине. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 12–17.

[110] *Стахів Є.* Крізь тюрми, підпілля й кордони... С. 261–262.

[111] *Перекрест Н.* У нас был свой «момент истины» // Известия. 12.10.2003.

[112] *Санников Г. З.* Большая охота... С. 163.

[113] О современных наследниках ОУН в Украине см.: http://mykolaplaviuk.kiev.ua/; http://www.ukrnationalism.org/

[114] http://www.ukraine.ru/catalog/parties/kun.html

[115] *Семиряга М. И.* Коллаборационизм... С. 7.

[116] Здесь и далее описание действий УПА — Полесская сечь ведется в основном по воспоминаниям самого Боровца: *Бульба-Боровець Т.* Армія без держави. Слава і трагедія українського повстанського руху. Спогади. Київ — Торонто — Нью-Йорк: Фундація імені О. Ольжича, Фундація ім. С. Петлюри, 1996.

[117] *Боляновський А.* Українські військові формування в збройних силах Німеччини... С. 100–101.

[118] Переговоры нашли отражение и в документах немецкой оккупационной администрации: *Сергійчук В.* ОУН-УПА в роки війни. Нови документи і матеріали. Київ: «Дніпро», 1996. С. 103–108.

[119] См., например: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Спр. 523.

Арк. 98. См. также: Боротьба проти УПА і націоналістичного підпілля: інформаційні документи ЦК КП(б)У, обкомів партії НКВС-МВС, МДБ-КДБ. 1943–1959. Книга перша: 1943–1945. Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. Київ — Торонто: «Літопис УПА», 2002. С. 74–75.

[120] *Лебедь М.* Українська Повстанська Армія, її генеза, ріст і дії у визвольній боротьбі українського народу за Українську Самостійну Соборну Державу. Ч. 1. Німецька окупація України. (Репринтне видання). Дрогобич, 1993, passim.

[121] *Бульба-Боровець, Т.* Армія без держави... С. 206.

[122] *Озимчук О. Б.* Антифашистська боротьба ОУН-УПА в роки Другої світової війни (період 1941–1944 рр.) на матеріалах Волині / Дис. на здоб. наукового ступеня кандидата історичних наук. — Рівне: Рівненський державний педагогічний інститут, 1995. С. 38–39.

[123] ДАЛО. Ф. П-3. Оп. 1. Спр. 213. Арк. 45–47. Цит. по.: *Боляновський А.* Українські військові формування в збройних силах Німеччини... С. 308.

[124] *Brdutigam O.* So hat es sich zugetragen. Ein Leben als Soldat und Diplomat. Würzburg: Holzner-Verlag, 1968. S. 700.

[125] *Семиряга М. И.* Коллаборационизм... С. 496.

[126] ЦДАГОУ. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 85. Арк. 43.

[127] *Вовк О.* Василь Івахів — перший Командир Української Повстанської Армії // Визвольний шлях. 2003. № 2. С. 10–17.

[128] *Семиряга М. И.* Коллаборационизм... С. 495.

[129] *Ткаченко С. Н.* Повстанческая армия... С. 25.

[130] ЦДАОВВіУУ. Ф. 3833с. Оп. 1. Спр. 112. Арк. 2.

[131] Літопис УПА. Нова серія. Т. 2. С. 171.

[132] Там же. С. 172–173.

[133] Там же. С. 178.

[134] Там же. С. 341.

[135] Там же. С. 343–344.

[136] *Боляновський А.* Українські військові формування в збройних силах Німеччини... С. 402.

[137] *Бульба-Боровець Т.* Армія без держави. С. 205–207.

[138] *Содоль П.* Українська повстанча армія. Довідник. Ч. 1. С. 18. См. также: *Косик В.* Україна і Німеччина у Другій світовій війні... С. 412.

[139] *Ільюшин І. І.* Протистояння УПА і АК (Армії Крайової) в роки Другої світової війни на тлі діяльності польського підпілля в Західній Україні. Київ, 2001. С. 194.

[140] *Соколов Б. В.* Оккупация... С. 16.

[141] ДА СБУ. Д. 372. Т. 1. Арк. 74–127. Данные по: *Кокін С. А.* Анотований покажчик документів з історії ОУН і УПА у фондах Державного архіву СБУ. Випуск І. Київ, 2000.

[142] *Коваль М. В.* Україна в Другій Світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939–1945 рр.) / Україна крізь віки. Т. 12. Київ, 1999. С. 155.

[143] *Коваль В.* ОУН-УПА і Німеччина // Українська Повстанська Армія і національно-визвольна боротьба в Україні у 1940–1950 рр. / Матеріали Всеукраїнської наукової конференції 25–26 серпня 1992 р. Київ, 1992. С. 221–222.

[144] Интервью с Василием Куком // Личный архив Александра Гогуна.

[145] *Кентій А. В.* Українська повстанська армія в 1944–1945 рр. Київ: Інститут історії НАН України, 1999. С. 100.

[146] ЦДАГОУ. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 190. Арк. 193.

[147] *Білас І.* Репресивно-каральна система в Україні. 1917–1953. В 2 кн. Кн. 2. Київ, Либідь-Військо України, 1994. С. 357.

[148] ЦДАГОУ. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 190. Арк. 77.

[149] Там же. Арк. 171.

[150] *Білас І.* Репресивно-каральна система в Україні. Книга друга. С. 365–366.

[151] Там же. С. 362–363.

[152] Там же. С. 363–364.

[153] *Вовк.* О. Вступ // Літопис УПА. Нова серія. Т. 2. С. XV.

[154] *Чайковський А. С.* Невідома війна. Партизанський рух в Україні 1941–1944 рр. мовою документів, очима історика. Київ: «Україна», 1994. С. 236.

[155] Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С. 129.

[156] Волинь і Полісся: УПА та запілля 1943–1944. Документи і матеріали / Упор. О. Вовк, І. Павленко. Літопис УПА. Нова серія. Т. 2. Київ — Торонто, 1999. С. 244–247.

[157] Там же. С. 247–248.

[158] Там же. С. 248.

[159] Там же. С. 251–258.

[160] Волинь і Полісся: німецька окупація; книга друга. Літопис УПА. Т. 2. Торонто: «Літопис УПА», 1985. С. 218–219.

[161] *Боярчук П.* Трагедія Старої Рафалівки: 50-річчя УПА: невідомі сторінки війни // Волинь (Луцьк). 04.08.1992.

[162] Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С. 210.

[163] Літопис УПА. Нова серія. Т. 2. С. 272.

[164] Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С. 223.

[165] *Кентій А. В.* Українська повстанська армія в 1944–1945 рр... С. 108.

[166] *Соколов Б. В.* Оккупация... С. 18.

[167] ЦДАГОУ. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 5. Арк. 53–54.

[168] *Кентій А. В.* Українська повстанська армія в 1944–1945 рр... С. 90, 109.

[169] *Аптекарь П.* НКВД против расшитых сорочек. Внутренние войска и национальное движение на Западной Украине // Родина. 1998. № 8. С. 126.

[170] *Szetelenick A, Szota W.* Droga donikad. Dzialnosc organizacji ukrainskich nacjonalistow i jej likwidacja w Polsce. Warszawa: Wydawnictwo ministerstwa oborony narodowej. 1973, passim.

[171] *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны... С. 411–412.

[172] *Семиряга М. И.* Коллаборационизм... С. 691–692.

[173] *Сергійчук В.* Трагедія Волині (Причини й перебіг польсько-українського конфлікту в роки Другої світової війни) (Частина 1) // Визвольний шлях. 2003. № 2. С. 44–49.

[174] *Боляновський А.* Українські військові формування в збройних силах Німеччини... С. 260–261.

[175] *Ільюшин І. І.* Ставлення польського емігрантського уряду в Парижі та Лондоні й польського підпілля у Львові до українського питання в 1939–1941 рр. // УІЖ. 1999. № 6, passim.

[176] *Лебедь М.* Українська Повстанська Армія, її генеза, ріст і дії у визвольній боротьбі українського народу за

Українську Самостійну Соборну Державу. Ч. 1. Німецька окупація України. (Репринтне видання). Дрогобич, 1993. С. 53.

[177] *Кокін С. А.* Анотований покажчик документів з історії ОУН і УПА у фондах Державного архіву СБУ. Випуск 1. Київ, 2000, passim.

[178] *Кентій А. В.* Українська повстанська армія в 1944–1945 рр... С. 97.

[179] *Motyka, Grzegorz.* Tak bylo w Bieszczadach... S. 110–111.

[180] Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С. 61.

[181] Там же. С. 65–66.

[182] Там же. С. 76–77.

[183] Цит. по: *Ільюшин І. І.* Армія Крайова і українсько-польське протистояння в Західній Україні (1939–1945 рр.). Дис. на здоб. наук. ступ. докт. іст. наук. Київ, 2002. С. 222.

[184] Данные по: *Русначенко А.* Народ збурений... Київ, 2002. С. 156–157.

[185] Краткая история Польши. М.: Наука, 1993. С. 321–348.

[186] Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С. 66.

[187] Літопис УПА. Нова серія. Т. 2. С. 310.

[188] Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С. 64.

[189] Цит. по: *Русначенко А.* Народ збурений... Київ, 2002. С. 160.

[190] Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С. 97.

[191] *Семиряга М. И.* Коллаборационизм... М., 2000. С. 526.

[192] Данные по: *Ільюшин І. І.* Протистояння УПА і АК... Київ, 2001. С. 167.

[193] ЦДАОВВіУУ. Ф. 3833 с. Оп. 1. Спр. 112. Арк. 2.

[194] *Ільюшин І. І.* Протистояння УПА і АК... С. 180–188.

[195] *Тинченко, Ярослав.* Легендарный полковник УПА // Киевские ведомости. 2002. № 232 (2746), 22 окт.

[196] *Кентій А. В.* Українська повстанська армія в 1944–1945 рр... С. 112.

[197] Цит. по.: *Ільюшин І. І.* Протистояння УПА і АК... С. 174.

[198] Armia Krajowa w dokumentach, 1939–1945. Tom III. – Wroclaw, 1990. S. 383.

[199] См.: *Wegierski J.* W lwowskiej Armii Krajowej. Warszawa: PAX, 1989, passim.

[200] *Русначенко А.* Народ збурений... С. 176.

[201] *Кентій А. В.* Українська повстанська армія в 1944–1945 рр... С. 104–105.

[202] НКВД и польское подполье (По «Особым папкам И. В. Сталина») / Отв. ред. А. Ф. Носкова. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1994. С. 197–199.

[203] См., например: Літопис УПА. Нова серія. Т. 2. С. 460.

[204] Более подробно о совместных операциях см.: Motyka, Grzegorz, Wnuk, Rafal. Pany i rezuny: Wspolpraca AK-WIN i UPA. 1945–1947. Warszawa: Oficiyna Wydawnicza Volumen, 1997, passim.

[205] *Ткаченко С. Н.* Повстанческая армия... С. 355.

[206] *Лебедь М.* Українська Повстанська Армія... С. 57–58.

[207] Літопис УПА. Нова серія. Т. 2. С. 4–5.

[208] ЦДАГОУ. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 85. Арк. 25.

[209] ЦДАГОУ. Ф. 57. Оп. 4. Спр. 189. Арк. 193.

[210] Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С. 100.

[211] Там же. С. 107.

[212] Ідея і чин: орган проводу ОУН, 1942–1946. Літопис УПА. Т. 24. Торонто — Львів: «Літопис УПА», 1995. С. 52.

[213] *Лебедь М.* Українська Повстанська Армія... С. 69.

[214] ЦДАГОУ. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 140.

[215] ЦДАГОУ. Ф. 62. Оп. 1. Спр. 1521. Арк. 173–175. Цит. по: Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С. 186–187.

[216] *Косик В.* Україна і Німеччина у Другій світовій війні... С. 620.

[217] *Сергійчук В.* Десять буремних літ... С. 32.

[218] *Ткаченко С. Н.* Повстанческая армия... С. 45.

[219] *Вовк А.* Вступ // Літопис УПА. Нова серія. Т. 2. С. XV–XVI.

[220] Там же. С. XVI.

[221] Схема приведена по: Літопис УПА. Нова серія. Т. 2. С. 668.

[222] *Соколов Б. В.* Оккупация... С. 17.

[223] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Спр. 523. Арк. 99.

[224] ЦДАГОУ. Ф. 63. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 95–96.

[225] Боротьба проти УПА і націоналістичного підпілля: інформаційні документи ЦК КП(б)У, обкомів партії НКВС-МВС, МДБ-КДБ. 1943–1959. Книга друга: 1946–1947. Літопис УПА. Нова серія. Т. 5. Київ — Торонто: «Літопис УПА», 2002. С. 133.

[226] *Кентій А. В.* Українська повстанська армія в 1944–1945 рр... С. 152.

[227] Подсчитано по: Боротьба проти УПА і націоналістичного підпілля: директивні документи ЦК Компартії України 1943–1959. Літопис УПА. Нова серія. Т. 3. Київ — Торонто: «Літопис УПА», 2001. С. 145.

[228] См.: УПА в світлі німецьких документів. Книга друга. Червень 1944 — квітень 1944. Зібрав і впорядкував Тарас Гунчак. З англійськими й українськими резюме. Літопис УПА. Т. 7. Торонто: Видавництво «Літопис УПА», 1983; УПА в світлі німецьких документів. Книга перша. 1942 — червень 1944. Зібрав і впорядкував Тарас Гунчак. З англійськими й українськими резюме. Літопис УПА. Т. 6. Торонто: Видавництво «Літопис УПА», 1983.

[229] Літопис УПА. Нова серія. Т. 2. Волинь і Полісся: УПА та запілля 1943–1944. Документи і матеріали. Упор. О. Вовк, І. Павленко. Київ — Торонто, 1999. С. 23.

[230] Енциклопедія українознавства... С. 3378.

[231] *Кентій А. В.* Українська повстанська армія в 1944–1945 рр. С. 52.

[232] *Санников Г. З.* Большая охота... С. 179.

[233] Там же. С. 155.

[234] *Шаповал Ю.* Війна після війни // Літопис УПА. Нова серія. Т. 3. С. 27.

[235] *Ткаченко С. Н.* Повстанческая армия... С. 28–29.

[236] *Кентій А. В.* Українська повстанська армія в 1944–1945 рр... С. 106.

[237] *Кокін С. А.* Анотований покажчик документів з історії ОУН і УПА у фондах Державного архіву СБУ. Випуск І. К., 2000. С. 108–109.

[238] *Перекрест Н.* У нас был свой «момент истины» // Известия. 12.10.03.

[239] См., напр.: Літопис УПА. Нова серія. Т. 2. С. 80–83, 305–315, 419–427.

[240] Там же. С. 312.

[241] *Косик В.* Українська повстанська армія. Короткий історичний огляд. Київ, 1999. С. 14.

[242] *Білас І.* Репресивна-каральна система в Україні в 1917–1953 рр. Кн. 2. С. 531–533.

[243] *Мірчук П.* Українська повстанська армія. 1942–1952. / Репринтне відтворення видання 1953 року (Мюнхен). Підготовив до друку Михайло Стасюк. Львів: Книгозбірня «Просвіти», 1991. С. 169–170.

[244] Более подробно см.: *Шаповал Ю.* ОУН і УПА на терені Польщі (1944–1947 рр.). Київ: Інститут історії України НАН України, 2000, passim.

[245] О переселении более подробно см.: *Савченко В. Н.* Восточнославянско-польское пограничье 1918–1921 гг. М., 1995. *Ткачов С.* Польсько-український трансфер населення 1944–1946 рр. Тернопіль, 1997, passim.

[246] Польские исследователи советского времени Шетеленик и Шота называют в два-два с половиной раза большую цифру: *Szetelenick A, Szota W.* Droga donikad. Dzialnosc organizacji ukrainskich nacjonalistow i jej likwidacja w Polsce. Warszawa: Wydawnictwo ministerstwa oborony narodowej, 1973, passim.

[247] *Ткаченко С. Н.* Повстанческая армия... С. 358–367.

[248] *Субтельный О.* Украина: История... С. 613.

[249] *Шаповал Ю.* ОУН і УПА на терені Польщі... С. 208.

[250] Там же. С. 200–201.

[251] *Содоль П.* Українська повстанча армія, 1943–1949. Довідник. Ч. 2. С. 67–68.

[252] *Шаповал Ю.* Цит. Твір. С. 225–226.

[253] *Ткаченко С. Н.* Повстанческая армия... С. 367.

[254] *Бороджей В.* Насилие в Польской Народной Республике // Коммунизм, террор, человек. Дискуссионные статьи на тему «Черной книги коммунизма» / Сост. С. Кройцбергер, И. Маннтойфель, Ю. Унзер / Пер. с нем. Киев: Оптима, 2001. С. 104.

[255] *Санников Г. З.* Большая охота... С. 506.

[256] *Кентій А. В.* Українська повстанська армія в 1944–1945 рр... С. 5.

[257] *Бедрій А.* ОУН і УПА // http://www.koza.kiev.ua/

[258] ОУН і УПА у Другій світовій війні // УІЖ. 1995. № 3. С. 116–117.

[259] *Субтельный О.* Украина: История... С. 612.

[260] *Перекрест Н.* У нас был свой «момент истины» // Известия. 12.10.03.

[261] *Кентій А. В.* Українська повстанська армія в 1944–1945 рр... С. 64.

[262] Там же. С. 110.

[263] *Береговой Г. Т.* Три высоты. М.: Воениздат, 1986. С. 94–96.

[264] Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С.182.

[265] Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С. 501–502.

[266] *Марчук І.* Гурбенський бій мовою свідчень, фактів, документів // Визвольний шлях. 2002. № 11 (656). С. 11.

[267] Там же. С. 17.

[268] Там же. С. 19–20.

[269] Там же. С. 19.

[270] *Григоренко П.* В подполье можно встретить только крыс... М.: Звенья, 1997. С. 292.

[271] *Боляновський А.* Українські військові формування в збройних силах Німеччини... С. 306–307.

[272] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Спр. 930.

[273] *Кентій А. В.* Українська повстанська армія в 1944–1945 рр... С. 68.

[274] *Yones, Eliyahu.* Die Strasse nach Lemberg... S. 177–179.

[275] Літопис УПА. Т. 4. С. 506–507.

[276] *Перекрест Н.* У нас был свой «момент истины» // Известия. 12.10.03.

[277] *Санников Г. З.* Большая охота... С. 292–293.

[278] *Перекрест Н.* У нас был свой «момент истины» // Известия. 12.10.2003.

[279] Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С. 206.

[280] Боротьба проти УПА і націоналістичного підпілля: інформаційні документи ЦК КП(б)У, обкомів партії НКВС-МВС, МДБ-КДБ. 1943–1959. Книга друга: 1946–1947. Літопис УПА. Нова серія. Т. 5. Київ — Торонто: «Літопис УПА», 2002. С. 157–160.

[281] Літопис УПА. Нова серія. Т. 3. С. 90.

[282] *Перекрест Н.* У нас был свой «момент истины» // Известия. 12.10.03.

[283] *Сергійчук В.* Десять буремних літ. Західноукраїнські землі у 1944–1953 рр. Нові документи і матеріали. Київ: "Дніпро", 1998. С. 417–418.

[284] *Семиряга М. И.* Коллаборационизм... С. 508.

[285] *Білас І.* Репресивно-каральна система в Україні. 1917–1953. Кн. 2. С. 478–482.

[286] *Кентій А. В.* Українська повстанська армія в 1944–1945 рр... С. 145.

[287] *Білас І.* Репресивно-каральна система в Україні. 1917–1953. Кн. 2. С. 498.

[288] Там же. С. 495–417.

[289] Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С. 425.

[290] Там же. С. 428–430.

[291] *Білас І.* Цит. Твір. Кн. 2. С. 584–585.

[292] *Кентій А.В.* Українська повстанська армія в 1944–1945 рр... С. 151.

[293] Літопис УПА. Нова серія. Т. 5. С. 72–73.

[294] *Санников Г. З.* Большая охота... С. 208–209.

[295] Там же. С. 149.

[296] *Перекрест Н.* У нас был свой «момент истины» // Известия. 12.10.2003.

[297] Літопис УПА. Нова серія. Т. 5. С. 142–144.

[298] Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С. 307–308.

[299] Літопис УПА. Нова серія. Т. 5. С. 89–90.

[300] Интервью с Василием Куком // Личный архив Александра Гогуна.

[301] *Сергійчук В.* ОУН-УПА в роки війни... С. 607.

[302] Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С. 461–461.

[303] Подсчитано по: *Сергійчук В.* Десять буремних літ. С. 493–494.

[304] *Марчук І.* Останній бій «Клима Савура» (фрагмент з історичної розвідки) // Визвольний шлях. 2003. № 3. С. 34–35.

[305] Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С. 311.

[306] Рукопись «Сын за отца», любезно предоставленная автору историком Ярославом Тинченко, проведшего интервью с сыном главкома УПА. Материал опубликован в газете «Киевские ведомости» в марте 2000 г., однако

более точной даты публикации автору, к сожалению, найти не удалось. — *А. Г.*

[307] *Санников Г. З.* Большая охота... С. 21–22.

[308] *Судоплатов П.* Спецоперации... С. 416.

[309] *Кук В.* Штаб-квартири Головного Командира УПА // Визвольний шлях. 2002. № 10 (655). С. 26. Далее рассказ о явочных квартирах Шухевича приводится в основном по этой публикации.

[310] *Судоплатов П. А.* Спецоперации... С. 417.

[311] *Судоплатов П.* Спецоперации... С. 416–419.

[312] *Санников Г. З.* Большая охота... С. 361–364.

[313] *Веденеев Д., Шаповал Ю.* Роман Шухевич: тайна гибели // «Зеркало недели» http://www.zerkalo-nedeli.com/nn/show/381/33817/

[314] Там же.

[315] Интервью с Василием Куком // Личный архив Александра Гогуна.

[316] *Білас І.* Репресивно-каральна система в Україні. Кн. 2. С. 460 – 464.

[317] Там же.

[318] *Санников Г. З.* Большая охота... С. 354–357.

[319] *Перекрест Н.* У нас был свой «момент истины» // Известия. 12.10.03.

[320] *Білас І.* Репресивно-каральна система в Україні. Кн. 2. С. 469–474.

[321] *Сергійчук В.* Десять буремних літ... С. 713.

[322] *Ткаченко С. Н.* Повстанческая армия... С. 330–331.

[323] *Санников Г. З.* Большая охота... С. 60.

[324] *Санников Г. З.* Большая охота... С. 238–239.

[325] *Мірчук П.* Українська повстанська армія... С. 141.

[326] Интервью с Василием Куком // Личный архив Александра Гогуна.

[327] *Санников Г. З.* Большая охота... С. 201.

[328] Интервью с Василием Куком // Личный архив Александра Гогуна.

[329] Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С. 491–492.

[330] *Санников Г. З.* Большая охота... С. 436–437.

[331] Літопис УПА. Нова серія. Т. 3. С. 146

[332] *Перекрест Н.* У нас был свой «момент истины» // Известия. 12.10.2003.

[333] *Сергійчук В.* Десять буремних літ... С. 183–184.

[334] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Спр. 919. Арк. 16–18.

[335] Літопис УПА. Нова серія. Т. 3. С. 88–86.

[336] *Дейчаківський І.* Ямниця: історія села, долі людей. Львів: Каменяр, 1994. С. 163.

[337] *Перекрест Н.* У нас был свой «момент истины» // Известия. 12.10.2003.

[338] Літопис УПА. Нова серія. Т. 5. С. 76–78.

[339] Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С. 414–416.

[340] Літопис УПА. Нова серія. Т. 3. С. 122.

[341] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы: В 3 т. Киев: Наукова думка, 1985. Т. 3. С. 144–145.

[342] *Аптекарь П.* НКВД против расшитых сорочек // Родина. 1999. №. 8. С. 129.

[343] Літопис УПА. Нова серія. Т. 5. С. 162.

[344] Там же. С. 135.

[345] Там же. С. 133.

[346] *Кентій А. В.* Українська повстанська армія в 1944-1945 рр... С. 154–155.

[347] *Хрущев Н. С.* Освобождение украинских земель от немецких захватчиков и очередные задачи восстановления народного хозяйства Советской Украины / Доклад председателя СНК УССР на VI сессии Верховного совета УССР 1 марта 1944 г. в г. Киеве. М.: Госполитиздат, 1944. С. 18–19.

[348] Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. С. 309.

[349] *Содоль П.* Українська повстанча армія, 1943–1949. Довідник. Ч. 1. С. 54.

[350] *Ткаченко С. Н.* Повстанческая армия... С. 227.

[351] *Кентій А. В.* Українська повстанська армія в 1944–1945 рр... С. 136–137.

[352] Літопис УПА. Нова серія. Т. 3. С. 121.

[353] Там же. С. 121–122.

[354] *Білас І.* Репрессівно-каральна сістема в Україні. 1917–1953. Книга друга, с. 545.

[355] *Даниленко В. М., Баран В. К.* Україна в умовах системної кризи (1946–1980 рр.). Київ, 1999. С. 23.

[356] *Перекрест Н.* У нас был свой «момент истины» // Известия. 12.10.2003.

[357] *Хейфец М.* Избранное: В 3 т. Т. 3: Украинские силуэты. С. 150.

[358] *Musial, Bogdan.* «Kontrrevolutionäre Elemente sind zu erschießen»... S. 38.

[359] *Субтельный О.* Украина: История. С. 617.

[360] *Перекрест Н.* У нас был свой «момент истины» // Известия. 12.10.2003.

[361] Там же.

[362] Лаврентий Берия. Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. акад. А. Н. Яковлева. М., 1999. С. 46.

[363] *Перекрест Н.* У нас был свой «момент истины» // Известия. 12.10.2003.

[364] Там же.

[365] *Семиряга М.* Предатель? Освободитель? Жертва? // Родина. 1991. № 6–7. С. 92–94. Те же данные исследователь приводит в своей работе «Коллаборационизм».

[366] Літопис УПА. Нова серія. Т. 5. С. 156.

[367] *Санников Г. З.* Большая охота... С. 150.

[368] Лаврентий Берия. Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы... С. 47.

[369] Данные по: *Бороджей В.* Насилие в Польской Народной Республике (1944–1989) // Коммунизм, террор, человек... Киев, 2001, passim.

[370] *Шаповал Ю.* Війна після війни // Літопис УПА. Нова серія. Т. 3. С. 40.

[371] *Семиряга М.* Предатель? Освободитель? Жертва?.. С. 94.

[372] Интервью с Василием Куком // Личный архив Александра Гогуна.

[373] *Перекрест Н.* У нас был свой «момент истины» // Известия. 12.10.2003.

[374] Лаврентий Берия. Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы... С. 46.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Рассказ Евгения Стахова об украинской революции в Закарпатье 1939 г.

Евгений Стахов — родился в 1918 г. в польско-украинском городе Перемышле (Австро-Венгрия), после окончания Гражданской войны жил в Чехословакии, Польше. Член Юнацтва ОУН с середины 1930-х гг. В 1942 г. возглавлял бандеровское подполье на Донбассе. После войны был политическим противником Степана Бандеры, примыкая к демократическому крылу ОУНз. Эмигрировал в США, где живёт до настоящего времени, периодически посещая Украину.

Интервью было проведено автором в Киеве в апреле 2003 г. и позже заверено Евгением Стаховым.

Как Вы оказались на территории Закарпатья, вы же проживали в 1938 г. во Львове?

— В октябре — ноябре я участвовал в демонстрациях в поддержку Закарпатской Украины и последовавших после этого столкновениях польской шовинистической молодежи с украинскими националами. За это меня искала польская полиция, о чем мне сообщил Роман Шухевич, да и дома у меня были следы обыска. Я переночевал у товарищей и решил убежать в Карпатскую Украину, так как туда бежало много украинских националистов. Попытался с группой перейти польско-немецкую границу, но неудачно. Второй раз переходили кордон уже чехословацкий, чтобы попасть прямо в Закарпатье. 27 декабря 1938 г. я со случайно найденным напарником, такого же возраста, как и я, перешел границу — он меня вел. Я все спрашивал: «Скоро ли граница?» — «Скоро уже». Идем дальше, из какой-то хаты начали лаять псы, уже давно ее прошли, а он и говорит:

«Там была полиция». — «Что же ты молчал?» — «Сказал бы, так вы бы в штаны наложили».

По ту сторону границы пограничник, охранявший чехословацко-польскую границу, был украинцем. Мы ему сказали, что идем в Карпатскую Сечь (КС — военизированная полуофициальная организация, созданная в конце 1938 г. при администрации Волошина, в состав КС входили также и украинские добровольцы не из Закарпатья. — *А. Г.*). Он, несмотря на наши протесты, отвел нас в чешскую жандармерию, чехи нас там допросили, чтобы выяснить, не являемся ли мы польскими разведчиками или диверсантами (Польша и Венгрия в конце 1938 — начале 1939 гг. высылали в Закарпатье агентуру. — *А. Г.*). Полякам нас не выдали, разрешили переночевать в тюрьме, а утром жандарм даже дал нам билеты до городка Перечина, сказав, что там находится Карпатская Сечь.

— Была ли это военизированная организация наподобие чернорубашечников в Италии или штурмовиков в Германии?

— Сами решайте, расскажу, что видел.

Приехали в Перечин, нашли здание, в котором размещалась Карпатская Сечь, комендантом ее был Романченко, бывший сотник петлюровской армии, в Сечи — сами добровольцы. У коменданта была только одна комната, даже канцелярии не было. Никто не дежурил.

Нам объяснили, что надо ехать в Хуст — поезда туда не ходили, так как венгры уже заняли часть Закарпатья (включая город Ужгород. — *А. Г.*) и железнодорожное сообщение было прервано. Два дня мы ждали чешскую военную колонну, и с ней приехали в Хуст в аккурат к Новому году.

На следующий день меня привели в канцелярию Главной команды КС, в помещение, где на двери висела табличка «Архив» — в разведывательный отдел. После разговора я был назначен в штаб КС, позже я с другими сечевиками проводил инспекцию отряда, который стоял на границе с Польшей и пытался не допустить проникновения на нашу территорию агентов из Польши. Главой этого отряда, насчитывавшего человек 35—40, был галичанин Степан Гинилевич. Он был также и старостой в округе, судьей и полицейским. Его хвалило начальство за дисциплину в его отряде и справедливое отношение к местным жителям.

— Каким образом руководство КС готовило кадры?

— Была создана подстаршинская школа (по советской терминологии — младшего начальствующего состава — для сержантов и прапорщиков. — *А. Г.*), которая насчитывала около сорока человек. Преподавали там украинцы, бывшие или действующие офицеры и поручики австро-венгерской, польской и чешской армий. По окончании этих двухмесячных курсов (январь — февраль) мы получили звание подхорунжий-вестник *(вістун)*.

А 1 марта меня назначили редактором отдела спорта ежедневной хустской газеты «Новая свобода». 12 марта решено было создать Украинский олимпийский комитет, так как в 1940 г. должна была пройти Олимпиада, а я был легкоатлетом-бегуном. Но все наши старания оказались бессмысленными, так как Закарпатье захватили венгры.

— Карпатская Сечь и была создана вроде бы для защиты от Венгрии.

— Численность Карпатской Сечи была невелика. Часть сидела дома — резерв, может их было тысячи четыре, а на казарменном положении были в основном те, кто приехал в Закарпатье из Галиции и Волыни — человек 500. Реально 14—16 марта воевало несколько сотен человек.

У Карпатской Сечи не было оружия, только некоторые офицеры, да и то не совсем легально, носили оружие. У всей КС было всего три автомобиля!

Помните, что до 14 марта Закарпатье входило в состав Чехословакии, и внешняя защита была обязанностью Праги — в Хусте стоял чешский полк, а во всем Закарпатье — дивизия. Внутренний порядок обеспечивала чешская жандармерия и полиция. Тем не менее, КС пыталась получить оружие в свои руки.

12 февраля были провозглашены выборы в Сейм, куда должно было войти 30 депутатов. Украинское национальное объединение (УНО включало представителей тех партий, которые считали Закарпатье частью Украины, а русинов — ветвью украинского народа. — *А. Г.*) выставило список своих кандидатов. Русофилы же накануне выборов собрались на тайный совет. Карпатская Сечь узнала про это, окружила дом и арестовала всех участников, среди которых было много и священников. Когда глава администрации Волошин про это узнал, он приказал их выпустить. И как его ни убеждали, что это русофилы, он стоял на своем, поскольку был либерал. В конце концов переговоры между ним и КС закончились тем, что он разрешил выдать со склада чешской жандармерии сто ружей для Сечи в обмен на арестованных!

На выборах примерно 75 процентов проголосовало за УНО и Августина Волошина, около четверти — за русофилов. Должен был быть созван Сейм, но чехи его запретили, так как начались украинско-чешские стычки.

Должен сказать, что некоторые ошибочные действия руководства ОУН привели к этим столкновениям. Это руководство дирижировало за кулисами своими активистами в Закарпатье и выдвинуло такие лозунги, как: «Отец Волошин, дядюшка Гитлер».

Хорошо помню, как на одном из праздников 22 января 1939 г. народ пел:

Нам поможе вуйко Гітлер
І батько Волошин
Чехів воювати...

Было действительно неудобно за подобную пропаганду руководства ОУН.

— Это была только пропаганда?

— Нет, не только.

В любом случае, чехи хорошо относились к украинцам и хотели только, чтобы ОУН не проводила в Карпатской Украине подрывной работы. И ее не было, поэтому непонятно, почему ее повели в 1939 г. Тем более

что руководство ОУН было частично осведомлено, что Гитлер отдал Закарпатье Венгрии — то есть обманывали своих же людей. Античешская акция ОУН была на руку немцам, но никак не украинцам.

В конце 1938 г. у украинцев Закарпатья уже была культурная автономия, свой министр образования, но националисты хотели и свою отдельную армию — это было противозаконно. На этой основе Карпатская Сечь постоянно ссорилась с Августином Волошиным.

Кроме того, Карпатская Украина была частью федеративной Чехословакии, и Польша раз за разом протестовала, что украинцы идут в Закарпатье из Польши и требовала их интернировать. Поэтому руководство ОУН дало инструкцию в Галицию, что в Закарпатье можно идти только с особым разрешением (это решение вызвало недовольство части молодежи ОУН Андреем Мельником, что в будущем послужило одной из причин раскола Организации на ОУН(м) и ОУН(б). — *А. Г.*).

— Известно, что одним из первых мероприятий новой, украинской власти было создание концлагеря в Карпатах.

— После упадка Карпатской Украины очень много говорили про террор, но все это за редкими исключениями неправда.

Вот был случай, когда сечевики избили директора школы, который ранее был в УВО, а после создания ОУН перешел к социалистам. Волошин приказал виновных в избиении выслать, но оуновцы сумели обойти этот приказ.

Карали некоторых мадьярофилов, русофилов, которые шли на провокации. Например, когда были выборы, в селе Иза в 7 километрах от Хуста, которое целиком было под влиянием москвофилов, все предвыборные плакаты посрывали. То же самое на Румынской улице в Хусте, где жило несколько русофилов. И сечевики делали засады и когда кого ловили, то, понятно, давали несколько пинков. Но это никакой не террор.

А лагерь создали в горах около Рахова для советских, польских, венгерских и чешских агентов, которые валом валили в Закарпатье в период кризиса. Из-за попыток ОУН получить оружие одно время у Волошина была

мысль: совсем разоружить Карпатскую Сечь и выслать всех сечевиков в этот лагерь.

Но хоть террора и не было, не было и никакой альтернативы на выборах. Выборы были проведены не полностью демократичным способом.

— Вы принимали непосредственное участие в боях?

— Сложно ответить на этот вопрос.

Когда ОУН начала выступать с античешскими лозунгами, начались недоразумения между чехами и украинцами. Жандармерия в Закарпатье насчитывала 1000 чехов и ни одного украинца. Мы требовали, чтобы в автономной Карпатской Украине хоть половина жандармов была украинцами — взяли десятка два.

Также мы хотели иметь оружие — нам его также не давали. И один из наших офицеров — Колодзинский, в ночь с 13 на 14 марта пошел брать его силой. Началась стрельба, одного чеха застрелили, у одного сечевика забрали оружие. Чешская армия решила разоружить Сечь. Мы этого не предвидели и не готовились — силы были неравные. Меня с еще тремя бойцами поставили охранять гостиницу Сечи. С утра мы увидели беготню, вероятно, каких-то курьеров, сновавших туда-сюда, сильное движение войск. Втроем пошли на разведку. На одной из улиц навстречу нам шел небольшой отряд — человек 30 чешских солдат. Мы уже их прошли, но внезапно меня кто-то ударил прикладом по голове: «Руки вверх!» Мои товарищи попытались убежать, одному удалось, другого застрелили на месте.

Привели меня в командный пункт армии, обыскали, нашли львовский студенческий билет. «О, да ты с Галиции!» И начали жестоко бить по лицу, пинать. После отвели в то самое здание, где находилось правительство Карпатской Украины и кинули в подвал!

— То есть Волошин заседал этажом выше, а вы под ним сидели в тюрьме?

— Да! Чехи не имели ничего против Волошина, только против Сечи! Нас там было набито, как селедок в бочке — стояли ровно сутки. Вечером 14 марта мы

слышали демонстрацию, что за диво — мы сидим, а люди кричат: «Да здравствует Украина! Да здравствует отец Волошин!» Слышали взрывы, стрельбу. Потом узнали, что это были бои между чешской армией и Карпатской Сечью — обороняли Главную команду Сечи.

Утром 15 марта нас выпустил наш сечевик: «Бегите в здание полиции, там получите оружие. Война — венгры напали на Карпатскую Украину, нужно обороняться!»

Мы и пошли — рядами и с песнями. В полицейском участке оружия уже не было, я побежал в штаб Карпатской Сечи, — он был немного разрушенный после чешской атаки, — нашел там спрятанный мной заранее револьвер.

Побежал в здание государственного управления, где я сидел. Узнал, что 14 марта была созвана чрезвычайная сессия Сейма, и на ней провозгласили независимость Закарпатской Украины.

Когда вернулся назад в штаб Карпатской Сечи, то стоявший около него солдат — украинец в чешской форме, рассказал, что чешская армия из Хуста убегает. Чехи нагрузили 50 грузовых машин с офицерами, местные служаки разбежались, а в казармах полно оружия.

Я доложил это командованию, оно приказало мне и еще двоим хлопцам оружие забрать. Ну, мы на военной «Шкоде» подъезжаем к казарме — сторожа на воротах не хотят нас пускать! Тогда один из нас заговорил по-чешски с ними, те пустили и даже показали, где оружие. Целая груда пулеметов — и легких и тяжелых. Они были разобраны и все в смазке. А мы смотрим на это хозяйство и не понимаем, как их собирать, с какой стороны к ним подходить! Ну, забрали запчасти все эти.

Загрузили в авто, сколько можно, и вернулись назад. А в команде Карпатской Сечи были те, которые в оружии знали толк. «Хлопцы, вы взяли не те запчасти! Магазины вы взяли с патронами нормальными, а стволы — для стрельбы резиновыми пулями!» Мы поехали назад. Снова набрали частей пулемета. А нам говорят: «Где машина для набивания патронов! Ствол пулемета забьет!» Снова пришлось возвращаться.

Это только маленький эпизод, но он очень показательный.

— Пыталась ли Сечь получить какую-то международную поддержку?

— Да, но от кого? От Польши, Румынии или Советов, которые выступали против Закарпатья? От венгров, которые шли на нас войной? ОУН хорошо контактировала с Гитлером. И делегация Сечи пошла в немецкое консульство в Хусте. А консул сказал: «Мы вам советуем капитулировать». Все были шокированы. Решили воевать сами. Мы не верили и не знали, что Гитлер отдал Закарпатье мадьярам. Может быть, Гитлер не хотел злить Сталина независимой Украиной.

Но возвращаюсь к боям за Закарпатье.

Что можно упомянуть: один четар (командир взвода. — *А. Г.*), подпоручик чешской армии, организовал отряд, чтобы ехать в Севлюш — помочь держать бой с венграми добровольцам из педагогического училища, бившихся под руководством преподавателя с Приднепровья Голоты. Все они там погибли. Но этот бой задержал венгров, и они подошли к Хусту только с утра 16 марта. Там им сечевики дали бой у моста при входе в город. А долго сопротивляться мы не могли — силы были слишком неравными, венгерских солдат было десятки тысяч...

У меня было другое задание — надо остановить чешскую колонну, про которую я уже говорил. Она убегала из Хуста в Румынию, и у них было 62 грузовые машины, 5 цистерн с топливом. Дали нам другую машину, личную машину министра Ревая, с номером R-1, черный элегантный лимузин.

Чехи бежали в Тячив — приграничное село, чтобы оттуда через мост уйти в Румынию. А от Хуста до Тячива — километров 25—30. Я и еще трое бешеных хлопцев быстро перегнали чешскую колонну и остановились в селе Буштино — недалеко от Тячива. В Буштино тоже был отрядик Карпатской Сечи. По дороге стояли хлопцы с сине-желтыми повязками и ружьями на плечах. Мы им говорим: «За нами идет чешская колонна, надо ее

задержать. Свалите деревья, которые стоят по сторонам дороги, чтобы чехи провозились, пока мы в Тячиве будем налаживать оборону». Не успели мы усесться в машину, как ребята уже побежали за пилами...

— В Тячиве какая на тот момент была власть?

— Там была небольшая команда Сечи — несколько ребят в чешской форме, но с сине-желтыми лентами на мундирах. Украинцы из чешской армии добровольно взяли на себя охрану городка. Но власть была еще чешская.

Нашли канцелярию Сечи, там был комендант — сотник Клименко, человек лет 45-ти. Он был в панике, думал, как бы быстрее сбежать. А мы, ребята от 20 до 23 лет, напористые, дерзкие, думали, что нам все под силу.

Он нам говорит: «В селе полиция, чешские жандармы». А я говорю: «Надо брать власть в свои руки, их разоружить».

Он боится.

А мы втроем идем к зданию жандармерии. Представьте, нас трое ребят, мне — 20 лет, хлопцу с Волыни — 22, хлопцу с Буковины — 23. И у меня все лицо разбитое и опухшее — революционер.

Подходим к взрослым жандармам. Я не могу от страха открыть рот, сказать: «Сдавайте оружие и власть!» Что-то из себя выдавливаю, а они на нас смотрят...

— Как на сумасшедших...

— Нет! Они больше нашего боялись. Им недавно по радио сказали — власть взяла Карпатская Украина! И они говорят: «Вот вам оружие, вот ключи от тюрьмы, от здания жандармерии, наши шлемы и мы уходим!» Так втроем разоружили шестерых жандармов. Так же разоружили и пограничную стражу, перед мостом поставили двух хлопцев с пулеметами.

Объявили набор добровольцев в Карпатскую Сечь.

Первыми, кто на «призывные пункты» пришел, были 12 местных цыган — записываться в армию независимой Карпатской Украины.

Я почесал голову: они конокрады, возьмут у нас винтовки, что-нибудь сопрут, и поминай, как звали. Ну,

цыгане все же лучше, чем ничего. Дали мы им шлемы, ружья — они стоят, боятся бежать, а мы их боимся.

С цыганами набралось у нас вооруженных человек 25.

А чешская колонна едет.

На главной улице мы начали строить баррикаду. Потом подумали: подъедут чехи к баррикаде, мы и убежим — ничего ж не понимали в военном деле. Надо одну баррикаду подальше построить, чтобы чехи остановились там, — мы уже будем герои! А мы пока убежим подальше, к другой баррикаде. Оттуда, может, постреляем.

Мелкой торговлей в Закарпатье занимались евреи. Мы приказали цыганам: «Переворачивайте для строительства баррикад лавки!» Никто из евреев не кричал, не протестовал, относились с пониманием — революция!

А цыган мы при первом случае на автомашине отправили в Хуст к главному командованию — пусть оно ломает голову, что с ними делать.

— Так вы принимали участие в боях?

— Чехи посмотрели издалека — баррикады, есть какая-то власть. Идет делегация с переговорами:

— Пустите нас в Румынию!

— Нет, отдайте все оружие!

— Мы должны посоветоваться!

А мы их пустить назад не можем, ведь они расскажут своим о нашем «войске». Вышли вместе с ними на улицу, вдалеке какая-то стрельба началась. Делегаты испугались и согласились на наши условия.

Мы взяли грузовую машину, подъехали к тому месту, где стояли чехи, они накидали полный грузовик — все, что у них было. Им все равно — бежали в Румынию вместе с женщинами, детьми.

На машинах они приехали на базарную площадь в Тячив. Мы им говорим: «Все машины оставляйте и пешочком через мост — в Румынию!» Сначала отказывались, но были уже без оружия. Потом договорились — десять машин оставляют себе, остальные и цистерны с бензином оставляют нам.

— Вы описываете, извините, какой-то маразм. Их же был целый полк! И вообще, в Закарпатье на март 1939 г. стояла целая чешская дивизия. Вас могли бы за пару часов всех разогнать!

— Почитайте «Похождения бравого солдата Швейка». В Первую мировую войну чехословаки сдавались десятками тысяч в русский плен.

А в 1938 г. чехи воевали, когда их земли хотел забрать Гитлер? В марте 1939 г. немцы брали Прагу, чехи воевали? В 1968 г. у нас ходил анекдот:

«Чехов спрашивают: начнется завтра война, вы за кого будете воевать — за Советы или Америку?

— За Советы!

— Вы идиоты?

— В американском плену лучше!»

Ну, далее, я с коллегами иду договариваться на мост с румынскими пограничниками о переходе пленных. Мы говорим по-польски, по-украински и совсем немного — по-немецки. А они к нам по-французски. Не можем найти общий язык. Но кое-как друг друга поняли. Они подходят, козыряют: «Именем королевской Румынии...» А мы ничего не знаем, что говорить, чьим мы тут именем. Но пожали руки, договорились, как мы пропускаем чехов.

Я стою на страже, пропускаю чехов. Подходит молодая чешка, улыбается, говорит: «Пойдем со мной в кусты!» «Я бы пошел, но должен тут стоять!» Вероятно, ее подослал отец, чтобы я оставил пост, и они бы быстрее перешли через границу и перенесли туда мебель.

Вместе с чехами бежали и украинцы, но в тех машинах был и тот полковник бывшей петлюровской армии Ефремов, которого Волошин поставил командовать всей Закарпатской армией — первый убежал. И Клименко, командир Сечи в Тячиве — тоже убежал. Армия воюет, а командир бежит.

Ладно, ушли чехи вместе с нашим командованием.

А что дальше?

Звоним в Хуст. У нас сорок машин, 5 цистерн с бензином, но у нас был только один шофер! Команда отвечает: «К нам присоединился чешский подполковник Земан. Он собирает чешских добровольцев, чтобы вмес-

те с нами биться против венгров. Он скоро приедет с чешскими шоферами к вам, и потом вы вместе с ними езжайте к нам».

— Он был подполковник и подчинялся вам?

— Мы были равными, несмотря на то что я был сержант, а чех — подполковник.

Он приезжает с шоферами к нам, все — с сине-желтыми повязками. Говорят: «Чешский батальон, который находится в Хусте, воюет с вами против венгров».

Хорошо!

Едем колонной в Хуст — наша машина впереди колонны, сзади машин 20—25 ведут чехи, а в Тячиве мы оставили несколько ребят.

Но в тылу — в Тячиве, мы взяли власть, да не всю. Там еще в некоторых помещениях пограничников были сами пограничники и жандармы. Может 10, может 15 — мы их не разоружили. Я думаю, что они оттуда позвонили в Хуст и оставшимся чехам сообщили, что тут десять-пятнадцать головорезов их разоружают.

Мы едем, заезжаем в Хуст, во двор главной команды Сечи. Оборачиваемся — а где же колонна? Чехи нас обманули и использовали те машины, на которых приехали, чтобы вывезти оставшихся чехов из Хуста в Румынию.

Колодзинский, который стал главкомом после бегства Ефремова, приказал мне ехать с ранеными на машине в Великий Бичков — это село тоже на румынской границе, чуть дальше Тячива, через который пришлось ехать. Подъезжаем с 5-ю ранеными и медсестрой к Тячиву, а там нас пулемет из танкетки поливает — мы четыре часа были командирами, а после чехи обратно забрали власть.

Чуть было мы не попали в плен!

Бросили машину, пошли обходить Тячив пешком через горы. Заиндевели. Везде над селами висели белые флаги, а на мостах стояли вооруженные хлопцы с венгерскими или белыми повязками. Они в течение недели сначала были сперва в чешской армии или жандармерии, потом стали Карпатской Сечью — украинской армией, а ещё через день оказались в венгерской армии или жандармерии. Почти все сечевики, которые были

родом из Закарпатья, пошли по домам. В Румынию бежали только хлопцы из диаспоры, Галиции, Волыни или Буковины.

У нас были револьверы — еле уговорили этих вооруженных ребят нас пропустить.

Нашли уносящих ноги сечевиков и утром часов в пять 19-го марта вместе с ними перешли пограничную речку Тису. Течение реки сбивало с ног, вода была ледяная, вышли на берег — одежда покрылась льдом. Нас встретила румынская пограничная стража — несколько человек. Испугались, увидев несколько сот сечевиков. Мы им отдаем оружие — они боятся брать. Такие же, как чехи, вояки были.

На этом мое участие в Карпатской революции завершилось.

Приложение 2

Описание действий УПА-Запад против 16-й дивизии VII венгерского корпуса весной 1944 г.

Авторство публикуемой рукописи до конца не прояснено. Подписана она псевдонимом «Дмитрий Каров». По некоторым данным, Каров имел отношение к деятельности абвера на оккупированной территории СССР, вероятнее всего, в РСФСР. После войны жил в Германии, сотрудничал с американскими разведывательными органами. В 1950-е гг. издал брошюру «Партизанское движение в СССР в 1941—1945 гг.». Возможно, что рукопись составлена на основании свидетельских показаний или интервью с участниками событий.

Документ находится в США, в городе Пало-Альто, штат Калифорния, в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (АГИВРМ), коллекция Дмитрия Карова, коробка 88075 — 10.V, и был скопирован и любезно предоставлен автору историком Кириллом Александровым.

Рукопись представляет собой 6 пронумерованных машинописных страниц формата А-4. При перепечатке сохранены орфография и пунктуация исходного текста, а также авторские подчеркивания.

В конце документа стоят две подписи: Д. Каров и D. Kandauroff.

Рукопись публикуется впервые.

«Д. Каров.

Действия Украинской Повстанческой армии против 16-й пехотной венгерской дивизии.

Предисловие. Эти действия происходили вне пределов СССР, почему и не были включены в книгу автора «Партизанское движение в СССР в 1941–45 г.г.».

В конце 1943 г. 16-я венгерская дивизия, входившая в состав VII венгерского корпуса, отступая из пределов

СССР, остановилась и начала укрепляться в местности Станиславов-Долина. Огромный массив «Черного леса», находящийся между этими населенными пунктами был венгерскими войсками поверхностно «прочесан», причем последние были несколько раз обстреляны «неизвестными отрядами». Так-как венгерское командование не располагало достаточными силами и в его планы не входило начинать борьбу с партизанами, войскам было приказано укрепиться в занятых ими деревнях и населенных пунктах и обеспечить пути сообщения между Долиной и Станиславовым, в которых были расположены главные силы дивизии, избегая по возможности столкновений с неизвестными партизанами.

Отношение местного населения к войскам было нейтрально-враждебное; оно явно выжидало того, как поведут себя в дальнейшем пришельцы. Немецкие административные и полицейские отряды, на смену которым пришли венгры, оставили среди населения плохия воспоминания. Отсюда было насильно вывезено не мало мужчин и женщин на работы в Германию; тыловые немцы относились к жителям, особенно к интеллигенции, свысока; обещанная вначале самостоятельность, к которой стремилось издавна все население, так и осталось обещанием. Вожди украинского движения были часю арестованы Гестапо, частью расстреляны; остальные принуждены были скрываться.

В середине января командование дивизии получило сообщение, вызвавшее большое удивление среди офицеров штаба. В сообщении говорилось, что если солдаты дивизии будут притеснять население, реквизировать продовольствие, заставлять жителей производить для них работы и т. д., то «Партизанская Карпатская Армия» принуждена будет начать против дивизии враждебные действия, хотя ее командование и предпочло бы этой крайности избежать, т. к. армия воюет только против коммунистов и немцев, чтобы защитить население от их посягательств.

Содержание послания, прекрасный немецкий язык, на котором оно было написано, наконец то, что оно было подписано представителями «Украинской Карпатской

Армии», о которой командование дивизией до сих пор не слышало, заставило офицеров штаба задуматься. В таком стиле и так партизаны, с которыми дивизия несколько раз до этого времени сталкивалась, не писали.

Вскоре командование дивизии, сообщившее о послании в штаб своего корпуса, получило от него распоряжение очистить местность от партизан «как бы они себя не именовали». Несколько батальонов дивизии, следуя этому распоряжению, попытались в конце января «прочесать» более основательно чем в первый раз «Черный лес». Однако, встреченная ими упорное и умелое сопротивление очень скоро заставило их отойти и остановить эти попытки. Вместо прочесывания леса венгерские войска, в виде репрессии, реквизировали запасы продовольствия и скот в нескольких деревнях, расположенных на окраине леса, ообъявив, что если партизаны не прекратят сопротивление, репрессии будут усилены и распространены на другие деревни. В ответ командование дивизии получило новое послание, в котором было сказано, в таком случае «Карпатская Партизанская Армия» будет принуждена принять серьезные меры против венгров, и что вина за это ляжет всецело на них самих. Командованию дивизией предлагалось поэтому ответить /способ как доставить ответ точно указывался/: согласно ли оно впредь оставить население в покое и не предпринимать больше враждебных действий к «Карпатской Партизанской Армии», ведущей тяжелую борьбу с общим врагом — коммунистами.

На Запрос дивизии штаб VII корпуса приказал партизанам не отвечать, усилить меры охраны, и особенно следить за тем, чтобы сообщение между Долиной и Станиславовым не было прервано.

Однако, уже к моменту получения этого приказа сообщение между этими пунктами было фактически прервано. Дорога была взорвана во многих местах одновременно; пытавшиеся по ней проехать подвергались сильнейшему обстрелу из леса. Попытки венгров восстановить сообщение, пользуясь дорогами не проходящими через «Черный лес» вскоре также должны были прекратиться, т. к. как они оказались тщательно заминированы. Ранней весной 1944 г. дивизия оказалась разделенной на две части, фактически осажденных, одна в Станиславове — другая в Долине и ее ближайших окрестностях. К этом времени, в ответ на репрессии несколько раз предпринятые венгерскими войсками против населения, партизаны перешли к активным действиям. Потери дивизии достигли в среднем 30 человек в сутки. Удаление от укрепленных пунктов даже на несколько сот метров грозило венграм смертью или пленом. Все сообщения даже между близко расположенными стоянками венгерских войск были окончательно прерваны. Штаб дивизии мог переговариваться с отдельными частями своей дивизии только при помощи радио-связи. Подвоз продовольствия стал невозможен; о реквизициях продовольствия у населения говорить не приходилось; подступы к деревням охранялись, деревни были укреплены, население их вооружено, и явно обучено владеть оружием и действовать строго дисциплинированно. Положение осложнялось еще и тем, что в дивизии служило много уроженцев из Карпат, относившихся с большой симпатией к партизанам и начавших переходить к ним все в большем числе. Партизаны начали действовать все смелее. Например, несколько раз были обнаружены следы партизан, являвшихся в подразделения дивизии и уговаривавших солдат не воевать с ними, т. к. все они имеют более страшного врага — наступающую советскую армию.

В начале мая в штаб дивизии были доставлены немецкие летчики, обнаруженные венгерским патрулем около горного ущелья Торониа. Летчики сообщили, что их самолет Ю-52 был поврежден зенитной артиллерией, когда они пролетали над деревней Сенегев в «Черном лесу». Это известие сильно обеспокоило венгерское командование, т. к. ясно показало, что партизаны имеют зенитную артиллерию и умеют ею пользоваться. В конце мая, видя все более ухудшающееся положение на фронте, командование дивизии при молчаливом согласии штаба корпуса решило начать переговоры с «Карпатской Партизанской Армией». Через несколько дне после этого в штаб 16-й дивизии явился уполномоченный партизан, предъявивший свои полномочия и назвавший

себя капитаном Юрием. Капитан был человек лет 30, прекрасно говорившим на нескольких языках, очень хорошо воспитанным (последнее особенно поразило венгерских офицеров, т. к. капитан пришел от партизан) знавшим военное дело.

Штаб дивизии начал немедленно вырабатывать с представителем Карпатских партизан условия соглашения. На время переговоров между обоими сторонами было заключено перемирие. Венгерские части получили возможность сообщаться друг с другом и подвозить продовольствие. Солдатам дивизии, отлучавшимся из своих гарнизонов по служебным надобностям, партизаны давали пароль, по которому их дозоры беспрепятственно пропускали венгров. Одним из первых паролей было слово «Гонта». В начале июля 1944 г. соглашение было достигнуто и несколько офицеров штаба дивизии, в сопровождении капитана Юрия, выехали для встречи с представителями партизан.

Встреча состоялась в лесу, около селения Коростов — Хута, рано утром. Обе стороны быстро договорились и подписали соглашение, согласно которому венграм был обещан свободный проход с обозами на родину. «Карпатская армия» соглашалась в случае надобности задержать своими силами наступающие советские войска, чтобы облегчить отход венгров.

После подписания этого соглашения представители обоих сторон начали дружелюбный разговор, во время которого венгерские офицеры узнали, по их словам, много интересных вещей о «Карпатской Партизанской армии». Армия насчитывала около 15 тыс. бойцов и являлась частью Украинской Повстанческой армии (УПА). Украинские офицеры — парламентеры подчеркнули, что эта армия, хотя и принуждена временно действовать партизанскими методами, т. к. дерется на два фронта, с немцами и коммунистами, по существу является регулярной армией и подчиняется общему командованию. На вопрос венгерских офицеров: что собирается делать Украинская армия после того, как придут советские войска, — им было отвечено, что войска уйдут в леса и горы, откуда и будут продолжать борьбу. «На запад

никто из нас не уйдет, т. к. своей Родины мы покинуть, в тяжелый для нее момент, не желаем», закончил беседу полковник, руководивший украинскими парламентерами.

Вскоре после этого 16-я пехотная венгерская дивизия ушла на Запад. «Карпатская Партизанская армия» исполнила свое обещание прикрыть ее отступление».

Описание разгрома украинскими повстанцами лагеря партизанского отряда Антона Одухи 22–24 июля 1943 г.

Описание принадлежит Максиму Скорупскому (куренному УПА «Максу»), не входившему в ОУН, но бывшего идейно близким мельниковцам. В 1944 г. он по приказанию командования ушёл в эмиграцию, где и написал мемуары: «Туда, где бой за свободу», отрывки которых и публикуются ниже.

«Когда я пришел в лес к лагерю, там царило живое движение. Курень "Осипа" выбирался на операцию против советских партизан. Более точных данных об операции у меня не было, потому что сотня была готова к маршу, и не было времени об этом расспрашивать. Я знал, что одновременно с куренем "Осипа" выбирается на общую операцию также курень "Ворона". Значит, должна была быть большая расправа над советскими партизанами. У меня не было оружия, и наскоро сотник "Юрий" дал мне какую-то старую винтовку, а ребята его сотни дали патронов и одну гранату. Досадно было мне без пистолета, еще хуже, что винтовка такая плохая, но не было выбора.

Четами руководили четовые, которые были и раньше. Сотник "Юрий" присоединил меня пока что к своему отряду. Бурлаченко, как никуда еще не определенный, встретив меня, просил его также взять на операцию. "Юрий" дал свое согласие и, таким образом, у меня был старый товарищ и мы, разговаривая, тянулись в хвосте колонны в походе на Сурожский лес. Это было 22 июля после обеда.

Вечером наш курень прибыл к селу Переморивка и расположился на ночь. В новой сотне, среди незнакомых бойцов и командиров, я чувствовал себя немного не "по-своему". На квартире с куренным "Осипом" и сотником "Юрием" сначала было тяжело завязать разговор, но позже мы разговорились. Оказалось, что и тот и тот — бывшие члены организации ОУН "М", очень трезво смотрели на борьбу УПА. С самого начала, когда весной началось партизанское движение, они присоединились к своим односельчанам, которые были в организации ОУН "Б", и так остались и до сих пор. Они были против "спонтанных" выступлений бандеровцев, но откровенно они не могли выступить против. О разоружении (мельниковцев бандеровцами. — *А. Г.*) куренной "Осип" высказался, что болезненных тем не следует задевать, и перевел разговор на события завтрашнего дня.

По ужину созваны были сотенные и четовые на командное совещание. Куренной "Осип" разложил на столе подробную карту местности и начал объяснять намеченный план военной операции на завтра. Там узнал я о точных данных. На одной из высоток Сурожского леса, недалеко от села Теремное (Шумского района) находится лагерь советских партизан. Сила лагеря состоит из 200 мужчин большевиков и около 300 поляков с семьями, которые убежали из окружающих сел. Советы и часть поляков были хорошо вооружены и вокруг лагеря были выкопаны позиции для стрелков. Своим пребыванием в той местности советские партизаны парализовали связи УПА и досаждали окружающим селам постоянными грабежами продовольствия, одежды и других домашних вещей. Командование УПА дало приказ любой ценой ликвидировать большевистское бандитское гнездо.

В соответствии с планом, курень "Осипа" с востока, а курень "Крапивы" (он был назначен куренным на время операции) с запада должны были приблизиться к советскому лагерю и, соединив фланги, замкнуть кольцо окружения. Главными командирами операции должны были быть "Ворон" и майор Голубенко.

Наши силы были такие: Лубенский курень "Осипа" состоял из трех сотен: первая сотня "Юрия", вторая сотня "Барсука". Третья сотня "Беркута" оставалась на охрану лагеря в лесу.

Вооружение: кроме нормального, то есть — винтовки, автоматы и по три ручных пулемета на чету, сотня "Юрия" — маленький расчет тяжелого пулемета "макси-

ма" и два минометных расчета: один 50 мм и один 82 мм. Кременецкий курень "Крапивы" состоял из трех сотен: первая — "Гамалии", вторая — "Камня", третья — "Петра". Вооружения было точно такое же, как в Лубенском курене, за исключением одного миномета 82 мм. Операция должна была начаться на второй день в 3 часа утра, то есть 23 июля. Случайной базой Кременецкого куреня было село Сошицы.

Определив задачи отдельным командирам, куренной "Осип" назначил меня заместителем сотника "Юрия". Совещание закончилось. Командиры сотен должны были провести последние приготовления по сотням, проверить запасы амуниции, наполнить все пулеметные диски и держать хорошо дежурную службу (чтобы никто из гражданского населения не отдалялся из села). Во время тех приготовлений случился досадный случай в сотне "Барсука". Пулеметчик, чистя свой пулемет, из-за неосторожности оставил один патрон в стволе. Второй стрелок, видев, что диск от пулемета отложен, потянул за спусковой прибор и убил своего товарища, сидевшего возле ствола.

Этот случай предвещал на завтра, вероятно, какую-то неудачу, какой-то плохой знак. Целую ночь в нашу квартиру прибывали связные и разведчики, принося разные сообщения и доклады — в основном о положении "советов", а потому и в плане операции изменений не было.

Утром стоял тяжелый туман, и даже было холодно. Две сотни нашего куреня без какого-либо звона и шума вошли на край села Теремное, со стороны леса. Потому что было темно и плохо видно, мы решили подождать, пока подойдет высшее солнце и ветер развеет туман. Выставив посты, войско раскинулось по обе стороны дороги. За полчаса нашего постоя черт принес из леса воз с советскими партизанами. Как мы позднее узнали, они ехали в село за хлебом, — и просто наехали на выставленный нами пост.

Наши часовые открыли стрельбу и советские партизаны, оставив подводу, убежали. Преждевременное рассекречивание могло повредить намеченному плану, поэтому мы силой факта немедленно отправились гуськом, сотня за сотней, в направлении высотки.

Наши проводники (крестьяне) не очень хорошо ориентировались, в каком месте находится советский лагерь, и начали водить нас по лесу.

Первая шла сотня "Барсука" и должна была занять левый фланг окружения, а сотня "Юрия" — правый. Когда мы еще не вошли совсем вглубь лесного комплекса, позади нас на лужайке появилась группа всадников, советских партизан (мужчин 15) и начали кричать к нам, чтобы мы шли на переговоры. В ответ наш пулеметчик послал несколько пулеметных очередей, стреляли тоже и стрелки, бывшие возле леса. Всадники соскочили с коней и, отстреливаясь, залегли. Несколько из них быстро начали отводить коней за бугорок. За пару минут на поле не было видно ни одного "совета": исчезли, как камфара. Куренной "Осип" очень сердился, что советские партизаны теперь знают, что мы идем на них наступлением, и будут нас ждать уже приготовленные.

Так оно и было. Когда мы немного задержались со своей сотней, "Барсук" первый подошел к высотке, где помещался лагерь советско-польских партизан. Они подпустили его на расстояние 50, а местами даже на 25 метров и приветствовали огнем. Одним махом сотня "Барсука" понесла большие потери: 8 ребят было убитых, а 7 раненных. Сам "Барсук" был ранен в голову (пуля чиркнула его по черепу). Когда мы подошли с сотней "Юрия" на место, то увидели, что высотку, где окопались советско-польские партизаны, защищает глубокий ров, который окружает подковой полуостров высотки. Во рве протекает родниковая вода. Чтобы идти в наступление, надо переходить ров без какого-либо прикрытия. В самом рве была сотня "Барсука", не имея ни малейшей возможности двигаться ни назад, ни вперед: "советы" пришпилили ее к месту. От нее мы слышали вопли о помощи. По правую сторону ров был все мельче, а на расстоянии 200 метров под гору даже сравнивался с поверхностью высотки, которая примыкала к склону соседней горы.

Куренной "Осип" дал приказ сотне "Юрия" сломить советское сопротивление и прорваться по равнине к вражескому лагерю. Сотня пошла в наступление. Со-

ветские "кукушки" с деревьев начали прореживать наши ряды. Хуже всего было то, что "советы" нас видели, как на ладони, а мы их не видели. Сила огня была такова, что мы были вынуждены отступить на исходные положения, тоже на бугорке, который сравнивался с высотой "советов", только между нами была долина. По воздуху отделяло нас от "советов" 100—150 метров. Сотня начала окапываться, а я получил приказ доставить из села Теремное (где мы оставили обоз и санитарную часть сотни) тачанку с "максимом" и воз с минометами. Тяжело было, не зная дорог в лесу, проехать с расчетами к передовой наших сотен. Оставляя детали возов между деревьями, в час пришли мы на место назначения.

Сотня "Барсука" находилась во рве. Немедленно наши "максимовцы", окопавшись, открыли сильный огонь по врагу. Советские партизаны притихли, слышно было лишь по их стороне проклятия. "Сыч", участник операции под Стожком, отмечался на одном и том же "максиме". Расчеты минометчиков, составленные в большинстве своем из грузин (8 мужчин бывшей банды с "Алешей" вступили в УПА в сотню "Юрия"), искали для себя место. В лесу нелегко было найти такого места для миномета, но, наконец, использовали пробел в кронах деревьев и окопались.

Первая мина с 82-миллиметрового миномета вылетела, и сравнявшись с вершиной деревьев, возвратилась просто на землю и упала недалеко от минометного расчета, не разорвавшись. Вторая засвистела в воздухе и разорвалась где-то по другой стороне советского лагеря (там, где наступал Кременецкий курень). Третья мина только вылетела из миномета и так и застряла в земле. Причиной этого были испорченные запальники мин. Я дал приказ отставить миномет. Та же самая история была и со вторым минометом. Тогда сотенный "Юрий" приказал минометы оставить, а из расчета минометчиков сделать стрелковое отделение и выслать на один из участков "фронта". После сильного огня нашего "максима" и всей нашей сотни, сотня "Барсука" вышла изо рва и выровняла фронт, залегая возле нашей линии на

левом фланге. Раненных и убитых вынести изо рва было нельзя; надо ждать, когда смеркается.

Из тяжелого оружия с нашей стороны действовал только "максим". Кременецкий курень усилил огонь, и одна из его сотен соединилась с нашим левым крылом. Направо от нас колесо окружения не было замкнутое, мало было войска для того, чтобы восполнить такое большое кольцо. Куренной "Осип" выслал к штабу гонца, чтобы дали нам помощь.

Ребята во время перерыва в стрельбе перекликались с советскими партизанами. Наши кричали:

— Сдавайтесь, дарим вам жизнь, лишь вашим командирам горе.

"Советы" отвечали:

— Вы нас все равно не возьмете, лучше отступите!

Тогда заново усиливался огонь и позиционный бой затягивался. До вечера на всей линии нашего фронта были выкопаны стрелковые расчеты и пулеметы были подготовлены к ночной обороне. Мы думали, что советские партизаны будут прорываться ночью.

Как только смеркалось, мы выслали один рой во главе с Бурлаченко, чтобы подобрать наших раненных и убитых. Хруст веток под ногами выдавал намерение наших бойцов — "советы" усиливали огонь. Наши выстрелы также не заглушали выкрикиваний нашего роя, который в темноте искал раненных. Однако, спустя какое-то время удалось вынести обессиленных раненных, которые целый день без воды и пищи и без перевязки лежали во рве. Это было тем тяжче, что они должны были притворяться убитыми и лежать без движения, так как иначе "советы" бы их достреляли. Несколько убитых не было найдено, они так и остались. После нашей акции "советы" хотели также использовать тьму ночи и подойти к источнику воды, который был в том же рве, где лежали наши раненные и убитые. Мы еще больше усилили огонь и отрезали им доступ к воде. Они несколько раз на протяжении ночи старались прорваться, но на каждом участке наши их отбивали.

Поздно вечером прибыла нам на помощь сотня "Острого" (с Острожчины). Она оказалась как нельзя кста-

ти, так как уменьшилось расстояние между нашими сотнями и четами. Красивейшей картиной ночного боя был момент, когда по всей линии открывался плотный огонь, и было видно полукругом сверкание стреляющего оружия. Те маленькие и большие огоньки выразительно вырисовывали наши позиции и показывали, что мы "советов" довольно плотно окружили. В ночной тишине гремел гул выстрелов, сливался с отголосками Сурожского леса.

Телеги повезли раненных к штабу в Антоновцах, а оттуда должны были привезти на завтра свежий запас боеприпасов, так как они с каждым часом уменьшались. Мы провели ночь не закрыв глаз. Утром, где-то около 10-го часа, куренной "Осип" собрал почти весь командный состав нашего куреня и начал давать приказы и инструкции на сегодня. Советовал осторожно входить в советский лагерь, могут быть заминированные места. Нам надо сегодня окончательно запереть кольцо окружения. Итак, предложил нам:

— Идите на правый фланг и с высотки рассмотрим территорию.

Последние наши позиции кончались возле дороги, которая выходила на гору и острым изгибом возвращалась с востока на запад, перерезая не окруженный отрезок высотки, где находился советский лагерь. Наши пулеметчики сильно следили за этой дорогой так, что "советы" массово прорваться не могли.

Разговаривая, вышли мы с наших позиций на дорогу. Куренной "Осип" зацепил легко ногою за шнурок, который, присыпанный песком, тянулся вдоль дороги. Шутя, заметил:

— Это мина или шнур, проведенный к звонку тревоги от поста к штабу (точно в том месте вчера стоял советский пост). У кого есть нож — дайте, я его перережу.

Кто-то из товарищей подал нож, куренной "Осип" нагнулся резать — и... сильный взрыв изодрал воздух. Песок засыпал нам глаза, кто упал, кто отбежал от того места. Осматриваюсь... в пяти метрах от меня лежит изорванное миной тело куренного. Все пришли в смятение, бросились к телу, и на руках понесли его к нашим

позициям. Мне песок въелся в лицо, у Бурлаченко выступила кровь на лице, и он не мог смотреть — глаза были полны песка и также залиты кровью; больше никто не был поврежден. Счастье, что куренной нагнулся и своим телом принял сосредоточенную силу фугасной мины, в противном случае было бы еще больше жертв. Как мы позже узнали, в нескольких метрах от того места была закопана огромная мина из большого артиллерийского снаряда. Если бы куренной на нее натолкнулся, погиб бы весь командный состав.

Тело куренного "Осипа" отправили к штабу. Бойцы и командиры потерей куренного были очень угнетены. Невольно надвигались темные мысли и чувство страха перед коварным оружием. Подали по линии весть, пришел "Ворон". Взволнованно сказал:

— Тяжело, жаль, но такая его судьба... А борьбу надо продолжать.

Куренного "Осипа" заменил сотник "Юрий", а мне поручили командование сотней "Юрия".

Перед обедом привезли свежий запас боеприпасов и мины к миномету куренного "Крапивы". На всем отрезке пошел огонь. Сто восемьдесят мин одна за другой начали метко взрываться в советском лагере. Бойцы молча мстили за смерть куренного. У "советов" послышались крики, стон и проклятия. Вопли указывали, что у них поднялась паника.

По нашей линии подали: "Вперед, к наступлению". Раздалось: "Слава!" и выкопанные нами позиции остались позади.

"Советы" напряжением своих последних сил отразили наше наступление. Мы были вынуждены залечь, тем самым сузив кольцо окружения. Дали приказ окапываться. От "советов" местами делило нас расстояние тридцать метров; счастье, что у них не было гранат, иначе наступление стоило бы нам очень дорого.

Когда были выкопаны опорные окопы, на нашей стороне раздалась команда: "Гранаты!" Бросили несколько гранат (так как все не имели, и у нас также их не хватало). Снова стабилизировался фронт, и пошла дальнейшая перестрелка. "Советы" уже второй день без воды.

Со вчерашней ночи их смельчаки, которые спускались в ров за водой, лежат там мертвые еще и сегодня. Наше командование задержало наступление, так как считало, что "советы" должны показаться; будут прорываться, тогда мы их получим без собственных потерь.

Миномет куренного "Крапивы" дальше сеял смерть в советском лагере. Так продолжался бой целый день и целую ночь. "Советы" под утро на третью пору осады начали единицами вырываться через не окруженный нами участок. (Мы его не блокировали, так как боялись, по случаю с куренным "Осипом", что вся дорогая заминирована; так оно фактически и было.) Когда стало светать, повели мы общее наступление и получили советский партизанский лагерь. Место лагеря было покрытое трупами. Отравленный воздух бил в нос. Ямы от наших мин и жертвы указывали, что мы действительно метко стреляли. Деревья были повреждены нашими выстрелами. Двадцать пленных мы захватили в лагере. Они рассказали, что у них в конце было очень тяжело с оружием и продовольствием. В окопах были разбросаны сухари из хлеба. Из-за недостатка воды жевали зеленую листву и зелье.

На месте лагеря было 54 убитых (вместе с поляками), а остатки "советов", преимущественно начальство с главным их командиром майором Бегмой, благодаря полякам, которые хорошо знали местность, в последнюю ночь прокрались из окружения. Некоторых из них поймала наша санитарная охрана, которая стояла в селе Теремном. Среди пленных был главный минер, старший лейтенант и лейтенант ВВС. В лагере, кроме оружия, мы обнаружили документы советского штаба и портреты командиров (выполненные цветным карандашом художником, который был у них в лагере). Одна из телег лагеря, нагруженная вещами, награбленными у украинского крестьянства, была заминирована. Наших четверых стрелков, которые там рылись, вынимая автомат, убил взрыв мины. Мина разнесла телегу, лишь перья из перин летали на месте происшествия.

Последний случай указывал на опыт "советов" и на то, что мы первый раз имеем дело с минами. Напрасно предостерегали бойцов от мин, даже смерть куренного

«Осипа» не послужила им наукой. Несмотря на то что мы победили и добыли лагерь врага, веселого расположения духа не было. На два куреня было девятнадцать убитых и свыше пятнадцати раненных (в число девятнадцать входило несколько тяжело раненных, которые в госпиталях умерли).

На кладбище села Теремное похоронили девять бойцов, между ними один четовой. Надо отдать должное окружающему украинскому населению, которое во время того боя без какого-либо приказа или призыва со стороны УПА приносило нам к окопам продовольствие и воду. На всем отрезке фронта возле стрелецких рвов стояли принесенные кушанья в крестьянских горшках и мисках. Был даже теплый борщ и вареники со сметаной.

Невзирая на дождь, на похороны собралась масса народу и с большим сожалением и сочувствием все оплакивали смерть, как они говорили — "своих защитников перед советской голытьбой". Крестьяне своим отношением к нам и внимательностью не у одного бойца и командира вызвали слезы признательности и национальной гордости за свой народ. Все вещи, которые были награблены "советами", мы возвратили пострадавшим крестьянам.

Очистив от трупов лагерь и разминировав дорогу (мины повынимал тот самый человек, который их закладывал, пойманный нами минер — старший лейтенант) и, завершив похороны, курень и сотни возвратились к своим лагерям.

26-го июля (в понедельник) в селе Антоновцы состоялись большие похороны куренного "Осипа". Почетную охрану нес его курень в полном вооружении. На похоронах присутствовал «Максим Рубан» (Лебедь) и командир группы УПА "Эней". Командиром парада был куренной "Крапива". На кладбище возле самой церкви, рядом с похороненным настоятелем церкви, нашел вечный покой куренной УПА "Осип"».

Публикуется по: *Скорупський М.* Туди, де бій за волю // http://www.geocities.com/upahistory/skorupski/part3.html

Описание действий УПА против Красной армии в Западной Украине (окраина города Черткова)

Автор мемуаров — Николай Попель, на момент описываемых событий занимавший должность Члена Военного совета 1-й танковой армии.

«Прежде чем наступил рассвет, нам пришлось убедиться в обоснованности предупреждений старого попа (о действиях повстанцев. — *А. Г.*). У околицы одной из деревень машину остановили. Лейтенант в короткой шинели и больших сапогах возбужденно выкрикивал:

— Вон, поглядите, что делают... Топорами...

У дороги на плащ-палатке лежали два тела. Головы были укрыты белыми тряпками, на которых уже выступили темные пятна.

Накануне вечером в деревню вступил наш мотострелковый батальон.

Бойцы обратили внимание: на улицах почти не видно крестьян. Когда спрашивали у женщин, где мужья, те отвечали: немец угнал.

Вскоре батальон двинулся вперед, оставив в деревне хозвзвод. Старшина должен был получить продукты, приготовить завтрак и догнать своих.

Едва батальон скрылся из виду и в деревне осталось лишь несколько красноармейцев, улицы ожили. Неизвестно откуда появились "угнанные немцами" мужики. А среди ночи в хату, где остановился хозвзвод, ворвалось несколько человек в масках с топорами в руках. Двое бойцов сумели уйти через окно, а командир взвода и повар так и не проснулись...

Возбужденный лейтенант, от которого я все это узнал, случайно со своим взводом проходил мимо.

— Вы давно здесь? — спросил я лейтенанта.

— Да минут тридцать.

— Что сделали?

Лейтенант неопределенно развел руками:

— А что сделаешь? Мы с фрицами привыкли воевать, а с этими... черт знает, как тут действовать.

— Немедленно прочесать деревню, обыскать дома, задержать всех мужчин.

— Слушаюсь!

Но я видел, что лейтенант не совсем ясно представляет себе, как это "прочесывают деревню" и "обыскивают дома". Да и я вряд ли мог обстоятельно разъяснить ему это.

Плоды нашей неумелости не замедлили сказаться. Прочесывание и обыски ничего не дали. Лейтенант задержал лишь нескольких стариков, которых я велел тут же отпустить.

Новый враг показывал хищные зубы.

Назавтра вечером Журавлев нагнал толпу крестьян в полушубках и зипунах, накинутых на плечи, с пилами за спиной. Люди жались в сторону от машины, пропуская ее. Потом снова сбивались на шоссе. Толпа была большая, и Журавлев поинтересовался, куда она направляется.

Мужики, сняв шапки, охотно объяснили: их мобилизовали заготавливать лес. Журавлеву и в голову не пришло усомниться — заготавливать так заготавливать...

А ночью донесение: группа бандитов в гражданском, вооруженная немецкими автоматами и парабеллумами, напала на батальонную кухню. Находившаяся поблизости рота рассеяла банду, взяв в плен четверых раненых.

Оказывается, это были те самые "мирные лесорубы", которых обогнал Журавлев. Почтительно расступившаяся перед машиной толпа — один из полков, созданных бандеровцами. Полк этот, как и некоторые другие "стрелецкие" части, пользуясь нашей беспечностью, совершал передислокацию, выполняя приказ своего командования...

...Вечером в мое окно кто-то постучал. За окном стояла темень, я ничего не мог разглядеть и попросил Балыкова узнать, кто там. Михаил Михайлович вернулся с нищей старухой... Но заговорила она неожиданно звонким голосом. И по мере рассказа глаза, казавшиеся вна-

чале тусклыми, безжизненными, все сильнее разгорались...

Кто она? Никто. Была раньше хозяйкой. Хоть бедной, да хозяйкой. Имела дом, семью. А сейчас — ниц нема. В 1939 г. "за Советами" дочь вступила в комсомол, а муж стал председателем сельрады. Потом — война. Бандеровцы убили дочь и мужа за то, что те "продались москалям", сожгли хату. С тех пор старая бродит по деревням...

И я услышал то, ради чего поздней ночью пришла ко мне эта согбенная горем женщина.

Неподалеку на хуторе собираются бандеровские вожаки. Там какой-то их главный хоронится. Откуда она знает? Ее дело. Хочешь — верь, хочешь — нет...

Наши бойцы по всем правилам разведывательного искусства обложили хутор, стали сжимать кольцо, прощупывая каждый кустик, каждую балку. Ничего подозрительного. Подобрались ближе. Залаяла собака, залязгала цепью. Постучали. Вышел сонный, хмурый хозяин со свечой в руках, которую накрывал полой сверху, прятал от ветра.

— Кто дома?

— Жена больная, работник, наймичка, дети малые.

Разведчики обшарили комнаты. Хозяин сидел у стола, курил глиняную трубку, равнодушно следил за солдатами.

Но у разведчиков уже был кое-какой опыт вылавливания бандеровцев, они уже кое-что слышали о знаменитых "схронах" и бункерах. Заглянули в подпол в доме-я в погреб во дворе. Подпол как подпол, погреб как погреб.

И все же уходить не спешили.

— Зачем тебе, пан, два колодца?

— Той, у забора, юш завалился.

Два разведчика спустились в завалившийся сруб. Едва ослабла веревка, из глубины донеслись автоматные очереди. Разведчики один за другим, держась за канат, стали спускаться вниз.

Мы, наверху, напряженно прислушивались к подземной пальбе. Когда она затихла, снизу донеслось: "Поднимай!"

Мы осторожно повернули ворот. К концу каната был привязан под мышки убитый разведчик.

Потом стали подниматься живые. Они сказали, что из подполья есть второй выход, прямо под хозяйкину кровать.

Вернулись в дом. На полу лицом вниз лежал белоголовый парень в немецком френче без погон, в кожаных брюках, заправленных в новые валенки. На левой руке синел татуировкой трезубец. Над парнем стоял высокий худой человек и не отрывал глаз от убитого. Из порезанной щеки на не заправленную с вышитым воротником рубаху капала кровь. Он даже не повернул голову в нашу сторону.

— Который стоит, главарь у них, наверное, — почему-то шепотом докладывал мне капитан, руководивший облавой. — Там у него приемопередатчик, пишущая машинка... А этот, — капитан кивнул на убитого, — адъютант, либо телохранитель, либо секретарь... Как зверь дрался. Да и начальничек тоже...

"Главарь" безучастно огляделся и, ни к кому не обращаясь, произнес:

— Боитесь, что ли, руки-то связали? Говорил он по-русски совершенно чисто, как редко кто говорил в здешних местах.

— Развяжите, — сказал я.

Худощавый сжал и разжал затекшие пальцы и вдруг сунул руку в задний карман брюк, что-то достал оттуда, отправил в рот, давясь, проглотил...

Андрей Дорошенко не желал сдаваться живым, он предпочел яд».

Публикуется по: *Попель Н. К.* В тяжкую пору. М. — СПб.: Terra Fantastica, 2001. С. 347—351.

Описание повстанческой зимовки в бункере

Описание повстанческой зимовки в бункере в 1947/1948 гг. Дрогобычской области УССР (сейчас эта территория входит во Львовскую область Украинской Республики) сотником «Хреном» (Степаном Стебельским).

«Входя в бункер, я перекрестился. Бункер мне показался живым гробом. Впервые в своей жизни иду зимовать под землю.

Приветствуем присутствующих. Глаза всех обращены к нам с любопытством — какие новости мы принесли, какие приключения случались с нами в дороге, с кем встречались, засыпались ли какие бункеры, кто погиб и что нового в мире. Мы были утомлены, желали поспать. Но можно ли отдыхать тогда, когда все друзья интересуются? И так, вопрос за вопросом, пошел разговор вплоть до вечера.

Бункер наш небольшой: длиной 4 метра, шириной 3 и, с одной стороны высотой 2 с половиной метра, с другой стороны — полтора, так, чтобы потолок, покрытый грубыми досками, имел сток для воды. Стены выложены сухими калеными бревнами. Вдоль высокой стены стояла полка из досок, которую мы накрывали палатками. Под голову не было ничего.... Ложе твердое, как во времена князя Мономаха. Оно было такое, чтобы в сенниках, подушках, соломе, сене не множились насекомые, прозванные "приятелями партизана", и чтобы не было "национального трения". Под полкой были составлены картошка, в небольшом мешке свекла, лук и чеснок. В одном конце помещения был построен столик для пишущей машинки, прозванный нами "канцелярский уголок". Чтобы был яснее свет, вистун Татьяна покрыла стены белой бумагой. Выше на полочке стояла воинская литература, политические книжки, бумага, калька и ленты к машинке. Вдоль и выше полки была

еще одна, главная полка, на которой стрельцы составляли свои книжки, тетради, предметы личного пользования. Под полкой была еще одна полочка, а там всяческие вещи, необходимые в партизанской зимней жизни, закупленные вистуном Татьяной и приобретенные стрельцами. Там были: мыло, нити, пуговицы, иглы, шилья, щетки, зубная паста, паста для обуви, одеколон, порошок от насекомых, крем для бритья, карандаши, перья и небольшая аптечка... Эту лавочку мы называли "кооператив Татьяны".

Над полкой стоял образ Божьей Матери, убранный вышитым полотенцем и цветками из бумаги, под ним трезубец Владимира и портрет полковника Коновальца.

В противоположном уголке от нашего "бюро" были составленные мешки с ржаной мукой, крупами, фасолью и бобами, а сверху стояли в мешках сухари, чтобы не заплесневели.

На второй, низшей стороне, возле входа, стояла кухня, сложенная из камешков из ручья. Камин — две трубы, которые на поверхности были равны с землей. На конце они сужались, чтобы в случае нападения враг не мог бросать туда гранаты. Днем трубы маскировались мхом. Один метр от кухни была умывальная, в которой ежедневно каждый стрелец должен был обязательно мыться холодной водой по пояс... Каждый стрелец имел свой гвоздь, на котором вешал шинель, шапку и оружие. Над вешалкой лежали щетки, мыло, предназначенные любому, мыла должно было нам хватить до середины апреля. Когда делили между стрельцами, любой брал столько, сколько ему нужно.

Ниже вешалки стояли два ведра для питьевой воды и одно для помоев. На полу было покрытие. Под полом — яма, в которой на случай "протечки" будет сборник для воды.

С противоположной от входа стороны был подземный туннель 20 метров длиной вплоть до ручья. В ручье он был прикрыт бревном. Там... мы брали воду. В том туннеле стояли бочонки с мясом. Не хватало еще добрых бочек с салом, солониной, медом и творогом, тогда был бы у нас рай. К сожалению, мы этого не имели.

Несколько бутылок масла мы запрятали на праздники. Туннель нужен нам на случай нападения врага, если он будет обстреливать выход: несколько выскочит тогда к потоку, бросит несколько гранат, а если все выйдут — будут огнем пробиваться. Обычно при таком нападении половина повстанцев погибала. Притом такие последствия были только тогда, когда вражеская спецгруппа случайно вышла на бункер. Если же была точная "засыпка", тогда обычно из бункера никто не выходил живой.

Посередине бункера на проводе висела лампа.

Занятие проводили стрельцы на полке... Для большего удобства в уголке, где стояла мука, над полкой для двух стрельцов сделан дополнительный лежак вроде... колыбели из досок, званый нами "банты". Там было тепло спать, вместе с тем воздух был нездоровый. Это было место наших музыкантов: вистуна Вихора и вистуна Серого.

Так как мы держали постового наверху, на бункере, это уже не была крыивка, а бункер под землей. Крыивка — полностью замаскированная, и из нее не выходят почти всю зиму. В связи с тем, что постовой стоит наверху недалеко от бункера, в недоступных кустах мы выстроили клозет, где заодно кидали мусор... Также недалеко от бункера были закопаны в землю бочки с мясом и капустой. В густой чаще висели замаскированные кости и мясо, чтобы всегда иметь свежую солонину. Бочка с нефтью была тоже закопана в землю, нефть добывали мы с помощью ремешка.

На случай нападения врага ночью или днем, если бы погиб наш постовой, а мы об этом не знали, и враг через вход крикнул бы нам: "Бандит, выходи, сдавайся, тебе ничего нє будет, вот смотри, какая твоя жизнь, какой хороший свет, надо только жить", мы заминировали себя... минометными минами... ...Заминировали мы себя с четырех сторон, пятый снаряд повесили над бункером, на дереве. Делали это стрельцы очень осторожно, так как минер может только раз в жизни ошибиться. Провода были проведены над поверхностью земли, пригнутые крючками к земле, замаскированные. В случае нападения врага такой провод натягивался, и снаряды 700—1000 осколками уничтожали кругом все. Отмечу, что это мы могли практиковать только тогда, когда враг был бы над входом. Можно было бы пользоваться и одной миной, если враг направлялся бы с одного направления. Но тогда мы все должны были б сидеть в бункере, чтобы осколки нас не поранили, и лишь после взрыва — отступать. Это было, однако, довольно рискованно, так как снаряд мог не взорваться, и тогда враг подошел бы близко и нанес бы нам большие потери.

Постовой в полном боевом снаряжении и готовности смотрел и слушал. Он должен был обращать внимание на выстрелы в лесу, лай собак, говор, свист, подозрительные рубки топором, гиканье на коней, перекрикивание, любой треск, шуршание палатки, бренчание оружия, визгливый вопль соек... и т. п. Все это могло бы дать догадку, что враг близко. На тревожные наблюдения он наклонялся к люку и, изображая птичку, чирикал. На более тревожные наблюдения — легенько стучал по люку, а на тревогу — звонил звонком, который был соединен с ним проводом. Тогда его задачей было занять положение и, если враг направлялся на бункер, отбивать его, чтобы мы имели время забрать оружие, важные материалы и выйти на бункер. Во время вахты нельзя ни с кем разговаривать, курить, есть, кашлять, чихать, громко говорить, откладывать оружие, отдаляться от бункера свыше десяти метров. Во время тревоги из бункера все выходят тихо, так как бывает так, что враг пройдет возле бункера на расстоянии нескольких метров и не заприметит постового. Бывает и так, что, заприметив постового, враг притворяется, что его не видит, а бункер обходит. Временами прибежит большевистский пес, забрешет и даст знак врагу или подбежит, взглянет, что это военные, и пойдет дальше.

Конспирация — залог нашего существования и успеха, поэтому постоянно обращаем на нее строгое внимание, и это на каждом шагу и в любую пору. Самое строительство бункера, добыча продовольствия и жизнь в лесу должны происходить в очень строгой конспирации. Постовой напряженно следил, а другие тем временем

строили. Очень часто бывало так, что на такую работу "натыкались" гражданские, и тогда приходилось ее оставить. Вдруг наскочит враг — тогда ситуация очень грозная, так как стрельцам тяжело выскакивать из глубокой ямы. Бывает и так, что вдруг пройдет вражеский разведчик, а даже группа большевиков, заприметят, где идет стройка, но сразу не нападают. Но если стрельцы замешкают, ночью окружат, утром прикончат. Бывает, что враг знает о месте крыивки стрельцов, которые, скажем, ему меньше интересны, держит ее вплоть до ранней весны, притом проводит тщательную разведку, выжидая, что к бункеру выйдет кто-то поважнее. Если так, тогда нападают. У большевиков есть болезнь — орденомания. Вот такой орденоман-оперативник бывает держит найденную крыивку до поздней весны, чтобы повстанцы ослабли, тогда нападает, так как знает, что никто живым не вырвется. Так как повстанцы хорошо ориентируются во вражеской тактике, имеют свою разведку... бывает и так, что повстанцы выходят из бункера, а враг, наскочив, бросает гранаты в пустую яму. Таких случаев было в нашей практике много. Об этом, конечно, оперативник не докладывает своему начальнику, так как был бы строго наказан. Порой бывает и такое, что враг знает о каком-либо бункере и на него не нападает. Стрелки, счастливо перезимовав одну зиму, строят на другую зиму очередной бункер, враг об этом знает и тоже не нападает. Тогда повстанцы приходят к убеждению, что между ними есть агенты. Задание такого агента разведать соседние бункеры, и то, куда идет продовольствие, на какой адрес, какие продукты. Агент информирует врага, который ищет те бункеры, а того, где находится агент, упрямо не трогает.

Доставка продовольствия к нашего бункеру шла очень конспиративно. Стрелки носили продукты на плечах из сел, расположенных не близко, и ничего не брали из тех сел, возле которых мы зимовали. В период бункеровки на зиму враг реже показывается на селах, не делает облав на леса, зато проводит очень интенсивную разведку. Он высылает тогда "голодающих бессарабцев", переодетых большевиков, которые крутятся днем и ночью по

одиночке или маленькими группами по лесам и полям, и слушают, высматривают, следят, кто откуда выходит, куда идет, что делает и т. п. Примеров агентурной работы можно привести тысячи. Чтобы все записать, надо бы посидеть над этим год, если не больше, над тем когда-то будут работать профессионалы. У них будет большое количество отчетов, протоколов, а если это не сохранится, то останутся участники освободительной борьбы и население, которое обо всем расскажет. Это все обнаружится также во вражеских архивах.

Каждый наш найденный бункер враг подробно обследует, описывает, как он построен, на какой территории, как замаскирован. Кругом обследует землю, чтобы найти архив. Подробно изучает нашу тактику на основании своего опыта, по сообщениям разведчиков, сексотов и засланных в нашу среду агентов. Враг любой ценой старается поймать повстанца живым. С этого ему много выгоды. Во-первых, разведает, какое количество людей находится на данной территории, кто руководит, какие новые инструкции, приказы, внешний вид, оружие, псевдонимы. Подробно изучает примененную нами тактику, наши приемы борьбы, изучает способ проведения рейдов. После переходов, встреч, связей собирает материалы о гражданском населении, которое сотрудничает с повстанцами. Во-вторых, принуждает арестованного страшными пытками к провокации гражданского населения, как повстанцев ("лжебандеровцев". — *А. Г.*). Таким образом хочет враг любой ценой отмежевать население от нас, доказывает, что любой, кто попадет в его руки, покажет, кто из гражданского населения с нами сотрудничает. Так не только провоцирует, но и берет на испуг. В-третьих, отрицательно влияет на повстанцев, если кто-то из них оказался живым. Большевики некоторое время такого используют, даже ведут себя с ним хорошо, дают оружие, а, использовав, ликвидируют. Обычно, после нападения на бункер повстанцев, большевики перебираются группами по два-три человека, направляются по селам, просят людей, чтобы их перепрятали, так как их бункер пал. При той возможности узнается все, что им нужно, о повстанцах и населении». (...)

«Дни в бункере мы проводили так, чтобы они были как можно больше использованы. Для этого было необходимое планирование времени суток. Порядок дня был такой: в 6 утра — подъем, с 6 до 7 — зарядка, мытье и наведение порядка, 07.05 — молитва, 7.15 — завтрак, 8—12 — занятия, 12—14 — обеденный перерыв, 14—17 — занятия пополудни, 17—18 — ужин, после чистка оружия, 20.05 — молитва. План работы мы часто меняли, в зависимости от обстоятельств. Воскресенье и праздники были свободны от занятий». (...)

«С какого-то времени начали посещать нас собаки. Унюхали в яме кости и каждый день наведываются к нашему бункеру. Протоптали уже такой след, что может обратить внимание враг. Хорунжий Мирон печет шницели, смешанные со стеклом, но это не помогло. Псы перестали лаять чистым голосом, охрипли, как свахи на веселье. Бойцы по этому поводу шутили над командиром Мироном, что, угощая собак шницелями, еще больше их приманил. Вистун Вихор из проволоки делает силок, которым действительно раз поймал пса, но вместе с силком и бочонком, к которому был привязан силок, пес убежал аж в "Сицилию". За собой оставил только след, как будто ехал трактор. Бочка ударяла пса и шумела, еще больше его пугая.

Вслед за собаками начали приходить к нам волки. Стоит дозорный на посту, а тут несколько волков пришли и пялятся на него. Стрелять нельзя, кричать — тоже. Пошел он к ним, а они только зубами клацают. Блеснули глазами и пошли в лес.

Но наиболее нежелательными соседками стали для нас крикливые сойки. Только кто выйдет из бункера, а они и репетируют на разные голоса. Если услышат большевики этот крик, то и без следов придут прямо к нам. Кинете в них поленом, а они отлетят на несколько деревьев дальше и кричат часами. Чтобы их успокоить, мы насыпали им бобов, и они, наедавшись досыта, сидели тихо.

Один раз вечером, когда мы сидели за своей работой, на бункере что-то так зашумело, что аж глина посыпалась со стен. "Большевики", — подумали мы и схватили оружие. Одни — к выходу, другие — ко входу.

Слышим: на бункере еще больше шумит. При этом слышен писк, хрюканье и визг. Это не большевики, а кабаны. Они в сильную метель забрались на наш бункер, дорвались до спрятанной воловий ветчины и ну разрывать, дерясь друг с другом. Вистун Тетяна первая выскочила к ним с пистолетом, но они неохотно оставили свою добычу».

Источник: *Хрін С. (С. Стебельский)* Крізь сміх заліза: Зимою в бункері. Спогади; *Островерх (Конопадський О.)* Спогади чотового УПА Островерха. Літопис УПА. Т. 30. Торонто — Львів: Літопис УПА, 2000. С. 382—387. С. 392. С. 430—431.

Описание чекистско-войсковой операции против УПА в августе 1944 г.

Автор мемуаров — капитан Михаил Паджев, командир 1-го батальона 92-го погранполка.

«Наибольшую активность ОУН стала проявлять с момента объявления призыва в Красную армию граждан освобожденных западных областей Украины в начале августа 1944 г. Поэтому начальнику войск охраны тыла 4-го Украинского фронта пришлось оставить по одному батальону для охраны тыла 18-й и 38-й армии, а остальные силы сосредоточить для уничтожения банд УПА.

92-й пограничный полк был введен в город Надворная. Туда прибыл и наш батальон. Лейтенанты Палагин, Лобанов, Озорнов, Чайка, Застрожин, Ткаченко вместе с капитаном Васильченко принялись собирать сведения о бандах. Вскоре удалось задержать двух связных, которые шли с донесением от районного "провода" к станичному.

В донесении сообщалось: "В Надворную прибыл пограничный полк и расположился по всему городу небольшими подразделениями. Бойцы и командиры ведут себя в высшей степени бдительно. Службу несут так, что из города в город пройти нет никакой возможности. В каждой группе имеется радиостанция. Что намерен делать этот полк, пока неизвестно".

А намерен был этот полк вместе с привлекавшимися для операции в масштабе всего фронта частями Красной армии ликвидировать в так называемом Черном лесу в 15 километрах северо-восточнее Станислава центр бандитских формирований ОУН.

Были также получены данные, что помимо Черного леса банда орудует в районе села Густов, выполняя роль как бы боевого охранения на пути к центру основного формирования.

По приказу штаба полка наш батальон выступил к Густову с задачей ликвидировать эту банду. Мы совершали марш. На привале к нам подошел молодой человек в потрепанной красноармейской форме с орденом Красного Знамени на груди. На правой руке у него виднелись следы тяжелого ранения. Молодой человек рассказал, что после ранения на фронте его признали негодным к военной службе. Спустя немного времени к нему пришли трое вооруженных людей и отвели в лес. Бандитский главарь сказал ему: "Ты воевал за Советы, так вот теперь будешь обучать наших бойцов тактике боя красных".

— Я понял, что могу вырваться от бандитов только хитростью. Для вида согласился и отпросился домой повидаться с родными. По пути узнал, что в Надворную пришли пограничники, вот и направлялся туда, чтобы сообщить, где скрывается банда.

По словам встреченного нами местного жителя, в плавнях реки Стрый и ее притока Дубе базировалась школа младших командиров, о которой нам ничего не было известно. Верить назвавшемуся бывшим красноармейцем или нет? Красноармейская форма и орден не обо всем еще говорят. Было известно, что бандиты целые подразделения переодевали в красноармейскую форму (для того, чтобы ввести противника в заблуждение и использовать фактор внезапности. — *А. Г.*). Если это неправда, то батальон не выйдет вовремя на исходный рубеж и сорвется операция по ликвидации банды у села Густов, куда следовали и другие подразделения полка. А если сообщение правдиво? Тогда в тылу у нас окажется бандитская школа, которая может ударить в спину. Раздумывать долго не позволяло время.

— Ночью поведете нас в плавни, — сказал я.

— Хорошо, — отозвался он.

О полученных данных сообщили командиру полка и попросили прикрыть опушку леса за рекой.

Стояла теплая августовская ночь. Наш добровольный помощник вел нас в плавни. Прошли село. Началось поле ржи. Батальон развернулся цепью. Неожиданно на левом фланге послышались выстрелы. Лейтенант Иванов доложил:

— Встретил боевое охранение бандитов, веду бой.

Прикрыв село взводом станковых пулеметов лейтенанта Мамукова, остальными подразделениями мы решили охватить плавни справа и слева. Кольцо вокруг бандитов сжималось. Они устремились к реке. Но из-за реки с опушки леса по ним ударили бойцы маневренной группы, которых предусмотрительно направил туда полковник Блюмин. Бандиты бросились в разные стороны. Неожиданно они навалились на пулеметчиков лейтенанта Мамукова. Положение тут создалось серьезное. Бандиты едва не прорвались в село. Мамукова выручили автоматчики лейтенанта Иванищева и старшего лейтенанта Охремчука, ударившие с флангов и с тыла. Сопротивление националистов было сломлено. Только где-то в центре плавней еще продолжали раздаваться одиночные выстрелы. Вскоре и там все стихло.

Решили провести контрольную проческу. Лейтенант Буринов, связист Кириллов и я верхом на лошадях продвигались за цепью бойцов. Мы приближались к берегу реки. И тут доложили, что нашли генеральский мундир и радиостанцию. Поспешили туда. Бойцы держали черный эсэсовский мундир (возможно, трофейный. — *А. Г.*), на рукаве которого виднелась надпись "Генерал-губернатор". Поодаль валялась радиостанция.

В этот момент лейтенант Буринов крикнул:

— Товарищ капитан, берегитесь!

Прямо на меня из кустов поднялся здоровенный детина. У него взъерошенные волосы, глаза горят ненавистью. Он целится в меня. Даю коню шпоры и сбиваю бандита с ног. Кто-то из бойцов стреляет. Бандит падает навзничь.

Подъехал старший лейтенант Главизнин, посмотрел на генеральский мундир.

— А где владелец?

Владелец пока не обнаружен. Зато нашлась генеральская фуражка. Вместо эсэсовской кокарды — черепа со скрещенными костями — на тулье трезубец — символ украинских националистов.

На берегу реки мы обнаружили девять трупов. Семь лежали рядком, а два — поодаль. Семеро убиты выстрелом в затылок, двое — в висок. Похоже было, что командный состав школы был расстрелян, а какие-то руководители покончили жизнь самоубийством.

— Погибли, как погибают в банке скорпионы от укуса других скорпионов, — сказал кто-то.

Один из тех, кто лежал поодаль, был без мундира, в белой шелковой нательной рубахе и без головного убора. Привели нескольких задержанных. В трупе без мундира они опознали "генерал-губернатора" (такой должности, чина или звания в ОУН-УПА не было. — *А. Г.*), прибывшего в школу с инспекцией. Ни имени его, ни должности задержанные не знали. Доложили о результатах боя в штаб полка и получили указание отправить тело человека, которому принадлежал мундир, а также сам мундир и генеральскую фуражку под охраной в штаб фронта генералу Фадееву. Группу конвоя возглавил старший лейтенант Главизнин. Пограничники вернулись на следующее утро.

— Ну что, — спросил я Главизнина, — опознали "генерал-губернатора"?

— Не знаю, — ответил мой помощник, — сказали, чтобы возвращались обратно, а кто это и что — разберутся.

С бандитской школой покончено.

Вскоре такая же участь постигла и банду, скрывавшуюся у села Густова. В донесении штаба полка на имя начальника войск по охране тыла 4-го Украинского фронта генерал-майора Фадеева говорилось: "Силами 2 и 3 сб и мангруппы при проведении операции у с. Густов уничтожена бандитская школа и ликвидирована банда "Лесовой". Убито 77 бандитов, подобрано пулеметов — 2, минометов — 1, винтовок — 18, автоматов — 7, патронов 5800".

Оставалась основная бандитская группировка, сосредоточенная в Черном лесу. По данным нашей разведки, бандиты имели все виды стрелкового оружия, а также минометы. В банде находилось значительное количество солдат и офицеров из разбитых немецких частей. Общая численность формирования достигала нескольких тысяч человек. В ликвидации банды помимо нашего полка участвовали 90-й пограничный полк, 112-я отдельная

маневренная группа управления войск, а также приданные нам в помощь 318-я стрелковая дивизия и фронтовые курсы политсостава.

Полк выступил в район села Пацыкув, в сторону Станислава. Начальник войск охраны тыла генерал-майор Фадеев доносил: «Военному совету 4-го Украинского фронта. Во исполнение приказа от 17.8.44 г. для уточнения местоположения и ликвидации контрреволюционных групп ОУН, оперирующих в районе «Черного леса», отдал приказ 92-му Краснознаменному пограничному полку (без одного батальона) к 12.00 18.8.44 г. сосредоточиться в с. Пацыкув и в 16.00 18.8.44 г. приступить к ликвидации бандитской группы. Результат операции донесу».

У села Майдан наш батальон занял исходный рубеж. Началась проческа леса. Находившийся рядом со мной старший лейтенант Павел Главизнин заметил:

— Ну и лес. И впрямь черный. День солнечный, на небе ни облачка, а тут темно, точно в сумерках. А ели какие, как у нас в Сибири. И тишина, словно в тайге.

— Смотри, Павел, как бы эта таежная тишина боком нам не вышла, — отозвался капитан Илья Васильченко.

Впереди и правее послышался приглушенный стон. Что-то с шумом проскочило мимо по кустарнику. Начальник заставы Охремчук доложил:

— В густом ельнике коза ударила в живот рядового Цыпленкова.

И снова тихо, будто все вымерло.

Уже около двух часов батальон прочесывал лес, но, кроме нескольких спугнутых коз, мы ничего не обнаружили. Лес безмолвствовал. Вот и первый уравнительный рубеж — просека. Одна за другой на нее выходят заставы батальона. И тут лейтенант Губарь и сержант Шкуро привели двух задержанных. Они были одеты в галифе, гимнастерки грязно-зеленого цвета из самотканой материи, пилотки, за плечи закинуты самодельные рюкзаки.

— Товарищ капитан, задержали с ручным пулеметом.

— Как удалось это сделать?

— Видно, пригрелись на солнце, задремали, мы их и накрыли.

— Кто такие? — спросил я задержанных. — Почему в лесу? Откуда пулемет?

Молчат, словно воды в рот набрали. Допрашивать их некогда. Наше движение точно рассчитано по месту и времени. Доложил о задержанных в штаб полка и о том, что на вопросы они не отвечают. Но и так было ясно, что эти люди из сторожевого охранения. Надо ждать скорой встречи с основными силами. Так оно и случилось. Впереди послышалась стрельба. Потом застучали автоматы левее — на участке соседнего батальона. Лес наполнился треском очередей и винтовочных выстрелов.

Генерал Фадеев доносил в Военный совет 4-го Украинского фронта: "Проведенной разведкой 18.8.44 г. в районе Новая Гута, Рыбно, Майдан, Палочь, Завуй, Яворов выявлена бандгруппа численностью 250 человек. В ночь с 18 на 19 августа силами 100 человек курсантов политсостава фронтовых курсов выставлены заслоны на вероятных путях выхода бандитов из леса в села. Силами 92-го Краснознаменного пограничного полка произведена проческа, в результате которой задержано 187 бандитов, убито — 3, ранен — 1. Из числа задержанных два курьера от районного "провода" к станичному. Изъято 4 экземпляра приказов, напечатанных на машинке, и сведения разведывательного характера. Продолжая операцию по проческе "Черного леса", 92-й Краснознаменный пограничный полк и фронтовые курсы политсостава имели два боевых столкновения с бандитскими группами. В результате боя убито 27 бандитов, захвачено 77 бандитов, пулеметов — 2, винтовок — 2, пистолетов — 2, гранат — 7, патронов — 540. Наши потери: 92-й КПП (Краснознаменный пограничный полк. — *А. Г.*) — убит — 1, курсы политсостава убито — 2".

Операция продолжалась. Прочесывая Черный лес, мы наткнулись на лагерь оуновцев. Завязалась перестрелка. Впереди глухо били пулеметы и автоматы. Лесное эхо множило очереди, так что казалось — стреляет каждое дерево. Вначале трудно было установить, где огневые позиции националистов. Потом, присмотревшись, увидели, что они укрылись с немецкими пулеметами за толстыми стволами буков. Из-за таких укрытий выбить их

непросто. Пришлось подтянуть взвод противотанковых ружей. Один за другим пулеметы замолчали.

Преодолев лесной завал, пограничники стремительно ворвались в бандитский лагерь. Завидев бойцов, это пестро одетое скопище людей, беспорядочно отстреливаясь, бросилось бежать. Среди бандитов мелькали фигуры, одетые в форму немецких солдат и офицеров, среди них кто-то в черной эсэсовской форме. В лесу догнать бандитов трудно. Банде удалось отойти. Мы вышли на опушку. В глаза ударили яркие лучи солнца. Здесь начиналось мелколесье, изрезанное лощинами, ручьями, оврагами. Старшие лейтенанты Охремчук и Дударенко со своими бойцами осматривали кустарник и овраги. Обнаружили большое количество немецких мин. Подходы к лагерю оказались минированными. Приходилось продвигаться с предосторожностями. Первым шел сержант Шкуро с четвероногими помощниками. Нет, это были не овчарки, столь привычные на границе. Мины отыскивали небольшие собачки-дворняжки, обученные этому делу.

Неожиданно сержант крикнул:

— Стой, стрелять буду!

Прогремел выстрел. Дударенко доложил, что задержали бандита, другого убили. Что они тут делали? Неожиданно один из песиков, маленький, желтенький, визжа, прыгнул к обрывистому берегу ручья и стал лапами царапать дерн. Шкуро поспешил собаке на помощь — отвернул пласт срезанной земли. Показалась деревянная дверь. Набросив "кошку" на нее, сержант рванул дверь на себя. Дворняжка стремглав бросилась в открывшийся ход. В схроне оказался бандитский склад.

Генерал Фадеев доносил в Военный совет фронта: "По состоянию на 24.00 26 августа 1944 г. 92-й КПП, продолжая проческу "Черного леса", обнаружил склад с оружием и боеприпасами. Охранявшие склад бандиты убит — 1, захвачен — 1. В складе обнаружено пулеметов — 5, запасных стволов — 2, магазинов с патронами — 19, винтовок — 7, гранат, патронов — 15 000. Операция по ликвидации банды "Гамалея" в "Черном лесу" продолжается".

28 августа поздним вечером наш батальон вышел на очередной рубеж в село Богородчаны. Было тихо, безветренно. Мы поднимались по проселку в гору. Потом подъем кончился. Батальон вышел на пологое плато. Взошла луна. Она осветила все вокруг зеленоватым призрачным светом. Впереди, где кончалось плато, виднелись огромные буки. От их густых крон падали сумрачные тени. Вдруг сержант Шкуро тронул меня за рукав и прошептал:

— Товарищ капитан, смотрите, вон у того крайнего бука что-то белеет.

Я присмотрелся и увидел у дороги, подле которой стояли буки, два белых пятна.

Подал сигнал батальону остановиться. Капитан Васильченко с группой бойцов незаметно приблизились к деревьям. Послышался легкий шум. Затем две зеленые вспышки электрического фонаря — сигнал "все в порядке".

На земле лежали двое связанных мужчин в постолах из сыромятной кожи. Сержант Шкуро держал в руках две винтовки немецкого образца. Оказалось, что бойцы прихватили неизвестных спящими.

— Из какого села? — спросил я задержанных.

— Из Богородчан, — ответили они.

— Что тут делали? Дома у вас нет, что спите в лесу, под буками?

— Нет, товарищи, у нас ушла корова. Весь день шукали, заблудились, легли отдохнуть и заснули.

— А винтовки зачем, где их взяли?

— В лесу нашли. Боялись зверя, чтобы ночью на нас не напал.

— Да вы, оказывается, стрелять умеете?

— Нет, товарищ.

— А тогда винтовки зачем, если стрелять не умеете, выломали б дубины?

Они еще некоторое время морочили нам голову. Затем тот, что был постарше, признался, что они часовые от бандитского караула. Уточнив место расположения караула, мы решили обезоружить его. Группа пограничников во главе с сержантом Шкуро поползла к окопу, где

отдыхали бандиты. Все прошло без сучка и задоринки. Караул из восьми человек был обезоружен.

Наутро мы оказались у высоты с отметкой "403". И тут нас обстреляли из села. Бандитские пулеметчики строчили с чердаков домов и с колокольни на церкви. Но это были их последние выстрелы. Итог этого боя хорошо изложен в донесении: "В дополнение к № 10/00384 от 29.8.44 г. 29 августа подразделения 92-го КПП и фронтовые курсы политсостава продолжали бой с окруженной бандой "Гамалея". К исходу дня банду полностью ликвидировали. В результате боя убито — 166 бандитов, из них немцев — 19; захвачено в плен — 88 бандитов. Изъято оружия: пулеметов — 2, минометов — 1, винтовок — 18, автоматов — 7, гранат — 77, патронов — 53 000. Кроме того, в ходе боя уничтожено: пулеметов — 6, винтовок — 37, автоматов — 12. Наши потери: 92-й КПП — убит — 1, ранено — 2.

Начальник охраны тыла 4-го Украинского фронта генерал-майор Фадеев".

Вот так действовали в Черном лесу наш батальон, другие подразделения 92-го полка, курсы политсостава. Подобное было и на других участках, где находились 90-й погранполк, 112-я маневренная группа и 318-я стрелковая дивизия. В это время операции по ликвидации националистических банд проводились также в тылу 1-го Украинского, 2-го Белорусского, 2-го Прибалтийского и ряда других фронтов. В них принимали участие пограничные части, охранявшие тыл действующих армий, и вышедшие к тому времени на охрану государственной границы пограничные отряды, им помогали части Красной армии. В итоге бандитским формированиям в тылу фронтов был нанесен серьезный удар. Это заставило ОУН уйти в глубокое подполье и на некоторое время прекратить активные действия».

Источник: *Паджев М. Г.* Через всю войну. М.: Политиздат, 1983. С. 256—262.

Схема 1

Военно-административное деление и руководство УПА и тыла на территории Генерального округа Северо-западные украинские земли, вторая половина 1943 г.

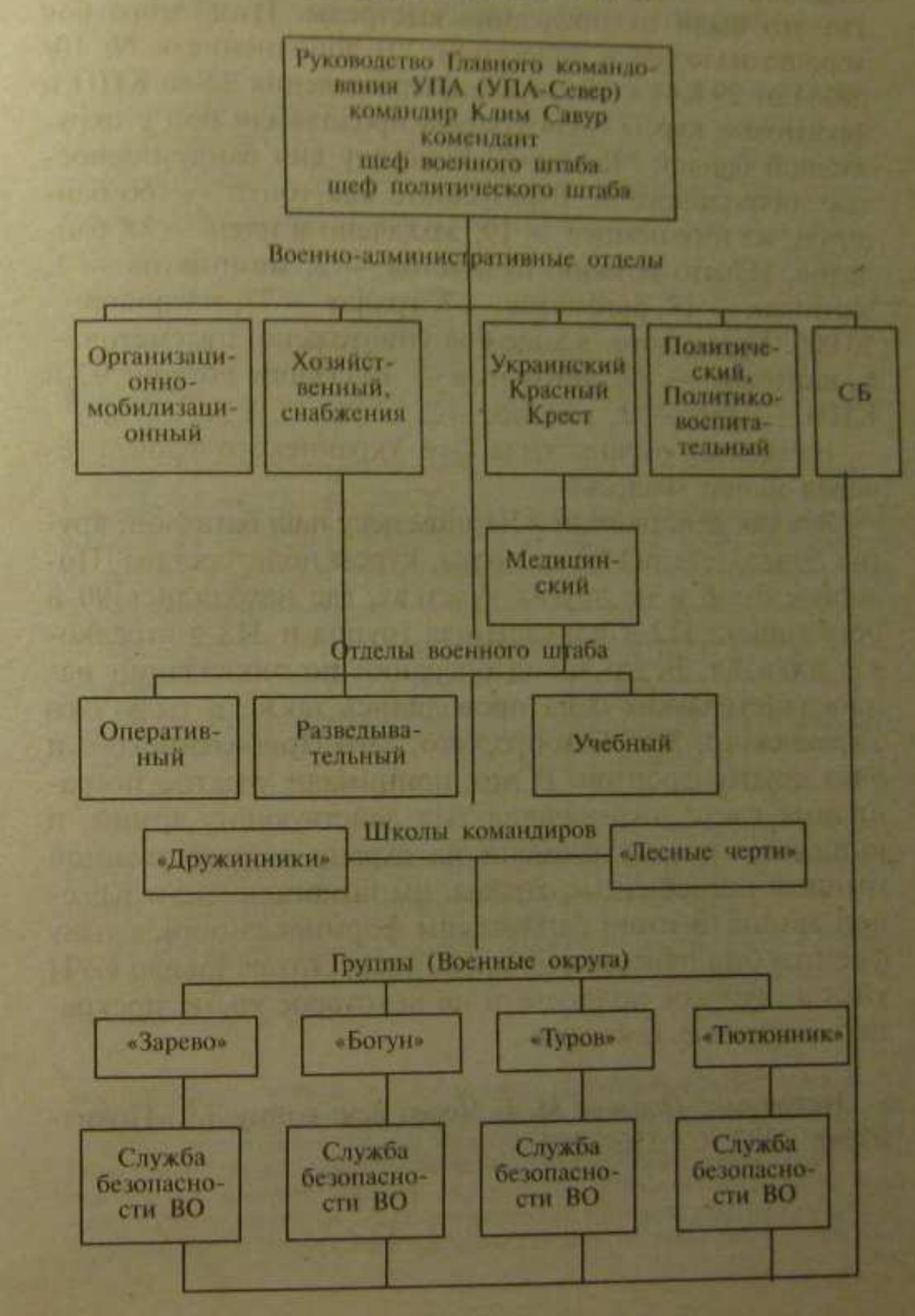
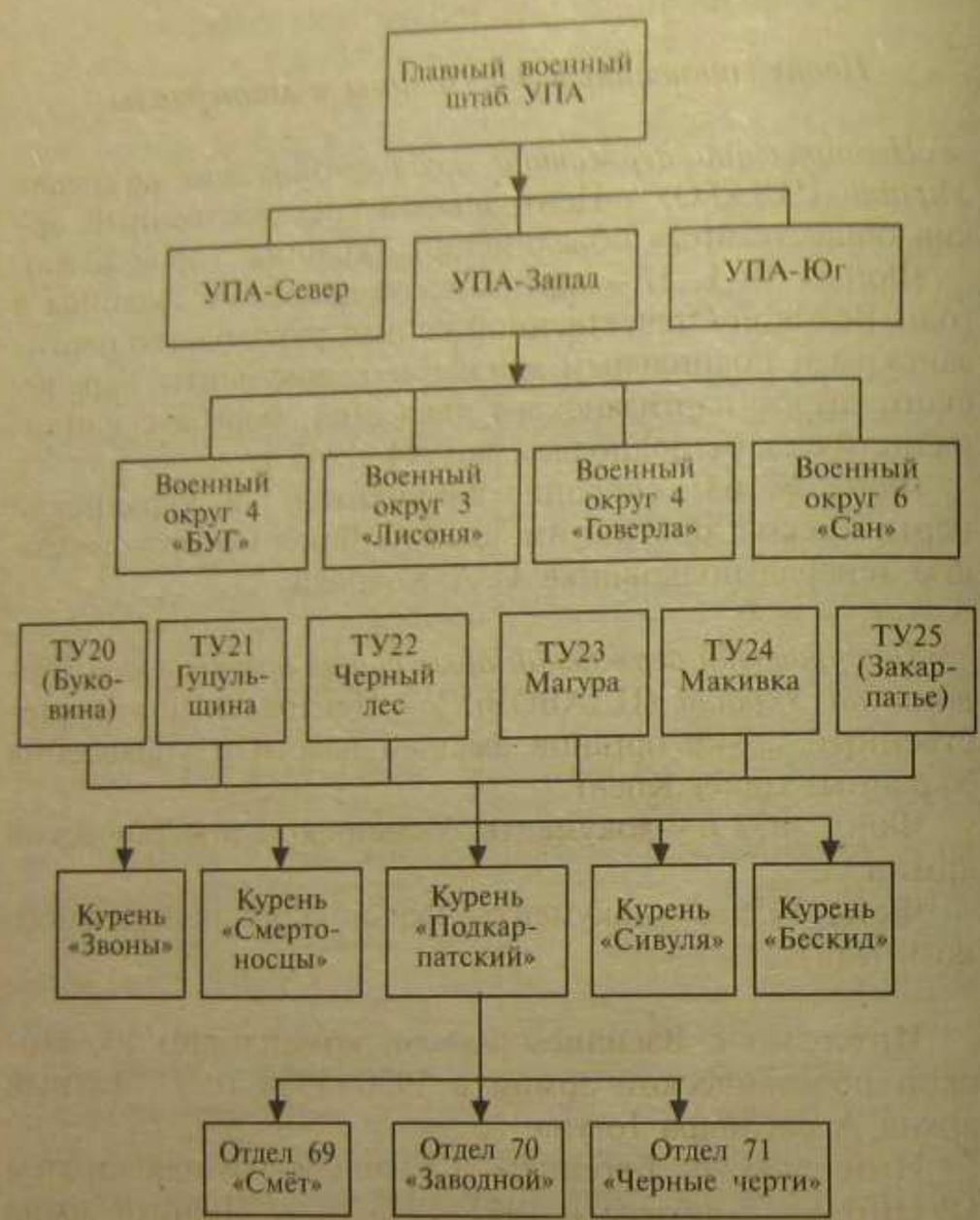


Схема 2

Структура УПА в 1945 г.



Данная таблица описывает строение УПА не столь подробно, как предыдущая, но даёт полное представление о всей структуре подчинения-соподчинения и составе важнейших военно-оперативных единиц.

В этой схеме структурные единицы ниже Генерального округа описаны на примере ГО «УПА-Запад», ниже Военной округи — на примере ВО № 4 «Говерла», ниже Тактического участка — на примере ТУ22 «Черный лес», сотни (они же отделы) — на примере куреня «Подкарпатского».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные документы и материалы

Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ – Центральный государственный архив общественных объединений Украины, город Киев)

Фонды № 1, 57 – партизанское движение Украины в годы Великой Отечественной войны, руководство партизанским и подпольным движением, документы Украинского штаба партизанского движения, борьба с националистическим подпольем в 1944–1945 гг.

Фонд № 63 – собрание документов 1-й Украинской партизанской дивизии им. дважды Героя Советского Союза генерал-полковника С. А. Ковпака

Центральний державний архів вищих органів влади і управління України (ЦДАВОВіУУ – Центральный государственный архив органов высшей власти и управления Украины, город Киев)

Фонд 3833 с – документы Украинской повстанческой армии

Фонд 3959 с – документы Украинского центрального комитета

Интервью с Василием Куком, командиром Украинской повстанческой армии в 1950–1954 гг. // Личный архив Александра Гогуна

Интервью с Евгением Стаховым, руководителем ОУН(б) на Донбассе в 1942–1943 гг. // Личный архив Александра Гогуна

Опубликованные документы и материалы на русском и украинском языках

Альянс: ОУН-СС / Публ. подг. В. Заречный // ВИЖ. 1991. № 4.

Білас І. Репресивно-каральна система в Україні. 1917–1953. У двох книгах. Книга перша. Київ, Либідь-Військо України, 1994.

Білас І. Репресивно-каральна система в Україні 1917–1953. – Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз. У двох книгах. Книга друга. Київ, Либідь-Військо України, 1994.

Боротьба й діяльність ОУН під час війни // Український історичний журнал. 2000. № 2.

Боротьба проти УПА і націоналістичного підпілля: директивні документи ЦК Компартії України 1943–1959. Літопис УПА. Нова серія. Т. 3. Київ – Торонто: «Літопис УПА», 2001.

Боротьба проти УПА і націоналістичного підпілля: інформаційні документи ЦК КП(б)У, обкомів партії НКВС-МВС, МДБ-КДБ. 1943–1959. Книга перша: 1943–1945. Літопис УПА. Нова серія. Т. 4. Київ—Торонто: «Літопис УПА», 2002.

Боротьба проти УПА і націоналістичного підпілля: інформаційні документи ЦК КП(б)У, обкомів партії НКВС-МВС, МДБ-КДБ. 1943–1959. Книга друга: 1946–1947. Літопис УПА. Нова серія. Т. 5. Київ – Торонто: «Літопис УПА», 2002.

Волинь і Полісся: німецька окупація; книга друга. Літопис УПА. Т. 2. Торонто: «Літопис УПА», 1985.

Волинь і Полісся: УПА та запілля 1943–1944. Документи і матеріали / Упор. О. Вовк, І. Павленко. Літопис УПА. Нова серія. Т. 2. Київ – Торонто, 1999.

Кокін С. А. Анотований покажчик документів з історії ОУН і УПА у фондах Державного архіву СБУ. Випуск І. К., 2000.

Колянчук О., Литвин М., Науменко К. Генералітет українських визвольних змагань. Біограми генералів та адміралів українських військових формацій першої половини XX століття. Львів, 1995.

Комар В. Л. «Українське питання» в політиці урядів Польщі (1926–1939 рр.) // Український історичний журнал. 2001. № 5.

Косик В. М. Розкол ОУН (1939–1940). – Львів: Інститут українознавства ім. Крип'якевича НАН України; Львівський державний університет ім. І. Франка, 1997.

Лаврентий Берия. Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы. Под ред. акад. А. Н. Яковлева. М., 1999.

Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1944 гг. / Сб. док-тов. Ред. И. И. Костюшко. М.: Логос, 1997.

Медична опіка в УПА / Редактор Модест Ріпецький. Літопис УПА. Т. 23. Торонто – Львів: «Літопис УПА», 1992–1993.

НКВД и польское подполье (По «Особым папкам И. В. Сталина») / Отв. ред. А. Ф. Носкова. М: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994.

Органы Государственной безопасности в Великой Отечественной войне / Сб. док-тов. Т. I. Накануне. Книга вторая (1 января – 21 июня 1941 г.). М.: А/О «Книга и бизнес», 1995.

Органы Государственной безопасности в Великой Отечественной войне / Сб. док-тов. Т. I. Накануне. Кн. 1 (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.). М.: А/О «Книга и бизнес», 1995.

Органы Государственной безопасности в Великой Отечественной войне / Сб. док-тов. Т. II. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. М.: Русь, 2000.

Органы Государственной безопасности в Великой Отечественной войне / Сб. док-тов. Т. II. Кн. 2. Начало. 31 августа – 31 декабря 1941 г. М.: Русь, 2000.

ОУН і УПА у другій світовій війні // Українській історичний журнал. 1994. № 2–6; 1995 № 1–3,5.

ОУН на службе у фашизма / Публ. подг. *Каптелов Б. И.* // ВИЖ. М., 1991. № 5.

Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941: Сборник документов и материалов. М.: Наука, 1970.

Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне, 1941: Сборник документов и материалов. М.: Наука, 1976.

Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне. 1942–1945 / Сб. документов и материалов. М.: Наука, 1976.

Пограничные войска СССР, май 1945–1950: Сборник документов и материалов. М.: Наука, 1975.

Полтава П. Хто такі бандерівці та за що вони борються. Дрогобич: Відродження, 1994.

Сергійчук В. Десять буремних літ. Західноукраїнські землі у 1944–1953 рр. Нові документи і матеріали. Київ: «Дніпро», 1998.

Сергійчук В. ОУН-УПА в роки війни. Нови документи і матеріали. Київ: «Дніпро», 1996.

Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. В 3 т. Киев: Наукова думка, 1985.

Сталин о работе разведки // Источник. 2001. № 5.

Україна в Другій Світовій війні у документах. Збірник німецьких архівних матеріалів. Т. 1 / Упор. і передм. *В. Косика.* Львів, 1997.

Українська головна визвольна рада. Документи, офіційні публікації, матеріали. / Зібрав Євген Тендера. Редактор Петро Й. Потічний. З англійським вступом і резюме. Літопис УПА. Т. 26. Торонто — Львів: «Літопис УПА», 2001.

Українське державотворення. Акт 30 червня 1941. Збірник документів і матеріалів. Львів – Київ: «Піраміда», 2001.

УПА в світлі німецьких документів. Книга друга. Червень 1944 – квітень 1944. Зібрав і впорядкував Тарас Гунчак. З англійськими й українськими резюме. Літопис УПА. Т. 7. Торонто: Видавництво «Літопис УПА», 1983.

УПА в світлі німецьких документів. Книга перша. 1942 – червень 1944. Зібрав і впорядкував Тарас Гунчак. З англійськими й українськими резюме. Літопис УПА. Т. 6. Торонто: Видавництво «Літопис УПА», 1983.

УПА в світлі польських документів. Книга перша: Військовий суд Оперативної групи «Вісла». Опрацював і впорядкував Євген Місило. З українськими й англійськими резюме. Літопис УПА. Т. 22. Торонто: «Літопис УПА», 1992.

Хрущев Н. С. Освобождение украинских земель от немецких захватчиков и очередные задачи восстановления народного хозяйства советской Украины / Доклад председателя СНК УССР на VI сессии Верховного совета УССР 1 марта 1944 года в г. Киеве. М.: Госполитиздат, 1944.

Чорний ліс. Видання команди Станиславівського тактичного відтинка УПА (Чорний ліс), 1947–1950. Передрук підпільного журналу УПА. Книга друга, 1948–1950. З англійськими резюме. Літопис УПА. Т. 4. Торонто: Видавництво «Літопис УПА», 1979.

Шевченко К. «Я русин был, есмь и буду...» Новое рождение славянского народа // Родина. 2002. № 3.

Шаповал Ю. ОУН і УПА на терені Польщі (1944–1947 рр.). Київ: Інститут історії України НАН України, 2000.

Дневники, мемуары

Береговой Г. Т. Три высоты. М.: Воениздат, 1986.

Бульба-Боровець Т. Армія без держави. Слава і трагедія українського повстанського руху. Спогади. Київ – Торонто – Нью-Йорк: Фундація імені О. Ольжича, Фундація ім. С. Петлюри, 1996.

Вершигора П. П. Рейд на Сан и Вислу. Киев: Политиздат Украины, 1987.

Григоренко П. В подполье можно встретить только крыс... М.: Звенья, 1997.

Група УПА «Говерла». Книга друга: Спомини, статті та видання історично-мемуарного характеру. Зібрав і впорядкував Петро Соболь. З англ. резюме. Літопис УПА. Т. 19. Торонто – Львів: «Літопис УПА», 1999.

Данилюк М. (Блакитний). Повстанський записник. Київ: Видавництво ім. О. Телеги, 1993. – Репринтне видання 1968 р.

Волинь і Полісся. Німецька окупація. Книга третя. Спомини учасників з англійськими резюме. Редакція Євгена Штендери. Літопис УПА. Т. 5. Торонто: Видавництво "Літопис УПА", 1984.

Західна Україна під большевиками. IX.1939–VI.1941 / Збірник за редакцією *Мілени Рудницької.* Нью-Йорк: Наукове товариство ім. Шевченка в Америці, 1958.

Ідея і чин: орган проводу ОУН, 1942–1946. / Редакція Євгена Штендери. Літопис УПА. Т. 24. Торонто – Львів: Видавництво «Літопис УПА», 1995.

На зов Києва. Український націоналізм у Другій світовій війні / Збірник статей, спогадів і документів. Торонто – Нью-Йорк: «Новий шлях», 1985.

Ковпак С. А. Від Путивля до Карпат: Львів: Каменяр, 1980.

Маківка С. Непокорённые окраины / Авторизованный пер. с украин. И. Карабутенко. М.: Молодая гвардия, 1959.

Мондич М. СМЕРШ. (Год в стане врага). Frankfurt a/M: Посев, 1984.

Карпов В. В. Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира. Кн. I // Роман-газета, 1991.

Краснов Н. Н. младший. Незабываемое. 1945–1956. Нью-Йорк: Издательство «Книжный магазин Р. М. Васильева», 1960.

Лебедь М. Українська Повстанська Армія, її генеза, ріст і дії у визвольній боротьбі українського народу за Українську Самостійну Соборну Державу. Ч. 1. Німецька окупація України. (Репринтне видання). Дрогобич, 1993.

Медведев Д. Н. Сильные духом. Роман. Донецк: Донбасс, 1990.

Санников Г. З. Большая охота. Разгром вооруженного подполья в Западной Украине. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997.

Паджев М. Г. Через всю войну. М.: Политиздат, 1983.

Перекрест Н. У нас был свой «момент истины» // Известия. 2003. 12 окт.

Петренко Р. («Юрко», «Омелько»). За Україну, за її волю (спогади). / Редактор Галина Петренко. Літопис УПА. Т. 27. Торонто – Львів: «Літопис УПА», 1997.

Попель Н. К. В тяжкую пору. М. – СПб.: Terra Fantastica, 2001.

Ребет Л. Світла і тіні ОУН. Мюнхен, 1964.

Сергійчук В. Трагедія Волині (Причини й перебіг польсько-українського конфлікту в роки Другої світової війни) (Частина 1) // Визвольний шлях. 2003. № 2.

Стахів Є. Крізь тюрми, підпілля й кордони: Повість мого життя / Передм. М. Ф. Слабошпицького. Київ: Рада, 1995.

Строкач Т. А. Наш позивний – «Свобода» / Літературний запис Павла Артамонова. Київ: Радянський письменник, 1964.

Тополь М. Л. Виза на убийство // Военно-исторический журнал. 1990. № 11.

Тяжёлые слова: Судьбы восточных рабочих. СПб.: Мемориал, 2000.

Хрін С. (С. Стебельский). Крізь сміх заліза; Зимою в бункері. Спогади; *Островерх (Конопадський О.)* Спогади чотового УПА Островерха. Літопис УПА. Т. 30. Торонто – Львів: Літопис УПА, 2000.

Хейфец М. Избранное: В 3 т.; Т. 3: Украинские силуэты; Военнопленный секретарь. Харьков: Фолио, 2000.

Опубликованная литература

Александров К. М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова 1944–1945 гг. – СПб.: «Русско-балтийский информационный центр "БЛИЦ"», 2001.

Аптекарь П. НКВД против расшитых сорочек. Внутренние войска и национальное движение на Западной Украине // Родина. 1998. № 8.

Бедрій А. ОУН і УПА // http://www.koza.kiev.ua/

Безсмертя: Книга пам'яті України, 1941–1945. – Київ: «Книга пам'яті України», 2000.

Боляновський А. Українські військові формування в збройних силах Німеччини (1939–1945). Львів, 2003.

Васюта І. К. Національно-визвольний рух у Західній Україні (1918–1939 рр) // Український історичний журнал. 2001. № 5.

Вегеш М. М., Задорожний В. Є. Карпатська Україна в 1938–1939 рр.: деякі аспекти соціально-економічного й політичного розвитку // Український історичний журнал. 1995. № 2.

Вейгман Сергей. Батальон «Нахтигаль»: Сражения после войны // Столичные новости. № 199 (http://cn.com.ua/N199/history/history.html)

Великая Отечественная война в оценке молодых: Сб. статей студентов, аспирантов, молодых ученых. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1997.

Веденеев Д., Шаповал Ю. Роман Шухевич: тайна гибели // «Зеркало недели» http://www.zerkalo-nedeli.com/nn/show/381/33817/

Вовк О. Василь Івахів – перший Командир Українськкої Повстанської Армії // Визвольний шлях. 2003. № 2.

Вовк О. До питання утворення Української повстанчої армії під проводом ОУН СД // Архіви України. 1995. №. 1–3 (236).

Врублевский А. Польша. М.: Соцэкгиз, 1936.

Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М.: Наука, 1995.

Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 г. до наших дней: В 3 т. М.: МИК, 1995.

Герои Советского Союза: Историко-статистический сборник / Д. Н. Артамонов, А. А. Бабаков, Н. В. Борисов и др.; / Под ред. И. Н. Шкадова. М.: Воениздат, 1984.

Горелов Н., Борисёнок Ю. Крыса в пасти удава. «Украинская держава» на львовском Рынке // Родина. 2003. № 2.

Горєлов М. Є. Дмитро Донцов: штрихи до політичного портрета // Український історичний журнал. 1995. № 2.

Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2001.

Даниленко В. М., Баран В. К. Україна в умовах системної кризи (1946–1980 рр.) / Україна крізь віки. Т. 13. Київ: «Альтернативи», 1999.

Дейчаківський І. Ямниця: історія села, долі людей. Львів: Каменяр, 1994.

Дзюба І. Інтернаціоналізм чи русифікація? – Сучасність, 1968.

Довбня, Анатолий. Давай не видеть мелкого // http://www.tvplus.dn.ua/ column.php?div=chrono&art=0108

Дуда А., Старик В. Буковинський Курінь в боях за українську державність. 1918–1941–1944. Київ-Чернівці: Накладом Товариства «Український Дім в Чернівцях», 1995.

Дужий, Петро. Степан Бандера – символ нації: Ескізний нарис про життя і діяльність провідника ОУН / У двох частинах. Частина перша. Львів: «Галицька Видавнича Спілка», 1996.

Евсеев И. Ф. Народные Комитеты Закарпатской Украины – органы государственной власти (1944–1945). М.: Госюриздат, 1954.

Здалека про близьке. Львів: Меморіал, 1992.

Енциклопедія українознавства. Словникова частина. Volume II/5. Paris – New-York: Видавництво «Молоде життя», 1966.

Ільюшин І. І. Ставлення польського емігрантського уряду в Парижі та Лондоні й польського підпілля у Львові до українського питання в 1939–1941 рр. // Український історичний журнал. 1999. № 6.

История Украинской ССР: В 10 т.; Т. 8. Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941–1945). Киев: Наукова думка, 1984.

Історія України в особах: XIX–XX ст. / І. Войцехівська, (кер. авт. кол.), В. Абніцов, О. Божко та ін. Київ: Україна, 1995.

Історія української еміграції / За ред. проф. Б. Д. Лановика. Київ: «Вища школа», 1997.

Кентій А. В. Нарис боротьби ОУН-УПА в Україні (1946–1956 рр.). Київ: Інститут історії НАН України, 1999.

Кентій А. В. Нариси історії Організації українських націоналістів в 1929–1941 рр. Київ: Інститут історії НАН України, 1998.

Кентій А. В. Нариси історії Організації українських націоналістів в 1941–1942 рр. Київ: Інститут історії НАН України, 1999.

Кентій А. В. Українська повстанська армія в 1942–1943 рр. Київ: Інститут історії НАН України, 1999.

Кентій А. В. Українська повстанська армія в 1944–1945 рр. Київ: Інститут історії НАН України, 1999.

Кисіль З. Р. Українське воєнно-історичне товариство (1920–1939) // Український історичний журнал. 2001. № 2.

Клоков В. Я., Ордин А. Г. Великий освободительный поход Красной армии. Воронеж: Воронежское областное книгоиздательство, 1940.

Коваль М. В. Україна в Другій Світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939–1945 рр.) / Україна крізь віки. Т. 12. Київ: «Альтернативи», 1999.

Комар В. Л. «Українське питання» в політиці урядів Польщі (1926–1939 рр.) // Український історичний журнал. 2001. № 5.

Коммунизм, террор, человек. Дискуссионные статьи на тему «Черной книги коммунизма» / Сост. С. Кройцбергер, И. Маннтойфель, А. Штейнингер, Ю. Унзер. Пер. с нем. Киев: Оптима, 2001.

Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні / Пер. із фр. Романа Осадчука. Париж – Нью-Йорк – Львів, 1993.

Косик В. Українська повстанська армія. Короткий історичний огляд. Київ, 1999.

Краткая история Польши. М.: Наука, 1993.

Кричевський Р. ОУН в Україні – ОУНЗ і ЗЧ ОУН. Причиною до історії українського націоналістичного руху. Львів: Меморіал, 1991.

Кук В. Штаб-квартири Головного Командира УПА // Визвольний шлях. 2002. № 10 (655).

Лебедева Н. С. Катынь: Преступление против человечества. М.: Прогресс-Культура, 1996.

Марчук І. Гурбенський бій мовою свідчень, фактів, документів // Визвольний шлях. 2002. № 11 (656).

Марчук І. Останній бій «Клима Савура» (фрагмент з історичної розвідки) // Визвольний шлях. 2003. № 3.

Матвеев Г. Четыре выстрела дракона. Покушение на Пилсудского (25 сентября 1921 г.) // Родина. 1998. № 8.

Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М.: Вече, 2001.

Мірчук П. Нарис історії Організації Українських Націоналістів. Перший том: 1920–1939. За редакцією С. Ленкавського. Мюнхен – Лондон – Нью-Йорк: Українське видавництво, 1968.

Мірчук П. Роман Шухевич (Ген. Тарас Чупринка). Командир армії безсмертних. Нью-Йорк – Торонто – Лондон: Товариство Колишніх вояків УПА в ЗСА, Канаді і Європі, 1970.

Мірчук П. Українська повстанська армія. 1942–1952 / Репринтне відтворення видання 1953 року (Мюнхен). Підготовив до друку Михайло Стасюк. Львів: Книгозбірня «Просвіти», 1991.

Национальный вопрос в СССР. – Б.г., 1975.

Національно-визвольна боротьба 20–50-х років XX ст. в Україні. Збірник матеріалів Першої міжнародної наукової конференції. Львів, 25–26 червня 1991 р. Київ – Львів, Інститут української археографії, АНУ, УЦЕДОК, 1993.

Парсаданова В. С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2.

Патриляк І. К. Військові плани ОУН(б) у таємній Інструкції Революційного проводу (травень 1941 р.) // Український історичний журнал. 2000. № 2.

Патриляк І. К. Військовотворчі заходи ОУН(б) у липні-вересні 1941 р. // Український історичний журнал. 2001. № 4.

Патриляк І. К. Націоналістичний партизанський рух на території Західної України влітку 1941 р. // Український історичний журнал. 2000. № 4.

Патриляк І. К. Легіони Українських Націоналістів (1941–1942): історія виникнення та діяльності. Київ: Знання, 1999.

Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996.

Піддубний І. А. Політичне життя українців Північної Буковини у перше міжвоєнне десятиліття (1918–1928) // Український історичний журнал. 2001. № 5.

Резников К. Украинцы и русские: идеология противостояния // Москва. 1996. № 4.

Репрессии против поляков и польских граждан / Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. М.: Звенья, 1997.

Ржезач Т., Цуркан В. Разыскиваются... М.: Прогресс, 1988.

Рубльов О. С., Черченко Ю. А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції у 20–50-ті роки XX ст. – Київ: Наукова думка, 1994.

Русначенко А. Народ збурений: Нац.-визвол. рух в Україні й нац. рухи опору в Білорусії, Литві, Латвії, Естонії у 1940–1950-х роках. Київ: Унів. вид-во «Пульсари», 2002.

Русначенко А. М. Розумом і серцем. Українська суспільно-політична думка 1940–1980-х років. Київ: «КМ Academia», 1999.

Савченко В. Н. Восточнославянско-польское пограничье 1918–1921 гг. (Этнополитическая ситуация и государственно-политическое размежевание). М.: РАН, ЦЕСЛАВ, 1995.

Семиряга М. И. Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000.

Семиряга М. Предатель? Освободитель? Жертва? // Родина. 1991. № 6–7.

Скоробогатов А. З. ОУН у Харкові за часів окупації 1941–1943 років // Український історичний журнал. 1999. № 6.

Содоль П. Українська повстанча армія, 1943–1949. Довідник. Ч. 1. Нью-Йорк: «Пролог» – Тернопіль: «Лілія», 1994.

Содоль П. Українська повстанча армія, 1943–1949. Довідник. Ч. 2. Нью-Йорк: «Пролог» – Тернопіль: «Лілія», 1995.

Соколов Б. В. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-Пресс – Книга, 2002.

Соколов Борис. Украинские повстанцы // Набат. 31.03.02 (http://gazetanabat.narod.ru/ 31.03.02/ukrainskie_uk_ros.htm)

Сорокина Ольга. Этнические движения в СССР и Вторая мировая война // http://www.1september.ru/ru/his/2002/06/2.htm

Субтельный О. Украина: история. Киев: Либідь, 1994.

Тинченко Ярослав. Как погиб Роман Шухевич // Киевский телеграф / http://www.k-telegraph.kiev.ua/N2/history.htm

Тинченко Ярослав. Легендарный полковник УПА // Киевские ведомости. № 232 (2746), 22 октября 2002 г.

Ткаченко С. Н. Повстанческая армия (Тактика борьбы) / под общ. ред. А. Е. Тараса / Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000.

Ткачов С. Польсько-український трансфер населення 1944–1946 рр. Тернопіль, 1997.

Україна партизанська. Партизанські формування та органи керівництва ними (1941–1945 рр.): Науково-довідне видання / Автори-упорядники: *О. В. Бажан, А. В. Кентій, В. С. Лозицький* та ін.; Редкол.: *В. А. Смолій* та ін. Київ: Парламентське видавництво, 2001.

Українська дивізія «Галичина». Історико-публіцистичний збірник. Редактори-упорядники *М. Слабошпицкий, В. Стеценко.* Київ – Торонто: ТОВ «Негоціант-Плюс», 1994.

Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. В 3 т. Киев: Политиздат, 1975.

Филиппов С. «Освобождение» // Карта. № 10–11. http://www.hro.org/editions/karta/nr1011/filip.htm

Чайковський А. С. Невідома війна. Партизанський рух в Україні 1941–1944 рр. мовою документів, очима історика. Київ: «Україна», 1994.

Чередниченко В. П. Анатомия предательства: Украинский буржуазный национализм – орудие антисоветской политики империализма. 2-е изд., перераб. и доп. Киев, 1983.

Чугунов А. И. Граница накануне войны. М.: Воениздат, 1985.

Шанковський Л. Історія Українського війська. Ч. 4. Київ, 1991. Репринтне видання 1953 р.

Диссертации

Ільюшин І. Армія Крайова і українсько-польське протистояння в Західній Україні (1939–1945 рр.) / Дис. на здоб. наук. ступ. докт. іст. наук. Київ: Державний університет ім. Т. Г. Шевченка, 2002.

Озимчук О. Б. Антифашистська боротьба ОУН-УПА в роки Другої світової війни (період 1941–1944 рр.) на матеріалах Волині / Дис. на здоб. наукового ступеня кандидата історичних наук. – Рівне: Рівненський державний педагогічний інститут, 1995.

Патриляк І. К. Діяльність Організації українських націоналістів (бандерівців) у 1940–1942 роках (військовий аспект) / Дис. на здоб. наукового ступеня кандидата історичних наук. Київ: Державний університет ім. Т. Г. Шевченка, 2001.

Интернет сайты

http://www.agentura.ru/dossier/russia/kgb/ukraina/sb/
http://www.az.ru/upa/index.htm

http://www.geocities.com/CapitolHill/Parliament/9677/rusenukr.html
http://www.geocities.com/uparmy/index.htm
http://ggorelik.narod.ru/LeHaim_W/LeHaim_W5.htm
http://jb.rovno.ua/~yupi/1/003.html
http://www.koza.kiev.ua/
http://www.memo.ru/history/diss/books/ALEXEEWA/Chapter2.htm
http://mykolaplaviuk.kiev.ua/
http://www.samisdat.ru/5/55/553-5gl.htm
http://sesna.tripod.com/ukraine/8C.HTM
http://slavic-legion.narod.ru/
http://www.ukraine.ru/catalog/parties/kun.html
http://www.ukrlife.org/main/tribuna/bndrfobia.html
http://www.ukrnationalism.org/

Источники и литература на немецком и польском языках

Armia Krajowa w dokumentach, 1939–1945. T. II. Czerwiec 1941 – kwiecien 1943. Wroclaw – Warszawa–Krakow: Zaklad Narodowy imeni Ossolinskich, 1990.

Armia Krajowa w dokumentach, 1939–1945. Tom. III. Kwiezen 1943 – lipiec 1944. Wroclaw – Warszawa–Krakow: Zaklad Narodowy imeni Ossolinskich, 1990.

Brdutigam O. So hat es sich zugetragen. Ein Leben als Soldat und Diplomat. Würzburg: Holzner-Verlag, 1968.

Gross, Jan T. Die Sowjetisierung Ostpolens, 1939–1941 // Zwei Wege nach Moskau: Vom Hitler – Stalin – Pakt zum «Unternehmen Barbarossa» / *Bernd Wegner* (Hrsg.). München: Piper, 1991.

Gross, Jan Und wehe, du hoffst... Die Sowjetisierung Ostpolens nach dem Hitler – Stalin – Pakt 1939–1941 / Uebersetzt aus dem Amerikanischen von Anni Pott. – Basel-Wien: Herder Taschenbuch, 1988.

Motyka, Grzegorz Tak bylo w Bieszczadach: walki polsko-ukrainskie, 1943–1948. Warszawa: Volumen, 1999.

Motyka, Grzegorz, Wnuk, Rafal Pany i rezuny: Wspolpraca AK-WIN i UPA. 1945–1947. Warszawa: Oficiyna Wydawnicza Volumen, 1997.

Musial, Bogdan «Kontrrevolutionäre Elemente sind zu erschießen»: Die Brutalisierung des deutsch-sowjetischen Krieges im Sommer 1941. Berlin – München: Propyläen, 2000.

Das Problem der West-Ukraine. Berlin: Herausgegeben vom Ukrainischen Pressedienst, 1939.

Seidler, Franz W. Die Wehrmacht im Partisanenkrieg. – Selent: Pour le Merite, 1999.

Ukraine von gestern und heute / Herausgegeben vom Ukrainischen Pressedienst. Berlin: Bernard & Graefe, 1939.

Szetelenick A, Szota W. Droga donikad. Dzialnosc organizacji ukrainskich nacjonalistow i jej likwidacja w Polsce. Warszawa: Wydawnictwo ministerstwa oborony narodowej, 1973.

Wegierski J. W lwowskiej Armii Krajowej. Warszawa: PAX, 1989.

Yones, Eliyahu Die Strasse nach Lemberg: Zwangsarbeit und Widerstand in Ostgalizien 1941–1944 / Bearbeitet von Susanne Heim. Aus dam Hebraeischen uebersetzt im Auftrag der Zentralen Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Verfolgung der NS-Verbrechen, Ludwigsburg. – Frankfurt/Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1999.

Список публикаций автора по теме исследования

«О сотрудничестве с оккупантами речь не шла». Интервью с главнокомандующим Украинской повстанческой армии // Европа-Экспресс. № 19 (85). 05.05.2003.

Бальзам на исторические раны (14.07.2003) // http://www.grani.ru/Society/History/m.38192.html

Кровавое лето 1943-го // Еврейский мир. № 14 (220) Июль 2003. № 15 (221) август 2003.

1943: украинско-польская трагедия // Посев. № 9 (1512) 2003.

Украинско-польская партизанская война 1943–1944 гг. // Клио. СПб. № 4 (23) 2003.

Заложники двух тираний // Информационный бюллетень международного, историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал». № 27 (2003).

Война после войны: Западная Украина. *Интервью с Василием Куком* // Посев. № 2 (1517) февраль 2004.

«Народные мстители» — народу // Секретные материалы. № 5 (132) март 2004.

Украинская повстанческая армия в воспоминаниях последнего главнокомандующего [Интервью с Василием Куком] // Новый Часовой. СПб. № 15 (2004).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 4

Организация украинских националистов в борьбе за независимую Украину 7

Украина и УВО-ОУН между двумя мировыми войнами 7

Раскол Организации. ОУН накануне советско-германской войны 31

Вооруженные формирования ОУН в сотрудничестве с нацистской Германией 39

От коллаборационизма к Сопротивлению: бандеровцы в годы советско-германской войны 61

ОУН после войны в эмиграции. Убийство Бандеры и Ребета 85

Повстанческое движение в годы нацистской оккупации Украины 96

Украинская повстанческая армия Тараса Бульбы-Боровца 96

Начало повстанческой деятельности: борьба с нацистами и их союзниками 105

Как «народные мстители» мстили народу: малоизвестное из жизни красных партизан 124

Украинско-польский конфликт 1942–1944 гг. 142

Как хозяйничали «буржуазные националисты» на украинской земле 165

Как повстанцы подготовились к приходу Красной армии: Организационная структура, численность, комплектование и материально-техническое обеспечение УПА и тыловых структур 172

Война после войны 191

Как с УПА не могли справиться в Польше, 1944–1947 191

Почему они думали, что их борьба не безнадежна 206

Как УПА воевала против Красной армии 212
НКВД против расшитых сорочек 232
Охота на «Тура» 253
Оборотни в косоворотках 268
Борьба людей антисоветских против людей советских 288
«Народная» власть плюс советизация всей страны 301
Итог противостояния 312
Список наиболее часто используемых аббревиатур 319

Примечания 322

Приложения 343
Приложение 1. Рассказ Евгения Стахова об украинской революции в Закарпатье 1939 г. 343
Приложение 2. Описание действий УПА-Запад против 16-й дивизии VII венгерского корпуса весной 1944 г. 356
Приложение 3. Описание разгрома украинскими повстанцами лагеря партизанского отряда Антона Одухи 22–24 июля 1943 г. 362
Приложение 4. Описание действий УПА против Красной армии в Западной Украине (окраина города Черткова) 372
Приложение 5. Описание повстанческой зимовки в бункере 376
Приложение 6. Описание чекистско-войсковой операции против УПА в августе 1944 г. 384

Список использованных источников и литературы 395

Александр Гогун

**МЕЖДУ ГИТЛЕРОМ И СТАЛИНЫМ.
УКРАИНСКИЕ ПОВСТАНЦЫ**

Ответственный за выпуск *С. З. Кодзова*
Корректор *А. А. Федоренко*
Оформление обложки *И. А. Андреева*
Верстка *Н. А. Платоновой*

Подписано в печать 15.06.04.
Гарнитура «Ньютон». Формат 84 × 108 $^{1}/_{32}$.
Бумага газетная. Печать офсетная. Уч. изд. л. 18,6.
Усл. печ. л. 21,8. Изд. № 04-0363-СЕ. Тираж 3500 экз.
Заказ № 1815

Издательский Дом «Нева»
199155, Санкт-Петербург, ул. Одоевского, 29

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в полиграфической фирме «Красный пролетарий»
127473, Москва, Краснопролетарская, 16

Словосочетание «украинские националисты» в советское время автоматически означало пособников гитлеровцев и врагов украинского народа. Никто из руководителей страны не хотел признавать того факта, что националистическое движение на Украине не управлялось из Берлина, а имело свою идеологию и свои интересы. На самом деле фанатизм украинских националистов схлестнулся в смертельной схватке с безжалостными тоталитарными машинами как гитлеровского рейха, так и сталинской империи.

О методах борьбы украинских националистов, об операциях советских спецслужб по их ликвидации, о взаимоотношениях ОУН и УПА с поляками, нацистами и коммунистами, а также о деятельности советских партизан и спецгрупп НКВД—МГБ впервые рассказывается в нашей книге.

ISBN 5-7654-3809-1

9 785765 438091